

ЖРИЦА АНУБИСА

А что если мифы о богах Египта вовсе не мифы: в современности есть место кровавым ритуалам древности, мир на пороге открытия эликсира бессмертия и своего уничтожения, время не имеет значения, а Великий Хаос постоянно сталкивает тебя с мрачным богом мёртвых? Самое время отправиться в Дуат и найти виновных. Но что принесёт тебе это приключение, когда твоя душа выжжена, как пустыня Сета?

Жанна Хохлова

Жрица Анубиса

Анубис, моя душа так чиста и как перо могу я лететь...

Солнце Древнего Египта. Кровавый Амон-Ра.

Полуденное солнце Египта было страшной разрушающей силой при кажущемся внешнем спокойствии, способной убивать, беспощадно опаливая и жаливая кожу невыносимым жаром, высушивая внутренности жаждой. Попадая в такое время, находясь в Верхнем Царстве, вотчине Сета, навстречу тому, путник даже не успевал пожалеть об этом, как злобный призрак пустыни мог спалить его тело, оставив на поедание огромным чёрным птицам. Таких вот запоздалых, одиноких, отставших и потерявшихся ловил в горячие сети бог пустыни. Тот, кто ненавидел людей, равно как и других богов с одинаковой силой.

Но не могущественен он в Нижнем Царстве, где ласкал подножья пирамид разлившийся огромным потоком, обнявшим многострадальные территории, прохладный Нил, куда стекался весь народ Древнего Египта. Нил поил, кормил, если крестьянин не был ленив засеять плодородную почву, омывал сухую кожу, возрождал к жизни, как и здешнюю землю. И проводил в храм.

Не только Нил, но и все дороги Древнего Египта вели в храмы. Народ был религиозен и чётко следовал правилам, предписанным жрецами культов. Любых. Но самым почитаемым людьми среди богов был Анубис. Бог справедливости, тот, кто судил мудро и знал человеческие сердца, как никто другой из египетского пантеона, бог, подготавливающий человеку вечность, провожающий в подземный мир. И сейчас перед взорами путников раскинулся величественный храм в его честь в городе Кинополе.

Ещё не старый мужчина стоял на пороге самого красивого из них, возведя руки кверху, встречая дорогих гостей. Огромное здание из белого камня утопало в зелени, шелестевшей изумрудной листвой так, чтобы усладить слух каждого прибывающего сюда и окунать в свежесть, обдувая прохладным ветерком.

Жрец увидел, что процессию сопровождало несколько всадников с огромными мечами, и он не сомневался, что острыми, наточенными до той степени, что могут рассечь на лету самую тонкую ткань, на скакунах, богато, даже вычурно украшенных плотными тканями с драгоценными камнями. Слуги, идущие по обе стороны двух невероятно тяжёлых носилок и несущие их, были одеты ярко, а золота на них столько, что они вынуждены были прикрыть глаза прозрачной тёмной тканью, чтобы ненароком не ослепнуть. Показать могущество господина через вещи, принадлежащие ему, ибо всё было в Египте вещами, и даже люди...

«Сколько их ещё будет, прекрасных и молодых?» — думал про себя жрец, видя, как носилки опускают на землю, а из них выходит пожилой мужчина и стройная, вся укутанная в шелестящие и яркие ткани девушка, лицо которой скрыто за прозрачной тканью, достаточно плотной, чтобы узреть лишь намёк на красоту, но жрец не сомневался: для Анубиса привезли только самое лучшее.

Мужчины поклонились друг другу.

— Приветствую тебя, великий жрец Камазу, настоятель храма Бога, взвешивающего людские сердца, — тот вновь глубоко поклонился, сверкнув лысиной.

В ответ Камазу повторил процедуру, произнося:

— Наимудрейший Косей, жрец верховного бога Амон-Ра, которому служат все остальные боги, я рад приветствовать тебя и твою спутницу в скромной обители проводника в славные земли Осириса.

Мужчины вновь раскланялись.

— Я не с пустыми руками явился под сень могущества Анубиса, везя ему самое дорогое, что есть, — родную племянницу, самую красивую девушку долины реки Нил, она достигла совершеннолетия, отсчитав восемнадцать вёсен вчера, ожидая встречи с Великим Тёмным, тщательно готовясь стать его жрицей, по желанию её отца, — торжественно, кланяясь так низко, что, казалось, ещё чуть-чуть и сломается, что было возможно при его огромном росте.

Камазу склонился перед ним, и в голове пронеслась мысль, забившая тревожным набатом, что небескорыстно явился сюда жрец культа, бог которого пытается ослабить могущество и власть других богов, становясь с каждым годом всё влиятельнее.

— Анубис примет дары и останется доволен, не сомневаюсь, — произнёс жрец вслух.

Процедура приветствия была соблюдена, и, сделав широкий жест ладонью, Камазу попросил гостей войти. Внутри их уже ожидала целая вереница слуг и прислужниц, павших ниц, покорно, раболепно, боясь даже вздохнуть. Косей довольно ухмыльнулся, глядя на подношения: огромный сундук с золотом и драгоценными камнями сверкал ярче, чем факелы, которыми были усеяны ярко расписанные всеми цветами радуги стены храма.

— Извольте ли откусать с дороги, великий жрец Косей? Вино на травах и специях успокоит Вас после длительного путешествия, Вы и Ваша спутница могут принять ванны и отдохнуть, пока слуги подготовят всё для сытного и изысканного ужина, — Камазу вновь низко поклонился и, взглядом приказав слугам следовать за гостями, сопроводил каждого до приготовленных для него покоев.

Оставив гостей отдыхать, жрец Анубиса помрачнел и поспешил удалиться в дальние комнаты, скрытые от солнца, хранящие в себе прохладу и свежесть египетской ночи. Камазу прекрасно понимал, что Косей, жрец нового культа бога Амон-Ра, не просто так приехал за многие мили в храм самого почитаемого бога — бога, которого жрецы Амон-Ра всё никак не могли принизить, овладеть силой и могуществом, хотя и безжалостно обирали его храмы. Он тяжело вздохнул: чего ему только стоило собрать сундук с подношениями, год был не настолько урожайным, и всё же ему пришлось забрать последнее у крестьян, даже взять у вдов. Вновь тяжёлый вздох и прикрытые глаза. В голове пульсировало, как будто Нил разливался, скручиваясь в могучие потоки, неся на своих волнах жизнь.

— Папа? — тихое, ласковое, и Камазу невольно улыбнулся.

Он приоткрыл глаза и увидел в проёме девочку, хрупкую, как тростинка, с волосами и глазами темнее египетской ночи.

— Инпут, — прошептал он.

Словно сигнал, и она бросилась к нему, обнимая, только уж очень сильно для той, что не виделась с ним ровно час.

— Инпут? — спросил он. — Ты что-то хочешь?

— К нам приехала новая жрица, и я бы хотела присутствовать на церемонии посвящения, — глаза стали просто огромными, умоляюще уставившимися в лицо мужчине.

— После того, как ты в прошлый раз обстреляла бедную девицу косточками от фиников, так что почти сорвала нам обряд? — он скептически и с сомнением в голосе спросил дочь.

— Она глупая и трусливая, — сквозь зубы прошептала девочка. — Вместо того, чтобы

быть на седьмом небе от счастья, она боялась так сильно, что её зубы отплясывали саиди*, я бы всё отдала, чтобы земля прямо сейчас сделала ещё четыре оборота и я бы уже стала жрицей Анубиса...

Инпут вдруг осеклась, видя, как лицо отца заливается краской от гнева.

— Ты будешь жрицей, жрицей великого Анубиса, но послужишь ему не телом: я оставляю тебя после себя, чтобы ты управляла мудрой рукой и при помощи дара, что есть у тебя, — напомнил ей отец.

Инпут насупилась и упрямо сложила руки на груди.

— Почему нельзя и так, и так?

Камазу улыбнулся про себя, отмечая ум дочери.

— Потому что Анубис никогда не прислушивается к тем женщинам, которые делят с ним постель, — увидев смущение Инпут, пояснил, — ты уже взрослая, чтобы знать о таких вещах, Анубис благоволит лишь тому, кто может острым умом доказать ему, что достоин управлять его дела здесь, на земле, и ты одна из тех.

Девочка кивнула, но затем улыбнулась проказливо и вновь затянула:

— Ну, пожалуйста, я не буду стрелять ни в кого косточками, я буду послушной, я лишь хочу снова услышать его, — прошептала та благоговейно.

— Неугомонный скарабей, — с лёгкой улыбкой проговорил Камазу, — хорошо, готовься, после трапезы я проведу обряд.

Счастливая девушка упорхнула из его покоев. Насладившись их прохладой ещё немного, жрец неспешно прошёл в технические помещения, справившись об ужине и вине. А когда его глаза увидели праздничный стол в честь дорогих гостей, расположенный на крытой от солнца террасе, то Камазу удовлетворённо улыбнулся: ничто не должно было вызвать гнев у жреца Амон-Ра.

Ужин протекал в дружелюбной обстановке, за неспешным разговором, за распитием вина. Косей немного захмелел и разглагольствовал на отвлечённые темы ровно до того момента, пока девушку не позвали на подготовку к обряду. После этого тот словно подобрался, и хмель сошёл с него, как белый цвет с яблонь.

— Камазу, ты питаешься, как фараон, у тебя к столу жареная морская рыба, диковинные фрукты и салаты из овощей, сладости, которых в Египте и не сыщешь... — мягко, но глаза выдавали злобу и зависть.

— Чтобы тебя встретить, дорогой гость, — очень аккуратно и осторожно, делая кивок в его сторону, подмечая, как поджались губы Косея. — Тебя угостить, усладить, напитать, а в покоях ждёт тебя наипрекраснейшая из женщин этого храма.

Косей сощурил глаза, как будто не слыша ничего из посулов жреца.

— Есть у тебя дочь, — начал он, удовлетворённо улыбаясь, видя, как проступает испарина на лбу у Камазу, — и дар её — видеть богов, бесценный дар, дар, которого нет у ныне живущих... — он прервался, чтобы насладиться низким поклоном жреца, — и твои намерения и вправду прекрасны: она та, которая могла бы встать на твоё место...

— Могла бы? — озадаченно спросил жрец Анубиса, не понимая, к чему клонит, витиевато выражаясь, невнятный визави.

— Могла бы, если бы отцом был ты, — глаза, полные внутреннего удовлетворения, озорно заискрились, «любуюсь» растерянностью, — и не отрицай, ты прекрасно знаешь, о чём я, ты нашёл её мать почти на сносках в пустыне, чудом выйдя, назвав родившееся дитя своей дочерью, женившись на её матери...

— Что ты хочешь? — спросил тот сквозь зубы, понимая, что отрицать бесполезно, он откуда-то знал о происхождении Инпут.

— Отдай то, что не принадлежит тебе, — начал он и, ловя непонимание в глазах, продолжил, — отдай Инпут в жертву для обряда воскрешения Аменхотепа, тело которого ты готовишь к вечной жизни, пока душа его блуждает по лабиринтам загробного мира...

Камазу вскочил и, глядя на того с ужасом, давясь эмоциями, произнёс:

— Ты, верно, совсем спятил, Косей, невозможно воскресить то, что мертво!

— Для Амон-Ра это неочевидно, он может всё, я, как жрец, могу провести процедуру...

— Я подготовил фараона к вечной жизни, его душу ждёт суд Эннеады, — шепча, понимая, что разговаривает с сумасшедшим фанатиком.

— Это не имеет значения, кровь твоей названной дочери может оживить царя, — тихо, со священным трепетом и придыханием.

— Это невозможно... нельзя... — проговорил он, стискивая ладони в кулаки, — неслыханная наглость и дерзость — заявляться в храм и просить об убийстве...

Косей смерил того презрительным взглядом, медленно и грузно поднявшись.

— Жрец Анубиса, твоё служение умрёт вместе с тобой, держит на плаву тебя лишь одно: людям нравится божок, которому ты служишь, но Амон-Ра нужна полная и безоговорочная власть, без других богов, и ты либо присоединишься к нам, либо будешь низвергнут в забвение, тебе будет заказан путь в Царство мёртвых, и ты никогда не найдёшь покоя на житных просторах Осириса.

— Ты, верно, не слышишь сам себя, я не дам тебе убить свою дочь, — гневно.

— Конечно, нет, ведь ты сделаешь это сам, — видя, как тот задыхается от гнева, следя за движениями скул, смотря прямо в глаза, не испытывая ни капли стыда.

— Я не сделаю этого никогда, — твёрдо проговорил он, задыхаясь от беспомощности.

— Тогда это сделаем мы, и я не буду милосерден, как мог бы её отец, ведь я не целитель и не знаю, куда нанести удар, чтобы не было больно, чтобы смерть наступила мгновенно, — улыбаясь по-садистски, выворачивая тем самым душу у отца наизнанку. — Ты отдашь то, что не принадлежит тебе, для бога Амон-Ра.

— Если фараон узнает... — прошептал тот, уже понимая, что, пока его послание долетит до царя, его дочери уже не будет в живых.

— Фараон далеко и к тому же вне себя от радости, что его отец покинул этот бранный мир, глупец даже не догадывается... — Косей ухмыльнулся собственным мыслям, замолкая, не делясь своими планами. — Сделай это сегодня ночью, тайнство проведу я, ты и твой храм устоит, Амон-Ра отблагодарит тебя, не тронув, ты будешь жить и служить своему богу.

— Я сделаю всё, что ты просишь меня, Косей, великий жрец великого Амон-Ра, сам, помощники мне не нужны, — склонился перед ним Камазу.

Когда он вновь посмотрел на Косея, его лицо было бледным, как будто в нём уже исчезла жизнь, как будто он умер в тот момент, когда согласился убить дочь.

Сумерки Древнего Египта. Завеса Анубиса.

Инпут тщательно выводила на руках узоры, теряя терпение и внушая самой себе, что это всё необходимо для наведения красоты и лоска.

«Если я его снова увижу... — улыбнулась, скрывая блаженное выражение лица от других девочек, готовящихся к обряду инициации очередной жрицы, рука дрогнула, зазвенев

частыми браслетами из золота. — Я бы так хотела пасть ниц перед ним, уж я бы не задрожала, как те глупые курицы, когда их ведут за завесу, вот бы как-нибудь подсмотреть, что там... Четыре весны — это так долго, ждать долго, а вдруг он найдёт себе пару, полюбит земную жрицу, ведь это возможно или нет? Ведь это единственный бог, у которого нет спутницы, Бастет не в счёт, она ветренная богиня, он любит одиночество, или я чего-то не понимаю... Ну что там, за пеленой, куда уходит новая жрица, куда потом исчезает? — вопросы роились в юной голове совсем неюные. — Хоть бы одним глазком...»

— Девочки, готовы? — в помещение вошла их наставница, и девочки, стараясь не организовать давку в дверях, по парам вышли из подготовительного помещения.

Юные помощницы вышли в широкий коридор с красочными рисунками, ярко повествующими о том, как Анубис судит человека, как определяет судьбу, как просит богиню мудрости Маат помощи в этом, как заботится о каждой душе, стараясь проводить каждого в страну Осириса, как оплакивает каждую душу, если она не смогла пройти в Вечные врата.

— О, великая мать Исида, благодарю тебя, что когда-то ты спасла маленького Анубиса, — благоговейно прошептала девочка, в который раз рассматривая рисунки на стенах.

Бойкой стайкой они вбежали в огромный зал, по периметру которого стояли огромные медные светильники в дыму курящихся ароматных трав. Инпут радостно улыбнулась, она любила ту светлую атмосферу приготовления жрицы для бога справедливости. Наставницы раздали им в руки по маленькой зажжённой свече, и девочки стройным хором благозвучных голосов затянули благодарственные песнопения. Где-то в глубине залы заиграли систрум** и ручные барабаны, ловко складывая ноты в торжественную мелодию.

Исподлобья Инпут взглянула на введённую в залу и поставленную перед завесой девушку в тонкой рубашке, не скрывающей всех соблазнительных изгибов тела.

«Дрожит», — презрительно заметила дочь жреца, но всё же не смогла не признать томной красоты девушки.

Она увидела, как, откинув на секунду полог, из священного места вышел Камазу с перекинутой через плечо шкурой леопарда с клеймом Анубиса в виде анха. На вытянутых руках он поднял маску шакала того окраса, что не существует в природе, — чёрного, и торжественно водрузил себе на лицо. Молодая девушка почувствовала присутствие Анубиса. Тёмную, закручивающуюся в кокон холодную энергию. Волосы по-звериному встали на руках и зашевелились на затылке.

«Не боюсь, — упрямо, считывая животный рык из глубины второго плана этой реальности, куда часто приходил бог, привилегия её дара — видеть и слышать то, что скрыто для других, скрыто до тех пор, пока сам бог не соизволит воплотиться. — Интересно, знает ли о моём присутствии? А чем он пахнет? — и тут же одёрнув себя. — Убогая, — и тут же, — но никто не запрещает мечтать, мне бы только дорасти до её возраста, мне бы только взглянуть в его глаза, мне бы только сказать ему, как я люблю его и что я хочу...»

— Очи в пол, — строго скомандовал отец.

Инпут опустила голову, видя лишь, как голые пятки девушки исчезают из её поля зрения. Она поднималась по ступенькам.

«Уже там», — горестно подумала девочка, видя, как завеса приподнялась и поглотила жрицу.

Девушка на подрагивающих от сильного волнения ногах вступила в то место, где

женская нога ступала однажды и навсегда. Вначале она стояла прямо, затем ей стало зябко и её руки обвили свою талию. Дрожь от страха перед неизвестностью усиливал ещё и холод, сквозивший из огромного отверстия в потолке помещения, откуда можно было видеть все звёзды как раз над круглым ложем, усеянным лепестками лотоса и роз.

— Хочу видеть, — услышала она спокойный, чуть хрипловатый голос и уловила неизвестный аромат, показавшийся ей чуточку горьковатым.

Новоиспечённая жрица вздрогнула, но не смогла не подчиниться.

— Ты — красива, — констатация факта, но в сердцевине фразы она уловила нотки сладкого вожделения.

«Не говорить, беспрекословно слушаться, благодарить за всё», — пролетело в голове прапнелью заученных фраз и вышколенного годами поведения.

Поклонилась, стараясь не поднимать глаз, увидев перед взором немедленно возникшую пару голых мужских ног.

— Сними, — проговорил он.

«Возможно ли взглянуть?» — шальная мысль и сразу же отброшена, потому что непослушание страшнее всего.

Девушка скользнула по плечам немеющими от ужаса кончиками пальцев. Тонкая ткань по тщательно депилированной коже тела, не задержавшись нигде, осела лёгкой взвесью у щиколоток. Руки распрямила и вновь осталась неподвижной, не поднимая глаз.

— Хорошо, — тёплый шёпот с тягучим горьким ароматом.

Горячая ладонь легла на шею девушки, чуть сдавив её, затем переместилась на небольшую грудь, не спеша огладив полушария, нежно поиграв с сосками. Девушка вздохнула и расслабилась. Горячие пальцы сжали талию и устремились книзу. Она почувствовала утробное рычание, как будто волк готовился к прыжку, обозначая нетерпение и желание владеть.

— Как зовут тебя, жрица Анубиса? — голос завибрировал, горячие пальцы дотронулись до влажной промежности.

— Разия, — пролепетала та, не понимая, что с ней и почему низ живота скрутило так сильно, что даже дышать было трудно, а в груди поселилось томление и нетерпение прижаться к ласкающей её руке.

— Дева, — в голосе почувствовалась лёгкая улыбка.

Резкий разворот. Она ахнула и упала на колени, впиваясь ими в мягкий матрас. Желание прикрыться, сведя бёдра, но тот, кто стоял сзади, не дал, мягким движением ног разведя их шире. У Разии перестало сердце биться разом, ухнув куда-то в пятки. Она стояла обнажённой, разверстой перед мужчиной и холодеющей с каждой секундой.

— Не бойся, — шёпот в ухо, ласково щекочущий, навалившаяся тяжесть мужского тела и укус в излучину шеи с тихим рокотом урчания, потянув кожу на себя.

«Как волк», — промелькнуло в сознании.

Беспорядочная, щедрая россыпь поцелуев вдоль подрагивающего позвоночника. Она вздрогнула, когда ощутила, как его пальцы кружат по ягодицам, опускаясь всё ниже, между ног, соскальзывая в обильную влагу, двигаясь дальше, болезненно толкнувшись внутрь, так что задрожала и всхлипнула. Но так бывает, в первый раз, её учили.

Горячие ладони мужчины легли вдоль бёдер, притягивая к себе, пока дразня, заставляя раскрыться букету возбуждения. Разия, покрасневшая от стыда, ласк и пытки одновременно, громко всхлипнула от тягучего единого толчка в тело. Хотелось раствориться

в этой острой боли, забыться, вырваться, убежать, но, привыкшая покоряться, девушка безропотно принимала бога в своём теле. Когда она поняла, что он не двигается, всё ещё пребывая в ней, давая ей привыкнуть к себе, где-то на периферии сознания мелькнуло изумление. Руки огладили ягодицы и сжали их, затем вновь отпустили, и девушка почувствовала облегчение. Она вцепилась в накидку матраса пальцами, сгребая материал в пригоршню, когда он вновь задвигался в ней. Плавно, не торопясь, явно щадя её.

«Зачем бы ему?» — совсем некстати.

Ещё одно движение, и вновь поцелуй в шею и тянущий кожу на себя укус в основание шеи. Рычание. Движения, становящиеся всё несдержаннее, резче.

— Двигайся со мной, — не приказ, не просьба, но так, чтобы удобно, она поняла это, когда последовала его совету, подмахивая бёдрами его движениям.

Как поощрение — шлепок по ягодицам. Разия чувствовала, как наполнялась им всё больше. Как подрагивали его пальцы на её ягодицах, как он сдержанно стонал, притягивая к себе сильнее, желая полнее ощутить её дрожь. Боль отступила, балансируя где-то на грани сознания и края плоти, ощутимо, но не так, чтобы отказаться от удовольствия наполненности.

Хлопки слияния двух тел, казалось, были слышны во всех уголках вселенной, стыдливым эхом разносясь в межзвёздном пространстве. Разия почувствовала, что внезапно потерялась в ощущениях. Она было вскрикнула, но тут же прикрыла рот, задрожав, понимая, что мир вокруг начинает обваливаться от боли и наслаждения, смешиваясь сейчас в одной ней. Его запах, льющийся через край, горьковатый дурман, не дающий соскользнуть в пропасть забвения. Слишком острое удовольствие, слишком болезненное, давшее провалиться в блаженство, но лишь на секунду. Толчки сзади нарастали, грозясь обрушиться, словно домик из песка. Что и произошло. В одно мгновение он сжал её талию руками, тем самым задержав в одном положении. Затих, мелко дрожа, быстрыми ласкающими движениями проходясь по бёдрам. Наваливаясь сзади, шумно дыша, влажно целуя, затухающе урча от удовольствия.

Разия почувствовала холод, когда он оставил её тело.

— Встань, Разия, жрица Анубиса, — произнёс он твёрдо, хотя можно было уловить нотки пережитого, но не как цельную, а как уже почти оконченную мелодию, — повернись ко мне и узри своего бога.

Девушка выполнила всё, что ей было велено, встав перед ним, потупившись. Он поднял её лицо за подбородок и заставил посмотреть на себя. Девушка зарыдала, пытаясь сдержать слёзы, любуясь обнажённой стройной красотой своего господина.

— Так страшен? — лёгкая ухмылка одними уголками чувственных губ.

— Наоборот, мой бог, — пролепетала Разия, она не могла больше ничего сказать, ком в горле и грохочущая кровь там же не дали договорить, оборвав чувствами где-то посередине восторга.

Анубис подал ей руку, и его глаза сверкнули голубым холодным светом, таким нестерпимо ярким в свете звёздного неба, так резко контрастирующим с его чёрными, как смоль, волосами и смуглой кожей. Она вложила свою в его ладонь, и они истлели в пространстве, оставляя после себя горьковатый аромат и тысячу вопросов оставшимся в зале за завесой.

Луна Древнего Египта. Обещание бога.

Ветер ночной пустыни обжигал кожу колкими холодными иголочками. Хрупкая черноволосая девочка с непропорционально длинными руками и ногами, как у лягушонка, что присуще подросткам, с некоторой тревогой следила за тем, как отец встал около входа в гробницу умершего царя и тяжело дышал, словно бы решаясь на что-то. Когда он посмотрел на дочь, то его взгляд излучал тоску.

— Что-то случилось, отец? — осторожно спросила она.

— Всё хорошо, Инпут, вот только... — он замолк и хотел было сделать шаг, но девочка удержала его.

— Скажи мне, между нами ведь нет тайн, — Инпут была обеспокоена не на шутку, только однажды видя отца в таком раздрае сразу же после смерти матери.

— Наверное, старею, — со слабой улыбкой произнёс отец, переводя взор с лица дочери на тусклую лучину в руках, ладони чуть потряхивало.

Девочка улыбнулась и прищёлкнула пальцами, свет луны блеснул на тонкой тёмной коже миллиардами световых точек.

«Отдать то, что тебе не принадлежит...» — пронеслось в голове у мужчины голосом Кося.

— Что сегодня мой отец, великий Камазу, жрец царя Египта, приготовил для меня, чему научит меня его мудрость, дарованная богиней Маат?

Камазу нервно улыбнулся и всё же шагнул в тёмное пространство, ловким движением поднеся лучину к факелу — тот вспыхнул мгновенно, рассеяв в воздухе запах жира. Инпут ненавидела его, её выворачивало каждый раз, когда он проникал в её нос, неприятно щекоча чувствительные рецепторы. Но она любила отцово дело и словно губка впитывала в себя все знания, весь его опыт.

— Из тебя выйдет самая лучшая жрица, — с грустной улыбкой произнёс Камазу и, спохватившись, замолк.

— Жрица и жена Анубиса, — поправила его девочка.

Мужчина покачал головой: та никак не могла выкинуть бредни своей умершей матери из памяти. Хотя он, наверное, был строг к дочери: кто сказал, что мечтать вредно?

— Да, великая Инпут, — с горькой усмешкой согласился он.

Лестницу и дальнейший путь ярко осветил луч света, зеркалами отражаемый вглубь пирамиды. Инпут нашла ладонь отца и непроизвольно сжала её. Мужчина улыбнулся, и они продолжили путь вниз, постепенно углубляясь в коридоры, в ответвлениях которых, как в помещениях, лежали умершие в погребальных саванах или в натриевых ваннах, готовые к наполнению ароматными травами и смолами тела.

Сделав пару поворотов, они оказались в рабочей комнате, как называл её отец, и поклонились лежащему на возвышении умершему великому царю. Он уже был готов к странствованию в вечности. Прошло сорок дней с момента начавшихся манипуляций с телом, с подготовкой его к загробной жизни.

— Анубис будет ходатайствовать за него? — спросила Инпут шёпотом со священными нотами в голосе.

— Фараон был велик в битвах, но немилостив к своему народу, — Камазу поклонился умершему, повторила за ним и Инпут. — Впрочем, не нам судить, дочь, Анубис взвесит сердце фараона и решит.

— Хорошо, что он умер, — не сдержавшись, протараторила девочка злорадно. — Он

запрещал других богов...

Камазу удручённо покачал головой, и дочь, покраснев, замолчала. Но распекать её за эти слова не стал, ведь в них была истина, о которой многие думали, но не решались сказать вслух, боясь расправ. Он, жрец Анубиса, всё ещё был жив благодаря умению «проводить» умерших в мир мёртвых, где их ждал Осирис.

Потом, прошептав священные слова, жрец подошёл к горшочкам с внутренностями, уже высохшими и пахнувшими ароматными травами с примешивающимся лёгким духом разложения.

— Подержи, Инпут, — мужчина отдал подошедшей девочке горшок, и по её телу прошёл холодок, покрыв кожу мурашками: отец редко доверял ей участвовать в ритуалах и от того, что здесь совершалось, она почувствовала себя самой главной, способной на то, что было подвластно лишь богам.

— Да найдёт слова для защиты души милостивый Анубис, сочтёт сердце Великого Царя легковесным, богиня Маат откроет правду о человеке, а Осирис примет его в родные поля, где продлятся дни его жизни вечно, — проговорил тот слова молитвы, взяв в руки небольшой нож; когда он произнёс следующие слова, его голос сильно завибрировал: — Поставь канопу*** на место, Инпут.

Девочка развернулась к отцу спиной и поставила ёмкость на место слишком быстро для того, чтобы заметить, как Камазу занёс руку над ней.

— Отец? — непонимающе, испуганно выкрикнула девочка, взгляд отчаянно метнулся в сторону выхода. — За что?

— Прости, любимая Инпут, — он ещё раз повторил попытку, но нож в виде полумесяца вновь остановился в воздухе, повисая в отчаянии, из глаз отца брызнули слёзы, — я не смогу.

— Отец? — Инпут дрожала от сильного страха, поджимающего все внутренности в один огромный комок.

— Беги, Инпут, и никогда не возвращайся, — прошептал он, нож упал на камни, неприятно лязгнув, девочка остолбенела, разрываясь между любовью к отцу и животным ужасом перед смертью. — Беги, — гаркнул мужчина так, что она рванула с места.

Камазу хотел было облегчённо вздохнуть, как в комнату вошли двое мужчин, один из них держал в руках отчаянно сопротивляющуюся девочку. Камазу дёрнулся к дочери, но услышал гневное:

— Не смей, — остановил он того вытянутой рукой и показал на девочку. — Так и знал, что в главный момент ты не сможешь... — один из мужчин со шрамом на подбородке зло смотрел на Камазу. — Не знал, что великий жрец не умеет приносить жертвы, или твой презренный бог не просит себе такие подношения?

— Она всего лишь ребёнок, Косей, — с трудом проговорил тот, глотая слёзы.

— Идеальная жертва, которую невозможно не принять, чистая телом и душой, с даром... — начал было Косей.

— Её дар может послужить и следующему фараону, — резонно увещевал тот, пытаясь придумать хоть какой-то выход, хоть как-то договориться.

— Ты слишком непокорен, и дочь твоя, как ослица, сопротивляется, — проговорил другой, с трудом удерживая барахтающееся тело девочки в руках.

— Смилостивься, Косей, — прокричал Камазу и упал тому в ноги.

— Ты не понимаешь, о чём просишь, — проговорил тот, подходя ближе к жрецу и желая забрать нож из-под его ног.

Но мужчина в момент, когда Косей был беззащитен, неожиданно сделал выпад, напал на него.

— Я не позволю, я всё исправлю, — с придыханием шептал тот, вступая в борьбу с противником почти вдвое выше и моложе себя. — Нельзя обмануть богов, нельзя вернуть кого-то с того света.

— Не спорь, старик, — тот с лёгкостью отшвырнул от себя Камазу, и он, отлетев, впечатался головой в каменную стену, мгновенно притихнув.

— Отец, — выкрикнула Инпут, извернувшись юрким телом, укусила громилу за руку, которую он рефлекторно отдёргнул: этого хватило, чтобы девочка освободилась из хватки и выбежала из комнаты.

— Держи её, идиот, — гневно выкрикнул Косей, и мужчина выбежал, — поймай её и неси сюда, она нужна нам.

Девочка бежала вглубь пирамиды, не разбирая дороги. Она знала некрополь как свои пять пальцев, вопрос в том, знали ли это место так же хорошо преследователи. Инпут, не чувствуя под собой ног от страха и волнения, вбежала в тёмное помещение, используемое для складирования саркофагов.

— Она не могла далеко уйти, а из пирамиды больше нет выхода, — проговорил, слегка отдуваясь, тот, кого отец называл Косеем.

— Да здесь где-то эта коза, найду и, перед тем как зарезать, как следует всыплю, — ответил громила, задыхаясь от одышки.

Инпут закрыла рот, чтобы не вскрикнуть.

— Амон ждёт от нас девственной крови последовательницы Анубиса, Аменхотеп хотел уничтожить всех жрецов, кроме тех, кто служит богу Амон-Ра, первые не понимают, что Амон един — других не существует, — мужчины продолжили свой путь дальше.

Девочка всё ещё дрожала, когда помещение, в котором она пряталась, вдруг озарилось ярким светом. Хотелось закрыть глаза, но она не смогла. В комнате, среди бардака крышек саркофагов и прочих различных принадлежностей для ритуалов, она смогла разобрать две мужские фигуры и еле подавила в себе вскрик. Когда свет поубавился, она заметила, что их тела венчали головы волка и сокола.

— Гор и Анубис... — прошептала изумлённо Инпут, разрываясь между чувством восторга и ужаса.

— Ты рискнёшь и всё поставишь на ребёнка? — спросил тот, что с головой сокола, и указал на девочку, съёжившуюся от ужаса, волосы шевелились на затылке, язык мигмом высох.

Голубые глаза волка посмотрели на неё, и она не смогла оторваться от них.

— Наши отцы слишком слепы, чтобы объединиться против угрозы, нависшей не только над ними, и не видят общей картины, уцепившись каждый за свой кусок царства, которое, возможно, совсем скоро падёт под натиском крепнущего нового бога: если Амон доберётся до Анха, не поздоровится всем, он уничтожит любого, кто хоть как-то будет мешать его власти, — убедительно произнёс тот, сверкнув сапфировым взглядом, тоже гипнотизируя Инпут.

Она не сразу поняла, как он бесшумно и незаметно для её зрения оказался рядом с ней, лишь только почувствовала власть и силу, исходящую от него.

— Готова ли ты, дева, послужить богам? — спросил тот, всё так же не отрываясь от её тёмных, как ночь, глаз.

— Твоя жрица я, о великий Анубис, — прошептала Инпут, обретая дар речи, — твоя воля для меня закон, но...

— Но? — раздражённый рык отразился в пространстве так, что застыла в жилах кровь.

— Но я хочу быть Богиней, — дерзко произнесла девочка, сильно покраснев и потупившись в пол, добавила полушёпотом, — и твоей женой...

Раздался смех Гора, отразившись мечущимся эхом по всем закоулкам пирамиды.

— Какова! — произнёс он, всё ещё посмеиваясь. — О, эта задача не из лёгких, нашего Анубиса многие желали захомутать, но даже у богинь это не вышло.

— Тебе нужно от меня что-то, великий Анубис, я готова служить, взамен прошу малость, — девочка подняла дерзкие чёрные глаза в синие сверкающие волка, игнорируя слова сокола, — обещай мне.

— Малость?! — вскричал Гор. — Меня забавляет эта букашка...

Анубис поднял руку, и Гор замолчал.

— Хорошо, дева, я дам тебе, что ты просишь, — сказал тот примиряюще, и Инпут показалось, что он улыбается. — Унесёшь ли ношу мою?

— Раз ты и я здесь, значит, да, — без возражений и тени сомнений.

— Подумай сто раз, братец, невеста-то строптивая, — Гор всё ещё потешался.

— У нас нет выбора, — мрачно ответил тот. — Мне нужно согласие сосуда.

Анубис ещё раз взглянул на Инпут, которая согласно кивнула, и коснулся её лба. Девочка сжалась и почувствовала, как её тело сковало словно морозом, ощутив нечто, что переполнило её до краёв.

— Я отдал тебе Жизнь, ты носишь Анх в себе, печать богов, я спрячу тебя так далеко и хорошо, что никто не будет знать, где ты: ни Исида, ни Маат, ни даже я, — произнёс Анубис, не отрываясь от созерцания лица девочки.

— Мы больше не увидимся? — поняв, наконец-то, почему так легко дал клятву бог, с досадой и обидой спросила она.

— Нет, никогда, твоя душа будет неузнаваема, никогда не ступит и на порог царства мёртвых.

— Ты провёл меня, Анубис, — с горечью проговорила девочка.

— Ты — моя жрица, твоя жизнь принадлежит мне, — без злобы произнёс он, пожав плечами, встал с колена, всё так же не отрывая от юной жрицы своего взгляда. — Ты же хотела послужить мне, дева... — лёгкая усмешка как награда богов, и Анубис приблизился к Гору.

— Да, Великий Тёмный, — произнесла девочка, трепеща всем телом и склоняя голову.

Комната вновь погрузилась в нестерпимо белый свет. Когда он рассеялся, помещение оказалось пустым. Напрасно этой ночью жрецы бога Амона-Ра искали девочку, и даже Геб и Нут не сказали бы, где она.

Примечания:

* энергичный египетский танец

** музыкальный инструмент-резонатор, обычно делавшийся из бронзы, но иногда из золота или серебра, имеющий открытую петлеобразную форму, с ручкой, с тремя или четырьмя струнами, проходящими через отверстия, на концах которых были прикреплены звенящие кусочки металла; был украшен фигурой Изида или Хатор

*** ритуальный сосуд, как правило, алебастровый кувшин с крышкой в форме

человеческой или звериной головы, в котором древние египтяне хранили органы, извлечённые при мумификации из тел умерших. После извлечения органы промывались, а затем погружались в сосуды с бальзамом из Каноба (откуда и название)

Глава 1. Волк и заманчивое предложение

Лондон. Наши дни.

Её руки нашли опору в деревянном изголовье кровати, нещадно скрипевшей под их неистово двигавшимися в унисон друг другу телами. Белокурые волосы беспорядочным каскадом ниспадали на обнажённую тяжёлую грудь со светлыми сосками, возбуждённо торчавшими небольшими горошинками. По белоснежной тонкой коже изящных женских предплечий скользили мужские крупные ладони с проступившими дорожками вен. Дыхания тяжёлые, пунктирные. Протяжный женский стон после того, как его губы поймали сосок и, втянув вовнутрь рта, языком приласкав, резко вытолкнули из себя и подули холодным воздухом. Сдерживаемое шипение от контраста, и её бедра осели на нём плотнее, так что теперь пришла его очередь вскрикнуть и сжать её ягодицы, притянув к себе настолько, что между ними не осталось даже воздуха, замерев на мгновение, чтобы он смог её и себя внутри неё ощутить острее. Он почувствовал вибрацию от чувственной дрожи, прошедшей по всему телу: она только подбиралась к пику. Мужчина приподнял её и вновь резко притянул к себе, так что она почти рухнула на него, отпустив изголовье, царапала крепкие плечи, кусая мочку его уха, так что он уже почти был готов закончить. Мощные удары по блестящей от смазки коже распалённой до предела плоти, сжимающей его член... Кажется, она что-то шепнула ему, посмотрев в его глаза, пока он пытался сфокусировать свой размытый взгляд на её лице. Испарина тел передавала жар от одного к другому. Девушка всхлипнула, и он почувствовал, как она сжалась вокруг него. Быстрые рывки в податливое влажное тело, и он, сдержанно простонав, притянул её, всё ещё пребывающую в истоме, к своей груди, сам разрядившись пульсацией, уткнувшись своим лицом в её плечо, запутался в облаке светлых волос, вдыхая их восточный аромат, на несколько секунд потеряв самого себя.

Девушка лениво перекатилась в сторону, и теперь они оба, тяжело дыша, уставились в потолок. Она убрала налипшие волосы со лба и прямого носа, мельком взглянув на обои в комнате, невольно задержала взгляд на них. Мысленно ругнувшись, какого же чёрта он всё ещё не снял их совместные фото со стен, она всё же заставила себя взглянуть более пристально в лица на них. Вон то, в розовой рамке, она подарила ему, когда они заканчивали школу. Там она в бальном платье с выпускного: в белом, кричаще-пафосном. Девушка закатила глаза и улыбнулась. Тогда все они, выпускники средней школы, были такими важными, входящими во взрослую жизнь, по сути, всё ещё оставаясь детьми. А то как же объяснить их обоюдный порыв пожениться на первом курсе университета... А вот и фото в тёмной рамке, как раз на церемонии. Они здесь очень счастливые. Понимали ли они тогда, что слишком молоды для такого ответственного шага, и осознавали ли, что слишком разные для него? Светлые стены в их моментах жизни, застывшие цветными пятнами, как окна из обыденности в светлое прошлое. Светлое ли? Или это память услужливо подбрасывала подрихтованные чувством самосохранения воспоминания? Она сейчас и сама бы не сказала. Тёмное пятно на пастельного цвета обоях притягивало к себе, и она судорожно сглотнула вмиг ставшим пересохшим горлом. Всё же кое-что из их совместного прошлого и он бы стёр из своей памяти, возможно, даже предпочтя вообще не знать девушку.

— Я убрал его фото, Линда... — тихо и медленно, словно прощупывая почву перед

диалогом, произнёс он.

Она лишь молча кивнула. В горле стоял ком. Человек же ко всему привыкает, почему ей сейчас так же больно, как тогда, год назад, когда из операционной вышел бледный доктор и произнёс страшные слова — те, которые никогда не должен слышать родитель?

— Никто не виноват, — всё так же тихо.

Линда кивнула и протяжно выдохнула, краем глаза заметив, что мужчина смотрит на неё.

— Я знаю, Баррет, — прошептала она, ей бы заплакать, выплеснуть боль, ей бы крушить всё вокруг себя, ей бы выстрадать из себя то чёрное, что засело в ней с гибелью её мальчика.

Но она была спокойна, до такой степени, что Баррету первое время пришлось возить её на приёмы к лучшим психотерапевтам страны. Она знала, что пугала его в те дни. Он тогда сам не сошёл с ума лишь только потому, что с горя от потери сына ему пришлось переключиться на проблему с женой. Линда посмотрела в глаза мужа, и еле обозначившиеся мимические морщинки вокруг глаз дёрнулись — она, найдя в себе силы, улыбнулась.

— Всё прошло, это будет навсегда с нами, но сейчас надо двигаться вперёд, — проговорила она заученными фразами. — Я в душ, а потом к себе.

Она хотела встать, как была остановлена рукой мужчины.

— Может, ты останешься? Хотя бы сегодня? — спросил он её с надеждой, карий тёплый взгляд умолял.

Линда улыбнулась и, повернувшись на бок, привстала на локте. Провела пальчиком по русым волосам, по прямому профилю вниз, пощекотав кожу в излучине ключицы, устремившись вниз к подрагивающему, чуть выпуклому животу, остановилась у границы паха. Баррет в предвкушении замер, и его контроль ослаб. Девушка ловко вывернулась из его рук, быстро вставая с постели.

— У меня много работы, ты же знаешь, недавно прошла конференция, к которой я готовилась долгое время, я устала, — её тело красиво изогнувшись, висилось над ним.

Баррет усмехнулся и лениво заложил руку за голову, любясь фигурой Линды.

— Может, тогда стоит немного отдохнуть, расслабиться? — предложил мужчина, хлопывая по кровати ладонью.

— Мне так и не удалось никого убедить в необходимости экспедиции, — Линда криво улыбнулась, она как будто не слышала его.

— Ты про Ассиут? — он усмехнулся, затем немного нахмурился, ему явно не нравилось, что Линда переводила личный разговор в профессиональную сферу.

— Не только, — она изогнула бровь и по привычке, от которой у него защемило сердце, подошла к шкафу, доставая полотенце. — Что-то не так?

— Да нет, — Баррет быстро собрался и посмотрел в окно, в котором отражалось звёздное небо. — Полночь уже... могла бы остаться... — получилось немного ворчливо, как старик, не так хотел.

Девушка взяла полотенце с полки и, обернувшись к нему, внимательно посмотрела в его глаза.

— Баррет, мы решили всё давным-давно... — она начала мягко, — ты занят своей работой в банке, я — в музее... Не надо беречь рану...

— Мы только что трахались, Линда, — он привстал на локте, пытаясь призвать её совесть к ответу.

— Ты подал на развод, не так ли? — выдохнув как можно спокойнее, проговорила

она. — Думаю, сегодняшняя встреча — ошибка...

Баррет сел на край кровати и уставился на неё непонимающе. Полотенце она повесила на плечо, часть груди и бедра были соблазнительно оголены. И он почти что простонал, понимая, что помимо воли начинает возбуждаться.

— Только, пожалуйста, не сваливай всё на меня, — произнёс мужчина.

— И не подумала, я констатирую факты, Баррет, только и всего, что между нами и осталось общего — это только память о нашем сыне... — она говорила тихо, пытаясь смягчить горькие слова.

— Не ты ли первая съехала? — вновь упрёк, он даже не старался быть тактичным.

Линда на секунду прикрыла глаза и медленно выдохнула.

— Нам надо прекратить это медленное самоубийство, пришли мне все бумаги, и мы разведёмся, поставим жирную точку, отпустим друг друга... Разве мы не за тем здесь, что хватаемся за давно ускользнувшую соломинку прошлого, считая, что спасаем друг друга от одиночества, но только на короткое время, м? — она кивнула на кровать.

Он не знал, что ответить. А Линда ждала. Баррет это прекрасно понимал, но также он знал и то, что никогда не скажет ей тех слов, которые она хотела бы услышать от мужчины. Девушка горько усмехнулась и тряхнула головой так, что, казалось, хочет выкинуть из неё всё то неприятное, что мешало ей жить.

— Значит, больше не держи меня, — резюмировала она, захлопывая за собой двери ванной комнаты.

Баррет не успел за ней, и рука, вскинутая в попытке схватить её, поймала лишь воздух. Он надел пижамные хлопчатобумажные брюки и шумно спустился вниз по тёмной лестнице. Мужчина присел за кухонную стойку и зажёл лампу над ней. Мягкое тусклое пятно света охватило его фигуру и пространство вокруг него. Наверху послышался звук бегущей воды, а он посмотрел на пачку сигарет и на поперёк лежащую на ней цветную зажигалку. Мужчина небрежным жестом извлёк из пачки тонкую, пахнущую вишней сигарету, в другую руку взял зажигалку и крутанул колёсико. Усмехнулся: Баррет всё ещё не мог привыкнуть к новомодным, что зажигались касанием, и пламя, шипя ярким, жёлто-синим небольшим конусом, вырывалось наружу, нет, ему надо упрямо чиркать огнём, чтобы извлечь огонь. С первого раза не получилось. Он ещё долго в задумчивости просто так включал и выключал зажигалку.

Сигарета дрогнула в зубах, когда он увидел, что Линда спустилась вниз. Высоко забранные волосы в пучок, обтягивающие джинсы и такой же свитер. Баррет убрал сигарету и опустил глаза. Девушка встала напротив.

— Может, кофе попьёшь? — спросил он, уже было разворачиваясь к кофеварке.

— Не стоит, Баррет, — голос Линды на его имени немного прохрипел, и она откашлялась.

Он посмотрел на жену и кивнул.

— Ты права, Линда, если ничего не было, то и склеивать нечего, — кольнул, не отнимая взора.

— Было, — она поджала губы, стараясь не реагировать на болезненный выпад мужчины, — и всегда будет: мы в то время и наш сын — он жив, пока мы помним о нём.

— Мы?! Линда, ты себя слышишь?! Ты всё время была в работе, в этих грёбаных проектах, в этих бумагах, в конференциях, публикациях, — его обычно тёплые карие глаза стали жёстко колючими, как у обвинителя. — Сколько я тебе говорил: уйди с этой работы,

Древний Египет напрочь мёртв, изведан вдоль и поперёк исследователями до тебя, что нового ты можешь найти там, где давным-давно уже всё изучено?

Линда улыбнулась, но получилось это немного нервно, жалко.

— Ты никогда в меня не верил, — тихо, скорее, для себя.

— Ты могла бы уделять больше внимание дому, мне и... — Баррет не замечал её, он всё сильнее повышал голос, но осёкся, когда хотел сказать об их ребёнке, испуганно взглянул в её глаза, полные боли: внутри она распяла себя, Баррет был уверен.

— Сыну? — Линда склонила голову и чуть потрясла ей. — Я не знала, что ты об этом думаешь в таком ключе, — как откровение.

— Я не это... не имел в виду... — мужчина заикался, понимая, что перегнул палку.

Она ничего не ответила и прошла в коридор, а вернулась с сумочкой и зимней курткой в руках. Она копалась в ней, и Баррет вдруг понял.

— Пусть останутся, — произнёс он умоляюще, вдруг начав цепляться за своих же собственных призраков прошлого, которое он не мог отпустить и которое сейчас была готова отпустить она, та, которую он когда-то сам убеждал сделать это.

Линда выложила ключи и звонко брякнула ими о поверхность кухонного острова.

— Не будем продолжать агонию, я отпускаю тебя, Баррет, давно надо было, всё никак не решалась, наверное, думая, что этим смогу хоть как-то воссоздать иллюзию счастья когда-то бывшей крепкой семьи, но ответь себе на вопрос: была ли она таковой, если несчастье, самое что ни на есть невообразимое для родителей, настигло нас и наше единение было настолько хрупким, что оно разлетелось как карточный домик с пришедшей туда бедой? — Линда сжала пухлые губы, чтобы промолчать, не сказать лишнего, не обидеть.

Баррет посмотрел в огромные карие глаза жены, подёрнутые ожиданием, и коротко кивнул, вновь уставившись на ключи как на что-то теперь уже единственное, что связывало их в материальном мире. Он не мог ей ничего сказать, впрочем, как всегда. Она упорхнула из его жизни точно так же, как когда-то и появилась: новая девочка в новом классе в новой школе в незнакомом городе, только теперь её глаза стали чужими для него, только вместо «Привет» она сейчас хлопнула входной дверью.

Линда ещё раз мысленно укорила себя в том, что опять поддалась на психологическую ловушку памяти и своих желаний. Желаний вернуть свою жизнь в прежнее русло, чтобы её опять обняли руки сына. Холодный воздух окатил девушку с ног до головы неприятным покалыванием на руках и шее. Она наскоро накинула на себя куртку, чиркнула молнией, замотала непослушные кудри, выбившиеся из пучка, в клубок на голове и, прикрыв их капюшоном, перебросила сумку через плечо. Девушка, пройдясь вдоль высоких кустарников, отбрасывавших причудливую тень на тускло освещённую асфальтированную пешеходную дорожку, дошла до своего автомобиля, припаркованного рядом с детской площадкой, и, тяжело вздохнув, упёрлась в него вытянутыми руками, в бессилии повесив голову. Ладони неприятно обжигал холодный металл. Хотелось исчезнуть, раствориться в темноте, сбежать.

Линда тяжело выдохнула и нажала на кнопку сигнализации на брелоке, как вдруг остановилась как вкопанная. На неё из-за кустов уставилась пара ледяных синих глаз, и ей даже послышалось утробное звериное урчание, от которого волосы на загривке зашевелились. Девушка замерла, вглядываясь в темноту, туда, где пряталось нечто, напугавшее её до ледяного пота. Она на секунду закрыла глаза и вновь взглянула в то место. Но парковка, дорожка перед кустами и площадка позади хранили молчание. Она больше

ничего не увидела из того, что привело её в жуткий ужас до сбившегося дыхания, до стучащей крови в висках, до слабеющих ног.

Линда с опаской, не отрывая взгляда от зловещего места, быстро прошла к двери авто и, плюхнувшись на водительское сиденье, облегчённо выдохнула, чуть усмехнувшись. Машина легко завелась и тронулась с места, спеша покинуть его, как и прошлое, не принёсшее ничего, кроме боли.

За окном мелькали серые очертания улиц, домов и редких прохожих, светофоры, как яркие пятна в этой серой действительности, лишь как исключение из правил, доказывающее теорему обыденности. Последнее время она работала на износ, так, чтобы ни о чём не думалось, кроме работы. А именно она спасла Линду. Она, интересные проекты, подруга, муж... «Запереться» в своей профессии. Получить эмоции от самого процесса. Так дни пролетали быстрее. Дни, которые теперь не имели смысла сами по себе, а рассматривались ею только через призму профессиональных достижений. Что не могло не радовать начальство, тешило её тщеславие и... ужасно раздражало Баррета. Впрочем, так было всегда. Даже когда был жив их мальчик. Вечерами, уложив сына, он заставлял жену за конспектами и выговаривал ей, искренне считая, что таким образом заботится о ней. Зачем заканчивать университет? Кому нужен мёртвый Древний Египет? Что она ещё может найти нового для себя и какие открытия её ждут в исследованной теме? Зачем ей мёртвые мумии, язык и культура? Он хотел, чтобы она занималась только семьёй, ей же хотелось реализоваться в любимом деле. А была ли на самом деле счастлива та семья, которая купалась в счастье, только лишь когда сын обвивал их шеи своими тонкими ручками, прося родительской ласки?

Крутанув руль влево, Линда цокнула языком, пытаясь остановить поток мыслей и перестать лишней раз самой же себе отвечать на вопросы, больно жалившие всё её существо... Это будет всегда, будет, и от этого не сбежать, нельзя ускользнуть от себя.

На парковке перед домом, где находилась её квартира, было шумно. Линда вышла из авто и закрыла двери, система безопасности которой пропищала сигнализацией. Ватага подростков, выглядевших одновременно индивидуально и в то же время шаблонно, замолкла. Они воззрились на неё тяжёлыми взглядами, но, как только она повернулась к ним спиной, вновь загоготали, обсуждая матч между двумя лондонскими командами, прошедший накануне и, видимо, не очень удачно для той, за которую «болели» эти молодые люди.

Она поспешила нырнуть в подъезд. Не дождавшись приезда лифта, преодолев три пролёта почти бегом, Линда открыла дверь квартиры и упёрлась в неё спиной, пытаясь отдышаться и осмотреться. Дома даже стены помогали. Она наскоро скинула обувь, прошла на кухню и, бросив на стол ключи, звонко брякнувшие о поверхность, начала рыться в сумке, извлекая оттуда телефон.

— Прекрасно, — проворчала она и, сняв курточку, размяла шею, коря себя и одновременно понимая, что Баррет был ей нужен, разрядка и на какое-то время присутствие мужчины в её жизни расслабили её, так что хотелось верить, что, наверное, даже на самой тёмной поверхности могут быть свои светлые пятна.

В зиявших полночью комнатах квартиры было пусто, минимум мебели, в кабинете только огромный стол, сверху донизу заваленный бумагами, книгами, копиями документов. Максимум простора и стены, лишённые воспоминаний... Вакуум, но не пустота, чтобы после перерыва задыхать полной грудью, как надеялась Линда.

Ворох книг и бумаг напомнил ей о прошедшей на той неделе конференции, к которой

она готовилась в последний месяц, кратко резюмируя свои выводы и подкрепляя их доводами. Ещё ранее на свой страх и риск она отправила статью в один маститый журнал без надежды, что её опубликуют, но каковы были её радость и одновременно удивление, когда она не только получила своё место в ближайшем номере, но и была приглашена на важное мероприятие, где собирались важные учёные-египтологи. Ничего, что её поставили в те часы, когда было меньше всего посетителей. Выступая перед неполным залом, она понимала, что к ней на лекцию пришли действительно те, кто задаётся теми же вопросами, что она: найти местоположение фараона Аменхотепа, при котором царил культ бога Амон-Ра, и возможность пролить свет на некое лекарство, доказательство существования которого можно найти во многих источниках, лекарство, способное совершить чудо в современной фармакологии. Ей задавались наводящие вопросы, из которых девушка поняла, что те немногочисленные, искренне спрашивавшие посетители были крайне заинтересованы, а она получила вдохновение на последующую работу с лихвой на годы.

От мыслей отвлёк свет проезжающего автомобиля, больно ударивший по глазам. Смартфон довольно пиликнул, когда она подсоединила его шнуром зарядки к сети, улетая на кухню наполнить кофе и водой кофеварку, отлично понимая, что вряд ли сегодня заснёт, да уже и не хотелось. На ходу обнажая себя и облачаясь в удобный домашний костюм, девушка как раз вовремя подроспела на кухню. Кофеварка натужно крякнула, жидкость забулькала, выливаясь в любимую кружку, и в воздухе запахло ароматным кофе.

— С-с-с-с, — прошипела сквозь зубы Линда, ёмкость была настолько горячей, что обожгла кожу её пальцев, боль пульсировала на их кончиках.

Чуть обдув подушечки, она повторила попытку. Взяв кружку в руки и подойдя к окну, девушка только сейчас осознала, что не включила свет, да этого и не хотелось делать. Улица была пустынной, звуки мальчишечьего гогота и весёлого девичьего щебетания стихли. Фонарный столб, проливавший свет на участок улицы перед её окном, отбрасывал причудливые тени, ловко играя на иллюзии освещения и темноты, а снежинки, танцевавшие в столпе света, только усиливали этот таинственный момент. Она любила вглядываться в порхающие мелкие белые хлопья, которые не уносило хаотичными порывами ветра, они мерно и спокойно опускались на землю, покрывая её холодным белоснежным пледом.

И в этой тишине и спокойствии Линда вдруг почувствовала себя неудобно, несмотря на окружающую домашнюю обстановку. Она не могла понять: что же из того, что перед ней, посылает тревожные сигналы? Почему она, переодетая в мягкую уютную одежду, успокоенная, с кружкой ароматного кофе, который приятно теперь согревает её ладони, испытывает дискомфорт, сравнимый с тем, что она почувствовала сегодня на стоянке возле их с Барретом дома?

Её взгляд метнулся по краям светового круга, в котором стоял уличный фонарь, и не выхватил ничего, что могло бы натолкнуть на ответ. На любой, главное, чтобы он был рациональным, он должен был погасить внутри девушки то безотчётное предчувствие беды, которое помогало когда-то нашим далёким предкам выжить, — чувство самосохранения. Может быть, это преддверие того, что с ней было после потери ребёнка и ей вновь придётся пережить этот мрак. Подступившее к горлу липкое чувство страха не проходило. Линда ещё раз взглянула на улицу, и на секунду ей показалось, что границы света сузились, ненамного, на чуть-чуть, и тонко завибрировали. При этом свет фонаря не дрожал. Она заметила, что вокруг освещённого пространства кто-то наворачивал круги, потому что только так можно было себе объяснить, почему свет активно реагирует.

Затем всё резко прекратилось, так же как и началось, только более очевидно. То, что она увидела потом, заставило её вскрикнуть. В тусклом круге фонаря появился огромный чёрный волк, присел, и Линда могла поклясться хоть всем пантеоном египетских богов, что его морда была устремлена в направлении окна, в котором застыла её оцепеневшая от ужаса фигура. По законам оптики существо просто не могло её видеть, в комнате не было освещения, но в том, что оно смотрело именно на неё, она не сомневалась. Ей даже показалось, что его глаза отливали глубоким синим, но разве могла она это действительно увидеть, пусть и не в метель, но в обильный снегопад?

Девушка на миг зажмурилась, а когда открыла глаза, то фонарный столб так и стоял одиноко и никаких следов присутствия странного зверя не наблюдалось. Она нервно дёрнула уголком губ и опустила голову, чуть тряхнув ею, ещё раз взглянула в окно и сделала шумный глоток горьковатого кофе, отворачиваясь от созерцания ночной улицы, списывая странное видение на стресс и усталость. В кустах у дома запросто могла засесть просто злобная псина, живое воображение спроецировало её образ в игры света и тени, а мозг «слепил» картинку волка.

Линда решила больше не думать об этом и включила заряжавшийся телефон. Аппарат спиликал полусотнею сообщений и примерно столькими же оповещениями о входящих звонках.

— Кэт, — простонала Линда и хотела было открыть сообщения, как на табло телефона высветился входящий. — Помянешь дьявола, — улыбнулась и нажала на экран.

— Эй, какого чёрта, Портер! — заверещали на том конце связи. — Я звоню тебе весь вечер, выпила весь арсенал успокаивающих, принялась за виски, передо мной лежит телефонная книга с номерами всех моргов, больниц и полицейских отделений Лондона, где ты была? Почему твой телефон отключён? Я думала...

— Воу, Кэт, притормози, я дома, пью кофе, у меня разрядился телефон, да и Баррет... — девушка прикусила губу, в трубке радостно взвизгнули.

— Вы помирились? — вкрадчиво.

— Окончательно расстались, — так, чтобы больше она не заводила разговоров про мужа.

Кэт вздохнула, но тут же продолжила:

— Я названивала тебе не только потому, что ты решила забить на подругу...

— Кэт, — с укором прервала её Линда.

— Послушай, я веду речь о нашем проекте о раскопках в Ассиуте и возможного сокрытия там тела одного из фараонов, о лекарстве, которое может лечить многие болезни, — Кэт не могла говорить спокойно и зажгла своим нетерпением и Линду.

— Да?

— Ну так вот, я случайно узнала у Мэри, ну, помнишь, такая смазливая секретарша нашего начальника, ну, та, которая всё время говорит про себя, что она морально устойчивая, а сама помогает Смигу снимать напряжение в конце рабочего дня, если ты понимаешь, о чём я, — Кэт любила разглагольствовать, её могло унести в такие дебри, что она сама теряла нить разговора.

— Так что ты узнала от Мэри? — девушка возвратила подругу к изначальному руслу разговора.

— Ах, да, так вот, она сказала, что завтра к нам в офис приезжает некий барон и хочет сделать предложение, от которого мистер Смит вряд ли откажется, — Кэт чуть ли не

давилась словами.

— Это касается проекта? — Линда радостно вскочила, кружка в руках дрогнула и оттуда выплеснулся тёплый кофе прямо ей на брючину, — чёрт!

— Что-то случилось? — заботливо проворковала в трубку подруга.

— Нет, всё нормально, только кофе пролила на себя, — Линда ушла на кухню и, оставив в сторону начавший остывать кофе, зажав телефон плечом, стала вытирать брючину маленьким кухонным полотенцем.

— Надеюсь, не горячий? — поинтересовалась с сочувствием Кэт.

— Уже нет, — Линда улыбнулась, облокотилась о стол и с затаённой надеждой задала ещё раз вопрос, — это касается нашего проекта?

— Да, — Кэт важно продолжила, — помнишь ту публикацию в научном журнале «Лондон сайенс», а конференцию?

— Конечно, — девушка помрачнела, — Смит мне тогда по шее надавал за публикацию, хотя в моём контракте нигде не указано, что я не могу издаваться.

— Он возьмёт свои слова обратно, ему придётся, тот барон хорошо платит, и он очень заинтересован в твоём проекте, — торжествующе закончила подруга.

— Хм, зачем кому-то сдался мой научный проект? — озадаченно спросила Линда.

— Какая разница? — произнесла Кэт, а девушка представила её манеру пожимать плечиками при любом вопросе, который, как ей казалось, не имел для неё значения. — Главное, что это важный хрен заинтересовался нашим проектом, а вдруг он предложит свою кандидатуру в качестве инвестора и ты сможешь проверить все свои теории на практике?

— Я не питаю иллюзий, — очень хотелось верить, но заранее обнадёживать себя — нет.

— В любом случае будь завтра при параде, увидимся, пока, — сказала девушка, сбрасывая звонок.

— Пока, — уже зуммеру ответила Линда.

Она посмотрела на остывавший кофе в кружке, пятно на брюках, прикинула шансы заснуть сразу и завтра быть как огурчик и, вздохнув, поплелась в кровать. Линда думала, что будет ворочаться и кряхтеть, считая в мыслях баранов, но на своё удивление быстро заснула, но даже во сне её преследовали синие глаза выдуманного её воображением чёрного волка.

Музей Египетской археологии Питри. Следующий день.

— Ну ты, подруга, и даёшь, — восхитилась Кэт и покрутила Линду перед собой.

Девушка немного смущённо и в то же время с укором посмотрела на подругу. Кэт была низкорослой, сбитой телом, с золотистыми кудряшками и смешными веснушками, усыпавшими лицо и грудь. Болтливая, но умеющая расположить к себе, без той нарочитой наглости и фамильярности, которая бывает иногда присуща таким натурам.

— Почаще бы ты носила обтягивающие деловые костюмы, а не вытянутые свитеры и потёртые джинсы... — начала было она и осеклась под суровым взглядом подруги, — хорошо, хорошо... Молчу.

— Давай лучше приступим к работе, Кэт, — напомнила Линда и придвинула кресло к столу, включив компьютер.

— Ты сможешь вот так спокойно и запросто работать, зная, что где-то есть люди, заинтересованные в твоих проектах? — Кэт немного обиженно села за стол рядом и тоже нажала на кнопку пуска. — Давай хоть сварю нам кофе?

Линда улыбнулась.

— Давай, — подбодрила она сникшую Кэт, видя её «нерабочее» состояние сегодня.

Та весело вскочила и подбежала к кофеварке, бывшей одной из привилегий их отдела. Отдельника, состоявшего из двух людей и заседавшего в отдельном кабинете, что вызывало некую зависть у коллег, отделы которых были втрое, а то и вчетверо больше, и люди в них были вынуждены тесниться в таких же комнатах, как Линда с Кэт вдвоём.

Но их команда была уникальна во многом благодаря личности Линды. В музее Египетской археологии Питри они работали с экспериментальным направлением. Будучи студенткой последнего курса, Линда в своё время представила в качестве дипломной работы свои изыскания в области бальзамирования и мумификации. Она занималась восстановлением одного из древних рецептов сохранения тела после смерти. Но этого ей было мало. Тема была настолько интересной, что девушка увлеклась изучением древнеегипетских букв-символов, наблюдала за работой патологоанатомов, переводила «Книгу мёртвых» и даже восстанавливала древнеегипетские танцы, полные символизма и сдержанной красоты, имеющие больше ритуальный характер, чем направленные на развлечение. После блестящей сдачи диплома ею заинтересовались не только на кафедре, но и в музее. Это казалось немного странным, но ей выдали грант, а таких объёмных источников знаний в Лондоне больше нигде не сыскать, поэтому Линда с энтузиазмом приступила к работе. Успех был переменным. А крылья за спиной от вдохновения помогали девушке справляться со всеми своими обязанностями, в том числе и мамы, и жены.

Из лёгкой задумчивости Линду вывела поставленная перед ней кружка с кофе, на которой иероглифами написано: «Вперде к победе». Эту кружку подарила ей Кэт, ездившая накануне мирового локдауна в Китай и не знавшая, разумеется, всех тонкостей этого языка. Они для смеха решили перевести, что же там написано, улыбнувшись нелепости, но когда они сделали аналогичное с кружкой Кэт, то возмущению её не было предела. Её надпись была более насыщенной по накалу эмоций и посылала отнюдь не к победе. Вначале они пришли к выводу об её утилизации, но позже это стало даже некой их тайной хохмой, только на время приезда китайских делегаций было решено прятать её подальше.

— Что будешь делать с деньгами, которые свалятся на тебя? — спросила Кэт, поправляя волосы и делая глоток горячего напитка, поморщившись и потянувшись за ещё одним коричневым кубиком сахара: Кэт постоянно придерживалась диеты, и поэтому Линде тоже приходилось следовать этому правилу, и только поэтому они частенько поедали пончики, которые категорически запрещалось запивать кофе с белым сахаром.

Линда с укором посмотрела в сторону подруги.

— Давай не будем делать ни поспешных выводов, ни... — она осеклась, так как её перебила Кэт.

— Но всё же ты вырядилась сегодня, — она поиграла бровями.

— На всякий случай, — проворчала Линда и сделала пару шумных глотков, кофе приятно обжёг горло, оставив на кончике языка лёгкую горчинку, которую сладость сахара только подчеркнула.

— Ну вот... — подтвердила подруга и заговорщицки закивала. — А ты не хочешь взять никого из своего отдела, например, твою лучшую подругу, которая прекрасно готовит кофе и ради тебя готова выпить хоть все свои запасы виски?..

Линда усмехнулась и строго произнесла:

— Ещё же ничего не решено... — и уже более мягко, — я не знаю всех условий, да и на

кого я оставлю отдел в моё отсутствие?

— О-о-о-о, — протянула Кэт и закатила глаза вверх. — Я тебя умоляю, да Смит будет рад отправить нас с тобой хоть на край света, чтобы только мы не мельтешили перед его глазами со своими проектами, честно отработывая гранты и государственное финансирование, а он, в свою очередь, если нас не будет, сможет отлично отдохнуть, завязнув в своём болоте и спокойно отбивая денежки...

— Кэт, — протянула Линда, в душе прекрасно понимая, что та говорит правду.

— Я разве ошибаюсь? — несколько обиженно спросила рыжая, поблёскивая немного раскосыми тёмно-зелёными глазами.

— Нет, ты права, — согласившись, кивнула Линда.

Девушки выпили кофе, прикинули план работы на сегодня и разошлись каждая по своим делам. Линда какое-то время пробыла в пыльном архиве, выудив оттуда пару необходимых ей документов, настолько редких, что пожилая работница так сильно покраснела от досады, что её потревожили, а девушка взяла себе на заметку прийти в следующий раз вооружённой какими-нибудь вкусностями: судя по коробке печенья на тумбочке рядом со столом, та была их поклонницей. Полчаса ворчливых бормотаний, и Линда получила желаемое.

Девушка скрылась в закрытом от посетителей зале, в котором даже работники музея бывали весьма нечасто, и разложила перед собой переводы древних свитков с медицинскими исследованиями врачей той эпохи. Она каждый раз поражалась тому, как далеко было продвинуто врачевание в те времена, как многое знали жрецы культов, а попросту говоря, учёные и доктора той эпохи, и как сокрушалась, что знания были доступны лишь малой части избранных, особо приближённых к фараону. Особенно египтяне поднаторели в области в анатомии, посмертной, в частности. Они знали, как сохранять тела на очень долгое время, и мумии, сохранившиеся на долгие тысячелетия, — доказательство их гения.

Линда до такой степени сосредоточилась, что не замечала ничего вокруг себя, не сразу поняв, что оказалась не одна и что с нею заговорили. Она вздрогнула и повернулась к источнику звука. Прямо перед ней, но на расстоянии пары шагов стоял высокий мужчина, достаточно массивный, но не перегруженный мышцами, хотя они красивым рельефом вырисовывались под тончайшей тканью его дорогого костюма. Он был в меру смуглым, а скорее загорелым, нежели это был натуральный тон его кожи, волосы, уложенные в красивую причёску, отливали чёрным глянцем, лицо красивое, подёрнутое наметившейся сетью морщин, которые, впрочем, не портили его, и живые, но настолько тёмные глаза, что, казалось, зрачок разлился на всю радужку, с интересом смотрели на неё.

Наверное, Линда слишком пристально рассматривала его и несколько дольше, чем положено законами этикета, что он решил первым закончить продолжительное переглядывание, широко улыбнулся и спросил густым басом:

— Я испугал Вас?

— Вовсе нет, — Линда собралась и чуть улыбнулась.

Его взгляд упал на бумаги и блокнот, исписанный аккуратным убористым почерком девушки, и он за один шаг преодолел расстояние, разделяющее их.

— Вы сотрудник музея? — спросил он, рассматривая записи уже более пристально, слишком развязно и как-то даже по-хозяйски.

Девушка еле сдержалась, чтобы не высказать ему, что он суёт нос не в свои дела.

— А Вы посетитель? — ответила она, захлопывая перед ним блокнот.

Он ничуть не смутился, а усмехнувшись, продолжил, уже глядя ей в глаза:

— В некотором роде, да, — мужчина, немного промолчав, добавил: — И что же манит всех исследователей Древнего Египта в забытой богами старине: культура, загадка исчезновения некогда могущественной цивилизации, существовавшей долгие тысячелетия, безграничная власть господ над рабами?..

Последнее было сказано с жёсткой насмешкой, и Линда решила уточнить:

— Время господ закончилось, рабов уже нет и никогда не будет.

Его глаза зло сощурились, но ответ он выдал спокойным голосом:

— Запёрлись в четырёх стенах своих исследовательских кабинетов, чтобы ничего не видеть, изучая древнюю культуру, чтобы понять что? Что увидеть? Рабы никуда не делись, всё осталось как и прежде, только антураж поменялся: сейчас о них нужно заботиться, но так, чтобы они не почувствовали себя хозяевами, не почувствовали себя теми, кто решает, им дают деньги, но ровно настолько, чтобы они могли поесть, одеться и купить необходимое за бумажки, по сути, не имеющие никакой ценности, остальное в кредит — чем не рабство? — он усмехнулся, глядя в растерянное лицо девушки. — Ах, да, забыл, им жизненно необходимо заплатить за интернет, чтобы была иллюзия своего всевластия, безнаказанности, не ведая, что цифровое пространство помнит всё, являя собой в умных руках цифровую тюрьму; у раба, по сути, есть только тело...

— Господ мало, рабов много, — коротко кинула Линда, её начинал раздражать тот менторский тон, каким вещал этот странный посетитель, хотелось ответить жёстко, но правила посещения музея сдерживали её, ведь клиент всегда прав.

— Вы намекаете на их бунт? — уточнил он без злобы, похоже, ему нравился этот разговор в пику настроения Линды.

— Я Вам прямо о нём говорю, — Линда старалась держаться как можно официальнее.

— Бунта не будет, раб не чувствует себя ущемлённым ни в чём. Забрать прав и свободы — да, забирайте, собственность, да, пожалуйста, это же не его.

— Вы намекаете, что у раба есть жизнь и, только когда на неё будут покушаться, он сможет сбросить оковы рабства? — в свою очередь спросила Линда.

— У раба есть только его тело, ему больно, и это единственное, что заставляет его чувствовать и понимать боль других, но и это можно контролировать, — произнёс мужчина и тонко улыбнулся.

— Рабов больше, чем хозяев, — вставила реплику девушка, ей стало любопытно, до чего же дойдёт их эта беседа с не представившимся ей визави.

— Вы думаете, хозяева это не понимают? — в его глазах промелькнул огонь какого-то неистовства. — Господа придумали действенный способ удерживания рабов в узде. Этот способ до ужаса примитивен, но крайне действенен. Знаете ли Вы, кто самый жестокий палач на свете?

Линда ничего не сказала, она ждала его ответа.

— Раб, которого господин возвысил над другими рабами: о, поверьте, нет на этом свете ничего более мерзкого, чем человек, чуть поднявший свою голову над другими. Он делает всё, что ему скажет хозяин, чтобы снова не быть в общей массе, и делает это максимально хорошо и настолько бесчеловечно, что потом у господ появится лишний повод сказать остальным, чтобы они посмотрели хорошенько на плоды рук своего же, чтобы ужаснулись и отдали ещё большую власть хозяевам, хотя уже куда больше...

— А революции? — уточнила девушка.

— Революции? — мужчина хмыкнул и продолжил: — Бунты никогда не проходят без «верхи не хотят».

— Раб никогда не будет хорошо работать, — произнесла она и увидела, как дёрнулась щека у показавшегося слишком злым собеседника, так откровенно болтающего о весьма щепетильной теме, но именно этим он и подкупал.

— Вот для этого ему нужна иллюзия, иллюзия свободы, в первую очередь, кинематограф, телевидение и интернет, чтобы вылить озлобленность на такого же раба, как он, чтобы он лишний раз доказал сам себе, что имеет власть, его несуществующую власть, — у мужчины был ответ на всё.

Они оба примолкли. Линда стала мрачной, ей решительно не нравился ни разговор, ни человек, его начавший. Видимо, он уловил её настрой.

Мужчина примиряюще улыбнулся и показал на висевший рядом со столом небольшой барельеф, уходя от странного разговора, меняя тему беседы:

— Если я не ошибаюсь, Тутанхамон и его жена Анхесенамон, сцена охоты, премило.

Линда расслабленно улыбнулась и ответила:

— Расхожее и досужее мнение.

Он поднял в ответ брови и уточнил:

— А что же на самом деле здесь передано?

— Культура Древнего Египта настолько тонкая, что лишь намекает на интимные отношения между мужем и женой... — начала было она, видя, как тот недоумённо смотрит на неё.

— Чем же здесь она намекает? — мужчина приблизил лицо к изображению.

Линда сдержалась, чтобы не расхохотаться. Он вдруг на миг растерял всю свою важность и стал походить на обыкновенного человека. Эта мысль так удивила девушку, что она решила продолжить:

— Фараон держит в своих руках лук с натянутой тетивой и приготовленной к выстрелу стрелой, а его царица сидит совсем близко...

— Ну? — спросил мужчина нетерпеливо.

— Женщина обнажена... — наталкивала она его на догадки.

— Так жарко там, климат же такой... — настаивал он и вдруг, смерив её оценивающим взглядом, тонко улыбнулся. — Иногда сцена охоты — это просто сцена охоты, а не выдумки одиноких женщин.

В лицо Линды кинулась краска, и она пару раз глубоко вздохнула, чтобы не сказать что-то опрометчивое или обидное.

— Царица и особо приближённые к ней женщины, а также жёны важных сановников и жрецов никогда не были обнажены, это считалось дурным тоном: показывать голое тело — удел служанок, наложниц, крестьянок и прочих низших слоёв населения, тело же царицы должно быть покрыто, даже если это будет тончайшая ткань, царица могла предстать обнажённой только в случае исполнения супружеских обязанностей, — объяснила она.

— Так просто? — он немного смутился, хотя изо всех сил старался не показывать виду. — А лук — это?.. — мужчина не решился задать вопрос вслух.

— Да, то, о чём вы подумали, — без тени улыбки ответила девушка.

— Очень метафорично, — проговорил он примиряюще и приподнимая уголки губ в лёгкой улыбке, отчего морщинки возле глаз стали заметнее.

— Это Древний Египет, хотя в массе своей народ был намного проще, — Линда немного расслабилась.

Он посмотрел на часы, а потом на неё, подавая ладонь.

— Барон фон Бинц, — представился мужчина, — можно просто Фредерик.

— Линда, можно просто Линда, — в ответ она пожала руку, съязвила, не удержавшись, и поправила выпавшие кудряшки из причёски.

Барон поднял бровь, как будто чему-то удивившись, но тут же произнёс:

— Надеюсь на встречу, — и не дожидаясь её ответа, вышел.

— Ага, — развернулась девушка к своим бумагам, пробормотав, — бегу, и волосы веют на ветру.

Она никогда не могла объяснить самой себе иррациональный страх перед слишком идеальными людьми: красивыми, умными, успешными, список можно было бы продолжать бесконечно. А этот был... безупречен: начиная внешним видом и заканчивая манерами, а его разговор выдавал в нём человека независимого и, видимо, того, кого он и называл «господами» и «хозяевами». Линда попыталась выкинуть случайную встречу из головы и сосредоточиться на своих исследованиях.

Работа захватила всё её внимание. Травы, которые собирали жрецы для бальзамирования и мумифицирования, были весьма специфичны и точно подобраны для таких процедур. Да и вообще, они знали намного больше, чем можно себе вообразить при первом знакомстве с этим вопросом. Многолетние наблюдения, ошибочный и удачный опыт людских поколений или чудо, как в том мифе, в котором Анубис даровал жрецам способы излечения от многих болезней, помогли найти лекарства, составить точный рецепт посмертного сохранения тела?

— О, да, Великий Тёмный, — прошептала она, пребывая всё в таком же настроении. — Снизойди до сегодняшнего вируса, даруй рецепт...

Её это немного рассмешило, и, уже было разложив перед собой документы и намереваясь приступить к своим обязанностям, она отвлеклась: Линду вновь потревожили. В зал вбежала взволнованная Кэт. Она подкатилась к подруге, как мячик, и долго не могла отдышаться.

— У Смита такой переполох, Линда, — она всплеснула руками и схватилась за сердце, — прибыл тот важный хрен, помнишь, я вчера тебе о нём говорила? Смит рвёт и мечет, он требует тебя.

Девушка почти что стонала. Собрав все бумаги и документы, она всучила их Кэт.

— Я очень хочу получить место в этом проекте, это единственный шанс попасть в Египет, — проговорила Линда, впрочем, не надеясь, и прошла к кабинету начальника.

Смит был типичным начальником, он старался угодить всем: своему шефу подлизывал зад, мог подставить работников, если свой горел, но, в общем и целом, своих подчинённых старался не обижать. С маленькими бегающими глазками, большим носом и пухлыми губами, он производил впечатление обидевшегося уродливого ребёнка, нашкодившего, но всеми силами пытающегося это не показывать и несправедливо, по его мнению, наказанного. Также у него, как у типичного, среднестатистического шефа, были свои любимчики и изгои. Вот к одним из немногих последних Линда относилась и себя. При любых внештатных ситуациях в первую очередь за объяснениями шли в её отдел, бельмом маячивший на глазу начальства. Нетипичные задачи, возложенные на сотрудников, не укладывавшиеся в профиль музея, но спонсируемые грантом, раздражали мистера Смита, а в

большей степени злило то, что девушка отчитывалась о результатах напрямую грантодателям, но в его руках была власть дисциплинарная, и «жалил» он ей точно в цель, отвлекая от исследовательской работы, заваливая девушек канцелярской работой, заставляя оттачивать свой эпистолярный стиль в написании многочисленных, никому не нужных отчётов, большую часть которых Мэри с сильно недовольным выражением лица еженедельно безжалостно скармливала шредеру.

«Могло быть и хуже», — с этими мыслями Линда вошла в помещение, по привычке не стуча.

Кабинет Смита представлял собой уютное, лишённое индивидуальности, безвкусно обставленное место типичного босса средней руки: ничего личного, портреты историков за спиной, пустой стол с письменными принадлежностями и гербовой печатью для документов, сейф, шкаф с книгами. Те были нужны скорее для проформы, чем для чтения. Кресло, удобное как раз для того, чтобы просидеть в нём всю свою сознательную жизнь, мягкое в меру, ровно настолько, чтобы не заработать геморрой, а на склоне лет, как положено, беззаботно уйти на пенсию с хорошим денежным вознаграждением.

«Но ему ещё рано, — с тоской подумала Линда про себя и тут же добавила, — крови он мне успеет попить основательно».

— Миссис Портер, — слишком любезно, слишком для того, чтобы исследовательница успела напрячься.

«Та-а-а-ак...» — протянула про себя девушка.

— Присаживайтесь, — проговорил шеф и кивнул ей на кресло, стоящее рядом.

Они молча посмотрели друг на друга. Пальцы начальника нервно отбивали чечётку по гладкой, без намёка на пыль столешнице.

— Что-то случилось, мистер Смит? — спросила Линда, решившись заговорить первой, не в силах оторваться от вида бешеной пляски его слегка опухших пальцев по отполированной лаковой поверхности.

— Случилось, Портер, — всю любезность как ветром сдуло, он вскочил и посмотрел на дверь, — у нас очень важный человек, — он почему-то при этих словах показал на потолок, разумеется, не его имея в виду. — Мне предлагается проект, — он смолк, понимая, что что-то не то сказал, а Линда прекрасно знала, куда уходят представительские расходы их грантов, но молчала, — нам, разумеется, предлагается, миссис Портер...

— К чему все эти расшаркивания, Смит, — не выдержав, проговорила Линда, — скажите уже напрямую.

— Вы мне... это... — Смит вскочил с офисного кресла и вперился бешеным взглядом в девушку. — Помолчите, то, что выбрали Вас, ещё ни о чём не говорит: ни об уме, ни о таланте... Любите зубоскалить, вот и на последней конференции заприметили Вас, Ваш проект...

— Вы вызвали меня к себе, чтобы оскорблять? — холодным тоном произнесла Линда и встала с мягкого кресла.

— Разумеется, нет, — в глазах метнулась тревога, его тон смягчился, а на лице появилось подобие улыбки, — я прошу... — он запнулся, как будто пытался протолкнуть в себя позавчерашний пудинг, — прощения, — шеф покраснел и сел обратно за стол, руками показывая на то, чтобы и она опустила, что девушка и сделала.

— Вы мне объясните, что происходит? — теперь и Линда начала переживать, глядя на неподдельную обеспокоенность начальства.

— Нам предложили проект, тема не совсем профильная, но как специально под твой научный проект — медицина, бальзамирование и мумификация в Древнем Египте, уж не знаю, чем Вы так вдохновили тех, кто даёт под это колоссальный грант, но это Египет...

— Египет... — Линда чуть не подпрыгнула на месте.

— Да, работа в Египте, я не знаю всех подробностей, но ковыряться в мумиях — Ваш профиль, — Смит всё же не смог сдержаться, чтобы не подколоть, но уже серьёзно прибавил: — И да, там огромные средства...

— Нет других учёных? — спросила Линда, чувствуя подступивший к горлу ледяной комок паники.

— Так решил комитет, — и вновь густой бас, услышав который девушка с трудом осталась спокойной.

Учёная повернулась в сторону звука и увидела перед собой того, с кем не особо любезно поговорила сегодня в музейном зале, да ещё и позволила себе поучать.

«Так тебе и надо за твой длинный язык, — сокрушалась она про себя».

Начальник вскочил и глазами указал ей сделать тоже самое. Девушка выпрямилась, всё же решив не терять присутствия духа.

— Это Фредерик... — начал было Смит.

— Линда, в курсе, — усмехнувшись, произнёс барон, не сводя с неё тёмных, как египетская ночь, глаз, — Линда... можно просто Линда?

— Миссис Портер, — вставил ремарку Смит и осёкся, встретившись с горящим взглядом фон Бинца.

Тот выпрямился, и его взгляд скользнул по рукам девушки, которая давно уже не носила обручальное кольцо. Впрочем, лицо мужчины осталось непроницаемым. Смит пригласил того присесть, что фон Бинц тут же сделал, кожаное кресло под ним сдулось. Он уверенно сложил руки на подлокотники и с интересом рассматривал подобострастное лицо Смита и настороженное Линды.

— Миссис Портер, — теперь его тон был более официальным, — на конференции, прошедшей месяц назад, Вы представили научному сообществу доклад о Вашей догадке про город Ассиут, мне любопытно, а с каким материалом Вы работали?

— В основном, с письменными источниками, — Линда поняла, что, помимо всего прочего, расслабилась, строгий деловой тон настраивал на такой же диалог, — в Лондоне есть некоторые документы, я перевела их...

— Простите? — недоумённо спросил Фредерик.

— Миссис Портер ещё и неплохо разбирается в иероглифах... — Смит замолчал, когда увидел грозный взгляд важного мужчины.

— Мистер Смит, есть ли вблизи музея общепит? — спросил тот, сверля шефа Линды тяжёлым взглядом.

— Д-да, — заикаясь, произнёс шеф.

— Сходите, — Фредерик посмотрел на часы, — как раз время для второго завтрака.

Мистер Смит встал немного растерянно, надел пиджак, потом его снял, потом снова надел, схватил пальто и шляпу, под недовольным тяжёлым взором барона поскорее поспешил ретироваться из своего же кабинета. Как только дверь закрылась, фон Бинц развернулся к Линде и предложил:

— Продолжайте, миссис Портер.

— Можно Линда, — девушка легко усмехнулась, — просто Линда.

Фредерик улыбнулся, опустив голову, затем вновь поднял её.

— Хорошо, Линда, прошу Вас, продолжайте.

— Повторюсь, что в Лондоне есть немало письменных источников, однако основной материал я брала из сканов источников Египетского музея в Каире... — она замолкла, вновь увидев его изумлённый взгляд, — я помогла им с одним делом, они решили отблагодарить, так что это своего рода сделка, ничего незаконного.

Он, мотнув головой, промолчал, ожидая, чтобы Линда продолжила, что она тут же сделала:

— Но, сопоставляя данные, я пришла к выводу, что все они слишком рваные, разрозненные, если сравнивать их в совокупности по тому времени, когда они были написаны, — она умолкла, немного помолчав. — Но мы с моей коллегой пошли другим путём, мы начали анализировать документы не по времени, а по предмету, да, это могли быть документы из другой эпохи, правлений разных фараонов, однако это оказалось самым верным решением, мы по крупицам воссоздали древнюю легенду, миф, если хотите, — Линда перевела дыхание, Фредерик был хорошим слушателем, ему хотелось говорить, — а потом мы стали находить очевидные доказательства того, что, вероятно, то, что мы раскопали, не миф, что где-то есть нечто, доказывающее, что существует лекарство от всех болезней и что возможно жить бесконечно долго...

Барон громко расхохотался, скорее радостно, нежели в насмешку над ней, вскочил с кресла и возвысился над девушкой, опираясь бёдрами о стол.

— Я понимаю, что это звучит как бред сумасшедшего... — начала оправдываться Линда.

— Как и радио, и телефон, а потом и сотовая связь... — взгляд Фредерика загорелся, — я не над Вами рассмеялся, простите, если оскорбил или как-то задел, я понимаю, что Вы потратили на это не один месяц и даже год своей жизни, и этот смех не обесценивает ни в коем случае всех Ваших успехов в исследовательских изысканиях, — он вздохнул и возвёл глаза к потолку, а затем вновь взглянул на девушку. — Когда мои люди приехали на то сборище баранов от науки, простите, к Вам это не относится, скорее, ко мне, я долгое время занимаюсь египтологией, то не ожидали встретить и одного нового взгляда на вопрос о медицине Египта, но когда они рассказали о Вашем проекте, то именно Вы мне дали надежду, что при должном финансировании возможно и дальше проработать этот вопрос.

— И Вы решили, что я могу продолжить двигаться в этом направлении? — Линда испытующе смотрела на него.

— Вы именно та, что может копнуть глубже, у Вас свой взгляд на происходящее, а в Каире Вы будете работать с самими источниками, имея доступ и в секретные архивы... — его тон стал почти гипнотическим.

А Линда продолжила внимательно смотреть на него, думая, насколько же простирается его власть, кто стоит за ним, что это за могущественные люди. Они действительно верят, что возможно обрести бессмертие? Для девушки это была лишь легенда, красивая, о том, что Анубис был настолько благосклонен к людям, что даровал им лекарство от всех болезней, а может, и эликсир бессмертия, чтобы ни одной человеческой души не было в его юдоли страха и обречённости. Но это шанс поработать с теми документами, что сокрыты от обычных исследователей, и она, возможно, заполнит какие-то белые пятна в истории Древнего Египта. Но вот только какую цену ей придётся заплатить? И не фанатики ли эти высокие покровители? Но ведь Фредерик выглядит вполне себе респектабельно.

«Дьявол тоже», — тут же пронеслось в мыслях девушки, но она постаралась выбросить некстати пришедшие на ум размышления.

Фредерик же по-своему истолковал её молчание и теперь был убеждён, что Линда передумала, поэтому стал предлагать выгодные условия.

— Это не только кабинетная работа, Линда, будет экспедиция, у Вас будет всё самое необходимое, что Вам нужно: любая команда, любые люди, техника, доступ ко всем архивам, ко всем документам, — проговорил он.

— И сотрудница моего отдела Кэт, — произнесла она, ставя точку в переговорах по условиям её работы на неизвестный комитет.

Фредерик тонко улыбнулся, и они пожали друг другу руки.

— Договорились, — довольно произнёс мужчина, — на следующей неделе мы подпишем контракт и тут же отправимся в Египет.

Он вновь обрёл опору в своих ногах и возвышался над сидящей девушкой, та тоже решила подняться, когда он развернулся к выходу, и уже в спину спросила:

— Вы упомянули про комитет?

Линда увидела, как напряглись его мышцы через костюм, но когда он обернулся, то беззаботно улыбался.

— Комитет этот состоит из спонсоров, благотворителей, меценатов и видных учёных, думаю, если Ваши труды оценят по достоинству, возможно стать одним из его членов, а это очень почётно, да и к тому же влечёт за собой и финансовые преференции, — пояснил он.

— Вы один из них? — уточнила она, когда они вышли из кабинета.

— Пусть вопросы комитета Вас не волнуют, Ваша задача исполнить условия контракта, — сухо и уклончиво произнёс он и взглянул на часы, — вынужден попрощаться, но ненадолго.

Линда кивнула головой и произнесла:

— До свидания.

Они разминулись у лестницы. Когда девушка вошла в помещение отдела, то застала Кэт с оттопыренной кверху пятой точкой возле окна. Линда дошла до подоконника и взглянула вниз — барон как раз садился в свой автомобиль, который оказался таким же солидным, как и он сам. Когда он отъехал, подруга обернулась к ней, и её взгляд горел неподдельным восхищением.

— Этот важный хрен — не просто важный и способный решить все проблемы с проектом, он ещё и настолько горячий, что мы с Мэри тебе завидовали огромной завистью, не белой, не думай, чёрной, мы решили тебя ненавидеть, — проговорила Кэт и расхохоталась, показывая этим, что она шутит.

— Я бы не смотрела на всё так... радужно, и завидовать мне тоже не стоит, — мрачно сказала Линда.

— Что-то не так? — озабоченно спросила Кэт, вглядываясь в её озадаченное лицо.

— Вот знаешь, Кэт, встречала ли ты когда-нибудь респектабельных людей с хорошими манерами, в чистой одежде, которые всем нравились, а у тебя от них мороз по коже и какой-то внутренний посыл бежать как можно дальше? — резюмировала она.

— Погоди, ты ведь с ним беседовала, что случилось? Ты отказалась от финансирования?! — Кэт побледнела и теперь испытующе глядела на подругу.

— Нет, конечно, — поспешила заверить её Линда.

— Он что-то сказал не так? Сделал? — допытывалась Кэт.

— Он был любезен, держался в рамках дозволенного, — она чуть умолкла, затем продолжила, отходя от окна и садясь в офисное кресло. — Но мне показались его рассуждения о рабах слишком... он как будто сожалел о прошедших временах, и ещё какой-то комитет, представители которых были на той конференции и слушали мой доклад, они сочли его достойным внимания, в противовес другим, которые даже не внесли его в основную программу, а мой доклад был поставлен в необязательные для прослушивания лекции.

— Ты слишком многое анализируешь, Портер, — Кэт поправила жалюзи на окнах и села за своё место, — пусть это будет хоть сам чёрт рогатый, но, раз он даёт деньги на исследование, какая разница, каковы его намерения?

— Наверное, ты права, наверное, и вправду «деньги не пахнут», — нехотя согласилась с ней Линда.

— Ты на пути нового открытия, возможно, оно послужит чему-то хорошему, — Кэт старалась поддержать подругу.

— От этого не легче, надеюсь, его миссия будет состоять лишь в том, чтобы являться посредником между музеем и загадочным комитетом, и нам «придётся» общаться лишь по телефону, — убедила сама себя Линда. — Главное — это дело, всё остальное потом.

Кэт кивнула, соглашаясь, затем же посмотрела на неё вопросительно, но Линда еле сдерживалась, чтобы не расхохотаться.

— Ты ничего не хочешь мне сказать? — нетерпеливо спросила она.

— Нет, — Линда попыталась остаться невозмутимой.

— Точно? — ещё раз уточнила Кэт.

— Абсолютно, — подтвердила Линда, исподтишка наблюдая за подругой.

— Угу, — проговорила глухо рыжеволосая девушка, и её нижняя губа задрожала, она попыталась взять себя в руки, упёрлась глазами в компьютер и начала неистово стучать по клавиатуре.

— У тебя есть головной убор для сафари? — спросила Линда, поворачиваясь к подруге.

Та в своей воображаемой обиде сначала не поняла, о чём её спросила девушка.

— Что? — спросила та, и уже в процессе поворота к своей подруге до неё начал доходить смысл вопроса, — То есть...

— То есть мы едем в Египет вместе, — подытожила она.

— Я знала, что ты меня не оставишь на растерзание этому Смиуту, — Кэт притворно опустила ресницы, потом вновь взметнула ими, и девушки рассмеялись.

— Ой ли, Кэт, — произнесла Линда и решила, что этот день ей не испортит ни начальство, ни странный благотворитель, ни лондонская погода. — Ну а теперь давай работать, коль нас ждёт великое открытие, — на последних словах девушка улыбнулась, она буквально кожей чувствовала, что ей удастся подтвердить свою теорию, как только она копнёт глубже, но это «глубже» возможно только на родине великих тёмных богов Египта.

Кэт мотнула головой и в предвкушении глубоко вздохнула, увидев, как Линда покачала своей, улыбаясь.

Глава 2. Светский трёп и тайна на дороге

Университетский колледж Лондона.

— Ну и напоследок, — Линда улыбнулась, глазами скользнув вверх по стройным рядам аудитории, заполненной студентами, — в качестве пицци для размышления.

Часть студентов недовольно загудела, что заставило девушку ещё раз улыбнуться. Моложе её всего на несколько лет, ученики были в меру злыми, отлично соображающими, но не без озорства молодыми людьми. Да и статус обучающихся в самом первом и престижном ВУЗе страны давал о себе определённые сигналы, составляющие мнение о студентах: ты сможешь получить все необходимые знания только при должном старании и подготовке, однако многое зависит не только от тебя одного.

— Понимаю, думать никому не хочется, но давайте себе представим мир, в котором вообще ничего не было... — продолжила она.

— В том числе лекций по мифологии Древнего Египта? — её прервали нелепым вопросом, раздался смех — студент, кинувший уточнение, решил состричь.

— Интернета тоже, — Линда прошла к столу и оперлась о него бёдрами.

— Шах и мат, — ответил тот патетическим тоном, и аудитория взорвалась смехом.

Она дождалась, пока утихнет веселье, и продолжила, сложив руки на груди:

— Но кое-что в этом мире было, и это что-то было Хаосом, бескрайним, безвидным и безмятежным океаном, простиравшимся от начала до края земли, но всеблагим и разумным, и вот однажды, хотя не было же никаких предпосылок, что-то случилось в нём самом, какое-то движение, колыхание, толчок. И воды его отделились друг от друга, став Землёй и Небом, Гебом и Нут соответственно. Хаос растворился в своих творениях, но мы до сих пор можем видеть его: сень от солнца, ведь наверняка все видели её, даже издали ощущая, как в этой благодати хорошо, или густой воздух осенью...

— Когда опускается солнце, на горизонте появляется короткая яркая линия, как всплеск света... — с верхних рядов раздался густой бас.

Линда улыбнулась, увидев барона, и согласно кивнула.

— Каждый из вас может видеть его присутствие в этом мире, чувствовать его, — подтвердила девушка, — но продолжим... Земля и Небо всматривались друг в друга, не без помощи, конечно, Ра, бога солнца, видя отражения самих себя, сначала настороженно, затем всё более заинтересованно, пока однажды не поняли, что не могут быть больше сами по себе, а только вместе. Поток ветра взмыл Геб вверх, закружившись в просторах Нут, для того, чтобы та пролилась дождём на его сухие земли. Правда, потом Ра их вновь отделил друг от друга, но именно так и появились остальные боги...

— Сёстры и братья, — выкрикнули из аудитории, раздались отдельные сальные смешки.

— Если Вы имеете в виду инцест, — холодно начала Линда, — то я, наверное, разочарую вас: хотя они все из одного источника, из Великого Хаоса, и для нас, людей, может казаться, что это и вправду кровосмешение, природа богов иная, и к тому же в Древнем Египте супругов было принято называть «брат» и «сестра», даже если это и не был кровосмесительный брак — всё просто, не надо ничего выдумывать; и, да, не будем

забывать, что мы пытаемся переложить свою физиологию на те процессы, что происходят вне нашего сознания, персонифицируя то или иное явление, будь оно природное или социальное, но мы не древние египтяне, нам-то с вами не надо объяснять то, что учёными это всё давным-давно изучено, нам известно, почему в природе происходит то или иное...

— И даже смерть? — бодрым голосом задал вопрос барон, но в его взгляде лёгкой дымкой повисла растерянность, когда заметил, как помрачнели и без того тёмные глаза девушки.

Линда глубоко вздохнула, где-то внутри поднималась тревога, грозившая перерасти в паническую атаку. На неё уставились сотни глаз, и девушка, побледневшая, ответила:

— Учёные изучили всё вдоль и поперёк... Всё, что касается тела человека, — ответила она, но невпопад, только для того, чтобы немного отвлечься и привести скачущие мысли в порядок.

— И даже то, что за гранью физической смерти человека? — Фредерик не унимался.

— За гранью... ничего, — выдавила она из себя, справившись с сильным волнением, — мы видим только физическое тело, которое умирает, превращаясь в кусок гниющего мяса...

— Ну а как же верование древних в существование Нефтиды, как посмертного пространства или Анубиса, как персонифицированной смерти, проводника в Дуат?..

— Инпу, — прервала она его.

— Что? — не понял барон.

— Египтяне звали его Инпу, — пояснила Линду, уже успокоенная, но ей не нравилась тема, которую фон Бинц, видимо, не понимая состояния девушки, пытался развить.

— Да, — только и сказал он, ожидая от неё пояснений.

— Вынуждена признать, что мы, как и древние люди, не знаем, что находится за посмертной гранью, но наши технологии дают нам чёткое понимание, что с физической смертью мозга умирает и наше тело, и мы как личность, как человек, перестаём существовать, вот и всё, — она немного задумалась, отведя взгляд, но затем вновь посмотрела на мужчину. — Люди жили тогда весьма плохо, и для них посмертный мир был некой мечтой, куда они уйдут в положенный срок и где их будут ожидать плодородные пажити и вечное блаженство, — барон кивнул, а Линда продолжила, — но и там их могло ждать разочарование: если у человека не было достаточно денег для бальзамирования своего тела, то он не попал бы даже на суд Эннеады, для того чтобы Инпу мог проверить легковесность его сердца и дать пропуск в царство Осириса, — девушка тонко улыбнулась, явно намекая на недавний с бароном разговор.

Тот широко улыбнулся в ответ, мотнув головой.

— Ну и, завершая нашу с вами ставшую пространной лекцию, прошу обдумать вопрос взаимодействия богов, а вот тут вы найдёте поистине пищу для ума, и соотнести её с современностью, возможно, переложив какой-нибудь из понравившихся вам мифов в отражение нашей действительности; профессора, которого я временно замещаю, сегодня выписали из больницы, и она сможет вести лекции, — Линда прошла за стол и открыла ежедневник, — уже в следующую среду.

По рядам студентов прокатилась волна недовольства, которую девушка проигнорировала, слыша, как звенит звонок, означающий конец пары. Её облепили юноши и девушки со всех сторон, что-то урывками спрашивая у неё, она рассеянно им отвечала, видя, как к толпе подошёл фон Бинц и терпеливо, даже немного безучастно ожидал, пока она покончит с потоком вопросов.

Когда студенты разошлись, их взгляды пересеклись, и они улыбнулись друг другу.

— Я получила конверт с договором сегодня, — отчиталась та. — Думаю, ознакомление с условиями и подписание необходимых бумаг займёт недолгое время.

— Я не за этим здесь, — произнёс тот немного несобранно и туманным от задумчивости взглядом чёрных глаз, скорее, утвердил, чем спросил, — у Вас ведь нет сегодня никаких встреч.

— Д-да, — подтвердила Линда, понимая, что врать бесполезно: наверняка такой проныра и без сомнения влиятельный человек осведомился о её рабочем расписании у её же начальства, которое, как показал опыт, он ни в грош не ставил.

— Тогда, возможно, вы не откажитесь отобедать со мной, — то был тоже не вопрос.

Девушка понимала, что отказать нельзя по той простой причине, что барон фон Бинц является куратором проекта, о котором она и мечтать не могла, да к тому же общение в непринуждённой атмосфере, возможно, могло бы открыть для девушки то, каким на самом деле является мужчина. Пока он выглядел как обыкновенный, хотя и умный, начитанный сноб, кичащийся тем, что ему довелось родиться в аристократической семье, наверняка никогда не знавшей нужды, странно, а странно ли, рассуждающий для современного мира о людском рабстве.

— С удовольствием, — произнесла вслух Линда и, собрав бумаги, вместе с Фредериком вышла из учебной залы.

Boodle's.

Небо над туманным городом было тяжёлым, словно нависшее над всеми лондонцами проклятие жить в вечно непроглядной серости и в нетомительном ожидании того, что на их головы в любой момент прольётся дождь или выпадет снег. Ветра не было, как и смога, возможно, оттого, что всю неделю вечером в воздухе носились редкие снежинки, делая его чистым и прозрачным. Немного неприятные ощущения возникали лишь от наледи на старинной мостовой, уложенной булыжниками. Линда любила эту часть города, как любила всё, что могло напоминать ей о том, что человеческий гений не истребим, и даже в тех условиях, когда у людей отсутствовали современные технологии, они могли создавать нечто прекрасное и монументальное. Ей на ум пришли величественные пирамиды, столько тысячелетий одиноко стоящие в пустыне. Ранее служившие застывшей в камне одой величию народа, построившего их, сейчас же отданные на потеху и докучливый праздный интерес туристов.

«Наверное, это касается всех когда-либо великих народов: всех впоследствии ожидает медленное угасание, — от этих мыслей ей почему-то стало неудобно».

Линда вышла из массивного чёрного автомобиля с помощью вежливо поданной руки барона и поёжилась. Лёгкий морозец коснулся щёк и рук. Она мельком взглянула на адрес и немного опешила. Фредерик, прошедший на шаг вперёд, в недоумении оглянулся на девушку.

— Серьёзно? — переспросила она, не решаясь двинуться вперёд.

Брюнет непонимающе посмотрел на неё, потом на здание, а поняв её оторопь, улыбнулся.

— Поверьте, Вас там не съедят, — произнёс он покровительственно.

Линда хмыкнула.

— Я и не боюсь, думаю только, что вряд ли моя одежда годится для приёма в столь

пафосном месте, — проворчала девушка, вздрогнув от пронизывающего тело холода.

Фредерик усмехнулся.

— Это закрытый клуб, и вряд ли кто-то посмеет что-либо сказать или сделать замечание, персонал отлично вышколен, — он сделал галантный жест рукой и, видя всё ещё недоверчивый взгляд исследовательницы, испустил смешок, — да и к тому же принимать Вас там буду только я, Вы боитесь меня? — он вопросительно изогнул бровь в полной уверенности от своей ослепительной наглости.

Линда усмехнулась.

— Нисколько, — проговорила она, проходя в указанном направлении, — Вы же главный, — немного с сарказмом, подчеркнув своё не особое желание подчиняться по доброй воле, но подталкиваемая условиями будущей службы.

Барон промолчал и, потянув за дверной молоток, стукнул в медную пластину, стилизованную подо льва с распахнутой пастью. Ровно три раза, и, повернувшись к девушке, улыбнулся. Открыли сразу. А ей хотелось расхохотаться, и в голову пришла мысль о типичном дворцеком с дурацким именем Берримор с прилизанными назад волосами и с непробиваемым на эмоции лицом, даже когда его глаза обежали фигурку Линды в мешковатой куртке. Учёная взглянула на Фредерика. Ей самой было непривычно, но тот принимал всё как должное, ведь это было частью его обычной будничной жизни. Линда гадала, чем же мог заниматься фон Бинц. Может, он просто праздно тратил своё наследство? Наверное, мужчина обедал здесь каждый вторник и четверг, а ещё по выходным нет-нет да позволял себе партию в карты с такими же богачами, как он.

Слуга слегка поклонился и молча проводил пару до гардеробной. Дворецкий терпеливо ждал, пока их одежду примут, и сразу же обратился с вопросом к барону:

— Ваша милость, комнаты готовы, или вы сначала отобедаете?

«Опа, не только обеды и карты, — отметила про себя Линда. — Не, ну а что, он молод и холост, да и кто я такая, чтобы судить об этом?»

Фон Бинц мельком взглянул на девушку и немного сконфуженно проговорил:

— Только обед, — потом зачем-то добавил, — мы торопимся.

Дворецкий поклонился и сопровождал их в уютную залу в приглушённых красных тонах с рядами столов и стульев из лакированного красного дерева, смотрящихся тем не менее очень воздушно. На стенах висели в чопорном порядке старинные фотографии со знаменитыми членами этого закрытого мужского клуба, впрочем, как оказалось, не очень закрытого и совсем не мужского. Всё же сюда допускали и женщин. Линда заметила девушку, сидящую в окружении компании мужчин, сдержанно смеющуюся, пока один что-то с упоением рассказывал остальным собравшимся, внимательно, с вежливыми улыбками внимавшим ему. Остальные места были свободны.

Барон пригласил её за столик на противоположном конце столовой залы, так что до них почти не доносилось звука с той половины, где расположилась компания. Он отставил стул и вновь приставил его к столу, чтобы Линда могла сесть, и расположился напротив. Было немного не по себе, но сидение оказалось удобным, атмосфера располагающей, и девушка расслабилась.

Он улыбнулся ей и извиняющимся тоном произнёс:

— В этой половине дня всегда мало посетителей.

— Почему именно Boodle's? — спросила Линда и увидела, что по направлению к ним идёт официант, одетый на старый манер: в белом фартуке, с белыми нарукавниками и с

подносом, на котором красовалась бутылка вермута с двумя небольшими рюмками.

Официант молча расставил перед ними ёмкости и ловко подал им меню, разлив аперитив, терпеливо дожидаясь выбора посетителей. Заказав себе обед, они переглянулись. Линда изучающе, барон так, словно знал о ней всё. Возможно, так оно и было. Наверняка.

— Рекомендую, — произнёс фон Бинц, беря рюмку в руки, — тонкий травяной аромат и убаюкивающие ноты мяты успокоят наши нервы и умерят аппетит, пока готовится пища.

Девушка улыбнулась и поддержала мужчину. А сделав пару глотков, поняла, как же был прав куратор. Напиток оказался в меру жгучим, немного вязким и впрямь расслабил её, сделав с кровотоком несколько кругов по телу, осев в ногах приятной тяжестью и тем чувством, когда тебе какое-то время не хотелось ничего, даже думать.

Фредерик не торопился с ответом, но когда он заговорил, то Линда немного вздрогнула, первые ноты опьянения развеялись вместе с эйфорией расслабленности и иллюзией защищённости.

— Мои предки были в числе основателей этого клуба, — мужчина отпил из рюмки и, улыбнувшись, добавил, — расслабьтесь, в нашей сегодняшней встрече и в обеде нет никакого двойного дна, я просто хотел получше узнать человека, с которым буду работать длительное время в чужой стране...

— В которого Вы так много вложились? — довершила она.

— Всё в этом мире имеет цену, — он ничуть не смутился и не рассердился за то, что она его бесцеремонно прервала, — Вас это смущает?

— Нет, но, наверное, Вы узнали обо мне всё, — возразила Линда, глоток вермута оказался как нельзя кстати.

Он усмехнулся, и его глаза заблестели в приглушённом свете помещения.

— Разве документы могут сказать о человеке больше, чем его глаза, его речь, язык его тела? — при взгляде на неё у мужчины он слегка затуманился, остановившись на той тонкой грани, за которой начинается пошлость; границы он не перешёл, и это понравилось Линде.

— И что же сказало всё вышеперечисленное обо мне? — девушка недоверчиво покосилась на барона.

— Я напугал Вас своими рассуждениями о рабстве, и Вы сейчас думаете обо мне примерно следующее: «Фу, он один из тех потомственных аристократов, которые проматывают своё состояние, живут беспечно и считают всех, кто ниже их по положению, быдлом и невеждами», — ведь так?

Линда покраснела, барон криво усмехнулся. Его слова расходились с делами, усмешка получилась высокомерной. Она предпочла промолчать, а он продолжил.

— Я был на той конференции, я видел, с каким азартом Вы рассказываете о своих предположениях и как Вам отчаянно не хватает доказательств своей догадки, которую, я уверен, Вы обязательно бы открыли, если бы у Вас были необходимые для этого ресурсы; Ваши глаза, Ваша уверенность, даже когда из зала раздавались откровенные смешки и издевательства, Вы верили и не сомневались ни секунды в своей правоте, — он промолчал, а его взгляд изучал её, затем барон продолжил, — я не смог пройти мимо Ваших идей, и как ни странно это совпало... — он осёкся.

— С чем? — насторожилась Линда.

— С экспедицией, — пояснил он, замыкаясь, вновь переводя разговор в другое русло, — Вы можете вдохновлять людей, Линда, Вы знали это?

— Я думала, что могу только раздражать, — немного по-стариковски подтвердила

девушка, делая ещё глоток.

Барон искренне рассмеялся и произнёс:

— Потрясающая самоирония.

— И, да, Вы напугали меня своими рассуждениями о рабстве и о положении простого человека в существующей системе координат, — выпалила она, решив, что расставит все точки над і.

— Вы же изучаете Древний Египет, кому, как не Вам, знать о том, как там складывались взаимоотношения «раб» и «господин»? — спросил он и откинулся на спинку стула, ставя пустую рюмку на стол, тут же делая отрицательный знак рукой стоявшему неподалёку официанту, было кинувшемуся к их столику, видимо, хотевшему налить барону ещё порцию вермута.

— Применительно к тому времени, когда народ был не настолько просвещённым, как сейчас... — пробовала возразить девушка.

— А что изменилось сейчас? — он холодно поднял бровь, видя, как девушка допила своё и тоже сделала знак официанту.

— Мы работаем за деньги.

— Неплохой аргумент, — барон качнул головой, — но что такое деньги, которые даже не эквивалент золоту, до сих пор являющемуся мерилom для всех финансовых систем?

— Работодатель оценивает труд и вклад каждого работника в общее дело... — но чем дальше говорила Линда, тем больше её доводы вязли в её же сомнениях и в железных фактах фон Бинца.

— Ну и чем же это отличается от того, что было в Древнем Египте? — барон приподнял бровь. — Может быть, Вы скажете, что дело в правах и свободах, данных человеку? — он поднял руки и обвёл помещение руками, явно имея в виду даже не это здание. — Вы видите, что она, эта свобода, может быть урезана до размеров Вашей квартиры и бесполезной тряпицы на Вашем лице...

Линда промолчала.

— И почему Вы причисляете себя ко всем остальным? Вы — талантливы и красивы, а талант и красота дорогого стоят, эти качества всегда будут заметны сильным мира сего, — барон был твёрд, убедителен, не скрывал своих взглядов, и это подкупало ещё больше, Линде всё ещё не верилось, что кто-то мог бы рассуждать так, как он, а он тут же добавил, напустив таинственности, — особенно если Ваши интересы совпадают с их.

Возникшую паузу нарушили официанты, принёсшие обед и вино.

— Я тоже работаю, — произнёс Фредерик и, поймав недоуменный взгляд девушки, — у меня есть небольшой бизнес в Норвегии.

Больше он ничего не уточнял, Линда решила, что с её стороны будет неучтиво заниматься расспросами. Девушку не радовал даже аромат хорошо прожаренного стейка. Она заметно приуныла, что не ускользнуло от внимания проницательного барона.

— Вот говорит же моя бабушка: «Рико, ты так никогда не женишься, всех потенциальных невест разгонишь своею серьёзностью и откровенностью», — он громко рассмеялся и принялся за еду.

Девушка лишь удивлённо приподняла бровь и вежливо улыбнулась, а мужчина перевёл разговор в более «мирное» русло. Мало-помалу он смог вернуть ей хорошее расположение духа, оказавшись очень начитанным и развитым почти во всех темах, о которых они беседовали. Вне его рассуждений о щекотливых вопросах рабства и о переносе ситуации на

современность он был лёгок, его юмор — искромётен, и он сам притягательно привлекателен настолько, что Линда на время забылась, что перед ней её же куратор, и делилась смешными историями из студенческой жизни и работы в музее. А ещё и потому, что он оказался прекрасным слушателем. Исследовательница отметила про себя, что её, наверное, так никогда и никто не слушал, даже Баррет.

Уже в конце обеда девушка, вполне себе довольная проведённым временем и атмосферой расслабленности, произнесла:

— Ваша бабушка несправедлива к Вам, Рико, — она улыбнулась немного лукаво, называя того по имени, которое было в ходу в его семье, увидев, как у мужчины загораются глаза, — Вы очень приятный собеседник и совсем нестрашный.

— Аллилуйя, — театрально вскричал он и тут же произнёс, — когда я Вас познакомлю с ней, умоляю, скажите ей об этом, — затем, как бы припоминая, добавил: — Кстати, перед моим отъездом она устраивает светский раут, и Вы, конечно же, приглашены.

— Так сказала Ваша бабушка? — девушка улыбнулась одним краешком губ, внимательно рассматривая его лицо, в котором не было притворства, чувствовалось, что он всегда говорил к месту и вовремя, правильно рассчитывая паузы и вставляя нужные слова для того, чтобы расположить к себе или убедить в своей правоте, никогда не делая и не произнося ничего зря.

— Безусловно, — немного высокомерно, но затем, спохватившись, завершил фразу, — она не против моих друзей.

Линда свела брови к переносице, уловив в своём вопросе нотки кокетства, но, наверное, немногие бы удержались в его присутствии от того, чтобы не позволить себе пофлиртовать с красивым мужчиной. Девушка про себя чертыхнулась, и ей захотелось каким-нибудь образом сгладить это впечатление. Им предстояло много работать вместе, а личные взаимоотношения, перешедшие телесные границы, во многом бы мешали. Барон чётко обозначил невозможность перехода, и то, что он причислил её к списку своих друзей, могло говорить о многом или ни о чём и было просто светским трёпом. Однако то, что ей открылось во взаимодействии с ним, означало-таки как раз обратное: ему не претило общение с ней, и это не было одолжением, как и он сказал ранее, её заметили нужные люди, и их интересы совпали с её.

Она хотела что-то сказать — Фредерик не дал ей опомниться, тут же произнёс, глядя на часы:

— Я обещал, что доставлю Вас обратно на работу через три часа, и, кажется, мы успеваем.

Они не торопясь вышли тем же путём и пройдя те же процедуры, что при входе в клуб, а когда добрались до музея, то, прощаясь за руку с Линдой, он как бы нечаянно провёл средним пальцем по её внутренней стороне ладони, нарочито медленно, но одновременно так, чтобы это не выглядело как нечто большее, чем просто случайность, хотя, по сути, ею не являлось. На контрасте недавно случившегося разговора это смотрелось противоречием. Может быть, она сама себе надумала? Тем не менее тело девушки покрылось мурашками, и она, рассеянно попрощавшись с бароном, поспешила укрыться в недрах музея и своей любимой работы, моля не попасться сегодня на глаза шефу.

Она облегчённо вздохнула, когда поняла, что её напарницы нет в кабинете, значит, не будет досужих расспросов, а на экране её компьютера красовался стикер розового цвета с текстом вполне в духе её подруги: «Лох, я сегодня пораньше свалила, якобы живот

прихватил, свиданьице наклонулось», — с подписью «Лох в кубе».

Линда усмехнулась и, сорвав записку, выкинула её в урну. Устало потёрла лицо и посмотрела на закрытый ящик своего стола. Вынув ключик из сумки, она извлекла из него два пакета с документами. И положила бумаги перед собой на стол, поочерёдно смотря то на одну, то на другую стопку. Договор о сотрудничестве и участии в экспедиции в Египет и документы о разводе. Через пару минут оба документа были подписаны. Один с щекочущим ощущением обновления, другой с царапающим душу чувством вины.

Семейное поместье фон Бинцов. Вечеринка в честь отбытия в Каир.

Линда немного опаздывала. Сначала она в последний момент в спешке искала коктейльное платье для приёма. В конце концов, ей удалось найти молочного цвета наряд наподобие тоги, с мягкими переходами драпировок, попутно изучая, что же должна надеть на себя более или менее приличная леди, перед тем как пойти на сборище завсегдатаев светской тусовки если не королевских кровей, то близких к ним. Ей думалось, что фон Бинцы вели свою историю со времён какого-нибудь викинга-завоевателя, и ударить в грязь лицом перед ними не хотелось, тем более среди приглашённых наверняка могли быть люди, о которых как раз и говорил Фредерик, те, которые решили её вопрос с экспедицией.

Линда нервно вела автомобиль, вцепившись в руль, проклиная саму себя за то, что отклонила предложение барона выслать за ней водителя. Вроде это было проявлением вежливости, но его патронат смущал исследовательницу. Хотя сейчас её и посещали противоположные мысли, и уж его машина наверняка только так бы преодолела все ухабы дороги, ведущей в поместье её куратора, вполне себе сельской, без дорожного покрытия, начинающейся сразу же после хорошо асфальтированной главной.

Преодолев оставшийся путь, она свернула вправо и вслух выругалась, вспомнив разом всех родственников чертей. Услужливо подсказанный ей навигатором поворот оказался лишь побочным, возможно, запасным путём. Она въехала на парковку совсем с другой стороны и увидела, проезжая мимо, вытянутое от удивления лицо человека в служебной форме. Девушка виновато улыбнулась и, обнаружив свободное место, незамедлительно заняла его. Повозившись в салоне, она сняла кроссовки, надела туфли на высоком каблуке и заметила, как к её авто приближается встречающий, тот самый удивлённый её появлением мужчина.

Он помог открыть дверь и легко вылезти из салона. Она оглянулась вокруг: снег лежал на всём пространстве перед массивным, огромных размеров домом, запорошив лужайки, о наличии которых можно было догадываться по редким ярко-зелёным проплешинам, зиявшим небольшими дырами на его величественно-белом покрывале.

Сам дом показался ей серым, унылым и строго функциональным, как и всё произведённое в Викторианскую эпоху, а это здание наверняка построено ближе к концу завоевания Британией колоний. Начинался он с высоких широких лестниц, огибающих его незавершённым кругом и в конце концов встречающихся у высоких белых дверей, которые венчал скромный козырёк, а над ним висел нескромный герб, видно, что старинный: лев с распахнутой пастью. По широким перилам были расставлены вазоны из камня, стилизованные под греческие амфоры. По краям высохшими ветками дом обнимали голые стволы деревьев.

«Наверняка здесь очень красиво весной и летом, да и осенью тоже, особенно когда

ветви забагровятся листьями, — подумала про себя восхищённо Линда, поднимаясь по лестнице, следуя за сопровождающим».

Девушка запрокинула голову вверх, заметив, что на первом этаже окна сияли огромными яркими проёмами с красиво задрапированными на них шторами благородного тёмно-серого цвета, на втором же они были обыкновенного размера. В этом не было ничего удивительного: на первом этаже принимали гостей, на втором жили, поэтому и отапливали, чаще всего, хорошо именно его.

Крышу с четырёх сторон венчали фигурки египетских божков: Сет, Нефтида, Исида, Осирис. А вот это было необычно для того времени. Линда взяла себе на заметку поинтересоваться у хозяина дома происхождением статуй. Они не были каноническими с точки зрения скульптуры Древнего Египта, но в их лепных организмах чувствовалась мощь греческих зодчих. Красивые человеческие тела с хорошо очерченными мышцами с венчающими их головами животных. Скорее всего, катастрофа, заставившая когда-то бежать с Крита, вынудила зодчих этого острова прийти в Египет, чтобы тут продолжить заниматься своим творчеством.

Дом не казался музейным или заброшенным. В том, что это было обжитое место, не было сомнений: ухоженность и лоск чувствовались даже в одежде встречающих слуг, обряженных в строгие фраки с красными платками, вставленными в нагрудные карманы.

Судя по тому, что у дверей никого не было, Линда поняла, что безбожно опоздала. Этот приём был сродни работе, и так облажаться в первый, пусть и неформальный рабочий день — это, конечно, ужасно, но девушка оправдывала себя тем, что она не каждый день посещает такие места и мероприятия, для этого требовалось тщательно подготовиться и, вообще, было бы хуже, если бы она завалилась сюда в любимом вытянутом свитере, потёртых джинсах и удобных стоптанных кроссовках. Девушка поёжилась от холода: куртка и коктейльное платье — две вещи несовместные.

— Сильно я припозднилась? — спросила Линда сопровождающего её мужчину, потом ворчливо добавила, — или пока все заняты около светским бессмысленным трёпом и аперитивом перед обедом, собственно говоря, по поводу которого все сюда и притащились?

Тот отрицательно мотнул головой и, не удержавшись, улыбнулся, предпочитая промолчать.

— Думаю, весело мне точно не будет, — ворчливо пробормотала она, входя в открытые для неё двери, и на секунду зажмурилась от яркого света, брызнувшего ей в глаза.

Зала встретила её мерным гулом спокойных, доброжелательных голосов, взрывавшихся иногда по местам деликатным смехом. Она огляделась в поисках хотя бы одного знакомого лица, а по правде говоря, барона. Собравшаяся тусовка не то чтобы наводила на неё ужас, но ей было крайне некомфортно. Она не видела вокруг себя никого, кто хоть мало-мальски был бы ей знаком. Коллег ей ещё не представили, это предстояло сделать в Каире, а известные ей исследователи в её области изысканий здесь не присутствовали.

Линда прошла чуть вперёд, и перед ней остановился официант в точно такой же форме, что и встретивший её. Он сделал вежливый поклон, и перед носом девушки оказались продолговатые бокалы с шипящим пузырьками шампанским. Девушка мимолётно улыбнулась ему, беря ёмкость с подноса, он вновь поклонился ей.

Исследовательница занервничала и обняла себя одной рукой за талию, сделав длинный глоток золотистого игристого вина. Но долго так ей стоять не пришлось, сзади она ощутила движение и, не успев повернуться, услышала рядом с ухом фразу, произнесённую

хрипловатым голосом, от жгучего оттенка которого, а ещё от неожиданности у неё чуть не подкосились колени.

— Вы опоздали.

Она повернулась и в мыслях мрачно отозвалось: «Закопалась ты, Линда, в своих первоисточниках...»

— Должна же я была найти хоть что-то, отдалённо напоминающее Древний Египет, — произнесла Линда, попытавшись кинуть фразу как можно более небрежно.

Барон приподнял бровь и с сомнением окинул взглядом её фигурку:

— Так что это более похоже... — он хмыкнул.

Линда не дала ему договорить:

— Знаю, что это Греция, но что делать, если в Египте никогда не было зимы и носили там лёгкие сеточки, в приличном обществе...

Пришла его очередь перебить её:

— О, я тогда бы предпочёл не приглашать всех этих людей, чтобы лицезреть...

Он осёкся, увидев, как смугилась девушка.

«Флиртует или играет? — спросила она саму себя, пытаясь справиться с нахлынувшими на неё крамольными мыслями. — Боже, как стыдно-то, я же взрослая женщина, но эти кошки-мышки... Я не понимаю такое и не умею...».

Между ними повисло молчание, которое, впрочем, быстро нарушилось. Фредерик как ни в чём не бывало предложил:

— Я хочу представить Вас моей бабушке.

Линда автоматически одёрнула платье и тут же поймала насмешливый взгляд барона, в глубине которого промелькнуло что-то странное, уже во второй раз, то, что она никогда бы не заподозрила в человеке с его образом жизни, — надежду?

— Хорошая девочка, а? — проговорил он тут же с усмешкой, на что Линда предпочла не реагировать.

Он предложил ей согнутую в локте руку и, как только она ухватилась за неё, начал ловко лавировать среди кучек людей, занятых светской беседой. Те в свою очередь вежливо улыбались фон Бинцу и с интересом рассматривали его спутницу.

Ещё несколько шагов, и они остановились возле двух женщин. То, что перед ней баронесса, она поняла сразу. Высокая, статная, стареющая без возрастных операций и ботоксных вливаний, с благородным оттенком седых волос и живыми тёмными глазами, так схожими с оттенком глаз внука. Женщина воззрилась в лицо девушки цепко, внимательно, окинув взглядом аккуратную фигурку. Они немного церемонно раскланялись. Линда неуклюже повторила всё за Фредериком.

— Баронесса, разрешите представить Вам сокровище будущей экспедиции, — его горячая ладонь легла в излучину поясницы девушки и немного подтолкнула её вперёд, данный факт не был упущен из виду баронессой, она ничего не сказала, но высоко подняла одну бровь, вышло даже ещё надменнее, чем получалось у её внука, а Линде тем временем захотелось провалиться сквозь землю.

Но затем баронесса фон Бинц улыбнулась, и «сокровищу» показалось, что лицо той преобразилось, насколько ей шла улыбка, девушка надеялась, что всё же искренняя.

— Рико мне все уши прожужжал о Вас, — звук её голоса был бодрым, звенящим, но в нём чувствовалась властность.

Линда мельком взглянула на фон Бинца, и тот притворно виновато улыбнулся.

— Он очень на Вас надеется, — уточнила та с тонкой улыбкой, заметив оторопь девушки, — на эту экспедицию... — в первой фразе мог угадываться двоякий смысл, вторая же расставляла всё на свои места.

— Наши интересы совпали, Ваша светлость, — ответила девушка, чем вызвала удивление в глазах пожилой дамы и лёгкий смех барона.

— Это она с тобой пообщалась дольше положенного, Рико, — констатировала женщина, качая головой, и задела плечо внука рукой, жест вышел щемяще-заботливым.

— Мы беседовали исключительно на темы жизни и искусства Древнего Египта, — произнёс тот с блестящими от азарта глазами.

Леди обратилась к Линде:

— Рико познакомил меня с Вашими изысканиями, это похвально, с одной стороны, возможно, вы найдёте лекарство, способное вылечить и спасти жизнь миллионам, но, с другой стороны, не открываете ли Вы ящик Пандоры тем самым?

Линда на секунду задумалась, затем же ответила:

— Я лишь учёный, моё дело — найти ответ на свои догадки, подтвердить свои исследования, я не могу оценивать, как будут использованы мои работы, я только надеюсь на здравый человеческий смысл.

Бабушка и внук переглянулись между собой.

— Здравый смысл и человечество? — задала та вопрос и с сомнением посмотрела на девушку. — Давненько я не видела таких идеалистов, последний женился на мне шестьдесят лет назад, — она весело захохотала.

Линда смущённо улыбнулась Фредерику. Возникла пауза, которую девушка поспешила тут же заполнить.

— Когда я увидела Ваш дом, он мне показался выполненным по всем канонам поздней викторианской застройки, но вот статуи на крыше смутили меня, не могли бы Вы объяснить мне, что это означает? Почему выбор пал на этих богов и почему они выполнены на манер древнегреческих? — задала она вопросы почтенной даме.

— Да, вы правы по поводу дома, он действительно был построен в ту эпоху, огромный парк перед ним — дань той моде, и морока содержания его в порядке для нас сейчас просто ещё одна большая затратная статья в бюджете, я бы давно продала поместье, переехав во что-то менее большое, но Рико не позволяет, наверное, это правильно, — она широко, с грустью улыбнулась и продолжила: — Мой ныне покойный муж, дед Фредерика, был страстно увлечён Египтом, в особенности мифологией, участвовал в раскопках, часто бывал в экспедициях и мог привозить трофеи с этих мест, эти необычные статуи он нашёл в одном из египетских храмов, кажется, в Кинополисе, не помню уже, меня может подвести память, оригиналы хранятся в одной частной коллекции, а копии у нас на крыше. Это дед внушил Рико любовь к истории и мифологии Древнего Египта, рано потерявшему отца и мать, мы заменили ему его родителей.

Возникла неловкая пауза, Линда заметила, как побледнел Фредерик.

— О, я Вам так сочувствую, — искренне воскликнула девушка.

— Это было давно, — холодно произнёс он.

— Это настолько необычно для того времени, — произнесла Линда, пытаясь уйти от неловкого разговора, — Египет и Греция...

— О, я думаю, что древние цивилизации изучены ничтожно мало, дружочек, — баронесса сфамильярничала, как будто бы не заметив этого.

— Может быть, как раз Линде и удастся приоткрыть завесу тайны, — проговорил Фредерик, гася неловкость, возникшую в их обществе.

Другая леди не вмешивалась в разговор, смотрела с некоторой насторожённой на девушку.

«Наверное, они ко всем чужакам так относятся, рассматривая, как жучков под микроскопом, да и вообще ко всему новому, нужно быть... бароном фон Бинцем, чтобы пробить эту стену, вот он точно не боится ничего нового и экспериментов тоже».

— Ты показывал ей нашу коллекцию Древнего Египта? — спросила баронесса фон Бинц своего внука, а когда тот отрицательно мотнул головой, подняла бровь. — Что? У тебя в гостях человек, профессиональный историк, а без её преданности делу вряд ли бы Вы занимались этим делом, — с этой фразой она уже обратилась к Линде, и это не звучало как вопрос, скорее, утверждение. Линда мотнула головой, соглашаясь с её словами, — и ты до сих пор здесь?!

— Я — организатор раута, где же мне при этом находиться? — ответил он ей.

— А ты видишь тут кого-то, кто рвался бы говорить с тобой? — в её голосе слышалась необидная насмешка, и, пожалуй, баронесса понравилась Линде, хотя она и была такой же надменной, как и её внук, но это смотрелось благороднее, что ли, она никого не ставила этим на место, это было в её крови как нечто естественное, как адреналин или другие гормоны, как воспитание, как мастерство держать себя в обществе, как умение подать себя, возможно, как часть имиджа, то, до чего барону было далеко в силу возраста или пола, характера или образа жизни.

Барон тихо рассмеялся, и Линда почувствовала, как подпадает под его обаяние. Под шарм человека, с которым ей предстояло работать бок о бок длительное время, она, вышедшая из только что закончившегося крахом брака, из длительного периода скорби...

«Не время... и не место, — пронеслось в голове, захотелось подавить симпатию в зародыше».

— Тогда мы исчезнем на некоторое время, — извиняющимся тоном произнёс фон Бинц, обращаясь к баронессе и стоящей рядом женщине, и тут же, — позвольте? — уже к девушке, выдержав её из задумчивости бархатным голосом.

Она рассеянно посмотрела на локоть, предложенный ей в качестве опоры и сопровождения, и обвила руку вокруг его предплечья.

— Это позволительно? — тихо спросила она, вглядываясь в его лицо.

— Да, ба не против, а остальным, я думаю, и вправду всё равно, многие приходят на такие мероприятия только для того, чтобы лишний раз потрясти семейными брюликами, — произнёс он шёпотом, вызывая улыбку Линды, беря по пути с подноса официанта бутылку с шампанским и бокал для себя.

Они не слышали разговора двух женщин. Баронесса с презрением посмотрела вслед парочке.

— Рико вновь наступает на одни и те же грабли, тянет его к простолюдинкам с бешеной силой, — с насмешкой произнесла и рта не раскрывшая в присутствии пары женщина.

— Поиграется, как и с другими до неё... сколько таких белых мотыльков было... — равнодушно произнесла баронесса.

— Эта умна и очаровательна, видели, как она мило смущалась? Похоже, Фредерик под впечатлением, — заметила та, кивая кому-то из толпы.

— Он не идиот, чтобы связывать себя мезальянсом, — баронесса насмешливо

посмотрела на свою визави, — а эти дуры ещё и не понимали, что их бросали, и волочились за ним, а это быстро надоедает, поверь, Рико знает себе цену и цену этим курицам из общественного курятника.

Дама рассмеялась, невольно вызвав улыбку у баронессы.

Тем временем Линда и фон Бинц скрылись в высоких дверях и вышли в коридор после ярко освещённой залы, на стенах которого висели тускло горящие светильники.

— Какого рода у Вашей семьи артефакты? — заинтересованно спросила Линда, когда они поднимались по лестнице.

Барон загадочно улыбнулся и, пройдя по коридору второго этажа, толкнул одну из белых дверей, пропуская девушку вперёд. Они вошли в продолговатое помещение, являвшееся на самом деле библиотекой.

Исследовательница на секунду прикрыла глаза, когда фон Бинц включил мягкий свет, и обомлела. Несколько редких осколков барельефов, маленькие статуи богов и свитки — всё это находилось на полочках в массивных шкафах со стеклянными дверцами. Она огляделась и дальше. На полках с пола до потолка стояли книги со старинными и не очень переплётами.

— Это только часть оставшейся библиотеки, — с прискорбием проговорил Фредерик, — остальное дед отдал в общественную Лондонскую библиотеку.

Линда повернулась лицом к фон Бинцу и проговорила тихим голосом:

— Вы понимаете, что о некоторых вещах в этой комнате написаны трактаты?

Фредерик довольно улыбнулся:

— Я с удовольствием разрешаю исследователям работать с ними.

— Им место в музеях, — возразила Линда.

Мужчина пожал плечами и меланхолично заметил:

— Я не готов расстаться с ними.

Он подлил холодный шипучий напиток в бокал девушки, плеснув и в свой, шумно проглотил пьянящую жидкость, затем снова наполнил до краёв и, выпив, оставил пустую наполовину ёмкость в сторону.

— Вот это да! — казалось, исследовательница его не слышала.

Линда подошла к полкам ближе, выразив свою заинтересованность одним барельефом.

— Здесь изображён Инпу, один, в пустыне, — задумчиво описала она представленное на артефакте.

— Что Вас смущает? — фон Бинц подошёл сзади и из-за плеча девушки рассматривал спорное изображение.

— Я с таким никогда не сталкивалась, никогда не видела такого сюжета, — немного растерянно, роясь в памяти, но тщетно. — Что, по-Вашему, Вы видите? — Линда повернулась к мужчине, и его чувственные губы оказались совсем рядом с её лицом.

— Он гуляет? — спросил Фредерик, хитро улыбаясь, его взгляд затуманился, а дыхание стало учащённым.

Линда поспешно отвернулась, понимая, что начинает возбуждаться помимо воли, логики и всего самого здорового.

— Инпу потерян, он ищет дорогу или кого-то, — она чуть наклонилась, вглядываясь в фигурку на барельефе, — уголки волчьего рта опущены, уши, напряжённо стоящие, могут говорить о насторожённости, плечи опущены в бессилии, — девушка словно бы забылась, — что или кого же ты ищешь, мрачный хозяин Смерти? — в задумчивости произнесла та.

— Может быть, Анубис ищет ту, что составит ему пару и разделит тяжкую участь

последнего Судии? — предположил Фредерик голосом совладавшего с собой человека.

Линда улыбнулась и вновь взглянула на барона, теперь уже лукаво.

— Не нашлось такой богини, — произнесла она, немного усмехнувшись.

— Бедный, бедный Анубис, — насмешливо вторил ей Фредерик, — а может, ему наоборот повезло, никто плешь не съест?

— Вы из всего сделаете комедию, — чуть ли не хохоча, сделала вывод исследовательница, с сомнением покачав головой.

Тот притворно тяжело вздохнул:

— Трагедию сотворит за нас жизнь.

— Вы правы, — согласилась через некоторое время с ним Линда и отошла к другому артефакту.

Увиденное заставило её закашляться.

— Да, грубовато, не правда ли? — давя в себе смех, произнёс барон. — А вы говорили, что древнеегипетское искусство эротики лишь намекало...

— Простите, — рассмеялась от неловкости момента девушка, — я теперь понимаю Ваше удивление там, в музее.

Линда вновь ощутила его близкое присутствие за спиной, горячее дыхание на оголённой коже шеи.

— Это подарок фараона любимой наложнице, — произнёс он, и она почувствовала его руки на талии.

Линда повернула к нему голову, их губы находились в нескольких миллиметрах друг от друга.

— Чтобы не забыла его? — решила уточнить девушка, ей одновременно хотелось и не хотелось оттолкнуть его от себя.

— Чтобы знала: он единственный, кто может прикоснуться к ней, — ответил барон, и одна из его ладоней, скользнув по платью, поднялась к груди, грубо сдавив её.

Линда едва могла дышать, чувствуя, как внутри поднимается одновременно волна горячего возбуждения и жгучего возмущения. Установленные границы им же самим сейчас размылись. Это выглядело соблазнением, флиртом, но почему-то в этом она почувствовала опасность. Девушка замерла, решаясь на какие-то действия. Ей хотелось одновременно противоположного. Аукнется ли отказ в ласке на её работе и какую роль сыграет согласие в её жизни? Мужчина был притягателен и чертовски обаятелен, но что там с весами её собственных интересов и желаний?

Барон же, истолковав её молчание по-своему, приступил к активным действиям, опустив другую руку нарочито медленно, остановившись внизу живота, увидев, что она прижала колени друг к другу. Мышка попала в лапы коту. Он самодовольно улыбнулся и впился поцелуем в шею.

— Зачем фараону напоминать об этом своей рабыне? — спросила Линда, её тело напряглось, стало жёстким.

— М? — непонимающе прохрипел барон, выныривая из вязкой паутины своего вожделения.

Линда воспользовалась его секундным замешательством и выпуталась из кольца крепких рук, развернувшись к мужчине и окатив его неожиданно холодным взглядом. Она заметила проскользнувшую досаду в чёрных глазах и недоумение.

— Зачем фараону напоминать его же наложнице о том, что она уже принадлежит

ему? — за её вопросом Фредерик уловил двойной оттенок смысла, а посмотрев на хитро улыбающуюся девушку, осознал, что потенциальная жертва ускользнула из цепких лапок хищника.

— Чтобы лишний раз обозначить, кто её хозяин? — предположил он, успокаиваясь и залпом выпивая полупустой бокал шампанского, не отрывая тяжёлого взгляда от лица девушки.

Исследовательница вновь улыбнулась и качнула головой из стороны в сторону.

— Он показал ей своё желание, — Линда прищурила глаза и добавила, — а то, что барельеф украшен цветами лотоса, говорит о нежности, возможно, о том, что рабыня была в его глазах как жена, — она в задумчивости снова повернулась к рисунку. — К тому же это осколок барельефа, уверена, будь у нас полная картина...

— Вы бы придумали целый женский роман, — закончил он за ней, грустно усмехаясь.

Линда примиряюще мотнула головой.

— Вы очень притягательная женщина, Линда, и Вы знаете об этом, а особенно — сейчас, — Фредерик решил поговорить с ней напрямую.

— Мне расценивать это как?.. — начала было она, сведя брови к переносице.

— Но только не как харассмент, — барон поморщился, понимая, что ему придётся оправдаться, — я подумал, что сейчас самый удачный момент показать, какие Вы во мне чувства вызываете...

Линда немного опешила, но решила, что не будет скрывать и свои.

— Мне импонирует Ваша прямота, Вы мне интересны, в том числе и как мужчина, — девушка повернула голову к барельефу и, тонко улыбнувшись, вновь посмотрела на барона, — но иногда необязательно быть настолько фараоном, можно просто подарить понравившейся даме цветы...

Она сделала глоток, поставила бокал на стол и, сверкнув карими глазами, ушла, оставив растерянного, только что поставленного на место фон Бинца одного в скупо освещённом помещении. Фредерик рассмеялся, мотнул головой, подождав немного, решил присоединиться ко всем в зале.

Линда из спокойствия остальных помещений вновь вынырнула в яркую светскую тусовку и глазами нашла баронессу, та собрала вокруг себя других дам и что-то им вещала. Девушка прошла чуть дальше по периметру вдоль кресел, часть из которых оказалась свободна, да и сидели на них в основном люди пожилые или те, кого разморило беседой (читай: алкоголем).

— Наверняка молодым здесь безмерно скучно, — спросил рядом стоящий пожилой мужчина и улыбнулся к повернувшейся к нему девушке.

Линда усмехнулась:

— Скука — двигатель прогресса.

— Вас пригласили для того, чтобы разбавить колоритом местных дамочек, — произнёс он, и его глаз нехорошо заблестел, но он отвернулся и кивнул головой в зал, — боже, как же они чопорны, и у каждого свой скелет в шкафу.

Он был выпившим, но недостаточно для того, чтобы вообще ничего не соображать, язык всё же повиновался ему.

— Странно слушать такие речи от человека, принадлежащего этому обществу, — мрачно пробормотала Линда.

— Что, это так заметно? — мужчина скрестил руки на груди, — и что же меня выдало?

— Вы так же надменны, как и они, — девушке начал надоедать этот разговор.

Мужчина вскинул брови, отчего выражение его лица стало растерянным, затем его черты смягчились и он расслабился, опустив руки вниз.

— Вы правы, я уже забыл, что значит — говорить и не задумываться о последствиях, — он смерил её заинтересованным взглядом и предупредил, — Вам же я советую держать свои мысли при себе и больше слушать, чем говорить, а судить лучше по начинке, а не по фантику.

Линда усмехнулась и кивнула головой, соглашаясь с пожилым мужчиной.

— Вот я старый осёл! — воскликнул он. — Забыл представиться и Вас лишил такой возможности.

Он подобрался и склонил голову.

— Роберт Лайнл, — произнёс мужчина.

— Линда Портер, — представилась учёная.

В его лице промелькнуло удивление, а затем и некая колючесть, задумчивость, казалось, он пытается вспомнить, сказал ли он чего-нибудь лишнего в разговоре с незнакомым собеседником. Роберт хотел что-то произнести, но в их диалог вмешалось третье лицо. Фредерик всё же нашёл её. Но на этот раз его сопровождала высокая женщина с отсутствующим выражением лица, но цепко держащаяся за его согнутую в локте руку.

— О, я вижу, вы уже познакомились, — Фредерик казался очень довольным, он почти не смотрел в сторону Линды, — тогда разрешите представить Вас герцогине, госпожа Портер.

— Леди Беатрис, это миссис Линда Портер, учёный нашей экспедиции, — женщина так же безучастно пробежалась по её лицу, как и по всему, на что смотрела.

— Миссис Портер, это леди Беатрис — моя невеста, — произнёс тот, пристально смотря девушке в глаза.

Линда сделала лёгкий книксен, судорожно сохраняя равнодушное выражение лица. Та кивнула в ответ.

— Что же касается Роберта? — протянул Фредерик.

— Да? — спросила она недоумённо.

— Мы с Вами коллеги, Линда, — прояснил ситуацию господин Лайнл, мрачняя.

Исследовательнице не понравился настрой мужчины, но она всё же улыбнулась.

— Приятно видеть учёных, в какой же сфере?.. — спросила Линда.

— Я — переводчик древних текстов, рукописей, манускриптов, — тот натужно улыбнулся.

— Линда, Вы ведь тоже переводите? — барон как будто не замечал настроения Роберта, тот вновь нахмурился.

— Но я уверена, что не являюсь специалистом настолько, насколько им является господин Лайнл, — бодро ответила девушка.

Она отметила тонкую улыбку мужчины, а он неожиданно произнёс:

— Можно Роберт.

И только после этого они улыбнулись друг другу, как надеялась Линда, искренне.

— Отлично, когда все вопросы разрешены, мы можем пройти в обеденную залу, — предложил Фредерик, девушка почувствовала в его голосе мрачность и напрасно ловила взгляд мужчины.

Роберт предложил ей свою руку, и они неспешно проследовали в ещё одну залу, из

которой доносились звуки игры живого оркестра. Господа помогали дамам рассаживаться по местам, официанты обходили столики, разнося ароматные блюда. Барон, казалось, растворился в своей спутнице, не замечая вокруг себя происходящего, правда, пару раз всё же отвлёкся на блондинистую певицу. Линда старалась не сломать себе челюсть, отчаянно сопротивляясь зевоте, с тоской вспоминая про документ, разложенный на её столе и ждущий её оценки: ей бы провести время более продуктивно.

Как только возникла пауза, Портер вышла из-за стола вместе со всеми для того, чтобы, как тут говорили, «проветриться». Барон с герцогиней очень быстро затерялись в толпе.

— Вы же не против, если я исчезну? Будьте добры попрощаться за меня с хозяевами этого дома, — предупредила она Лайнла.

Тот кивнул и пробормотал что-то наподобие: «Молодёжь смелая».

Поскольку девушка больше никого не знала, она решила, что фон Бинц не сильно обидится на неё, особенно после того, что произошло между ними, если она уедет, тем более он был занят своей сопровождающей, а Роберт нашёл себе собутыльника за их общим столом. Она видела, как Фредерик кого-то действительно искал в толпе, оглядываясь, но она не думала, что её. Девушка усмехнулась про себя: на поверку Рико оказался на поверку настоящей свиньёй.

Линда не заметила, как за ней до выхода пристально проследила пара внимательных глаз.

Она поставила бокал на поднос прошмыгнувшего мимо официанта и не спеша прошла к выходу, выскользнув из «гостеприимного» дома, чуть не растянувшись на пороге, вовремя пойманная за руку сопровождающим.

— Не остаётесь на вечерний преферанс? — поинтересовался он и, поёжившись, посмотрел на дом.

— Вот он такое же чувство во мне вызывает, — девушка ухмыльнулась и прошла к автомобилю, стараясь сохранять равновесие на каблуках.

На улице было очень холодно.

«Не помешала бы куртка, — с тоской подумала девушка и мелкими шажками, с трудом балансируя руками, побежала к своему авто».

Вьюга завывала, и небо заметно потемнело, обозначив резкий переход от сумерек в ночную тьму. Наконец она уселась в машину и завела двигатель, одновременно подключая и обогрев. Вдохнула с облегчением, согреваясь, и на миг прикрыла глаза, как в стекло дверцы постучали. Линда увидела мужчину, запахнутого в пальто, сам же он озирался вокруг себя.

Девушка опустила стекло и вопросительно посмотрела на него.

— У Вас есть немного времени? — спросил мужчина глухим голосом, он вновь посмотрел по сторонам, нервно дёрнувшись, его седые волосы небрежным ёжиком торчали во все стороны, что придавало ему вид человека, пребывавшего явно не в себе.

Линда с опаской взглянула в сторону дома, как назло, на парковке никого не было, видимо, встречающие в такую непогодицу гостей слуги дежурили по одному. В случае нападения ей никто помочь не сможет, но то, что она была в машине, придавало некую успокоенность.

— Что Вы хотели? — спросила она как можно более равнодушно и тут же добавила, придав голосу важности, — я очень тороплюсь, меня ждут.

— Я не задержу Вас надолго, Линда Портер, — он назвал её имя и виновато улыбнулся в ответ на её испуганный взгляд.

— О-откуда Вы меня знаете? — отошедши от оторопи, спросила его девушка.

— Вы та учёная, что будет участвовать в экспедиции, организуемой комитетом? — уточнил тот.

Линда вновь взглянула на дом и растерянно на него, согласно мотнув головой.

— Я не задержу Вас, — мужчина полез во внутренний карман и увидел, как замерла девушка и в её глазах появился испуг.

Мужчина поспешно вынул руку и горячо заверил:

— О, не бойтесь, госпожа Портер, разрешите передать Вам бумаги.

И нарочито медленно повторил недавнее движение, и впрямь вынимая мягкую папку со стопкой бумаг, передавай ей в открытое наполовину окно.

— Что это? — спросила девушка, раскрывая бумаги на середине, понимая, что перед ней ксерокопии.

— Прочитайте и распорядитесь так, как считаете нужным... — загадочно проговорил он.

— Будьте любезны объясниться, — теряя терпение, рассерженно сказала Линда, испугавшись своего приказного тона.

— А общение с фон Бинцами никого ещё не оставляло без последствий, — философски спокойно произнёс он с горькой усмешкой.

— Простите, но как мне понимать Ваши слова? — успокоившись, произнесла исследовательница. — Вы говорите загадками...

— Когда Вы изучите документы, Вам многое станет ясно, Вы ввязываетесь не просто в изучение истории Древнего Египта, я понимаю Ваши намерения как исследователя, а Ваши выводы впечатлили не только их, — он мотнул головой на дом барона, — если есть возможность, бросьте...

— Что значит бросьте?! Все контракты подписаны, мы вот-вот вылетаем, — в голове поселился сумбур.

Тот цокнул языком и пробормотал:

— Не успел...

— Не успели что? — не поняла Линда.

— Просто прочтите и будьте настороже, Вы уже ввязались в это дело, отступить Вам не дадут, бумаги берегите пуще ока, — мужчина отпрянул от авто и быстрой, немного шаркающей походкой двинулся вдоль парковки.

Девушка растерянно посмотрела ему в след, потом на бумаги и на дом фон Бинцов.

— Сумасшествие какое-то, — пролепетала она и, забыв переодеть обувь, засунула бумаги в кармашек за передним сидением, — чем раньше я уеду из этого дурдома, тем лучше для меня...

Линда выехала с парковки в противоположную сторону от той, с которой въезжала на неё, и почувствовала облегчение при сумбуре, творящемся в голове. Ей казалось, что она запуталась окончательно, и немного встряхнула головой, словно бы таким образом само всё разрешится. Девушка вспоминала всё произошедшее с ней за день и старалась разложить всё на логические составляющие: куратор проекта, барон фон Бинц, дважды поменявший своё расположение к ней за вечер, баронесса, рассказывающая о древностях в их доме, словно они пятничный выпуск «The London Gazette», Роберт, напивающийся на светском рауте, интересно в связи с увиденным увидеть всю команду экспедиции, и вишенка на торте — странный мужчина с парковки, сунувший ей какие-то бумаги, и она, принявшая всё это,

сейчас просто сбегающая ото всего в свою лондонскую квартиру.

Линда невесело усмехнулась и бросила взгляд в зеркало заднего обзора, заметив чёрное пятно. Линда пыталась взглянуть в нечто размытое, как ей показалось, преследующее её.

«Это автомобиль, — с облегчением подумала она, и тревога, поднявшаяся было в душе, улеглась, в отличие от снежного вихря за окном».

Водителем она была аккуратным и внимательным, прекрасно чувствовала дорогу, но только сейчас поняла, что ей мешают каблуки, в спешке и в растерянности она забыла сменить обувь. Это немного выводило из себя, но Линда, пообещав себе остановиться у ближайшей колонки, вновь цепко ухватилась взглядом за дорожное полотно и замерла, впившись побелевшими костяшками напряжённых пальцев в руль. Перед ней, в метрах пяти, из воздуха медленно вырисовалась огромная фигура чёрного волка, словно сотканная самой темнотой ночи и снежинками на ветру. Того самого, которого она видела уже дважды...

Тут же сработали годами отточенные навыки — девушка нажала на педаль тормоза, но не смогла оторваться от глубокого синего взгляда. Она готова была поклясться любыми богами на свете, что этот взгляд был осознанным настолько, что её пробил холодный пот. Синие глаза были человеческими, а где-то глубоко внутри Линда поняла, что волк... растерян?!

«Животное» тоже неотрывно смотрело на неё. Волк не сменил позы, хотя короткое мгновение затравленно озирался по сторонам.

— Уходи, — закричала девушка, понимая, что вряд ли её услышат, а уж тем более поймут, махнув рукой.

Чёрная фигура не сдвинулась с места, и девушка приняла решение вильнуть в сторону, резко выкрутив руль. И автомобиль повело. Линда почувствовала, что теряет контроль над собой, дорогой, машиной, обстоятельствами. Водитель сзади отчаянно сигналил, но автомобиль исследовательницы уже вынесло к обочине. Её голову резко мотнуло и ударило о руль. Последнее что, она увидела, — это контур тела волка, исчезнувшего в прыжке к ней, и Линда погрузилась в блаженное небытие.

Глава 3. Кровавый ритуал и цена бессмертия

Дорога из поместья фон Бинцов. Находка Анубиса.

Он ощутил, что стоит на чем-то твёрдом. Заглубившие подушечки мощных лап почувствовали мелкозернистую текстуру покрытия чёрной полосы дороги. Земля... Та Земля, с которой боги ушли уже давным-давно и обрели свой покой в долине, которую никто и никогда не найдёт, её нет ни на одной карте, ни один локационный прибор не засечёт её местонахождение, ни один самолёт не обозрит даже с высоты птичьего полёта, ни один путешественник не войдёт, ни один провидец не узрит в своих видениях. Без времени, вне места, ушедшие на покой, воплотившие всё задуманное и отдавшие людям власть на Земле, оставившие за собой внешнее созерцание...

Он стоял на тёмной полосе дороги всеми четырьмя крепкими волчьими лапами. Поджать хвост значило бы показать, что он растерян и напуган. Но ведь это не так, или всё же?.. Он не сдвинулся с места, лишь только обернулся с искренним недоумением в искрящихся сапфиром глазах, заметив быстро несущуюся на него огромную чёрную громаду и устремлённый прямо в его волчью душу горящий испугом взгляд белокурой женщины. В поле зрения попал лежащий по краям дороги снег, ещё дальше — редкие деревья, а за ними — бесконечное плотное белоснежное одеяло, небрежно наброшенное на равнину. Осирис ушёл из этих мест, уступив их Нефтиде, и богиня, мать чёрного волка, властвовала здесь во всей полноте. Солнца минимум, сумерки и туман — большую часть времени. Пожалуй, ему было бы уютно здесь... Жить? Волк забыл, что это такое, полностью подчинившись ритму своего предназначения — предназначения, которое опустошило его душу. Бесконечной во времени и в пространстве вереницей тянулось его бессмертное и бессменное присутствие у чаши весов, несущих справедливость людскому племени. Души, сердца... Каждого понять, потому что любой из них достоин правильного и справедливого судилища. Справедливого, но милосердного ли? Почему этот вопрос, так долго зревший внутри него, он только сейчас смог сформулировать во вполне чёткую мысль? Посреди небольшого отрезка времени, в котором на него неслась невыносимого вида колесница и так отчаянно кричала молодая женщина, махая ладонью, словно бы предупреждала о смертельной опасности, грозившей ему. Ему — богу, призванному управлять этой самой таинственной стихией для человека? Она боится за себя, за него?.. Что-то ещё есть в этом клубящемся отчаянии, настолько тёмном, что даже он в нём вязнет...

Он склонил голову набок и прислушался к собственным ощущениям. И время остановилось, смирившись, словно непокорная волчица, лежащая перед ним на спине, бьющая сама себя по бокам хвостом. Многочисленные снежинки повисли белоснежными крапинками, пронизав всё пространство, как бусины, усеявшие наряд горделивой красавицы Египта, следуя традициям и прикрывая грудь лёгкой паутиной драгоценностей. Холод отступил, ветер, пав ниц перед чёрным волком, стих, облизав тому лапы. Пронзительно-синие глаза, словно бы часть того беснования непогоды, тёмного, холодного, остановившегося сейчас, покоряясь его воле, внимательно смотрели в расширившиеся от напряжения и ужаса женские тёплые карие.

Что же выдернуло его из Дуата и резко погрузило в мир Людей?.. Вновь. Собственные

ощущения, волчья сущность или провидение Хаоса, не подвластное никому, даже им, казалось бы, всесильным существам? Но внутреннее наитие мгновенно отреагировало внешне — шерсть на холке встала дыбом. Отозвался... Что же в ней такого особенного? Почему сейчас и кто это сделал? Или что? Объяснение может быть только одно: вмешательство богини Сешат, плетущей судьбы людей, слепой, выжившей из ума старухи, по временам, однако, способной здраво мыслить, как-то говорившей, что всё, что сделано для правды и добра, не канет в лету, оно возвращается сторицей, трижды вознаграждая сотворившего хорошее, благословляя до конца времён. То, что он когда-то спрятал в тщедушном тельце девочки-подростка, вернулось к нему так неожиданно? Анх? Но оно ли? И зачем? Что за странность? Для чего? И кто ещё это почувствовал, кроме него? Если это и есть ключ к началу конца, то неужели Сешат дважды сыграла жестокую шутку и разгадка вновь в брэнном хрупком человеческом теле? А если её нашёл не только он, то как скоро тот тоже сможет до неё добраться? Тот, кто спит и видит себя на престоле Осириса... Невидимый, но беспощадный. Амон-Ра. Бог, имя которого не произносят в Дуате. Старшие боги не верят в его мощь. И даже отец, Сет, в открытую потешается над опасениями сына. Доводы его и Гора не убеждают никого. Предчувствие зверя не в счёт — кто же поверит ощущениям чёрного волка в пику умных рассуждений, сердцевиной которых является банальное нежелание ни с кем объединяться, терять вследствие этого власть и свою часть великого Царства Дуат, на вершине которого и поселились жестокие, эгоистичные боги?

Он переставил начавшие замерзать лапы, и время вновь сдвинулось с «мёртвой» точки, а колесницу начало резко заносить, закручивая в потоке инерции, через некоторое время она остановилась. Женщина в ней, ударившись, туманным взором вновь взгляделась в его глаза. Без сомнения, она видела его. Видела! Это не совпадение и не зов смерти. Она точно знала, что зверь здесь. На её лбу он увидел алеющую кровь и молниеносно принял решение. Чёрный волк прыгнул по направлению к автомобилю и почувствовал, что его тянет обратно в Дуат. Полоска гаснущего света между Нут и Гебом почернела, уступая место ночи, супруги вновь воссоединились, а волк исчез для этого мира, чтобы появиться в своём.

Кровавая луна Древнего Египта. Послание для фараона.

Шум качнулся в ушах мощно, почти как взрывная волна, но воспринимался так, словно это воздействие солнечного удара: нестерпимо хотелось пить и больше ничего. Мужчина пытался поймать себя хоть на какой-то мысли, не понимая, что с ним происходит. Открыл глаза, почувствовав пульсирующую боль в голове: он не мог определить, что именно ноет, потому что казалось, что вся её поверхность в огне.

— Дочь, — в ужасе наконец-то прошептал Камазу и попробовал перевернуться, — Косей, — вспомнились и его враги.

Тело ныло, не слушалось, руки онемели. Он хотел встать, но попытка не увенчалась успехом. Камазу поднялся на четвереньки и, прислушавшись, вновь упал на холодные пыльные камни.

— Она исчезла, как испарилась, — послышалось из коридора, где громила растерянно докладывал своему хозяину.

— Не может быть! — взревел Косей и тут же досадливо заметил: — Всё приходится делать самому...

Камазу облегчённо вздохнул и улыбнулся от мысли, что Инпут всё же удалось бежать.

Он прислушался к утихающим шагам и вновь предпринял попытку подняться, и на этот раз успешную. Адреналин от новости, что дочка в безопасности, придал сил. Его пошатывало, и всё же он мог медленно, но верно двигаться по направлению к выходу из пирамиды в храм Анубиса в Кинополисе, иногда нервно или устало прижимаясь к холодным стенам гробницы, в случае если ему казалось, что за ним кто-то следует, либо когда головокружение становилось невыносимым и грозило вновь ввергнуть того в пучину забвения.

Когда коридор и бесчисленное количество преодолённых им ступенек закончились, по его коже пробежался воздух ночи, охватив прохладой, освежив настолько, что он мог идти дальше уже более свободно, не спотыкаясь и не падая. Камазу останавливался и старался не входить в круг света факелов, опасаясь последователей Косея. И он оказался прав: то тут, то там около источников света стояли стражники — немного, но даже и без раны Камазу вряд ли справился бы с вооружёнными до зубов сильными молодчиками. Он только просил Анубиса, бесконечно вознося внутри себя мольбы о том, чтобы его дочь не попалась соглядатаям где-нибудь по дороге.

Тайными тропами, о которых его противники пока не знали, ещё наверняка не успев разведать и сориентироваться за столь короткий срок пребывания в Кинополисе, а значит, промах врага — это его преимущество, одно из, Камазу вышел, слегка пошатываясь, к потайному ходу в храм. Отправить послание... Теперь уже не страшно, жизнь Инпут в безопасности, а его не важна по сравнению с тем, что задумал безумец Косей, но без девочки он ничего не сможет, и поэтому жрец знал, что теперь их план не реализуется.

Тенью он проскользнул по опустевшим залам храма и незаметно вошёл в помещение, где творил свои мистерии. Его взгляд пробежался по стене, на которой висела шкура леопарда. На мгновение ему послышался рык волка, и Камазу прикрыл глаза, произнеся про себя заклинания, обычно те, которыми он возносил хвалу богу перед завесой Анубиса. Ответом ему послужила тишина. Непреложное правило, установленное испокон веков ими же и отражённое в негласном договоре с людьми: они являются за жертвоприношениями и когда произносят их тайные имена, взывая к помощи, которая должна была прийти немедленно, но, если тот, кто звал, оказывался обманщиком, а тем более пытался управлять богами, только от мысли такой должен был умереть.

— Грехи мои тяжкие... — прошептал он и подошёл к столу.

Сейчас он понимал, что должен был предпринять что-то ранее для того, чтобы предотвратить происходящее сейчас. Камазу, преодолевая боль и неожиданно возникшую усталость, частично вызванную ещё и тем, что Инпут была в относительной безопасности, ему хотелось так думать, пока её не схватили жрецы кровавого бога Амон-Ра, подошёл к столу, слепо шаря по нему руками.

— Дитя... дитя хотел безвинное убить... — сокрушался тот.

Он издал чуть ли не победный клич, когда в его руках оказалась подвеска. Камазу выставил руку вперёд, и лунный свет выхватил отблеск кроваво-красного камня в самой сердцевине украшения. Осталось самое малое — передать тому, кто сможет донести послание до фараона, предупредить, что предатели слишком близко. Что намерен делать Косей далее, сейчас, наверное, знала только одна Сешат...

Камазу положил камень за пазуху и скрылся в нише, которая медленно открылась под давлением его веса и так же не спеша закрылась, скрывая того в тайных переходах между залами. С десятков быстрых шагов, и вот он уже добрался до помещения, где находились евнухи, молодые люди, служившие культу Хозяина Смерти. В тонкой щели перегородки

было видно, что старший евнух находился там один, стоя на коленях и шепча слова молитвы.

Натужно заскрипела и заскребла по полу каменная панель, и в зале появился Камазу: в песке и пыли, с кровью на голове и лице. Испуганный вначале, евнух уже было схватился за оружие, а увидев жреца, незамедлительно вскочил с пола, бросив кинжал из рук. Подбежав к нему, помог старшему сесть на ступеньки.

— Что же это такое? — запричитал парень, пытаясь справиться с волнением.

Камазу посмотрел на него туманным взглядом и хрипло произнёс, сам удивившись, насколько слабо звучал сейчас обычно твёрдый, зычный голос:

— У нас нет времени рассуждать о том, что здесь произошло, но в том, что это угроза власти фараона, сомнений нет, — мужчина вынул из-за пазухи украшение и передал его слуге. — Найдёшь на рынке торговца по имени Амун, он там один такой, высокий, без среднего пальца на левой руке, скажешь, что в храме Камазу нет леопардовой шкуры, отдашь ему подвеску, дальше сделаешь всё то, что он тебе прикажет, сюда не возвращайся — поймают; даже если чего-то не знаешь, сознаешься во всём: жрецы Амон-Ра — жестокие палачи, хуже только демоны Сета.

— Как же вы здесь, хозяин? — вновь повторил молодой мужчина, глотая слёзы.

Камазу по-доброму усмехнулся и сказал:

— Ты — очень хороший слуга, после того, как всё исполнишь, что я велел, беги на север, там есть много храмов, тебя примут везде.

Евнух кивнул и, положив камень в карман, скрылся в стенном проёме точно так же, как оттуда недавно появился жрец. Камазу вздохнул и понял, что он совсем не контролирует ситуацию, он сделал всё, что мог, обстоятельства сейчас складываются так, что невозможно предугадать, на чьей стороне фортуна, а она зависит, прежде всего, от двух вещей: найдут ли Инпут и перехватят ли евнуха. А ему нужно тянуть время... в любом случае...

Так хотелось упасть, свалиться, забыть всё. Нестерпимо ныла голова. Отключиться сейчас, возможно, было бы спасением, но что бы это дало? Только он так подумал, как в залу ворвались несколько соглядатаев Косей и он сам. Его едкая ухмылка не предвещала ничего хорошего, и Камазу сразу внутренне подобрался. Мужчина приближался к нему, на лице играли сотни теней от пляшущего пламени факелов. Одним движением он поднял пожилого мужчину на ноги и, невзирая на его рану и уже запёкшуюся кровь, приблизил своё лицо к его.

— Где твоя дочь, старик? — прошипел он, опалая его лицо зловонным дыханием.

Камазу брезгливо сглотнул подступившую к горлу муторную тошноту.

— Ты же видишь, её здесь нет, — притворно-извиняющимся тоном промолвил он и тут же добавил, — я очнулся и сразу пришёл сюда в надежде, что мне окажут помощь.

Косей сощурил глаза и с сомнением посмотрел на него.

— Ты лжёшь, жрец, мне нужно немного времени, и я отыщу здесь все потайные двери, ходы, коридоры и выходы и всё равно найду её, — Косей зверел с каждой секундой.

— Я не знаю, куда могла бежать Инпут, — прямо проговорил Камазу, не отводя взгляда.

— А если я начну пытаться? — насмешливо произнёс жрец кровавого Амон-Ра.

— Если бы ты хотел это сделать со мной, то уж точно не предупреждал бы заранее, — Камазу не сводил с того глаз, как и заметил несдержанную реакцию рук, которые держали его за ворот одежды, пальцы дрогнули, хватка немного ослабла, — ведь я тебе нужен...

Косей скрипнул зубами и резко отпустил жреца Анубиса, тот пошатнулся и почувствовал, как перед ним поплыла земля и потемнело в глазах. Лысый мужчина с

насмешкой смотрел на него. Упасть перед ним ниц нельзя. Камазу чувствовал, что так он может предать Того, кому служил уже много времени.

— Слабый старик, жрец культа бога, который не может тебе ответить... — он рассмеялся. — Ты же заклинал его, и где он? — жрец Амон-Ра развёл руками и повертел головой.

— Ты же был за запретной завесой, искал свою племянницу, он увёл её за собой, — Камазу улыбнулся открыто и широко.

— Ты бредишь, старик, — зло проговорил тот.

— Если тебе не отвечает твой Амон-Ра, это не значит, что другие не говорят со своими богами, — Камазу не хотел задеть или как-то обидеть, лишь донести истину.

Косею сказать было нечего.

— Где Разия? — он решил сменить тему разговора.

Жрец рассмеялся:

— Её увёл Анубис, я же говорю.

Он почувствовал, что Косею стало не по себе, в углу послышался шорох, и тот дёрнулся, вглядываясь в тени, беснующиеся под воздействием бешеной пляски факелов.

— И где же сейчас твой Инпу? — спросил тот, усмехаясь. — Я убью тебя и глазом не моргну.

— Ты же сам жрец и знаешь о договоре богов и людей, сейчас я тебе нужен, а дальше Сешат рассудит, — в его голосе не было фальши или страха.

Это подкосило уверенность Косея, и он, злобно сощурившись, ударил жреца Анубиса в лицо — тот, потеряв равновесие, упал на пол, растянувшись у ног лысого мужчины.

— Тут тебе и место, как Инпу у подошв обуви Амон-Ра.

Дуат. Царство богов. В полоске гаснущего солнечного света между Землёй и Небом.

Темнота поглотила его гибкое тело, шерсть успела блеснуть во всё затопившем солнечном свете, и его голые пятки, качнувшись, с трудом устояли на холодном каменном полу.

— Дуат... — сейчас в устах Инпу название его родины прозвучало как ругательство.

Смуглый обнажённый торс всё ещё дрожал от мороза. Несмотря на свою обескураженность, ему нравился тот воздух, он был... иным, нежели здесь. Более свободным. Простор за белоснежным полем манил перспективой бега. Без цели, просто наслаждаясь процессом. Ему хотелось по-волчьи вытянуть морду и поскулить от досады. Путешествие в мир людей встряхнуло его, выдернув из привычного круга существования, обязанностей, которые он не только исполнял, но ещё и олицетворял.

Осмотревшись, он усмехнулся. Зала, полная живых кошечек и статуй для поклонения им, принимающихся к невесте откуда появившемуся человеку, пахнущему враждебным им существом. Огромные выбеленные колонны с изображением себя любимой, яркие краски и чувственные запахи восточных благовоний.

— Бастет, — произнёс он и оглянулся вокруг себя.

— Инпу, — промурлыкал голос нежной чаровницы.

Черноволосая девушка выплыла из-за колонны, покачивая крутыми бёдрами. В такт её движениям мягко подпрыгивала высокая небольшая грудь с тёмными ареолами и такого же

цвета сосками, едва прикрытыми парчовой золотой тканью воротника с крупными, вкрапленными в него драгоценными камнями — изумрудами, через плиссированную полупрозрачную ткань, не скрывавшую угадывавшийся под её пеленой тёмный треугольник в межножии, просвечивали бедра. Она не спеша подошла к нему, не сводя раскосых зелёных глаз с его лица, на котором застыл вопрос. Положив ладонь на рельефное плечо, обнаруживая цвет своей кожи много темнее его, она чуть сжала его. Раньше он бы затрепетал...

— Ты выглядишь... живым, — поприветствовала она его, взглядом задержавшись на его чувственных губах.

— В отличие от тебя, — он поднял широкую, круто изогнувшуюся бровь вверх, произнесённое получилось грубоватым, но разорвать зрительный контакт он был не в силах: её магия уже была в нём, как только он вдохнул благовония, возжигаемые на огромном, поблёскивающим медью жертвеннике возле высокого проёма выхода на балкон, залитого величественным светом безмолвного солнца Ра.

За колонной он почувствовал движение в глубине зала и принял боевую стойку, чуть склонившись и вытянув руки с кулаками вперёд.

— Исчезни, — выкрикнула Бастет, щёлкнув пальчиками.

Раздался мужской вскрик и громкий хлопок. Девушка обезоруживающе улыбнулась, а Анубис покачал головой.

— Тебе не хватило компании? — спросил он саркастично. — До полного комплекта не хватало?

— О, таких всегда предостаточно, — проговорила она, широко разводя руками. — Я скучала, — надув губки, добавила она, хлопая глазами.

— Зачем я тут, Бастет? — уже более нетерпеливо, мыслями возвращаясь к дороге.

— Раньше ты любил здесь бывать и наслаждаться моим обществом, — её рот скривился в обиде, и она ворчливо произнесла, отпустив его плечо и отходя на комфортное для обоих расстояние, становясь мрачнее, видя, как мужчина вздохнул с облегчением.

— Ты оторвала меня от важного дела, — пояснил он и в раздумьях вновь воззрился на неё, желая знать, если он поделится с ней информацией о том, что с ним только что произошло, поступит ли верно.

Девушка повела носом и, качнувшись на носочках, резюмировала:

— Ты был у людей! — догадка показалась ей забавной. — Это так... необычно, зачем, скажи мне, Инпу?

— Ты неболтлива, но не поддержала меня, когда я изложил Девятке свои суждения, касающиеся Амон-Ра... — начал было он, решая: довериться или нет.

Бастет закатила глаза и, тяжело вздохнув, прервала его:

— Но и не посмеялась, как это сделал Сет, — она отошла от него подальше и села на пол, застеленный плотной рогожей, раскрашенной переливающимися, словно заимствованными из самой радуги цветами. — Присядь, Инпу.

Узкой ладонью она похлопала по месту рядом с собой.

— Присядь, побудь немного со своею, — она немного помолчала, насладившись тем, как выжидательно посмотрел на неё Инпу, и продолжила далее, — твои мертвецы от тебя никуда не убегут, тем более тут время навсегда остановлено, — она провела пальчиком по своему лицу. — Надо хранить свою красоту, чтобы вам с Гором было стыдно, что когда-то вы променяли весёлые деньки со мной на...

— Умолкни, — проворчал Анубис и нехотя сел рядом, искоса посмотрел на довольно улыбающуюся девушку и добавил уже более снисходительно: — Зачем звала?

— Не почувствовала тебя нигде, подумала, что ты опять... — она отвела глаза и с горечью в голосе довершила фразу: — Принимаешь подношения своих жрецов.

Анубис смягчился и решил не возражать Бастет.

— Скажи, ты что-то чувствуешь? — деликатно, видя, как девушка наливает в бокалы вино, до этого бутылка с которым стояла на низком столике с витыми толстыми ножками.

— А ты? — и подала сосуд ему в руки, сама отпивая из своего.

Анубис взболтал напиток, глянул в кроваво-красный пьянящий водоворот и вновь воззрился на девушку.

— Я действительно был на Земле, — после недолгого молчания произнёс он, ожидая любой реакции.

— Тебя до сих пор волнует Амон-Ра? — спросила она, вновь делая глоток.

— Опасность, которую никто не видит: мы стали забывать о том, что мы вечные, но не бессмертные, никто не видит последствий, никто не хочет объединиться против висящей над нами угрозы, дядя тоже этого не понимает, Осирис вцепился в свой престол, носится с ним как с писаной торбой, отец ушёл в пустыни, сделав их оплотом своего безумия, губя на всякий случай любого, кто имел неосторожность оказаться в его царстве в одиночку, потерянного, — он немного помолчал, сделав глоток, вино отозвалось тягучей пряной сладостью на языке, скатившись в горло, расслабляя мужчину. — Мне поверил лишь Гор, принял мои предчувствия...

— Вы украли Анх, — возмутилась Бастет, и её глазки зло сощурились, блеснув зелёным огнём.

— Он там, где его никто никогда не найдёт: потерян во времени, пространстве, во всех мирах, даже я не знаю, где он, — произнёс Инпу, словно бы бросая ей вызов.

— И ты ещё хочешь, чтобы к вам с Гором не относились как к нашкодившим мальчишкам? Скажи спасибо, что Нефтида не развеяла вас по ветру, — фыркнула Бастет и потянулась к столу, беря оттуда виноградную кисть, отщипывая одну ягоду и быстро кладя её себе в рот.

Инпу усмехнулся: Бастет была очаровательна даже в своём гневе, впрочем, как и в распутстве и наивности одновременно.

— Исида и Нефтида покорились воле мужей, остальной пантеон даже не высказался... — мрачно напомнил ей Анубис.

— Но ведь наше существование ничего не нарушило, а значит, и угрозы завладения власти кровавым Амон-Ра нет, — возразила ему девушка и заметила, что на его лбу забились напряжённые венки, хотя по нему и невозможно сказать, что он волнуется.

Когда он заговорил, то его голос лишь порывами выдавал его гнев:

— Мы существуем вне времени, ты права, а значит, отсюда все сделали вывод, что с нами ничего не может случиться, но как же вы все ошибаетесь, когда думаете, что наш мир никак не связан с миром людей: мы взаимосвязаны, как переливающиеся сосуды, да, мир богов неизменен, но это утверждение не относится к миру людей, он подвижен, как ртуть, люди независимы со своей свободой воли, выбора и действий, их знания пространны, частью, кстати, мы делились с ними, они почти что боги, по образу и подобию нашему, только без вечности, будь у них она — нас бы смели с лица Дуат и наступил бы действительно хаос, но не тот, который явился для нас Демиургом, а такой, что камня на

камне не оставляет, сворачивая историю в тугое кольцо, смыкая до маленькой точки, стирая в ничто.

Бастет лишь молча кивнула, его слова были убедительны, и где-то глубоко внутри себя она понимала, что он прав. Между ними возникло напряжённое молчание. Девушка не торопила мужчину, она чувствовала, что его гложут сомнения, и ей было немного обидно оттого, что Инпу сомневается: доверять ей или нет.

— Меня что-то вытянуло в мир людей, — произнёс он осторожно, ставя почти нетронутый кубок обратно на стол.

Бастет внимательно посмотрела на него.

— Анх? — кажущаяся легкомысленной, девушка таковой на поверку не была, обладала живым гибким мышлением и умением задавать нужные вопросы, бьющие по своей сути прямо в цель.

— Он не должен был проявиться, никогда, напротив, должен был кануть в лету вместе с той девочкой, — Анубис помрачнел.

— А что, если кто-то предпринимает действия по его поиску? — подтолкнула она его к мысли.

— Если бы Анх был в мире богов, Амон-Ра уже бы взобрался на престол, заставив подчиниться себе всех, кроваво подавив любое сопротивление, а для людей наступил бы Судный день... — Анубис осёкся, видя, как бледнеет лицо Бастет.

— Среди людей ещё опаснее, — произнесла она, ей передалось состояние Инпу.

— Повторюсь, у людей есть огромное преимущество перед миром богов: когда-то Хаос создал их независимыми от наших решений, даже если они и соглашались с нашими законами, то делали это по своей ВОЛЕ, их можно заставить, запугать, уговорить, договориться, но склониться перед нами или обстоятельствами они могут только сами, — произнёс он воодушевленно.

Бастет улыбалась.

— Любишь ты этих нагих созданий, — пошутила она и растянулась на боку, не сводя с него взгляда.

— Если бы ты когда-нибудь держала на руках человеческую Душу, их Ка, ты бы тоже любила их, они такие свободные, они удивительные, даже самые отъявленные злодеи, и если бы последние знали, что их ожидает на нижних этажах Дуата, то никогда бы не совершали то, что творили на Земле, — заключил он.

— Ты ничего не можешь сделать, Инпу, человеческая воля... — напомнила богиня и потянулась совсем как кошечка. — Но к кому привело тебя проведение? — заинтересованно спросила Бастет.

— К женщине, — серьёзно ответил он и увидел, как она до белков завела глаза вверх.

— Как будто мало тебе было Разии... — проговорила она с упрёком, мгновенно переставая быть серьёзной и сосредоточенной.

— Бастет... — начал было Анубис.

— Хорошо, ни слова о твоей любви любовной к одной из своих жриц, — проворчала она, насупившись.

— Ты меня упрекаешь так, словно бы сама не содержишь гарем или другие боги себе в чём-то подобном отказывают, — он свёл брови, как будто одновременно оказался рассержен и удивлён, — Разия такая же, как все остальные жрицы, одна из, и не с ней я сейчас говорю о важном для себя да и для всех богов, а с тобой.

— О, ты даже своих наложниц жрицами называешь, — лёгкий хохот. — Хорошо, — примиряюще произнесла Бастет, ослепительно улыбнувшись, — и что случилось?

— С ней что-то произошло, ей нужна моя помощь, но то, что притянуло меня к ней, ослабло, и я вновь оказался в Дуате, и сейчас я думаю, что твой призыв никак не повлиял на это, просто нить взаимодействия по каким-то причинам ослабла, — он задумался.

— Ты чувствуешь её? — спросила она с любопытством, вглядываясь в его глубоко-синие глаза, которые сейчас подёрнулись серьёзной думой, делая его ещё более привлекательным. — Что твой внутренний зверь говорит тебе? — Бастет провела рукой по его прямому носу, тронула чувственные полные губы, задела подбородок, увидев, как под её задумчивыми, погружёнными в воспоминания прикосновениями он поднял уголок рта в усмешке.

— Больше нет, — ответил Инпу, деликатно отводя её руку от своего лица.

Она вздохнула:

— Посоветуйся с Маат.

— Пожалуй, да, может, с Сешат...

— С этой злобной сумасшедшей старухой?! — вскричала та, и её передёрнуло.

Губы Анубиса слегка тронула улыбка, и подначил подругу:

— Ты злишься на неё только потому, что она отказала тебе в предсказании? Но ведь это её право, она может соизволить, и ты будешь видеть свою судьбу, хотя зачем тебе это надо, всесильная и вечная Бастет, берущая от жизни всё, что только ни захочет?

— Зато тебе она благоволит, — с ноткой зависти ответила она ему. — Ты мрачен, нелюдим и вечно торчишь в своём нижнем Дуате, почему старушка так печётся о тебе?

— Спроси её сама, — немного свысока, — я же принимаю её дар без вопросов, как и она мой.

— Может, тогда с Нефтидой? — спросила она очень осторожно, проследив за тем, изменилось ли выражение лица Инпу.

Тот выпрямился и до остроты челюсти сомкнул зубы.

— Я не буду советоваться с этой женщиной, — глухо проговорил он.

— Эта женщина — твоя мать, — напомнила ему Бастет, сочувственно кладя руку на его.

— Моя мать — Исида, та, что спасла и вырастила, — Анубис убрал её ладонь и одним движением поднялся, отходя к выходу на огромный балкон.

— Почему же ты не злишься так на отца, как зол на неё? — она плавно встала и двинулась за ним, пытаясь успокоить.

Он почувствовал, как от неё исходят волны умиротворения, и чуть встряхнул головой.

— Не надо... — тихо попросил мужчина. — Я сам.

— Прости, что всколыхнула... — Бастет сделала пас рукой, как будто втягивая в себя обратно силу, расплескавшуюся сейчас в этих стенах. — Я хотела помочь, но подумай над тем, что нам всем свойственно ошибаться, даже будучи трижды богами; я уверена, она сожалеет о том, что когда-то младенцем бросила тебя, но Сет поступил и поступает с тобой хуже того...

— Он хотя бы честен, — Анубис сглотнул горький ком, подступивший к горлу. — Богу войны ни к чему сантименты, ни к чему привязанность, да и он почти не воспитывал меня...

— Ты его единственный сын, — напомнила Бастет.

— Я не жду ни от Сета, ни от Нефтиды любви к себе, мне достаточно того, что отец

делится своей мудростью со мной, а я всегда буду хорошим сыном, несмотря на их чувства ко мне и мои к ним, — произнёс Инпу, прямо смотря в глаза богине-кошке.

— Нефтида — богиня подсознания, смерти, тех мест, о которых ни ты, ни Осирис даже не подозреваете, она может знать даже больше, чем всеильный Зелёный...

— Она будет последняя, к кому я обращусь за помощью... — твёрдо заявил он и, тут же зло сощурившись, обернулся в сторону Бастет. — Почему ты заговорила о моих родителях?

Инпу подошёл ближе к Бастет, взяв за горло, надавливая на него так, что она прохрипела, и девушка, вынужденная отступить под его натиском, упёрлась спиной в одну из балок входа на балкон. Неожиданно она призывно улыбнулась и повела бёдрами, потираясь о его пах, сложив руки на крепкие плечи.

— Если ты спокоен, то глыба и никогда не попадётся на мои уловки, — прошептала девушка, приближая свои губы к его. — Я же ожидала твоего гнева, в таком состоянии тебя легче всего соблазнить.

В сознании мужчины промелькнул образ белокурой девушки, её испуг в огромных карих глазах и то тянущее за Ка чувство отчаяния, которое никак не вязалось с её светлым образом. Хватка на горле ослабла. Думы Анубиса прервало недовольное фырканье Бастет. Она кончиками пальцев оттолкнула его от себя.

— Фу, все твои мысли об этой белоголовой, — с презрением проговорила та, шипя, как взбешённая кошка. — Интересно взглянуть на неё вживую, может, притащишь её сюда как очередную свою жрицу?

— Женщина, — рассерженно вскричал тот, отступая от неё, и исчез, мигом растаяв в пространстве.

Храм Анубиса. Кровавое солнце Амон-Ра. Тянуть время.

Сознание мало-помалу возвращалось к Камазу. Он попробовал открыть глаза, но с первого раза не смог. Боль пронзила всё его тело. Он простонал и тут же почувствовал на своём лбу прохладную ткань. Стало значительно легче. Пожилой мужчина повторил попытку и открыл глаза. Вначале несфокусированный, затуманенный, он всё больше становился осознанным, зрение вернулось резью, хлынули слёзы; Камазу хотел встать, но его удержали чьи-то мягкие руки, сквозь пелену влаги на глазах он не понял, кто это, но когда услышал голос, то расслабился:

— Лежите, нельзя пока вставать.

Это была одна из наставниц девочек-жриц. Она убрала тряпку — послышался плеск воды, и он вновь ощутил на своём лбу прохладную ткань. Камазу смахнул слёзы и, усиленно поморгав, уже мог видеть, оглядевшись. Стены комнаты были ему знакомы, это было одно из подсобных помещений к ближайшей зале, где была расположена завеса Анубиса.

— Что происходит? — спросил он почти шёпотом.

Женщина всхлипнула, но быстро прикусила губу и тоже шёпотом ответила:

— Прибывший жрец Амон-Ра сказал мне, чтобы я привела Вас в порядок.

— Что они хотят сделать? Слышала? — спросил он аккуратно и многозначительно посмотрел на женщину.

Она вновь вскинула голову и, оглядевшись, произнесла уже более уверенно:

— Их пока нет, но Косей всё время спрашивает, пришли ли Вы в сознание, а у Священной завесы они что-то готовят, в тот зал никого не пускают, — и тут позволила себе

всхлипнуть, — они... они наших... девочек... — и закрыла лицо руками.

В глазах Камазу отразился гнев, желваки заиграли на скулах.

— Вы ничего не сделаете, они вырезали всю охрану, — проговорила она и вновь поменяла повязку. — Что хочет этот Косей?

Камазу отрицательно мотнул головой и сглотнул горький комок вины, застрявший в горле.

— Нам надо тянуть время, — только и произнёс он.

Женщина внимательно посмотрела на него и согласно кивнула.

— Я очень надеюсь на помощь фараона, — дополнил он.

Наставница вновь кивнула и закрыла глаза, заплакав.

— Не плачь, этим ты никому не сможешь помочь, надо попробовать сделать всё, чтобы дождаться его воинов, — твёрдо напомнил он.

Она посмотрела поверх него, и Камазу понял, что они уже не одни.

— Спасибо, — уже официально проговорил тот.

Наставница кивнула.

— Оставь нас, — послышался грубый голос жреца Амон-Ра.

Женщина поклонилась ему и Камазу, встала с колен и неслышно вышла из помещения. Камазу проследил за ней взглядом, потом невозмутимо посмотрел на вошедшего.

— Встань, старик, — приказал тот.

Пожилой мужчина сделал попытку, но ничего не получилось. Косей взвыл от нетерпения и, размахисто подойдя к нему, встав над ним, схватил того за грудки и рывком поднял на ноги. Камазу покачнулся, когда руки мужчины оставили его, боясь вновь свалиться перед ним. Но удержался и теперь, прикрыв глаза, пытался справиться с головокружением.

— Ты — притворщик, если бы ты мне был не нужен, то давно бы уже кормил своим телом шакалов в пустыне, — злобно произнёс он.

Камазу открыл глаза и прищурился.

— Ты хочешь воскресить умершего фараона, человека, которого я уже забальзамировал, запеленал в бинты, смоченные в растворе, благословлённом самим Анубисом, того, чья Ка уже в судилище Эннеады? — он усмехнулся и тут же получил взгляд, полный презрения.

— Уж не тебе ли знать, что тайны твоего Храма намного мрачнее общения с богом смерти? — спросил тот насмешливо и ещё более широко улыбнулся, когда заметил, что жрец Инпу вздрогнул.

— Я сполна расплатился за это своим каждодневным служением и потерей дочери, — тихо оправдался тот, словно на последней в своей жизни исповеди.

— Ты должен провести ритуал, — безапелляционно.

Камазу отрицательно и медленно покачал головой.

— Видящей нет, — возразил тот.

— Инпут не одна такая, в твоём храме много жриц...

— Инпут одна могла разговаривать с богами, — с горечью напомнил он.

— Ничего страшного, за неимением иного и это сойдёт... — возразил он.

— Не гневи богов, ты и так пришёл в чужой храм, ведёшь себя как хозяин, а ведь я хорошо принял тебя, — упрекнул того Камазу.

— Ты, как и другие жрецы, никак не хочешь понять, что время многобожия в Египте закончилось, пора людям и самим богам принять Амон-Ра как единого правителя Дуата и

Земли, — тот говорил, как фанатик с горящим взором, теряя остатки спокойствия, краснея, выпучивая глаза.

— То, что ты хочешь осуществить, не изменит сущности, по-твоему не будет никогда, или ты не знаешь, что можешь вызвать гнев Вечных на себя? — предупредил тот, понимая, что вряд ли убедит безумца.

Косей неожиданно расхохотался.

— О, Камазу, ты же раньше был на нашей стороне, ты же тот, кто всегда поддерживал нас, — он возвышался глыбой над тщедушным худым стариком.

— Пока не познал Великого Тёмного, — глухо оправдался тот.

— Ты не понимаешь, старик, твой Великий не будет значить ничего, когда придёт Тот, кто творил этот мир, — возразил кровавый жрец, победно улыбаясь.

— Хаос благ, раз он сотворил всех существ и устроил их жизнь, зачем ему возвращаться? — Камазу спросил так, что Косей обескураженно промолчал, а жрец Анубиса продолжил: — И задай вопрос себе: общается ли с тобой Творец или под его личиной пришедший к тебе кровавый демон, несущий смуту в оба Царства?

Косей внимательно посмотрел на того и произнёс:

— Я не буду сомневаться, как ты, он обещал своим последователям такую бесконечную власть на Земле, такой контроль над людьми, которые не знал никто из ныне живущих: сотни тысяч рабов, склоняющихся перед нами, все жрецы, все храмы для него одного, а мы, верные, те, кто привели его к власти, будем купаться в золоте, в невысказанной роскоши, о которой даже фараоны мечтать не могут...

— Что же так пышет ненавистью ко всему живому, что хочет поработить его, и что будет с теми, которые окажутся первыми на его пути, не вас ли это убьёт в назидание всем, во исполнение принципа «бей своих, чтобы чужие боялись»? Обычно от предателей избавляются сразу же, — с горькой усмешкой промолвил мудрый старик.

Косей вздрогнул, и на скулах заиграли желваки, он с ненавистью и нетерпением в голосе проговорил:

— Ты сможешь, хочешь ты этого или нет.

— Нет, не помогу, — твёрдо промолвил он, — моей дочери здесь нет, тебе нечем шантажировать меня.

Жрец кровавого бога Амон-Ра рассмеялся так, что кожа Камазу покрылась холодным потом только от того, насколько тот чувствовал себя непоколебимым в святотатстве.

— Зачем тебе понадобился Великий Тёмный? Ведь ты знаешь, что со Смертью шутки плохи? — Камазу решил тянуть время.

Косей взглянул на того, сощурился.

— Если я так или иначе вынужден в этом участвовать, то я должен знать хоть что-то, — быстро произнёс жрец Инпу, видя, что мужчина звереет.

— Так ты сделаешь всё по доброй воле? — спросил тот всё ещё с недоверием.

— Тебе нужен Анубис, чтобы воскресить фараона, но зачем Амон-Ра фараон? — осторожно, так, чтобы не спугнуть. — Не прикрытие ли это для целей, с которыми властелин не будет делиться со своими пешками?

— Не нашего ума дело, — произнёс он так, что Камазу понял, что Косей не знает всех подробностей.

— То есть тебе пообещали золотые горы, не сказав при этом зачем? — Камазу видел сейчас в нём молодого себя. — Когда-то и я попался на эту удочку, да только понял, что это

тупик, путь в никуда, когда начал задавать себе нужные вопросы, — а увидев опрометчивое колебание во взгляде Косей, продолжил: — Задай себе те же, что и я когда-то: можно ли оживить мёртвую плоть, ведь только Ка живёт вечно, и зачем кому-то понадобилось вызывать Инпу?

Косей тяжело вздохнул и мотнул головой из стороны в сторону, словно пытаясь избавиться от навязчивого голоса Камазу, и уже по-другому посмотрел на пожилого мужчину, ведь не даром же и он когда-то был последователем Амон-Ра, талантливым колдуном, способным внушать свою волю другому, не этим ли он сейчас был занят с ним и не пытался ли он навязать ему свою точку зрения, «включив» свой дар?

— Оставь попытки, Камазу, ты не отворишь меня от Амон-Ра, только ему подвластно являться к своим последователям, остальные боги молчат... — начал было Косей.

— Нет, не молчат, они не навязывают свою волю людям, однажды дав нам жизнь и научив выживать, они ушли, подарив нам огромный мир, оставив нам свою любовь и после смерти ожидая нас у себя в Дуате, если бы ты знал Инпу, ты бы оставил всё и пришёл в этот храм, чтобы служить самым последним рабом, только лишь от одной мысли, что он посещает нас и заботится после смерти, — он, немного помолчав, продолжил: — Ты ему дал прекрасную племянницу, возможно, он пощадит тебя, когда ты совершишь гнусность в отношении него, меня уже ничего не спасёт.

Жрец Амон-Ра понял по мелкой дрожи в ладонях, что его пробрала до самого основания речь этого слабого телом, но сильного духом старика.

— Думаю, ты уже смирился с тем, что тебе придётся совершить ритуал? — спросил тот насмешливо, но в душе всё же понимая, что, возможно, где-то Камазу прав, но отступить сейчас было бы смерти подобно, да и богатства, так щедро обещанные Амон-Ра, застилали глаза и усыпляли совесть.

— Для него нужно много приготовлений, много компонентов, много людей; если ты хочешь, чтобы я выполнил твою волю, мне нужно уединение, и, что немаловажно, жрицы должны оставаться нетронутыми, накажи своим молодчикам не касаться девочек, — произнёс Камазу и вперился немигающим взглядом в его.

Косей нехотя кивнул головой.

— Не будет той, что может говорить с богами... — жрец Анубиса сделал жест рукой, обозначающий, что у них ничего не выйдет.

— Тебя это не должно волновать, Амон-Ра управляет временем и пространством, — он усмехнулся, а Камазу ощутил, что земля уплывает из-под ног.

— Косей, остановись, не делай того, что ты не понимаешь, что не почувствовал сердцем, что чуждо задумке богов: служба, основанная лишь на выгоде, не принесёт тебе ничего хорошего, а по ту сторону ты встретишься с гневом Великого Тёмного, которого сейчас хочешь использовать в угоду другого божества, — предпринял жрец Инпу последнюю попытку переубедить жреца Амон-Ра.

— Скажи, что нужно для ритуала вызова твоего бога? — последнее было произнесено с насмешкой и презрением.

Камазу склонил голову, как будто задумавшись, и ответил:

— Я напишу тебе список предметов, отыщи их, и приступим.

Косей кивнул, соглашаясь: казалось, что он поверил старому жрецу, не понимая или не думая о том, что тому нужно дождаться поддержки фараона, чтобы подоспела помощь и желательно вовремя, не зная, что у старика есть преимущество.

Дуат. Царство богов. Безвременье. Бесконечность Маат.

Дуат вечен, неизменен и неподвижен. Созданный раз и навсегда из тела Великого Хаоса, он таким и остался, и останется бесконечно долго, как и боги, запечатлённые в нём. Анубису всегда было интересно знать: могут ли они меняться, может ли их власть и предназначение, ради которых они появились и каковыми их сотворили, меняться. Как люди, которые за свою жизнь могли натворить злодеяний, но каяться так горячо и деятельно, что Эннеада прощала их заблудшие Ка и отпускала на поля Иалу, где царили спокойствие и мир.

И почему никто из прочих жителей пантеона не хочет и слышать о том, что их вечный уклад может быть в любое время нарушен? Непоколебимые в своей правоте, они забыли, что тоже могут умереть, как об этом когда-то предупреждал Ра. Инпу хмыкнул, рассуждая о гнусности нового неуловимого бога, так нагло присвоившего себе имя деда, этим прельщая многих людей на земле.

Тёмное пространство отвердело, дорожка, по которой он шёл, перестала представлять из себя млечный путь, сомкнулась в белоснежный пандус. Инпу почувствовал знакомый запах изысканных белых цветов и позволил себе слегка улыбнуться. Резво вбежал по пандусу вверх и вошёл на широкий двор, с трёх сторон окружённый выбеленными до рези в глазах колоннами и бортиками. Ожидающие там мелкие божки подобострастно поклонились богу смерти, любясь его стройной фигурой с блестящей золотисто-смуглой кожей. На его бёдрах белела схенти, усх на груди был цвета тёмного золота, как и обруч, обвивающий голову, как и грубая кожаная полоса, на которой он смыкался, пряча черные, словно смоль, волосы. Единственный, кто не носил регалий, дававших представление, кто перед ними, но тем не менее кого все узнавали и без них: бог смерти, глубин Дуата с пронзительными, глубокими синими глазами, так напоминающими небо без облаков в зените солнца Ра.

Следуя дорогой из только одному ему видимого Млечного пути, он спешил пройти вестибюль, абсолютно пустой. Неужели Маат в гневе, раз никто не решается просить аудиенции?! Пройдя сквозь завесу струящегося водопада, однако не увлажнившего его тело, он увидел преклонённую Маат, парившую в невесомости, словно перо, не касаясь пола, будто бы обёрнутую в звёзды. Её лёгкость говорила о невинности и чистоте помыслов.

Анубис остановился на почтительном от богини расстоянии, не желая мешать ей, чуть склонив голову, ожидая завершения её молитв. Неожиданно его слуха коснулась мелодия: лёгкая, струящаяся, она, казалось, была слышна не только его ушам, она вплеталась в каждую клеточку его тела и заставляла тело вибрировать. Мудрость и сила самой вселенной.

«Найдёшь то, что не терял, но то, что ищешь», — звуки мелодии и видение звёздного неба сложились в единое понимание, ясное, но неочевидное для Инпу, несозревшее, но зреющее.

Слух резанул отчаянный вскрик огромной птицы с головой египетской красавицы. Чувство очарования и лёгкости мгновенно исчезло, и в его удивительного небесного цвета глаза смотрели её чёрные, как сама ночь. Маат — владелица мудрости всего мира и необъяснимого Хаоса. С лёгким хитрым прищуром взгляд был пронзителен и одновременно грустен. Как будто она знала что-то больше, чем все остальные равные в знании боги вечного пантеона. Птица издала звук возмущения, и богиня с улыбкой повернулась к ней, делая знак, чтобы та, сорвавшись с диска Луны, оставив его покачиваться, подлетела ближе.

— Ба, узнаёшь ли, кто у нас в гостях? — спросила Маат птицу.

Пернатое создание по-птичьи покрутило головой и совершенно по-человечески произнесло, усиленно выговаривая букву «р»:

— Живой снаружи, мёртвый внутри.

Анубис напрягся, понимая, что птица высказала резюме его мыслей о самом себе.

— Глупая Ба, — с гневом произнесла Маат и хлопнула ладонями, мрачняя вместе с Инпу.

Птица исчезла, не успев взмахнуть крыльями.

— Анубис, — произнесла та и поклонилась, сложив руки крест-накрест на груди.

Мужчина поклонился следом за ней и, вставая, заметил на себе её внимательный взгляд.

— Давно ты не был у старушки Маат, Инпу? — она немного помолчала и указала на пространство рядом с собой, где тут же появилась скамья.

Они присели всё так же молча. Анубис упёрся одной рукой о колено.

— Я не буду велеречивым и многословным, как Гор, я скажу прямо, зачем пришёл, от тебя лишь прошу молчания: ни словом, ни делом, ни помышлением, никому, — взглянул прямо в бесхитростные глаза.

— Ты опять об Амон-Ра? — спросила мягко, стараясь не обидеть, и тут же добавила, повторяя за ним: — Ни словом, ни делом, ни помышлением, никому.

— Сегодня нечто вызвало меня на Землю, не моя воля, не богов, чья же? — спросил Инпу и проследил за тем, как её мягкая прохладная ладонь опустилась на его голову, словно в благословении.

— Эта женщина, отчаявшаяся и отчаянная, если эта воля ничья, тогда так велит Хаос, — вынесла она вердикт и убрала руку. — Возможно, тебе поможет Сешат увидеть судьбу, я лишь вижу мудрость, скрытую в этом хрупком существе, данную тобой...

— погоди, — вскричал Анубис, — я не знаю её... никогда не знал, она в той части времени, которое не верует... — неожиданно он осёкся, а Маат пыталась понять, о чём он думает. — Но она как будто уже где-то видела волка... я не заметил удивления в её глазах, она словно обречена знать, что я — неизбежная часть её жизни, что я присутствую в ней, не смирившаяся, потому что я для неё как стихийное бедствие или зима, которую надо переждать...

— Не поймёшь, пока не узнаешь, — Маат призадумалась, склонив голову. — Так или иначе Хаос столкнёт вас, слушай чутьё зверя, оно тебя никогда не подводит, верно?

Анубис горько хмыкнул.

— Ты промолчала на том собрании Эннеады, ты не сказала ничего в мою защиту, не встала на мою сторону, а ведь я видел в твоих глазах согласие с моими словами и доводами, — вскинув подбородок, чтобы он перестал дрожать.

Маат положила свои мягкие ладони на его и заглянула в глаза, а ему показалось, что в самую душу:

— Судьба непредсказуема.

— Так сделай её хотя бы один раз такой, какую сама хочешь, Маат, не подчиняясь воле богов, — горячо предложил тот.

Богиня невесело усмехнулась:

— Ты слишком долго с людьми, Инпу, очень, — затем положила ему руку на грудь в области сердца и продолжила, — я вижу тебя связанным с этой женщиной, но не вижу как — я не Сешат; возможно, если приведёшь её сюда, увижу нечто большее.

— Время жриц закончилось, — возразил ей мужчина.

Маат лишь улыбнулась, Ба резко вскрикнула.

— Никогда не знаешь, где найдёшь, где потеряешь, — её слова означали конец аудиенции, и Инпу, встав, вежливо поклонился, поспешив выйти тем же путём, что и вошёл, из дворца самой Мудрости.

Но ему не суждено было добраться до Сешат. Анубис почувствовал ту же неизбежность, что привела его на чёрную дорогу с зернистой структурой, к той белокурой девушке, что так отчаянно предупреждала его об опасности.

Вестибюль Дворца фараона. Только доверенные лица.

Мужчина средних лет стоял возле замкнутых дверей в покои фараона, держа в руках небольшую коробочку. Он немного волновался. Новый молодой фараон был невоздержан на эмоции и скор на расправу, но обладал живым умом, и мужчина надеялся, что он не перенял привычки своего отца и не хотел в корне изменить верования египтян.

Двери распахнулись, и оттуда вышел высокий мужчина, нынешний визирь фараона, и сановники поклонились друг другу. Тот сделал жест, чтобы он следовал за ним.

— За Вами прислали, потому что правитель не спал всю ночь, боли мучали его, — произнёс, поясняя высокий мужчина.

— Почему раньше не позвали? — спросил приглашённый и осёкся под суровым взглядом сановника, приближенного к фараону.

— Царь молился Амон-Ра, — был кратким ответ.

Гость слегка поклонился, скрывая ехидную улыбку, крепче сжимая в руках коробочку, при ходьбе побрякивающую хрустальным перезвоном. Войдя в будуар Правителя, оба остановились у входа.

— Заходите, — проговорил слабым голосом молодой мужчина, полусидевший-полулежавший на высокой кушетке.

Два огромных охранника покинули помещение, как только долговязый мужчина сделал им знак, а держащий коробочку в руках был позван к себе самим Царём.

— Оставь нас с Имхотепом наедине, — повелел тот своему сановнику, и за спиной мужчина услышал звук закрываемой двери.

Тот, кого назвали Имхотепом, быстрым шагом прошёл к столику рядом с кушеткой фараона и, шустро достав две склянки, смешал их содержимое — на глазах из бурого цвет превратился в глубокий синий — и с поклоном дал выпить царю. Тот, не ожидая и не медля ни минуты, одним глотком выпил содержимое, чуть сморщившись и откинувшись назад на подушки.

— Теперь мазь, — пояснил Имхотеп и достал сосуд с вязкой жидкостью.

Царь вздрогнул, когда та из сосуда перекатилась на его сначала одну ногу, затем на другую. Имхотеп аккуратными движениями стал втирать мазь в щиколотки, а затем и во всю поверхность стопы и выше, поднимаясь к коленям, чувствуя под ладонями, как расслабляется молодой мужчина.

— Амон-Ра, бог отца, молчал всю неделю, хотя я молился ему неистово, не вставая с колен, преодолевая чудовищную боль, — фараон уже говорил бодрее, хотя в голосе всё ещё чувствовалась хрипотца, — я не смог сомкнуть глаз из-за неё; ответь мне, жрец, почему он не пришёл и не облегчил мою боль, как это сделал ты, и в течение двух взмахов ресниц она

погасла, как звёзды на рассвете?

Имхотеп поклонился и произнёс:

— Я всего лишь Твой слуга, о Царь, великий помощник Ра, я — никто, песчинка под ногами богов, но Инпу даровал нам мудрость, он даровал ключи от многих болезней, даровал секрет погребения и сохранения тела после смерти.

Вновь поклонился.

— Значит, Амон-Ра — мёртвый бог? — сделал вывод Царь, поведя кончиками пальцев и блаженно вздохнув от облегчения.

Имхотеп согнулся ещё ниже.

— Ты сказал, мой Государь, не я, — быстрым движением достав камень из-за пазухи.

Тот блеснул кровавым огнём, и в изумлении фараон схватил его, вопросительно всматриваясь то в него, то в знахаря.

— Пришла пора послужить Инпу, о, великий Царь, пора отправить воинов в путь и как можно скорее, чтобы мы смогли сложить у твоих ног папирус с секретом вечной жизни.

Фараон улыбнулся Имхотепу и сжал в руках амулет.

Храм Анубиса. Кровавое солнце Амон-Ра. Ритуал. Спустя долгое время.

— Ты обманываешь меня, пёс, — вскричал в гнев Косей, разбрасывая вещи вокруг сосредоточия спокойствия, центром которого являлся Камазу.

— Ты принёс не все ингредиенты, и у тебя нет видящей жрицы, — Камазу был собран и серьёзен. — Оскорбление для тебя, похвала для меня.

— Обойдёмся без части, а бабу я тебе притащу, — ухмыльнулся тот, внимательно рассматривая старика, гнев улетучился, оставляя место тупой уверенности и фанатичной упёртости. — Ты сейчас же проведёшь ритуал, — потом, усмехнувшись, зловеще завершил фразу. — Мы проведём ритуал.

Косей схватил старика и поволок его по длинному коридору. Камазу знал куда, и тянуть время уже не получится, оставалось только надеяться на то, что вызванная им помощь подоспеет вовремя. Втащив его в залу, где располагалась завеса Анубиса, Косей толкнул пожилого мужчину с такой силой, что он, пролетев половину пути, грохнулся о каменные плиты, не сильно, но ощутимо больно ударившись.

Камазу медленно поднял голову и всмотрелся в очертания огромного куска нарядной ткани, отделяющей зал от места появления бога, как той грани, за которой может быть другой мир, другое ощущение себя. Инпут всегда безошибочно чувствовала, когда приходил он, Великий Тёмный, и не трепетала. Она относилась к нему как к видимой части этой жизни, принимала как данность. Не сомневался он, веровал и точно знал, что там, за той чертой, его встретят и рассудят согласно мудрости богов.

Камазу улыбнулся и встал с колен, посмотрев на Косея. Тому не понравилась вдруг обрётшаяся уверенность в глазах жреца культа бога, которого он всеми фибрами души ненавидел.

— Почему именно Анубис, Косей? — спросил старик, глядя тому прямо в глаза.

Косей промолчал, а в зал по одному стали входить слуги, в привычном ритме, в отрешённом годами порядке начали вносить ритуальные чаши и готовить светильники для возжигания.

— Твой бог — единственный оплот, всё ещё поддерживающий старую религию, Амон-

Ра же всемогущ и заменяет всё для всех, — мужчина соединил руки в молитвенном жесте.

— Чем же страшен тогда твой всемогущий бог, укравший имя самого Ра, освещающего эту землю? — с усмешкой произнёс жрец Инпу, заметив, как стайка жриц Анубиса, испуганных девочек и девиц, прошла по периметру залы и заняла свои места, как бывало на всех служениях.

Девочки несмело исподлобья кидали взгляды на Камазу, он, как мог, подбадривал их, чуть приподнимая уголки губ. Но это не могло их обмануть, ничто не могло обмануть в том, что здесь и сейчас совершится нечто, что повлечёт за собой далеко идущие последствия, неизвестно, насколько губительные и страшные для присутствующих.

— Амон-Ра ничего не крал, — Косей старался говорить ровно, ничем не выдавая своего гнева перед другими, — он изначальный бог, но бог в изгнании.

Камазу покачал головой и замолчал, понимая, что убеждать фанатика — дело бесполезное. Но тут же свёл брови к переносице от удивления.

— А где же?.. — хотел было спросить он.

Косей усмехнулся и зловеще произнёс:

— А моему богу не нужны примочки, чтобы являться к просящим у него, делай своё дело, старик, а мне позволь делать своё.

Камазу повернулся к одному из евнухов и надел на себя шкуру леопарда, предложенную ему, второй с низким поклоном поднёс чёрную маску волка. Приведя себя в порядок, жрец повернулся к людям, простёршимся на полу с поднятыми руками. Заиграла тихая неспешная музыка, располагающая к медитации и успокаивающая, как казалось, даже самых непримиримых врагов. Девочки, сидевшие на полу на коленях, низко склонились, не смея поднять глаз. Запел евнух сладкоречиво и мягко, словно к кончикам ушей прикоснулись страусовые перья. Девичьи голоса стройно влились в этот поток, усмирив сладость, освежив её.

Жрец Анубиса, подойдя к жертвеннику, собрал с тут же поднесённого золотого подноса маленький кувшинчик, быстро выплеснул содержимое в огонь. Зашипев, ритуальная смесь обволокла всех запахом сандала и ладана, песня стала интенсивнее по накалу и ритму.

— Мы здесь для Инпу! Защити нас при жизни и проводи по смерти! Не оставь! Khu Anpu! — вскричал Камазу.

— Khu Anpu! — вскрикнули ему в ответ участники мистерии.

— Инпу, благослови мудростью Маат! — Камазу поднял руки.

Пение замолкло. Музыканты лишь отбивали медленный, монотонный ритм.

— Инпу! Начало начал! Проводник по Тёмному пути. Лицо твоё чёрное, как ночь, лицо твоё золотое, как день. Khu Anpu! — зычным уверенным голосом зывал жрец.

— Khu Anpu! — вскричали в зале.

— Проведи и защити нас в Смерти! Khu Anpu! — Камазу закатил глаза вверх, не чувствуя, как затекли его руки.

— Khu Anpu! — стонали девочки, девицы и евнухи вслед своему жрецу.

Камазу прикрыл глаза и наслаждался моментом, как будто Инпут рядом. Дочка бы точно знала... Камазу беспомощно повернулся назад, и его взгляд скользнул по рядам девушек, упёршись в близко стоящую фигуру Косея за спиной, — жрец обомлел. Рядом со жрецом Амон-Ра стояла обезображенная старуха.

— Нельзя, — неожиданно выкрикнул он, его лицо исказилось душевной мукой, но и отойти он не мог, он не понимал, тут ли божество, но чувствовал, как пульсируют

подушечки вытянутых вверх рук, понимая, что что-то пошло не так.

— Отступить ты уже не сможешь, — проговорил тот и вытолкнул женщину вперёд, — так завершим церемонию.

Сгорбившаяся, с огромным, рваным, давно заросшим шрамом вместо носа.

— Она отступница, изменщица и прелюбодейка, — жрец едва дышал от возмущения: только таких лишали носа, навсегда обезображивали, чтобы тем не суждено было ни обрести женского счастья, ни заработать.

Косей оттолкнул от жертвенника Камазу и, сделав шаг, оказался прямо перед спокойно горящим огнём и источающим приятный, но тяжёлый аромат. Но, как только он оказался рядом, взметнувшийся огонь в этот миг едва не обжёт его лицо. Жрецу Инпу стало страшно от того, какое зловещее выражение появилось на лице у того.

Лысый мужчина прикрыл глаза, а старуха упала на пол, начав биться в дикой пляске тела. Её низ и верх почти одновременно бесстыдно обнажились, выказывая дряблые, пустые груди, обвисшие чресла и разверстое лоно. Все в отвращении замерли и отвели глаза, слушая стенания ведьмы как стоны молодой девицы, бьющейся под опытным дефлоратором.

Косей быстро вынул из рукава пучок травы, кинув его в жертвенник Анубиса. Огонь взметнулся под самые своды помещения. Белый и чёрный дым свились друг с другом, поднимая к потолку серое марево и разнося по залу удушливый запах серы.

— Безумец, — только и смог обессиленно проговорить Камазу, роняя голову на грудь, но затем в священном страхе поднимая её обратно.

Старуха запричитала ещё громче, скрюченными, трясущимися руками загребая пыль с пола себе в лоно, раздирая его, начав кровоточить и безумно хохоча. Камазу, много повидавший на своём жизненном пути, сейчас был ошеломлён настолько, что смог только прошептать:

— Кто же твой бог, Косей, разве Амон-Ра, разве тот, кто создал жизнь?

В жертвенном месте вначале раздался короткий рык, а затем протяжный вой, словно огромный сильный волк попал в западню. Жрец Амон-Ра поднял руки к потолку и рассмеялся, а пожилой мужчина заметил, как то тут, то там по местам и по стенам заскользили тёмные тени, и тут же послышался разочарованный злой шёпот:

— У него нет Анха... у него нет Анха...

Камазу не видел ничего, впрочем, как и все остальные, в зале повисла гробовая тишина, все ошарашенно смотрели друг на друга. Косей поднимал и опускал руки в исступлении. Старуха бесновалась, продолжая свою срамную пляску. Жрец сделал знак смотрящим в ужасе на него ученицам, и те стали отползать ближе к выходу.

Болезненный вой не прекращался, а тени сгустились рядом с завесой, громадой нависнув над потолком.

— Говори мне все твои тайны, Инпу, — выкрикнул Косей, вдруг громко захохотав, но в смехе помимо превосходства слышалось отчаяние.

И вдруг все увидели силуэт огромного волка на стене.

— Кто звал Инпу? — в одной этой фразе рык превратился в мужской голос, как и волчья фигура, вытянувшаяся в высокое крепкое тело. — Ты не мой жрец, я чую запах крови и ловушку...

— Сейчас здесь ещё один бог, поклонись ему, с тебя начнётся его Царство, с самого непокорного, — Косей расхохотался и опустил руки, смотря на мельтешение теней на стене исподлобья.

— Как смеешь ты, жалкий человек, ставить мне условия? — вновь рык и стон боли.

Камазу и все остальные отползали к выходу, не думая об охранниках, инстинктивно спасаясь. Жрец Инпу, обернувшись к выходу, вдруг радостно вскрикнул.

— Имхотеп! Как ты тут?

— Приказ фараона, храм под контролем его войск.

Мужчина улыбнулся и помог подняться старику на ноги. Но улыбка тут же исчезла с его губ, как только он увидел, что творится около жертвенника, вынимая нож из-за пазухи.

— Последний секрет, что ты не раскрыл людям, — Косей куражился, а тени подбирались к гибкой мужской фигуре всё ближе.

— Я дал вам знания о лечебных травах и веществах, дал знания о сохранении тела, но Ка принадлежит Хаосу. Захотели жить вечно, но сможете ли унести ношу сию? — от него никогда не могло укрыться ничего, и здесь он попал в точку.

— Вложи в меня знания, Инпу, тебе некуда деваться, ты, как волк, поделишься знанием, отгрызая себе лапу, и уйдёшь, по-другому не будет, — Косей торопился, сбивался.

— Ты самый мерзкий из людей, — вскричала слабеющая тень. — Пусть демоны Сета унесут тебя в самый низ Дуата, где даже моей ноги никогда не было.

Косей рассмеялся:

— Это будет потом, а сейчас...

Тень вдруг исчезла, вновь превращаясь в волка. Чёрная громадная фигура, пошатываясь, отделилась от стены, и волк посмотрел в лицо жреца Амон-Ра. Синее марево отделилось от него и двинулось в сторону Косея. Тот в предвкушении двинулся ближе, уверенный в собственной безопасности, как вдруг закричал от боли, непонимающе обернувшись назад, и увидел лишь кинжал в своей крови. Имхотеп оттолкнул его от волка, и синее облако поглотило мужчину. Он замер, а его кожа, засветившись ярко, тут же погасла. Врачеватель фараона упал на колени уже перед молодым мужчиной, бок которого был в крови.

— Инпу... — благоговейно прошептал тот.

— Подними глаза, — приказал черноволосый мужчина.

Знахарь взглянул на бога. Великий Тёмный внимательно рассматривал его.

— Ты — хороший человек, — заключил он, — но то, что в тебе, не должно быть узнано никем из живущих во веки веков.

— Я готов умереть, — сказал Имхотеп, вновь склонившись перед Анубисом.

— Это знание уже убивает тебя, — с сожалением ответил Инпу, — я буду ждать тебя в Дуате.

Мужчина, радостно просияв, согласно кивнул и безмолвно упал тому в ноги.

— Оплачьте мертвеца, верные слуги, и спрячьте его тело подальше ото всех и навсегда, — выкрикнул бог, в голосе которого чувствовалась скорбь, в пустоту, зная, что его слышит единственный человек, находящийся здесь.

Волк заметался в здании, ставшем для него ловушкой, пока его взгляд не упал на завесу. Белокурая девушка с Земли стояла как тень рядом со ступенями у входа, делая шаг на его территорию, словно мираж для заблудшего путника. Он заметил движение справа от неё, и его взору открылась ещё одна женская фигура, в чертах лица которой безошибочно можно было узнать повзрослевшую Инпут, всю в облаке тёмного дыма, она словно бы молила его о помощи. Волк сделал шаг в сторону завесы, истлевая на ходу.

Тут же прекратился шум, исчезли звуки, воцарилась тишина, и лишь безумная старуха с изодранной до крови кожей шёпотом повторяла слова Инпу:

— Оплачьте мертвеца, верные слуги, и спрячьте его тело подальше ото всех и навсегда.

Поместье фон Бинцов. Гостя или пленница?

Линда слышала звуки, словно бы она находилась под водой. Время от времени девушка выныривала из-под толщи забвения, лихорадочно хватая воздух губами и видя перед собой размытые силуэты. Голоса. Один из которых был ей знаком. Барон. Громко и не на шутку обеспокоенно. Хотелось ухватиться за этот кусок реальности и не сдавать позиции слабости и головокружению, но раз за разом она проигрывала неравный бой. А перед падением в беспмятство перед её внутренним взором маячили синие глаза волка, как ледяные колкие снежинки, упавшие на её лицо, пока девушку несли от автомобиля до кареты скорой помощи. Больше Линда ничего не помнила, чувствуя себя булыжником: сама передвигаться не может, сопротивляться — тоже.

И, когда она в очередной раз вернулась в реальность, в которой тупая головная боль будила удушливую волну тошноты, готовую вновь утянуть в водоворот небытия, уже было решив, что и эту схватку с самой собой она проиграла, Линда, увидев перед закрытыми глазами образ чёрного волка, неожиданно про себя и для себя произнесла:

«Чёрный волк, дорога... меня крутит в авто, но зверь твёрдо стоит на лапах и... — её вдруг охватило чувство, что ей сейчас надо уцепиться за какой-нибудь мислеобраз, хоть за что-то, что не двигается и постоянно, как... — Волк и дорога... — пришло на ум».

И после этих рассуждений её словно бы что-то вытащило из плавающего состояния. Она открыла глаза и увидела темноту, но та была проницаемой. В два огромных, с пола до потолка окна с полуспущенными шторами тускло светила луна. Линда окинула взглядом очертания обстановки.

— В тёмной комнате все кошки серы, — прошептала девушка.

И вздрогнула, напряжённо подняв голову с подушек, потому что услышала шорох совсем рядом с силуэтом кресла.

— И бароны тоже, — послышался сонный хриплый бас и хруст суставов.

— Если Вы хотите, чтобы я дала дубу по-настоящему, то сейчас самый подходящий момент, — она почувствовала, что сердце от страха забилося где-то в горле, а ноги мгновенно похолодели.

Фредерик хохотнул и, нагнувшись, протянул руку к прикроватной тумбочке, незамедлительно щёлкая выключателем лампы, зажигая свет, мягко очертивший его скулы. Затем он наклонился к ней, и в нос ударил древесный запах с чуточкой пряной ноты и кофейного аромата. Линда судорожно вздохнула. Реакция не укрылась от фон Бинца, и мужчина улыбнулся так, словно бы одержал какую-то победу.

Девушка откинула голову назад на подушки и на секунду прикрыла глаза, она не боялась их закрывать, уже точно знала, что не будет того роняющего её в небытие момента, ведь она сейчас лежала. А это так же верно, как и то, что волк стоял на той злополучной дороге...

— Как я оказалась здесь? — спросила она, чуть склонив голову, увидев, как и Фредерик внимательно смотрит на неё.

— Комиссар полиции графства, где находится наше поместье, мой лучший друг, и он позвонил мне, поняв, что пострадавшая в аварии выехала из моего дома, а точнее,

сбежала, — с его губ слетела улыбка, и Линда увидела, как чётко тени очертили его скулы и каким грубым могло быть его лицо в гневе, к примеру.

— Вы говорите так, словно бы я совершила какое-то преступление, — девушка свела брови к переносице, ей не нравились ни этот тон, ни слова.

Он неожиданно улыбнулся широко, искренне, вновь развеивая негатив.

— Простите меня, я нервничаю перед поездкой, напряжён, что может что-то не получиться, поэтому могу быть резок, и страдают, как правило, те, кто оказываются рядом, — проговорил он виновато, немного разводя ладони в разные стороны.

Линда тронула лоб, подушечки пальцев нащупали шершавую текстуру ткани.

— Почему я не в?.. — хотела довершить вопрос Линда, убирая руку от пластыря, но мужчина её опередил.

— Не в больнице? — уточнил он, договаривая за девушкой и укладывая руки на подлокотники, Линда заметила, что он сжал их ладонями. — Я решил, что здесь Вам будет намного комфортнее и уход здесь будет более домашний, позволяющий поправиться быстрее.

— Спасибо... — прошептала Линда, чувствуя одновременно раздражение и утрату тех последних сил, что были до разговора с ним.

— Вы — ключевая фигура компании, за которую я несу личную ответственность, — потом, сделав паузу, улыбнувшись, проговорил, — и мне бы не хотелось, чтобы она даже не началась, и не надейтесь: в царство Анубиса вы и ногой не ступите.

Девушка слабо улыбнулась.

— Возможно, я бы нашла там ответы на свои вопросы... — произнесла та и заметила на себе внимательный, даже пронзительный взгляд мужчины.

— Вы уехали, потому что Вам что-то не понравилось или, может быть?.. — он не договорил, вновь наклонившись к ней, красноречивым молчанием дав понять, что дело могло быть в том, как он отнёсся к ней в библиотеке, и в представленной невесте.

— Я почувствовала себя диковинным экспонатом, выставленным не в том музее, — ответила Линда, тонко улыбнувшись.

Дуэль глазами с девушкой, и Фредерик ей проиграл, опустив взгляд на часы, и вновь спросил:

— Может быть, Вас кто-то побеспокоил на самой вечеринке или... на стоянке? — и его взгляд неприятно вперился в лицо Портер.

И Линда вспомнила растерянного, до ужаса напуганного взрослого мужчину, того, кто передал ей бумаги и умолял изучить их, он предупреждал её о том, чтобы она не ездила в экспедицию, а когда узнал, что это невозможно, то хотя бы не вмешивалась в происходящее и разведала то, что в них, став более сведущей, а значит, уверенной в своих действиях и имеющей возможность выбирать, хотя что могло бы произойти? У них её автомобиль, а фон Бинц задал вопрос, прямо указывающий на то, что он мог быть информирован о встрече Линды с неким мужчиной. Вот только знал ли барон, что тот передал ей папку? Но, раз куратор задавал вопросы, наверняка документы он не нашёл. Отвечать надо было немедленно и перевести внимание на что-то другое.

— На стоянке пристал некто, мне кажется, он был не в себе, — как можно беспечнее произнесла Линда и, прикусив нижнюю губку, призывно посмотрела на Фредерика, — Вы так одарённо умеете переключаться с одного предмета на другой...

Мужчина поднял бровь, и ноздри его носа чуть затрепетали, а в комнате словно бы

почувствовалось повышение температуры.

— Тот неуместный музейный экспонат оказался намного интереснее, чем все ценные и неценные уместные, — произнёс барон, всё так же не сводя глаз с девушки.

«Вот же чёрт, — кляня себя, подумала Линда, — кажется, я переборщила, барон вспыхивает словно спичка, так же быстро».

Но именно это и отвлекло фон Бинца от допроса, который, возможно, он хотел ей учинить, а может, её ответа было достаточно для того, чтобы проверить свои опасения, касающиеся того мужчины на стоянке, ведь и его, и Линду видели вместе в тот момент, когда документы были переданы, ему наверняка доложили об этом, а тот факт, что Фредерик всё же спросил её, пусть и не напрямую, говорил о том, что бумаги находятся там, куда их положила девушка.

Она попыталась встать, но фон Бинц опередил её, оторвавшись от кресла и легонько толкнув назад. Их взгляды вновь скрестились.

— Я — пленница? — спросила Линда, порядком перетрухнув, и похолодела.

Фредерик счёл её бледность своим давлением ей на плечи и отпустил руки.

— Ни в коем случае, но и отпустить я сейчас Вас не могу, — мельком взглянув на неё, он добавил, вновь мотнув рукой и взглянув на часы: — Завтра днём придёт доктор, и он примет решение, и как только я пойму, что Ваше здоровье вне опасности, то отпущу и Вы сможете сбежать из моего, — он хмыкнул, — плена.

— Прошу прощения, что думаю только о себе, Вы вынуждены возиться со мной, сидите здесь, — она глянула в окно и продолжила, вновь обратив к нему свой взгляд, — ночью, хотя могли бы проводить его с герцогиней, и наверняка Ваша бабушка...

— Никто не знает, что я здесь, — прервал он её и поднялся в полный рост, громадой нависнув над её кроватью.

Фредерик положил пальцы на выключатель лампы и, задумавшись, взглядом скользнул по ней. Линда почувствовала, что он как будто о чём-то сожалеет, возможно, о том, чего она ещё не знала. Девушка свела брови к переносице, и ей захотелось немедленно добраться до той треклятой папки.

— Надеюсь, я никому не причиняю неудобств, — виновато промолвила учёная.

— Дом огромен, — барон обвёл взглядом комнату, — баронесса так просто Вас не отпустила бы, она очень сильно переживала, — он чуть отвёл глаза вправо.

«Врёт, — подумала Линда, — оно и немудрено: одно дело — короткий, светский, ни к чему не обязывающий разговор, а другое — ДТП, хорошо хоть, с благополучным исходом».

— Спасибо ещё раз, — сочла своим долгом поблагодарить исследовательница.

— Спокойной ночи, Линда, — произнёс он и наконец-то щёлкнул выключателем.

Комната погрузилась в темноту и в тишину мгновенно. Барон отчего-то медлил покидать её, а девушка замерла, видя, как его пальцы медленно соскользнули с основания лампы и провели по руке девушки.

— Иногда всё кажется не таким, каким оно является на самом деле, — загадочно произнёс он и, добравшись до узкой женской ладони, задержался, пронзая прикосновением, словно калёным железом; по телу прошла тёплая волна возбуждения, и Линде стало не по себе: это шло вразрез с её знаниями о том, что он за человек, и реакцией тела на мужчину.

Тепло его руки оставило её, скрипнула дверь, и девушка оказалась в комнате одна. Она взглянула на отражавшуюся в окнах луну, слишком большую, и успела подумать об огромном волке с глубокими синими глазами, возможно, он сейчас также смотрел на неё. Видел, если

существовал... С этими мыслями Линда уснула, чтобы на утро проснуться самостоятельно.

Проснуться, чтобы почувствовать себя немного бодрее и чуточку лучше.

— Наверное, вести автомобиль мне рановато, я пока вряд ли даже смогу добраться до него, — пробормотала она, пытаясь усесться на подушки.

Как только ей это удалось, в комнату бесцеремонно заглянули. Линда не разобрала кто. А затем и вовсе зашли. Пожилая женщина и её внук. Рико был в несвежей рубашке и вообще выглядел помятым, невыспавшимся. Женщина вначале посмотрела на внука осуждающе, но видно было, что она боролась с собой, быстро подавив противоречивые чувства.

Баронесса фон Бинц посмотрела на девушку равнодушным взглядом, но, когда она заговорила, её слова не вязались с первоначальным впечатлением, возникшим у Линды.

— Я очень рада, что Вы в порядке, и, признаться, мы очень испугались за Вас, — женщина улыбнулась, но теплоты в её улыбке не было.

— Благодарю, — коротко произнесла девушка и взглянула на мужчину.

Рико стало неловко: он потёр шею и устало выдохнул.

«Интересно, выглядело ли это примерно так, как в детстве, когда мы тащили в квартиры с улицы полудохлых котят и наши родители смотрели на нас и этих бедных животных точно так же? — с иронией и грустью подумала Линда. — И Рико упрашивал бы бабушку: «Ну, баб, ну, давай возмём в дом эту девочку, я приучу её к лотку, выведем блох, и она будет моей любимицей», — и как бабушка ему со вздохом бы отвечала: «Милый, мы можем отмыть её и воспитать, но она никогда не будет породистой».

Она ощутила прилив отвращения к ситуации, хотя и испытывала благодарность к этим людям. Девушка недавно бежала от ненастоящего радушия, а спустя время короткого забытья вновь здесь. Её внутренние рассуждения прервал стук. Фредерик открыл дверь и представил вошедшего мужчину Линде:

— Доктор Вас осмотрит, — и присутствующие вышли из спальни, пропуская врача к Линде.

После долгого допроса о самочувствии девушки и осмотра специалиста ей принесли одежду: кашемировый белый широкий свитер и чёрные в обтяжку брюки с длинными до колен мягкими сапогами. Одевшись и посмотрев в зеркало, Линда улыбнулась. Похоже, Фредерик был не просто любителем женщин, но ещё и дамским угодником. Девушка усмехнулась, чуть смутившись, собирая непослушные белокурые кудряшки в высокий пучок. Фредерик хорошо изучил её тело, пока она была без сознания.

Девушка выглянула в окно, и открывшийся вид на автостоянку успокоил её. Старенький автомобиль выглядел одиноко, сиротливо выделяясь среди великолепия других машин и двора дома фон Бинца, разбитого луга и чернеющего леса за ним, кажущегося враждебным. В дверь постучались и пригласили к завтраку.

Увидев длинный стол и сидящих за ним хозяев дома, девушка попыталась скрыть смущение. Баронесса внимательно проследила за ней, пока она проходила к ним, а барон встал и помог ей усесться рядом.

— Рада видеть, что Вам уже лучше, — произнесла пожилая женщина и недовольно посмотрела на своего внука, который был поглощён приходом гостыи больше, чем того требовало гостеприимство, и ей это явно не нравилось.

— Вам лучше? — просто спросил тот, наблюдая за тем, как она укладывает салфетку на колени.

— Кружится голова, но тому виной не авария, — Линда ослепительно улыбнулась

Фредерику, чувствуя, что взяла реванш в их необъявленной «войне» флирта на грани фолла.

— Разыгралась подагра, пожалуй, выпью кофе в кабинете, — ворчливо буркнула баронесса и ушла, даже не взглянув на девушку.

Барон мрачно проследил за тем, как та с горделивой осанкой удалилась, и его лицо выдало сильное недовольство.

— Надеюсь, своим присутствием здесь я не разбередила чьи-то душевные раны, — произнесла Линда и почувствовала лёгкий укол вины.

Барон рассмеялся и, мазнув бутерброд маслом, передал его девушке.

— Не будет рабов, готовящих господину хлеб? — она не удержалась.

— А Вы — язва, — коротко произнёс он, и желваки на его скулах заиграли, заострив и без того чёткие черты лица мужчины.

— Не я начала непонятную игру в доктора и пациентку, — Линда взяла из его рук намазанный маслом кусок хрустящей булки и ждала от него ответа, — почему бы не отправить меня в больницу и, как куратору проекта, не справиться о здоровье по телефону? Или Вы кого-то или чего-то боитесь?

Фредерик чуть помедлил, затем не спеша сделал себе бутерброд, явно обдумывая ответ, наконец он прямо посмотрел на неё, и его взгляд, слишком откровенно выражающий эмоции, заставил девушку насторожиться.

— Что бы было с Вами, если бы Вам всю жизнь диктовали условия о том, как следует распоряжаться своим временем и судьбой, при этом махая перед носом бумагой, именуемой наследным письмом? Что Вы знаете о том, как трудно удержать себя в рамках, когда темперамент невозможно скрыть в чопорной упаковке хороших манер английского родовитого джентльмена, когда кровь требует приключений и постоянного движения, а тебе твердят, что это дурная наследственность, доставшаяся тебе с генами деда-изгоя, когда ты сам, с самого низа создаёшь свой бизнес в другой стране, понимая, что если не смухлюешь в какой-то момент, то всё потеряешь, и когда над тобой висит дамоклов меч?.. — его глаза блестели, а щёки, покраснев, сильнее обозначили тени под глазами от бессонной ночи, он умолк, понимая, что и так наговорил лишнего, и потом, всё же продолжив: — И это не для того, чтобы доказать, что ты чего-то стоишь, независимо от своего положения в обществе...

Линда судорожно вздохнула.

— Я всего лишь занимаюсь исследованием, и это мои догадки... — растерянно проговорила она. — Я хочу подтвердить их, хочу узнать: правда ли то, что написано в древних источниках, возможно ли избавиться от болезней, принести людям это знание, приложить усилия, чтобы оно стало доступным для всех, без разницы, чтобы мы смогли вылечить безнадежных пациентов, — она умолкла. — Я тоже ставлю всё на эту экспедицию, Фредерик.

Взгляд барона скользнул к её губам и, задержавшись на них, вновь вернулся к созерцанию хлеба.

— Значит, ты понимаешь меня, Линда, — неожиданно переходя на «ты».

— Цель у нас с тобой одна, но я никогда не использую людей, чтобы её достигнуть, — получилось резко, но барон лишь усмехнулся.

— Я помогу тебе заглянуть за египетские пирамиды, — самоуверенно произнёс мужчина.

— Когда мои догадки подтвердятся, воспользуешься ли ты и твой комитет ими как подобает? — риторический вопрос.

— Кто платит деньги, тот заказывает и музыку, и неужели откажешься сейчас, будучи на пороге открытия? — барон точно знал, что Линда проиграла этот словесный баттл между ними, но почему-то не чувствовал себя, как обычно, победителем, может, оттого, что ему передалась её скрытая печаль.

Девушка качнула головой из стороны в сторону, обозначая отрицание, и они продолжили завтракать, лишь изредка переговариваясь о чём-то несущественном.

Соблазн Каира. Кругом тайны.

Шум аэропорта и гул улетающих и прилетающих самолётов одновременно бодрили и вносили сумятицу и разнообразие во в целом скучную жизнь учёного. Жизнь, которая состояла из монотонного штудирования огромного письменного материала, каждодневного и многочасового вычитывания и поиска из множества вариантов решения вопроса одного единственно правильного, постоянных обдумываний, ложных надежд и внутренней мольбы о том, что хотя бы одна из ста предполагаемых теорий оказалась верной или указала путь к ней.

Она впервые за всё время кабинетной работы в музее отправилась в экспедицию, и это подстёгивало к тому, чтобы собраться. Но внутри бушевали чувства: радость и вдохновение. Ещё чуть-чуть, и ей представится возможность подтвердить свои догадки. Да, им предстоит работа, ещё не найдено место захоронения того, кого они ищут, ещё не найдено подтверждение всех гипотез, ещё...

Линда крутила головой в поисках барона, ведь его автомобиль примчал её раньше самого фон Бинца. На ум так не вовремя и не к месту пришли разговоры с куратором. В рюкзаке лежала папка с документами, переданная ей возле дома барона, и неприятно прожигала спину. Ей удалось заглянуть в свой автомобиль только после того, как мужчина убедился, что её здоровью ничего не угрожает, вести ей его не позволили, но она, улучив момент, забрала бумаги почти в самый последний момент, не имея возможности их прочитать, надеясь на то, что ей всё же удастся ознакомиться с ними позже. Чувство самосохранения подсказывало ей держаться как можно дальше от всех этих тайн, но пересилить себя и выбросить их из головы, даже не взглянув, Линда не смогла. Взгляд того мужчины на парковке не позволял это сделать. Он был умоляющим и каким-то обречённым, а уж в том, что касалось обречённости, она была докою.

Ещё раз осмотревшись, девушка терпеливо ждала возле гейта. Кэт и часть остальной команды уже улетели, а они с бароном задержались по причине происшествия с ней. Это немного выводило из себя. Как, впрочем, и опоздание Фредерика.

— Добрый день, госпожа Портер, пройдёмте со мной, — к девушке подошёл низкий коренастый мужчина с совершенно безмятежным выражением лица, с глубоко посаженными светло-серыми глазами; если бы Линде надо было описать его, то вряд ли она смогла бы это сделать: его внешность была настолько заурядной, что взгляд не мог уцепиться за что-то конкретное.

Линда беспомощно обернулась. Вокруг сновали люди и персонал, не обращая на них никакого внимания.

— Я жду одного человека, — как можно спокойнее ответила она и не сдвинулась с места.

Но мужчина ощутимо больно схватил её под локоть и дёрнул на себя, заставляя

следовать за собой. Линда не успела среагировать и закричать, только мотнуть головой в поисках выхода из сложившейся ситуации, как заметила вырulingающегося из-за угла барона в накинутом на плечи сером пальто, сосредоточенно отдающего последние распоряжения помощнику.

— Фредерик, — что есть сил выкрикнула девушка, ощущая, как стальная хватка ослабла.

Барон посмотрел в её сторону, и его брови взметнулись вверх, когда он увидел незнакомца, который только что пытался увести девушку. Они переглянулись с помощником и подбежали к девушке, парень бросился по следу незнакомца. А Линда облегчённо вздохнула, когда почувствовала, как тёплые ладони фон Бинца тяжестью легли на её хрупкие плечи, он заботливо заглянул в её глаза, и если бы она не знала, как тот относится к людям, то подумала бы, что он беспокоился за неё, как тогда, ночью, в спальне, предоставленной ей в доме фон Бинцов.

— С тобой всё в порядке? Кто это был? Ты знаешь его? — Фредерик засыпал её вопросами, в охрипшем от волнения голосе чувствовалась тревога.

Линда лишь мотнула головой и задала один-единственный вопрос:

— Что такого в этой экспедиции?

Барон убрал руки с её плеч и ничего не ответил.

— Пойдём, нас ждёт самолёт, — только и произнёс он.

— Какого чёрта, Рико?! — громко возмутилась Линда.

— Портер, — начал он не привычно, — давай в самолёте.

Девушка вздохнула и, прошипев что-то, всё же прошла за бароном, пока тот оглядывался, ведя её к самолёту. У самого трапа их нагнал помощник, который доложил, что преследователь скрылся, выбежав из здания аэропорта.

— Надо было с частной полосы улетать, — бросил Фредерик пространную фразу.

И они оба поднялись по трапу наверх — бортпроводники закрыли двери, и, несмотря на волнение и пережитый испуг, девушка почему-то облегчённо вздохнула, сидя сейчас в кресле в комфортабельном люксовом частном самолёте, прикрыв глаза и вцепившись в подлокотники.

Услышав, как барон хохотнул, она открыла глаза и с удивлением посмотрела на него.

— Там, у гейта, ты даже не побледнела, сейчас же испугалась, а мы просто взлетели в небо, — объяснил он свою реакцию на её вид.

— Что, чёрт возьми, там произошло? — приступила к допросу девушка.

— А ты не фарфоровая кукла, как я раньше думал, — он с ещё большим интересом смотрел на неё.

Барон не торопился отвечать на её вопросы. Он расстегнул пояс безопасности, и в салон вошла, улыбаясь, стюардесса, симпатичная молодая рыжая девушка с конопушками на всём лице, что придавали ей плутоватый и смешной вид. Взгляд мужчины неприятно липко прошёлся по её аппетитной фигуре, а она предпочла этого не замечать, видимо, привыкла, и, посмотрев на них, проговорила:

— Что господа изволят?

— Минеральная... — начала было Линда.

— Госпоже шампанское, мне виски, самое хорошее, что есть здесь, — приказал тот.

Стюардесса с бейджилом «Бьянка» посмотрела на девушку, и в её глазах промелькнуло сожаление. Она кивнула головой и вышла.

— Что следующее, Рико? — насмешливо произнесла девушка. — Будешь указывать мне,

какое бельё носить?

— Ну, допустим, одежду от меня ты уже надевала, — ответил ей в таком же духе барон. — И неужели это единственное, что тебя волнует? Ты напряжена так, что у меня скулы сводит при виде тебя, твой невроз практически на моей коже.

— Вполне не нервничала до встречи с тобой, — констатировала факт Линда, но глубоко в душе признала, что барон прав.

— Да, — самодовольно, — многие теряют сон, — нескромно заявил тот, но, встретившись с критическим взглядом Линды, усмехнулся от своих же слов.

Когда напитки были расставлены перед ними, то девушка почти залпом выпила алкогольную шипучку и облегчённо откинулась на спинку кресла. Барон с улыбкой наблюдал за этим, делая глоток обжигающего виски, понимая, что и ему это необходимо.

— Кто это был? — спросила она, далее уже более категорично заявляя: — И не говори, что ты не знаешь, не ври, что ты не владеешь никакой информацией, я не поверю!

Фон Бинц шумно отхлебнул виски.

— Мне осталось продержаться четыре часа, — пошутил он, улыбнувшись, но взгляд девушки был непреклонен.

Мужчина помолчал, задумчиво вглядываясь в бокал. Линда терпеливо ждала.

— Ты хоть понимаешь, что будет, если твоё открытие предоставит доступ к тайным знаниям египтян? — начал он, испытующе смотря на неё, медленно крутя бокал в ладонях, под теплом его рук янтарный цвет напитка, казалось, стал ещё темнее.

— Если мои поиски увенчаются успехом и помогут найти лечение хоть одной неизлечимой болезни, я буду знать, что не зря живу на этой земле, — её глаза загорелись, как и у каждого альтруиста и человека, одержимого идеей.

Барон тонко улыбнулся.

— В мире есть столько различных групп и сил, которые противостоят друг другу, преследуют каждый свою цель... — начал было он.

— Цель — получить наживу, да побольше? — уточнила Линда насмешливо и чуть презрительно.

— А ты смелая, учитывая, что перед тобой сидит тот, кто и выбрал тебя... — его голос стал жёстче.

— Ты выбрал меня, потому что я — единственная, кто знает ответ, ну, или может его узнать, — закончила она за него.

Он поднял руки с открытыми ладонями, направленными к ней тыльной стороной в жесте примирения.

— Мы с тобой только и знаем, что спорить, — Фредерик отпил из бокала, и его взгляд вновь стал тёплым.

— И как мы выживем во время экспедиции?! — притворно сокрушилась Линда, улыбнувшись, но следующую фразу проговорила уже серьёзно: — У тебя есть предположения, кто схватил меня у гейта?

Фон Бинц поставил бокал на столик.

— Я начал говорить о противостоящих друг другу силах, этот мужчина мог быть представителем одной из них, — объяснил мужчина.

— Это может помешать моему исследованию? — коротко спросила девушка.

Барон широко открыл глаза от удивления и громко расхохотался. Его смех смутил Линду.

— Почему ты смеёшься? — спросила она, скрещивая ноги.

— Я думал, ты спросишь, гарантирую ли я тебе безопасность, — пояснил барон, сложив руки на груди.

— А это опасно? — Линда была обескуражена.

— А ты боишься? — Фредерику захотелось подначить её.

— Ты хочешь довести исследование до конца? — уточнила девушка, не сводя с него взгляда.

— Чёрт, Линда, ты ломаешь мне мозг! — вскричал он. — Ты не боишься смерти?

— Ещё раз спрашиваю: это опасно? — уже более спокойно спросила девушка.

— Возможно, а возможно, и нет, смотря на что они готовы пойти, — ответил он туманно.

— А на что готов пойти ты и твой так называемый комитет, чтобы я была жива, хотя бы до конца исследования? — вопросы задавались точные, Фредерик только сейчас понял, что и он, и те люди, что спонсировали их предприятие, недооценили её, а учёная продолжила: — Если это нажива и власть, вы сделаете всё, чтобы меня не перехватили ваши конкуренты, ведь, возможно, где-то там в песках есть то, что приведёт нас к разгадке тайны вечной жизни.

Оба тяжело дышали от волнения.

— Я не боюсь погибнуть, однажды уже ощущала дыхание смерти, забирающее самое ценное, и в этом мире меня ничего не держит, но я не уйду, пока не пойму, что можно помочь хотя бы одному больному ребёнку, — Линда чувствовала, что фон Бинц слушает её и слышит. — Ты хотел знать — я не боюсь умереть, — повторилась она.

Фредерик прищурил глаза, наклонился к ней через столик, и накрыл своей ладонью её.

— Я лично гарантирую твою безопасность, — произнёс он.

Линда убрала свою руку из-под его, но не резко, а так, словно бы она сомневалась, довериться или нет, и почти всё оставшееся время пути они провели без разговоров, долетев до столицы Египта, не поспорив больше ни разу.

Каир встретил их ласкающей тёплой прохладой: сырой, но не затруднительной для лёгких, хотя фон Бинц и тяжело дышал. На вопросительный взгляд девушки он пробормотал, что просто климат не его. Автомобиль, приехавший за ними, был такого же чёрного цвета, как и все, что когда-либо перевозили их. Барон любил чёрное, будь то костюм, автомобиль или аксессуар, и дорогостоящее. Эта мысль неожиданно пришла ей в голову, когда они остановились у двери в высоком ограждении, сплошь затянутом зелёной растительностью. Фон Бинца уже встречали — худая, высохшая женщина-арабка, с головы до пят укутанная в чёрное. Хозяйка, так обозначила её для себя Линда, низко поклонилась, но не улыбнулась, всё так же безмятежно смотря в лицо барона. Линда поняла, что у той есть мимика, только по тому, как немолодая женщина, обратив взор на неё, удивилась.

Она что-то быстро спросила Фредерика. Тот отрицательно мотнул головой и мельком взглянул на девушку, чуть сведя брови к переносице. Женщина ещё раз поклонилась и пропустила их в двери. За ними следом прошёл водитель, заноса их багаж. Они шли по уложенной декоративными плоскими камнями дорожке, а по её бокам росли деревья, невысокие, но всё же не такие, как в Англии, где прежде всего ценили простор, здесь же каждая пядь земли была засажена. Деревья становились всё ниже, сменяясь кустарниками, а затем и вовсе цветами, которые соединились в яркую полянку прямо перед двухэтажным светло-серым домом с белыми ставнями.

Линда улыбнулась. Дом ей нравился. Барон усмехнулся, заметив её реакцию.

— Мне нравится, что комитет так хорошо заботится о членах экспедиции, — произнесла она, заходя в дом, после того как фон Бинц сделал знак рукой.

— Этот дом для нас, — коротко произнёс мужчина и, увидев оторопь девушки, пояснил: — Мы здесь задержимся ненадолго, следующая остановка — Кинополис, гостиницы в это время заняты, а поскольку мы упустили наш рельс, то и бронь пропала.

— Обоснованно, — произнесла Линда, проходя, заметив, что Рико усмехнулся.

Женщина в чёрном и барон перекинулись парой фраз. К Линде подошла молодая девушка в таком же балахоне, что и старшая женщина, а учёная вопросительно посмотрела на куратора.

— Следуй за ней, она проводит тебя до твоей комнаты, отдохни, а вечером обещаю вывезти нас куда-нибудь развеяться, — а на её удивлённый взгляд ответил, — ты хотела бы приступить к работе прямо сейчас?

Линда утвердительно кивнула.

— Ты — зануда, — с деланным презрением, упрекнул он её.

— У меня зудят ладошки, мне очень хочется попасть быстрее в местный музей, но я также понимаю, что мы устали, а люди предупреждены о работе с нами на завтра, — затем добавив, скользнув по его задумчивому лицу, — зная тебя, вполне можно сделать такой вывод.

— И он правильный, — произнёс мужчина.

Барон рассмеялся ей в спину. Оказавшись одна в комнате, девушка огляделась. Мягкая постель с прикроватными тумбочками и светильниками на них, уютными пуфиками, в хаотичном порядке расставленными по комнате, с медной глубокой ванной за ширмой в углу и рабочим столом перед окном. Ни телефона, ни телевизора. Чтобы ни с кем не связалась? Но с кем ей связываться в городе, в котором она никого близко не знала?

Приняв ванну, расслабившую её, Линда взглянула на рюкзак и мрачно вздохнула, вновь напрягаясь. Она удостоверилась, что дверь закрыта на старомодную щеколду, и, присев на кровать, достала папку. Открыв её, она пролистала бумаги, которые оказались счетами и контрактами на крупные суммы, заключёнными различными организациями с одной-единственной, которая располагалась в Норвегии.

— «Norwegian pharmaceuticals», — прошептала она.

На последнем листке было дано краткое описание фармацевтического препарата с функциями восстановления кожи и бесконечные цифры. На обратной стороне листка она заметила местный номер телефона. Передавший ей бумаги хотел, чтобы она отказалась от экспедиции, но также он предполагал, что его никто не послушает.

— Что, чёрт возьми, здесь происходит?! — прошептала Линда, ей было одновременно страшно и любопытно, но именно последнее превалировало над всеми чувствами, было и без этого ясно, что их экспедиция странна и полна двойных смыслов, но чем больше она погружалась в вопросы, которые касались напрямую её темы, тем больше она понимала, что дело не просто в том, чтобы найти некий артефакт, доказывающий, что все болезни подвластны лечению, а в том, чтобы скрыть эту находку ото всех остальных, скрыть, чтобы получить ничем не ограниченную власть, да и какой человек откажется от того, чтобы излечиться от всех хворей разом, пожертвует всем, отдаст любые деньги, сделает всё, что скажут?

Она сфотографировала документ с номером телефона и спрятала бумаги под матрас.

Линда легла на кровать и смотрела на светящийся экран смартфона, изучая цифры документа. Если она позвонит, то вряд ли они воспользуются для разговора телефонной связью, а если договорится о встрече, то как отлучиться из дома, который и не тюрьма вроде, но высокий забор и крепкие двери говорят об обратном? Да и как оправдать то, что ей необходимо выйти из дома, к тому же одной, особенно после случая в аэропорту и того обещания, что ей дал сам фон Бинц? Надо было ждать подходящего момента или всё же позвонить прямо сейчас?

Линда глубоко вздохнула и, ругая себя самыми крайними словами, всё же набрала номер. Трубку долго не брали, и девушка уже было облегчённо вздохнула, как услышала:
— Алло.

Она помедлила пару минут и проговорила:

— У меня бумаги на вакцину.

На том конце провода замолчали, надолго. Девушка ждала.

— Вы готовы слышать правду? — наконец-то и устало.

— Не уверена ни в чём, но раз это попало ко мне в руки, я должна сделать всё для того, чтобы понять, — честно призналась она.

— Вы можете выйти в город сегодня? — любопытствовали.

— Да, но я буду не одна... — начала было она.

— Это не важно, когда будете на месте, сбросьте адрес, — тон стал приказным, и в трубке послышался зуммер.

Девушка потёрла глаза. В голове была полная сумятица, но любопытство — не порок, а узнать, чем же всё-таки занимается Фредерик, стало приоритетом. Вдруг в обозначенной системе координат её настоящего стало неочевидно, кому можно верить. По опыту знала, что доверять можно только себе и то с большой оглядкой на свои загоны и ту бездну отчаяния, что толкала её в эту авантюру. Она задумалась над словами, которые обронила фон Бинцу о том, что она не боится умереть. А ведь это правда! Не боится. Если верить всем религиям на свете, за той чертой, за которой прекращается стук сердца и дыхание, мы встретимся со всеми, кто перешёл её ранее, с самыми любимыми в жизни.

Линда поискала в интернете название этой фирмы и действительно нашла её, как и основателя. Мужчина на стоянке был прав насчёт барона. Но, указав Линде на фон Бинца, он отдал ей документы, которые сами по себе не могли её натолкнуть на какой-то маломальский не бредовый вывод, для этого ей был необходим более обстоятельный разговор с тем, чей телефон указан на обратной стороне аннотации к лекарству.

Телефон завибрировал, и Линда улыбнулась.

— Кэт, — произнесла она имя подруги.

— Портер, ну ты даёшь! — вскричала та. — Я здесь пять да шесть, а ты то трубки не берёшь, то в аварии попадаешь, — её голос дрогнул. — Как ты? — неподдельное волнение.

— Я в Каире, со мной всё хорошо, рядом куратор... — начала было она.

— О-у-у-у, — протянула та немного двусмысленно, — теперь понятно, — в голосе слышался еле сдерживаемый смех.

— Мы приехали вне плана, когда бронь уже было не вернуть... — начала объяснять Линда, но была прервана коллегой.

— Ты думаешь, для такого человека, как барон, это составит хоть какого-то труда? — спросила она резонно. — Не думаю; не проблемнее, чем снять дом.

— То есть ты хочешь сказать, что он это сделал заранее, а если бы не авария, то нашлось

бы другое объяснение, почему куратор проекта и главный специалист живут вместе в центре Каира в двухэтажном доме...

Кэт присвистнула.

— Вот мужик заморочился, чтобы трахнуть тебя! — вскричала та потрясённо, прыская смехом.

— Кэт, мы — коллеги, — с укором напомнила ей учёная.

— Ну, это понятно, да, особенно после того, как он вместо больницы отвёз тебя к себе в имение и выхаживал, выдернув лучшего доктора из Лондона, ага-ага, — не унималась Кэт.

— Надеюсь, из команды проекта никто не знает, — удручённо пробормотала девушка.

— Я — могила, — пообещала, — но за других не ручаюсь, — немного помолчав, продолжила, — в основном, хорошие ребята. Лингвист немного высокомерен, — на эти слова подруги Линда усмехнулась, коротко знакомая с ним, — а в остальном всё в порядке, здесь даже есть парочка симпатичных парней, и уж я-то не упущу случая...

— Кэт, мы приехали сюда работать, — напомнила ей исследовательница.

— Одно другому не мешает, — выдала та с совершенно невозмутимым тоном, — чего и тебе желаю, если ты в ближайшее время не оседлаешь этого буквально пышущего тестостероном, породистого английского скакуна, то считай, что твоя экспедиция в Египет прошла зря, ты так и погребёшься под завалами бумаг, мумий и прочих древностей.

Линда вздохнула, понимая, что лучше промолчать, увещевать бесполезно: если Кэт что-то втемяшила себе в голову, то рухнут стены Иерихона, но она не передумает.

Через какое-то время, переодевшись в удобное тонкое длинное кашемировое платье, переобувшись в мягкие полусапожки и прихватив клатч, девушка решила спуститься вниз. Небольшая лестница с обратной стороны от той, где располагалась дверь, куда они вошли в дом в первый раз, заканчивалась просторной гостиной с огромным п-образным диваном, заваленным подушками. Открытые окна, защищённые москитными сетками, наполовину завешены драпированными шторами. Стены комнаты украшены гобеленами со сценами из жизни богов, а сочетание в интерьере песочно-серых цветов, оттеняемых вкраплениями золотистых украшений на светильниках и роскошных лампах, производило умиротворяющее впечатление.

Линда улыбнулась и хотела продолжить дальше изучать причудливые рисунки, разбросанные то тут, то там на полотнах, но услышала громкий разговор на арабском языке и узнала голоса барона и хозяйки дома, раздающиеся из двери в дальней стене огромной залы. Девушка хотела было ретироваться и снова подняться к себе, как, обернувшись, столкнулась с молодой девушкой, которая неловко улыбнулась и принялась кланяться перед ней.

— Aldeb alabed... — тихо прошептала она.

Линда удержала её рукой и произнесла:

— Всё в порядке, — давая понять, что кланяться не надо, — Вам помочь, что-то случилось?

В её глазах промелькнул испуг, когда она посмотрела вверх головы исследовательницы. Линда оглянулась и увидела Фредерика с хозяйкой, зло глядящей на хрупкую девушку-служанку.

— Линда, — позвал мужчина, — у вас всё хорошо?

— Служанка что-то сделала не так? — уточнила хозяйка.

Линда обернулась к девушке, потом вновь к ним и поспешила заверить:

— О нет, напротив, я вышла из комнаты, чтобы немного оглядеться в доме, а тут она, любезно согласившаяся мне всё тут показать.

Хозяйка облегчённо вздохнула и посмотрела на барона, видимо, ожидая распоряжений.

— Осмотрелась? — спросил он.

— Успела только выйти, — Линда потерялась от тона фон Бинца, тот как будто в чём-то подозревал её, мысли вернулись к папке с документами, спрятанными в её комнате.

Его лицо смягчилось, когда он увидел её растерянной. Взгляд тяжело прошёлся по фигуре девушки и осел на лице. Мужчина обернулся к хозяйке и вновь сказал что-то. Та кивнула.

— В город? — спросил он и тут же добавил: — Захотелось проветриться.

Линда взглянула в бесстрастное лицо хозяйки и согласно кивнула. Дом был прекрасен, но его хозяйка настораживала, производя мрачное впечатление какой-то угнетённости. Барон был напряжён. Учёная поняла это по тому, как нервно и не к месту сильно он хлопал дверьми автомобиля, как был молчалив во время поездки до ресторана и как отчуждён, когда они выбирали блюдо, уставившись каждый в своё меню. Линда, улучив минутку, даже умудрилась послать сообщение с названием ресторана на номер таинственного информатора.

Ресторан представлял собой сбор всего арабского колорита, но с налётом египетского узнаваемого шика, казалось, что позолота мерно осыпалась с витражей, изображавших богов египетского пантеона, и западала даже в глаза. Но тем не менее смотрелось это невычурно.

— Что случилось? — спросила Линда, как только им принесли аперитив.

Он через силу улыбнулся и затем дольше дозволенного в рамках приличий задержался взглядом на её лице, словно бы решал, нужна ли ей информация о его проблемах.

— Египетское правительство непредсказуемо, несмотря на размер взятки, — пробормотал барон, наконец-то рассеивая вокруг себя ореол таинственности.

— Это касается раскопок? — уточнила Линда и отпила глоток красного сухого.

Он утвердительно мотнул головой.

— Доводилось ли тебе когда-нибудь быть между молотом и наковальней? — спросил он, чуть прищурив один глаз, и отпил из рокса виски.

— Постоянно, ты же знаешь моё начальство, — с лёгкой полуулыбкой, начиная понемногу расслабляться.

Губы барона тронула лёгкая усмешка.

— В Каире скучно, особенно в это время года, вечером при температуре чуть больше плюс десяти особо не прогуляешься, а женщина на улице в тёмное время суток, даже в сопровождении мужчины, — это опасно, — казалось, вывод расстроил самого барона.

Линда рассмеялась, увидев, как его глаза стали несвойственно ему печальными.

— Надо было поехать в музей, вот там нам точно было бы весело, — постаралась рассмешить его девушка.

— Ты права, барельефы там забавные, — сказал он, всё ещё мыслями блуждая где-то далеко, а столкнувшись взглядами, оба рассмеялись.

Барон не хотел быть сегодня серьёзным, хотя и оставался всё таким же самоуверенным.

— Барельеф барельефу рознь, — произнесла Линда, — кто знает, может быть, я смогу убедить тебя в том, что место изображению Анубиса в пустыне в нашем Лондонском музее.

Фредерик, наклонившись к ней через стол, оценивающим взглядом прошёлся по её лицу и, заглянув в глаза, произнёс:

— Обмен равнозначный, — откинувшись назад, сделал глоток напитка, — я подумаю, если и ты обещаешь...

— Боюсь, баронесса и герцогиня не оценят, — намекая на невесту фон Бинца.

Барон помрачнел и вновь отпил из своего бокала. Зазвонил телефон, отвлекая его. Фредерик одними губами извинился перед ней и вышел из-за стола. Тут же на телефон Линды пришло сообщение — она, слегка удивлённая, огляделась в зале ресторана, спросив у официанта, где здесь дамская комната, поспешила туда.

Линда осторожно прошла к умывальникам и включила воду. Из кабинки тут же вышла невысокая, аккуратно сложенная женщина среднего возраста в коротком чёрном платье, из украшений на ней была лишь нить жемчуга, образ женщины завершали аккуратные туфли на шпильке, ещё выгоднее подчёркивающие красоту длинных стройных ног. Женщина усмехнулась, заметив, что девушка засмотрелась на неё.

— Жемчуг стоит дороже, чем весь этот образ на мне, — произнесла она и включила кран.

— Простите, — смутилась Линда.

— Линда, — начала та, и учёная в изумлении воззрилась на неё.

— Вы пришли поговорить?.. — она умолкла.

— Ева, — коротко представилась она, — здесь нет никого, и у нас есть несколько минут, — произнесла женщина, не выключая кран и придвигаясь ближе.

— Я видела бумаги... — выжидающе проговорила Линда.

— Вы видели то, что, если покопаться, можно найти в свободном доступе, но Вы, наверное, обратили внимание на самый крайний документ? — женщина испытующе посмотрела на Линду.

— Да, — согласилась она.

— Это результаты испытаний вакцины, сами разработчики, «Norwegian pharmaceuticals», называют это лекарство жидким геном бессмертия, — женщина горько усмехнулась. — Но те цифры — статистика смертности от него, почти девяносто пять процентов...

— Кто им позволил? — вскричала Линда возмущённо.

Женщина горько усмехнулась.

— За этой компанией стоят очень могущественные люди, покупающие правительства стран: что им стоит замять «издержки» своих экспериментов? Да к тому же все семьи добровольцев получают хорошие посмертные отступные, близкие молчат ещё и потому, что боятся расправы, — она чуть наклонилась к Линде, и та увидела, как она бледна и взволнованна.

— Скажите мне честно, как Вы заинтересованы в этом деле? — спросила девушка.

— Честно... — женщина нахмурилась. — Этого понятия больше не существует, впрочем, как и справедливости, милосердия, любви, этот мир завязан на деньгах и наживе, — она немного помолчала, затем начала глухим голосом: — Мой брат — один из разработчиков этого лекарства... И он покончил с собой после того, как начались повальные смерти...

— Соболезную... — пробормотала Линда, её собственное горе срезонировало с горем Евы.

Собравшись с духом, женщина продолжила:

— Я не удивлюсь, если комитет, так называют себя эти люди, приложил руку к его

смерти, прикрываясь виной моего брата, но перед своей гибелью он поведал мне историю о том, что им необходим какой-то последний недостающий ингредиент, и указывал, что он почти недостижим, упоминание о нём есть в древних египетских рукописях, и это всё на виду и магически завуалировано, что никто из серьёзных учёных никогда не брал в расчёт ни их, ни мифы, никто, кроме молодой Портер, — Ева с интересом смотрела в её лицо. — Они заинтересовались Вами, продвигали Вас, дали грант на Ваши изыскания, а потом на Вас вышел фон Бинц, он убедил всех остальных, что Вы — единственная, кто может помочь разгадать эту тайну...

— Их цель... — и Линда замолчала, округлив глаза.

— Их цель — найти вечную жизнь, — получилось жёстко. — У них миллиарды долларов, они, — Ева явно имела в виду людей из комитета, — играют с земным шаром, как хотят, возвышая одни государства и уничтожая другие, отторгая все общечеловеческие ценности, насаждая скотские, у них есть всё, им даже власть приелась, они хотят поиграть в богов, им нужна вакцина, благодаря которой они бы стали вечными и оставались ими... всегда.

Линда потрясённо молчала.

— В аэропорту это Ваши люди? — спросила девушка.

Ева отрицательно мотнула головой.

— Вероятно, в игру вступила третья сила, — произнесла она, пожимая плечами. — И я не знаю, кто это, не хочу пугать, но мы слишком поздно вышли на Вас.

— Пути назад нет, или я разберусь с этим, или меня... — Линда прикусила губу. — Я не хотела ничего, кроме как дать лекарство, универсальное, чтобы в мире больше никогда не гибли дети, — она сглотнула застрявший в горле ком.

Ева смягчила взгляд.

— Вы ничего не сделаете, фармацевтика не помогает людям, у неё другие цели — подсадить человека на иглу обезболивания, а когда у него закончится жизненный ресурс и так называемые лекарства перестанут действовать... Ну что ж, это становится проблемой самого человека, и ему остаётся лишь доживать... — прозвучало обречённо, но говорила Ева убедительно.

— Что Вы хотите от меня? — спросила учёная прямо.

— Хочу, чтобы Вы уничтожили то, что найдёте, — помолчав уточнила, — что бы ни нашли...

— Но это абсурд! — возмутилась Линда, пылая праведным исследовательским гневом. — Найти лекарство от всех болезней, способное осчастливить миллионы, и уничтожить его...

— Вы наивны и не прагматичны, комитет другой, они заработают на Вашем открытии, сделав себя вечными и безнаказанными за все свои преступления перед человечеством, и молитесь Господа, чтобы Вы остались живы, они очень не любят свидетелей, а тем более очевидцев, — предупредила та с некой долей заботы, затем продолжила, — и вспомните, как Вы долго искали подтверждение своим теориям, доказательств катастрофично мало, Вы даже не знаете, где находится то, что Вы ищете, отказаться никогда не поздно... Знаю, что всего этого мало, чтобы Вы мне поверили, у меня есть только эти бумаги, а ещё, — женщина судорожно перехватила воздух ртом, — видео-свидетельство моего брата... незадолго до его кончины... ночью вы получите его.

Ева прошла вперёд, намереваясь выйти из дамской комнаты, но затем, обернувшись,

поймала на себе сомневающийся взгляд Линды.

— Каково это — знать, что можешь разрушить целый мир? — и с этими словами покинула туалет.

Линда повернулась к зеркалу и взглянула на своё бледное лицо, пожалуй, даже измождённое. Она сейчас захотела побыть одной, чтобы подумать. А то в голове была мешанина из информации, симпатии к барону и логического согласия с Евой, а ещё своего собственного эгоизма, как ей казалось, до разговора с женщиной, здорового. Оснований не доверять фон Бинцу у неё не было, как и доверять, Ева хоть и говорила убедительно и предоставила доказательства, но они всё же не поколебали Линду. Единственное, что она вынесла из всех событий, произошедших с ней, — верить никому нельзя. И необходимо быть настороже и продумывать каждый свой шаг.

В голове отбивалось две фразы: «Каково это — знать, что можешь разрушить целый мир?» и «Я лично гарантирую твою безопасность». Она ещё раз взглянула на себя в отражение, удалила сообщение и номер из памяти телефона и, закрыв кран, поспешила к столику. Фон Бинц уже сидел за столом, едва заметно хмурясь. Линда с естественной невозмутимостью присоединилась к нему, пытаясь унять дрожь в теле, положила руки на колени и обворожительно улыбнулась барону.

— Надеюсь, я не пропустила хорошо прожаренный стейк? — пошутила она.

— Предпочитаю полусырой, — без шуток произнёс он.

Во время обеда девушка опять отметила немногословность Фредерика. Он поддерживал разговор, но без интереса.

— Фредерик, — произнесла она уже после того, как блюда были унесены, в ожидании десерта, — ты наверняка устал, и тебя что-то гложет, я бы не хотела...

Он слабо улыбнулся.

— У меня всегда так, — начал он, — после того, как ты решил какую-то важную задачу, приходит не стимул двигаться дальше, а опустошение, ступор, ощущение, как будто меня выпотрошили.

Линда кивнула.

— Ты хочешь уйти? — предложила та.

Фон Бинц отрицательно кивнул головой.

— Не могу лишиться себя удовольствия посмотреть, как ты будешь кушать мороженое, — тон его стал игривым.

— О, то страшное зрелище, — рассмеялась она.

Остаток ужина прошёл более позитивно, и барону удалось расслабиться. Он вновь стал тем же остроумным, очаровательным, словоохотливым собеседником и даже ни разу не упомянул о своём любимом предмете разговора — о рабстве и отражении его в современности. А может быть, дело было в том, что они сейчас в стране, история которой долгое время олицетворяла это позорное явление?

Смеясь, они вошли в дом. Их встретила женщина — хозяйка дома, терпеливо дожидаящая распоряжений барона. Мужчина отдал их, и Линда уже было хотела подняться к себе, но была удержана вопросом фон Бинца:

— Не хочешь выпить?

Девушка прищурила глаза.

— Завтра на работу, — напомнила она и улыбнулась, забравшись на первую ступеньку лестницы.

— Я закрою глаза на то, что в первый день ты будешь смердеть перегаром, — хохотнул он и прошёл к столику с напитками, наливая в широкие низкие стаканы джин.

— Потому что от тебя нести будет не меньше, — парировала та.

Сжав бокалы длинными пальцами, он обернулся и вопросительно поднял бровь. Линда подошла к нему ближе и, не сводя глаз, взяла один.

— Ты дерзкая.

— Накажешь? — спросила она и отпила из стакана, напиток обжёг горло, но то ли близкое присутствие мужчины, то ли действие джина — голову немного закружило.

— Руки чешутся, — его скулы сомкнулись сильнее, взгляд заскользил по лицу, вниз, на грудь, ниже, потом вновь возвращаясь к глазам.

— А как же обещание личной безопасности? — его желание будоражило кровь, а тёмные глаза, словно омуты, притягивали к себе.

Фредерик шумно отхлебнул из стакана, предпочитая промолчать.

— Иногда всё не то, чем оно кажется, — напомнила Линда.

Фон Бинц согласно кивнул, сделал шаг, встав ещё плотнее к ней, и его губы задели её так же нежно, как касание бабочки. Поцелуй вышел поверхностным, сухим. Он не касался её руками. Мужчина выжидал, видя, что шея девушки до ключиц покрылась мурашками. Дыхания стали синхронными, пунктирными. Но Фредерик не переходил черту, его влекло к ней, но он уже было подумал, что Линда не осмелится, ведь обстоятельства судьбы, образ жизни каждого, их обязательства перед другими людьми — всё было против них, несмотря на взаимное притяжение.

Прошло мгновение, и девушка, прислонившись к нему, нашла его губы и сама поцеловала мужчину. Оторвавшись, они замерли, смотря друг на друга. Взором Линда как бы спросила у него дозволение. Улыбаясь, Фредерик взглядом опустил на её полураскрытый ротик. А её ладони скользнули снизу вверх, поднимая край футболки, мигом заставляя пресс напрячься.

— Уверена? — уточнил мужчина, следя за меняющейся мимикой: лёгкое обескураживание от собственной смелости и сильное желание, толкающее кровь сильнее бежать по венам, устремляясь вниз, заставляя пульсировать их, как солнце.

Она кивнула головой, и его губы вновь коснулись её, сначала только пробуя, затем жадно наращивая темп, чутко улавливая настроение Линды. Она подстроилась, отдаваясь ласке момента. Её нежные руки опоясали его торс, кружащими движениями пробравшись под футболку и вверх по горячей коже спины, а его притянули её, пытаясь максимально прижать к себе. Линда почувствовала его дрожь и чуть отстранилась. Она удивилась, увидев в его глазах страх того, что она могла бы оттолкнуть его от себя, сочтя напор мужчины и желание чуть большими, чем хотелось девушке. Но вместо ответа её тело прильнуло к нему ещё сильнее, становясь мягким, податливым, как воск под теплом, исходящим от его грубоватых пальцев. Ответом ей послужили упругость его тела и настойчивость движений.

Фредерик оторвался от её губ, не прекращая гладить спину, ловя взглядом лукавую улыбку и отвечая тем же. Линда кивнула и вновь потянулась к полным влажным губам, получая обратно поцелуй такой силы, что барон удовлетворённо рыкнул, услышав несдержанный стон девушки и свою кровь, отчаянно бившуюся в висках. Оглаживающими движениями девушка скинула с его плеч пиджак и потянула за футболку, вскорости избавляя от неё мужчину.

Фредерик поднял Линду на руки и шагнул к лестнице, перепрыгивая через ступени,

зашёл в спальню, аккуратно, словно фарфоровую статуэтку, ставя её на пол. Одежда полетела по комнате в разных направлениях, хотелось быстрее избавиться от неё и от обуви. Обнажённые тела коснулись друг друга, обжигая внутренним огнём, пляшущим на коже, отдавая дрожью электрических разрядов их обоюдного вожделения или наваждения. И их совместный запах разлился по комнате как продолжение захватившего пару безумия.

Фон Бинц подтолкнул её к постели и уронил на простыни. Девушка, отпружинив от матраса, приподнялась на локтях, неловко вскинув ноги вверх. Он поймал их, грубовато схватив за щиколотки, и рассыпал по ним влажные поцелуи, собрав кожу ртом, нежно лаская языком и продвигаясь вверх. Линда задрожала и шумно задышала, прогибаясь в крестце, ощущая, как его горячие губы оказались на внутренней стороне её бёдер.

Их одновременные взгляды друг на друга: Линда не отвела своего, хотя была смущена и обескуражена, боясь признаться себе, что хотела бы продолжения. Он слегка улыбнулся, продвигаясь дальше, не отводя своего взора, держа её в плену своих тёмных омутов. Крепкая широкая ладонь потянулась к полной высокой груди и сжала её, а язык, кружа по нежной светлой коже бёдер, соскользнул в неё: влажную, разгорячённую, уже готовую принять его.

— Рико... — хрипло прошептала девушка.

Фредерик оторвался от неё и поднял голову. Их взгляды встретились. Наваждение. Момент, когда химия между людьми сильнее всех на свете логических рассуждений. Ответы на вопросы, которые никогда не даст разум и которые так понятны телам. Без слов.

Он вновь склонился над ней и поцеловал текущую промежность и нежную кожу бёдер. Мужчина не ожидал услышать от неё хриплый смех и ощутил, что он завёл его сильнее, чем вид обнажённой перед ним девушки.

Взгляды, запах и вкус, уносящие его разум, пробуждающие тёмные инстинкты... Вновь поцелуй во влагу, настойчивые движения языка кружили и ласкали так, что Линда дрожала и вибрировала на его кончике. Ладонью Фредерик, сжимающий грудь, требовательно заявил свои права на неё. Мужчина оторвался от девушки, подразнив сосок, обведя вокруг него большим пальцем, ощутив произвольную волну как ответ тела на острую ласку. Руки Линды подхватили его пальцы и, чуть помедлив, под призывным взглядом медленно потянула в рот, облизывая и посасывая их, заставляя его член становиться каменным настолько, что сдерживаться с каждой минутой становилось труднее. Кровь с шумом в ушах толкнулась вниз, держа его в напряжении, тянущей болью отдаваясь в паху.

Улыбка девушки, прилетевшая в мужчину. Его пальцы, утонувшие в её влаге, и обонятельные рецепторы в манящем аромате тела. Чуткий язык уловил дрожь неги. Она помогла ему бёдрами, подстроив его движения под нужный ей ритм. Рико разбросал невесомые поцелуи по бёдрам, улыбнувшись её реакции на эти действия. Пальцы заскользили внутри с нарастающей частотой. Его ладонь крепче сжала её грудь, и она, откинув голову назад, доверилась, раскинувшись перед ним, вторя скорости толчков, с подрагивающим плоским животом, постанывая, с россыпью бусинок пота на груди.

Фредерик почувствовал, что тело девушки, находясь в истоме, умоляло о разрядке. Он продолжил толкаться пальцами и языком. Вибрация, одним рывком разорвав пелену действительности, унесла Линду на несколько секунд в лёгкое небытие, даря сильное удовольствие. Хотелось понять мужчину, которого боялась и желала одновременно.

— Ты сводишь меня с ума, — прошептал барон, подтягиваясь к ней на вытянутых руках.

Девушка почувствовала толчок в разгорячённое, всё ещё влажное тело, заставивший её изогнуться и простонать. Он выдохнул ей в шею жаром своего дыхания, древесно-кофейный

аромат приятно обласкал обоняние девушки. Рико простонал в её волосы, всем весом переместившись, и она вновь ощутила рывок в тело. Немного болезненно и глубоко, до самого основания. Мужчина перестал сдерживаться и контролировать себя, жадно двигая бёдрами. Фон Бинц уткнулся лицом в её волосы, входя грубо и беспрекословно. Контраст нежной прелюдии и грубого секса поразил её. Стало невыносимо жарко, а покрывшийся бисером испарины лоб вжался в изгиб шеи Линды.

— Нежнее, — шепнула она, сжимаясь внизу от смеси боли и наслаждения.

Она собрала простынь, согнув пальцы в пригоршню, и почувствовала, что он, притормозив, тяжело вздохнул, целуя её в шею. Ритм стал терпимым. Девушка призывно подалась бёдрами навстречу, прося продолжить. Фредерик вновь ускорился, сжав пальцами грудь, перекатив ими сосок, заострившийся, словно стекло, ласка отзывалась острым наслаждением.

От ускорения Линда вновь выгнулась, поджав пальчики на ногах под его сыплющими ударами бёдер, вскрикнув, чувствуя, что её накрыла лёгкая, по сравнению с предыдущей, разрядка. Двинувшись ещё несколько раз, Фредерик замер, тяжело дыша, разлив внутри жар. Девушка протяжно вздохнула и увидела, как он откатился, чуть подрагивая, поворачиваясь к ней, отводя пальцами слипшиеся от пота волосы с её лба.

— Я очарован, — хрипло, подрагивающим голосом произнёс Фредерик.

Мужчина поцеловал её в губы, заметив, что она улыбнулась.

— Не хочу сейчас ни о чём говорить, — ответила она.

Линда почувствовала, что алкоголь в её крови практически развеялся, и на неё навалилось опустошение. Ей хотелось уйти самой или выгнать мужчину, сказать, что это было ошибкой, наваждением, следствием одиночества, тем, что её тянуло к нему с бешеной силой лишь на уровне физики... Девушка с трудом дождалась, когда он уснёт, и, услышав оповещение электронной почты, натянув трусики и халатик, спустилась в тёмную гостиную.

Усевшись на просторный диван и сунув наушники в уши, она с дрожью в руках выслушала откровение погибшего доктора, затем удалила с телефона видео и другие свидетельства связи с теми, кто предупреждал её об опасности.

Она подумала о том, что по большому счёту никто из противоборствующих сторон не заботился о простых людях, как бы их назвал барон — рабах, и те, и другие мечтали не допустить одну из правящих групп к получению мощного артефакта, чтобы другая не смогла заполучить ещё большую власть — абсолютную власть.

«Каково это — знать, что можешь разрушить целый мир?»

— Это ставит тебя на один уровень с богами, — прошептала она. — Отстраниться нельзя, но ты должен, так же как и понимать, что тяжело быть богом, почти невозможно, даже если ты и есть бог...

Она легла на диван, поджав ноги и обняв подушку, девушка ещё долго не могла уснуть, но в конце концов навалившаяся усталость дала о себе знать, и Линда погрузилась в царство снов, имеющее тонкую грань с посмертным миром.

Обитель Сета. Безвременье.

Неимоверно жарко. Полуденное солнце нестерпимо ослепляло даже через плотно прикрытые веки. Маленькая, сгорбленная, не совсем ещё оформившаяся женская фигурка с длинными стройными ножками брела по горячему песку, поминутно увязая в нём по тонкие изящные щиколотки. Руки висели беспомощными плетью вдоль измождённого полуголого тела, настолько испепелённого духом пустыни, что местами на тёмной коже виднелись кроваво-красные струпья ожогов.

У неё уже не было сил на то, чтобы сопротивляться, думать, рассуждать, даже сосредоточиться на какой-нибудь разумной мысли, например, куда и зачем надо идти. Дорога давно превратилась в самоцель. Шагать, ползти, брести. Просто идти. Для чего? Не важно. Куда? Девочка усмехнулась. Это она знала... только одно... Это знание и толкало её передвигаться, несмотря ни на что. Вдыхаемый ею раскалённый воздух опалял до жгучей боли лёгкие. А ещё ненависть. Она думала, что нет в её душе такой пропасти, бездонной дыры, откуда можно черпать силы, не думала она, что столь разрушительное чувство может воскрешать, буквально вытягивая канувшую было её из Дуата, заставляя упрямо переступать ногами. Но то, что толкало девочку назад, в мир живых, делало это против её воли. Она знала, что в конце концов окажется в царстве мёртвых.

— Прямоком в лапы Анубиса, распроклятого трижды бога Смерти, — шепнула она и скрипнула зубами от подступившей к горлу злобы.

Ярость неожиданно придала ей энергии, и она ускорила шаг. Правда, ненадолго. Вскоре неимоверная усталость и боль на грани шока взяли своё, и без того слабая девочка мешком свалилась на песок, не обращая внимания на то, как его скрытое, сохранённое в себе накопившимся жаром адского солнцепёка пламя в очередной раз опалило бархатные покровы её измученного тела.

— Вставай, Инпут, — упрямо твердила она, уже отплёвываясь белой пеной, предзнаменующей её скорый конец. — Встреть смерть стоя, выскажи всё своё презрение богу, который обманул и бросил свою верную рабу на неизбежную погибель.

Напрасно она молилась всё время скитания по выжженному песку: её не слышали — не хотели или не могли. Она больше не ощущала божественного присутствия, и все её мольбы — бесполезны. А ещё в ней не было Анха. Или она не чувствовала в себе его силы, хотя временами ей казалось, что она поэтому и жива, что великий символ Жизни был когда-то неразделим с ней. Что за наказание? И за что? За какие грехи это верной жрице Анубиса?

Неожиданно для себя она разрыдалась. Но слёзы так и не появились. Аридные всхлипы разрывали и без того иссохшее горло. Солнце пустыни за огромный отрезок времени её скитаний высушило всю жидкость из её способного в будущем стать прекрасным тела. Она стала похожа на обуглившуюся спичку, в сердцевине которой на удивление всё ещё теплилась жизнь.

— Забери, — выкрикнула она что есть мочи, — забери, шелудивый пёс, проклятый, сын Сета, злого бога пустыни, — ей бы замолчать, но Инпут решила и выкрикнула в плавающий воздух самого горячего места на поверхности Земли слова, которые никогда не

должны были срываться с её губ, ибо они зародились на острие жгучего гнева. — Будь ты трижды проклят, чёрный волк, пусть никогда твоя бессмертная душа не знает покоя, пусть никто никогда тебя не полюбит, пусть все молитвы, которые я возносила тебе, станут твоим бичом и осядут на твоём теле страшными кровоточащими ранами проказы, как на моей ожоги, пусть никогда тот и этот мир не озарит смех твоего потомства, пусть Великий Хаос поглотит тебя...

Девочка задрожала от раскroшившихся, как камень, в пространстве яростных фраз и почувствовала облегчение. Ей даже понравилось то чувство свободы, которое она ощутила при этом. Она перестала быть жрицей Великого Инпу, перестала принадлежать ему. Дочь Египта стала сама по себе. Внутреннее чувство подсказало всю опрометчивость её слов, но она упрямо выкинула это понимание из своей головы. Вкупе с этим ярость поутихла, и девочка открыла глаза, мигом насторожившись. Где-то неподалёку от места, где лежала Инпут, опрокинутая навзничь, она краем уха уловила звук всплеска воды, физически ощутив её прохладу. Что-то внутри толкнуло приподнять голову и судорожно оглядеться.

Прямо перед ней то, что когда-то было умершей землёй, расцвело и заискрилось всеми цветами радуги, отразившейся в ослепительно прозрачных воротах, ведущих в благоухающий сад Дуата. Девочку снова сотрясли безмолвные рыдания.

— Мираж... это всего лишь мираж... — шептала она, хрипло всхлипывая, вновь опускаясь затылком на жгучий песок; хотелось расхохотаться, разум оставлял её.

И вдруг вздрогнула, ощутив, как к пятке прижалось нечто влажное и прохладное. Она мигом сглотнула и нашла в себе силы вновь согнуть шею. Девочка похолодела внутри, несмотря на сожжённое солнцем тело. У её ног стоял осёл и трогал носом её пятки и щиколотки. Или ей показалось? Ещё один миг, и животное незаметно для её глаза обратилось в человека. В мужчину. Обнажённого по пояс, с лоснящейся, сильно умасленной смуглой кожей, почти чёрной, с тёмными, как самая глубокая пропасть, глазами, с побритой налысо головой. Он был строен, хотя и не лишён мускулатуры, как для землепашца или воина.

— Сет... — мысли сами сложились в слова, она усмехнулась, — оно и к лучшему...

Чёрные густые брови мужчины взметнулись вверх. Тонкие губы прочертили усмешку на красивом без изъяна лице, дав в полной мере увидеть волевой подбородок, вскинутый вверх в высокомерии.

— А ты догадливая, дитя, — проговорил он острым, словно пряное яблоко, голосом, возвышаясь над Инпут, в ладонях сверкнуло нечто наподобие кинжала с обоюдоострым концом.

— Да, добей, доверши то, что начал Великий Тёмный, — прошептала она, резко зажмуривая глаза, — молю.

Девочка задышала глубже, ожидая удара в любую минуту, ведь злобный бог пустыни убивал, не щадя никого на своём пути. Но время тянулось, и ничего не происходило. Инпут открыла сначала один глаз, затем второй. Бог всё так же смотрел на неё, но теперь ко взгляду, в котором не было ничего, кроме презрения к смертной, появилось нечто похожее на искреннее любопытство.

— Что? — решила подначить его Инпут, хрипло расхохотавшись. — У духа пустыни не хватает духу? Давай же, пусть кинжал в твоих могучих руках споёт мне погребальную песнь, а лучше дай его мне в руки...

Сет склонил голову вбок и прищурил выглядящие раскосыми, обведённые чёрной

краской глаза.

— Любопытно... — проговорил он, окидывая взглядом тщедушное тельце подростка. — Кто же ты? Чья ты посланница? Откуда?

— Ты вдруг заинтересовался своею добычею, которую тебе услужливо преподнесло твоё сухое море, твоя безвидная пустошь? — дерзко вопросом на вопрос. Ибо кто такие боги? Те же люди, только обречённые на бессмертие.

Бог пустыни расхохотался, запрокинув голову назад, совсем по-мальчишечьи. Инпут замерла, ощутив, что где-то на самом доньшке её израненной души шевельнулось чувство симпатии. Но оно быстро погасло, как только улыбка сошла с его уст, а лицо вновь обрело надменный, холодный вид, мигом исказив его прекрасные черты.

— Ты пойдёшь со мной, — приказал он.

Теперь пришла её очередь хохотать.

— Только если ты понесёшь меня, о, Великий бог пустыни, — последнее было сказано в саркастичном тоне, и девочка знала: за этим последует её неминуемая смерть, что, конечно же, было ей на руку.

Подбородок Сета заходил от гнева, и он вновь поднял кинжал. Но, увидев её улыбку, опустил, злобно оскалившись.

— Скольких я убивал до тебя, но никто, даже самые отчаявшиеся и безнадежно больные, не молили так о смерти, как вопиешь о ней ты, — он резюмировал её действия и слова, спокойно смотря на неё. — Поэтому я не трону тебя, а, учитывая, что ты выжила, ещё и награжу.

— Наградишь? — Инпут расхохоталась, вновь приводя злобного бога в бешенство, невероятными усилиями воли сдерживаемое им. — Мне ничего не надо от бога пустыни, от любого другого бога...

Сет вскинул подбородок, как будто о чём-то догадавшись, и спросил, явно ожидая чего-то большего, чем просто ответ на свой вопрос:

— Знаешь ли ты, где находишься? Сколько ты здесь скитаешься? Кто ты?

Она мотнула головой.

— Хочешь ли ты узнать? — спросил он вкрадчиво и, как показалось Инпут, будто бы замирая в ожидании её слов.

В отголосках фразы на интуитивном уровне чувствовался другой посыл, словно бы он интересовался, хочет ли она жить на самом деле, без пафоса и ненависти. Инпут прислушалась к себе. Девочка почувствовала, что от ответа зависит всё, что будет дальше, причём не только с ней. Она медленно качнула головой.

— Скажи вслух, — проговорил он настойчиво, а ей показалось, что разом прошипели сотни змей.

— Хочу, — вышло сиплым шёпотом, неправильно, не должно было вот так случиться, но есть же у людей их свободная воля, она есть всегда, даже когда человек — раб, раб, который не осознаёт правду, не осознаёт, что именно она делает его свободным, пока...

Она не ожидала, что Сет подойдёт к ней и подаст руку, легонько дёрнув на себя. У Инпут задрожали ноги, но она нашла в себе силы устоять, а справившись с головокружением, смогла пойти вслед за мужчиной. Его ступни скользили по песку, словно бы он был стеклом или льдом. Инпут невольно залюбовалась этим зрелищем, пока не заметила, что сама движется точно так же. С удивлением этому чудному открытию она попыталась сосредоточиться на процессе, но вновь увязла в жидком золоте пустыни.

Предприняв новую попытку, обратила свой взор к его ногам — девочка поняла, что она синхронна с этим загадочным божеством, словно бы сама стала им. Странное существо, которое что-то хотело от неё, словно бы знало то, что не доступно даже Великому Хаосу. Но сопротивляться не было сил и не хотелось. Девочка уже не боялась. Когда ты думаешь, что умрёшь, и неожиданно приходит спасение, то страх притупляется. Удивившись, она почувствовала в себе силы жить. Только вот для чего? Похоже, что Сет знал ответ на вопрос. Проблема: довериться или нет? Внутри её раздирали сомнения.

Именно в этот момент, как только её мысль оформилась, Сет обернулся к девочке и посмотрел так, словно бы понял её состояние или разгадал тайные игры её разума. А может, он знал, о чём она подумала, какие противоречия и сомнения гнетут всю её суть? Девочка поспешила спрятать глаза, опустив голову вниз, кожей ощущая прилипшую к ней колко-холодную усмешку мужчины.

Они прошли жемчужными воротами в сад. От охватившей её прохлады Инпут задрожала. Лёгкие раскрылись и задышали свободнее, а ей хотелось разрыдаться. Но она до крови прикусила губу и тенью следовала за богом пустыни, войны, олицетворением зла.

— Я не умерла... — прошептала она.

— Нет, — ответил он, чутким слухом уловив её слова. — Ты выбрала жизнь.

Они петляли по саду по просторной, чисто убранной дорожке, и Инпут невольно залюбовалась необычными яркими цветами коры деревьев и их листьев, заслушалась переливами на все голоса и лады песен диковинных птичек. Одна из них в своём любопытстве приблизилась к девочке, часто порхая крыльями, а странница в страхе отшатнулась от неё — пернатая выставила острые зубки и со злобой ощерилась на неё.

Сет обернулся к Инпут и усмехнулся. Она поняла, что рано расслабилась. Всё кругом выглядело безмятежно и мирно, но стоило присмотреться, и можно было заметить, как цветы пожирают насекомых и мелких животных, как более крупные из них, выглядывающие из-за кустов и деревьев, с ужасом взирают на хозяина здешнего сада, а на неё — с ненавистью. Слишком разумно. Девочку передёрнуло от страха, и она с трудом повернула голову вперёд, отрываясь от жуткого зрелища. Густая растительность стирала за ней дорогу обратно, тут же заполняя собой всё пространство, осторожно дотрагиваясь до её ступней и словно бы в отвращении отталкиваясь от её кожи, но не давала вернуться. Даже если бы у неё был выбор: сошла бы с пути, чтобы возвратиться в жуткое пекло? Страх усилился, сделавшись почти инстинктивным.

— Я — пленница? — хрипло промолвила она.

Но ответом ей послужила тишина. Сет всё так же безмолвно вёл её по только ему одному ведомому пути. Инпут хотела остановиться, но наступавшие сзади густые кусты гнали её вперёд, не давая возможности отступить.

— Я — пленница? — уже более требовательно.

Она пробовала догнать мужчину, задеть его плечо, но каждый раз, как только ей казалось, что она близка к цели, бог ускользал, и ей мерещилось, что она переливами грома над головой слышит его холодящий душу смех.

«Я попала в ловушку, — мысли лихорадочно носились в её голове. — Надо бы взять себя в руки; он сказал, что я сама выбрала? Что? Жить? Зачем это Сету? Чем я смогла удивить бога пустыни?»

Через некоторое время их показавшееся ей бесконечным путешествие закончилось, а сама Инпут чувствовала себя отдохнувшей, словно бы она не шла, а спала, и только сейчас

проснулась.

Ещё пара шагов, длинный изгиб поворота за огромной плеядой деревьев и зарослей жимолости, и они вышли к величественному дворцу с возвышавшимися над ним гигантскими трубами — малькафами*, в которых завывал ветер. Дворец казался одновременно крепостью и храмом. Его бесконечно длинные стены тянулись ввысь облачно-предгрозовой громадой. Блеск сада резко померк, и Инпут окунулась в серость. Нет, воздух остался таким же прозрачным и чистым, прохладным и свежим, а вокруг по-прежнему щебетал на все голоса сад, но враждебность его обитателей, только намечавшаяся по пути сюда, теперь потеряла самоконтроль и норовила укусить, больно задеть, а возможно, даже полакомиться.

Она поспешила вслед за Сетом. А тот остановился, и девочка буквально врезалась в его спину. Бог пустыни обернулся к ней и теперь взирал на неё сверху вниз, окатывая ледяным презрением.

— Входи в мою обитель, дева, — сказал он, и на его лице появилась злобная усмешка.

Девочка обернулась назад и поняла, что дороги обратно не будет. И это случилось не сейчас, а там, ещё в пустыне, когда она ответила богу «да», согласившись последовать за ним. Двери дворца открылись. Он обошёл её вокруг и подтолкнул со спины, заметив её нерешительность. Тут же к ним, словно бы появившись из воздуха, подлетело несколько человекоподобных существ. Сердце девочки застучалось сильнее от иррациональности происходящего, ведь на их лицах отсутствовал рот. То пространство, где должен быть орган, просто обтянуто кожей. Инпут внутренне сжалась от пробравшейся снизу вверх по позвонкам холодной волне ужаса.

Сет повелительно вскинул ладонь и указал им на Инпут.

— Следуйте своей задаче, верные рабы, — произнёс он леденящим душу тоном, словно бы в любую секунду мог передумать помочь, мог убить.

Слуги окружили девушки и начали беспорядочно, как ей казалось, прикасаться к её коже. Но затем Инпут поняла, что они, как тутовые шелкопряды, врачевали её тело, при этом издавая звуки, похожие на слабый рокот мелких жучков. Их работа становилась ощутимо видимой. На месте ожогов и ран вначале появлялась бледно-розовая нежная плёнка, которая через короткое время стала полноценным кожным покровом. Они кружили девочку, срывая с губ восторженный смех. Инпут понимала, что становится живой в полном смысле этого слова. Слуги так же резко отошли от неё, когда их «работа» была выполнена.

Крутившаяся и смеявшаяся до этого времени, Инпут резко остановилась возле бога пустыни и без страха взглянула в его глаза цвета самой тёмной непроглядной египетской ночи. Тот усмехнулся.

— Докажи мне, что я не зря оставил тебя жить, — сказал он, прищурился глазами.

— Скажи мне сначала, пленница ли я? — спросила девочка, сжимая кулаки, готовясь к атаке, к смерти, к чему угодно.

Сет обошёл вокруг и вновь возник перед ней, темнота отступила от них. Девочка огляделась, увидев себя в храме. Незнакомом. Величественном. Мрачном. Но было сразу понятно, кому тот принадлежал. Здесь служили мистерии самому богу зла — Сету, басни о которых смущали её своим распутством и ужасами. Инпут медленно повернулась к мужчине.

— Ты не ответил, — напомнила она.

— У тебя есть чем говорить, — просто ответил тот, а Инпут вздрогнула, со страхом ощутив свои губы и вспомнив слуг, исцеливших её тело.

Сет подошёл к зажжённому жертвеннику и коснулся раскалённых углей голыми руками. Огонь не причинил тому никакого вреда.

— Я отвечу на все твои вопросы, дева, — проговорил тот и повернулся к девочке.

— Меня зовут... — начала было она, но Сет приложил палец к своим губам, жестом приказав умолкнуть.

Она растерянно взглянула в надменное лицо бога, бледнея с каждой секундой.

— Как тебя зовут? — спросил мужчина, каким-то шестым чувством Инпут поняла, что он знает, но требует её назвать, подчиняясь условиям создания этого мира — свободе воли человека.

— Инпут... — прошептала девочка, со страхом всматриваясь в его надменные, ничего не выражающие глаза.

— Хочешь остаться Инпут или?.. — Сет одновременно давал и не давал выбрать.

Та, что именовалась Инпут до сего момента, мотнула головой.

— Скажи, — властно и требовательно.

— Я не Инпут, — хрипло произнесла девочка, бледнея; казалось, будто старая кожа лопалась на ней, обнажая до костей, а неотвратимость происходящего добралась до души, коверкая и ломая всё, что было живого в ней.

— Что ты хочешь? — спросил Сет, в нетерпении сжимая ладони, но всё так же не подходя ближе.

— У меня нет имени, Отец Пустыни, — прошептала девочка обречённо.

По углам заметались тени, запрыгало пламя жертвенника, как будто от сильного сквозняка, ветер завыл снаружи, затухая в конце ослиными криками, что заставило Инпут вздрогнуть.

— Я нареку тебя, — проговорил тот властно.

Сет протянул ей руку, призывно посмотрев на девушку. Она нехотя подалась ему навстречу.

Девочка ухватилась за предложенную ладонь и безропотно последовала за мужчиной. Несколько залов, пройденных напролёт через огромные колонны, и стены с барельефами, изображавшими сцены кровожадности Сета, его многочисленных баталий, победы над змеем Апофисом, голову которого он сложил у ног всемогущего Ра. Но, несмотря ни на что, теперь девочка не чувствовала по отношению к нему того ужаса, который ей должно было внушать его близкое присутствие и окружающее. Всё, что писалось о нём в умных трактатах лучших жрецов его культа, казалось какой-то злой шуткой, возможно, выдумкой завистников. Все гнусные истории начинали стираться из памяти. Не такой уж он и плохой. Разве может зло совершать добрые поступки? Недостаток жизненного опыта девушки не давал ей в полной мере здраво рассудить о том, что зло совершает гнусные поступки, оборачивающиеся в конечном итоге добром только лишь потому, что не бывает поругаем источник жизни, Великий Хаос хранит молчание, но его законы непреложны: всё во благо.

Они шли анфиладами богато украшенных залов, пока не достигли, видимо, того, куда стремился попасть Сет. Помещение, в которое они вошли, представляло собой огромную комнату с искусственным небольшим водопадом. Вода спокойной гладью спускалась вниз, бесшумно, словно бы ей было запрещено журчать в храме одного из Эннеадовой девятки Великих богов.

Сет подвёл девочку к толще перетекающей воды, и капли как бы замерли, собираясь в единую картину. Они вдвоём отразились в нём, как в зеркале. Маленькая хрупкая Инпут и

огромного роста мужчина. Божество, которое владело всем, что здесь было. А теперь ещё и ей.

— Я нарекаю тебя Азенет, — произнёс Сет и зло усмехнулся.

— Азенет, — повторила она за ним глухо, в памяти вспыхнуло короткой вспышкой всё, что с ней когда-то было, и девочка с грустью уставилась на него в зеркальную поверхность водопада. — Имена дают младенцам, — попробовала возразить она.

Сет рассмеялся.

— Ты только сейчас родилась, Азенет, — ответил он загадочно.

— Красивое имя, ненавижу прежнее, — её растерянный взгляд отразил боль.

— Теперь ты дитя пустыни, Азенет, — он жёстко повернул её голову к себе и вперился немигающим бездонным взглядом в её глаза. — Ты моё дитя, тебя обожгло горнило моих владений, ты кидала проклятия в воздух, ты призвала меня своим гневом, ты смердела желанием умереть, и я услышал твой посыл, пришёл и ответил.

Азенет от страха внутренне вся подобралась.

— Сколько мне лет? — спросила девочка, только сейчас поняв, насколько она изменилась, повзрослев: черты лица из подростковых, чуть опухших, превратились в женские, притягательно красивые, неуловимо пленительные, именно таких девушек отдавали в её храме Анубису.

— Ты очень долго скиталась по моей вотчине, — ответил Сет. — Хотелось бы мне знать, что поддерживало тебя и твою хрупкую жизнь...

Азенет промолчала, опустив глаза. Но Сет требовательно тряхнул её голову за захваченный своими грубыми пальцами подбородок, и ей вновь пришлось выдержать взгляд вечного божества.

— Ты же видишь, что во мне ничего нет, — соврала она, глядя тому прямо в душу.

Он не поверил, а на лице отразился такой силы гнев, что хотелось прикрыться руками, но Азенет этого не сделала, переждав и эту бурю. Он не смог прочитать её мысли об Анхе: даже ушедший из неё символ жизни Великого Египта хранил знания о нём в секрете ото всех. А значит, сказать об этом или нет было личным выбором самого человека, и девушка промолчала, благоразумно или нет, она понятия не имела, но выбор есть выбор: ты принимаешь его последствия независимо от того, был ли расчёт в твоей дилемме. Её думалось, что она и впрямь не имела альтернативы.

— Расскажи мне, — попросила она, понимая, что Сет принял её ответ, искренне или нет, можно было только догадываться. — Теперь твоя очередь поведать мне, зачем я здесь.

Он согласно кивнул и отпустил её подбородок, но это не принесло ей облегчение. Мужчина притянул её к себе спиной за талию, невольно приласкав живот. Однако по позвонкам прошёлся лёгкий морозец, а прикосновение его руки обожгло её сильнее, чем беспощадное солнце Египта. Полярность ощущений вызвала невольный судорожный вскрип, но Инпут не отстранилась, ведь знание важнее всего, важнее боли. Они продолжили смотреть друг на друга сквозь текущую гладь. Бог — испытующе, Азенет — стойчески.

— Умница, — проговорил он, и пряность его слов неприятной тяжёлой взвесью осела на её языке сотнями колющих иголок.

Видимо, божество удовлетворилось тем, как она приняла его ласку, и боль отступила. Сет склонился к ней, и его горячие губы коснулись мочки её уха, впервые, вопреки всему произошедшему, породив где-то внизу нечто похожее на порхание бабочек. Зарождающийся эрос. Неправильно, несвоевременно, не так. И это чувство сильно отличалось от детской

привязанности к Анубису, которая, кроме восторгов и щенячьей преданности, ничего в себе больше не несла: чистая и искрящаяся, она приводила её душу в восторг. С Сетом же были совсем другие ощущения: тело заныло, грудь напряглась, внизу живота плеснулась влага. Этот контраст различий усилился после того, как он начал шептать ей на ухо. Азенет вначале показалось, что она узнала все тайны Дуата разом, но понимание знания ускользало от неё, наверное, потому, что человек никогда не смог бы всё вместить в свой разум, ибо то, что ей вещал мужчина, было за его пределами. Это звучало точно так же, будто ты слушаешь разговор на близком твоему языку наречию, и вроде слова похожи, но общего смысла, чтобы понять картину в целом, у тебя нет — он ускользает. Познание было недостижимым. Но и это стало неважным. Существенным являлся сам процесс. Глаза девушки вспыхнули опасными звёздами, а сама она превратилась в один сплошной слух, пытаясь впитать в себя всё то, о чём ей захотел поведать сам Сет.

Предположительно Кинополис. Наши дни.

Линда с искренней радостью обняла свою подругу, которая что-то быстро проворковала той на ухо, сжав в объятиях в ответ так, что у исследовательницы хрустнули косточки.

— Сумасшедшая, — пролепетала девушка, млея от тёплого приветствия.

— Такое чувство, что мы не виделись целую вечность, — Кэт не обратила внимания на слова подруги, она заглянула за спину Линды и с едко-шутливым смешком произнесла: — Бинц с тебя глаз не сводит, — её взгляд загорелся. — Признавайся, у вас уже что-то было?

Блондинка с укором посмотрела на свою коллегу, слегка покраснев, не ожидая, что такой быстрый и прямой вопрос вызовет на её щеках краску смущения. Она коротко взглянула на барона и заметно вздохнула с облегчением: тот отдавал своему помощнику указания, иногда заглядывая в его блокнот, чтобы удостовериться, что он всё правильно понял. На плечи был небрежно накинут шёлковый пиджак, хотя температура воздуха позволяла оставаться в рубашке. Фредерик не изменял себе: подтянутый, собранный, сосредоточенный, с бриллиантовыми запонками в петлицах манжет. Всё как обычно.

Линда вновь повернулась к Кэт.

— Только не здесь, — шикнула она на неё, стараясь больше не смотреть на мужчину.

Подруга понимающе и предвкушающе улыбнулась, а учёная вспомнила, как проснулась после того ошибочного для неё порыва страсти утром, а первое, что увидела, — это стоящего в дверном проёме Фредерика, опирающегося мощным плечом о косяк. Он был свеж, выбрит, в выглаженной ослепительно белой рубашке и в отутюженных до прямых стрелок тёмных брюках. Ей хотелось пожелать ему доброго утра, но что-то сдержало девушку. В руках барон держал кофейную пару и молчал, глядя на Линду ничего не выражающим взглядом. Ни презрения, ни нежности, ни игривости. Она ощутила пустоту и холод. Время от времени дно чашечки постукивало о блюдце. А Линда не поднимала головы от подушки, но и взгляда не отнимала, впрочем, как и фон Бинц. Их бесшумная дуэль острыми взглядами продолжалась мучительно долго. Перед тем, как исчезнуть из поля зрения, Фредерик взглянул на неё так, словно та была тюком парчи, красивой тканью, дорогостоящим предметом, но всё же товаром. Проскользнувшая было обида растаяла, а девушка с неуместным для ситуации успокоением вздохнула и поняла, что просто совершила промах. Её интуиция и небогатый жизненный, но всё же опыт буквально возопили к ней о том, что всё, что ни делается, к лучшему, она испытывала облегчение от понимания, что скопившееся в ней физическое

влечение к нему теперь рисовалось в её мыслях как просто похоть, а не нечто способное вылиться во что-то длительное, что могло захватить её существо полностью, в отношения. Она не влюблена, а значит, свободна. Линда улыбнулась и расслабилась ещё и потому, что была уверена, судя по его поведению, что и она не оставила в его душе ничего, удовлетворив только плоть. Гордость не была сломлена: она не желала завоевать его сердце, не жаждала его внимания, не хотела смотреть вместе с ним в одну сторону, если только как коллеги, и то на время. В её голове всё встало на место. Это чужой мужчина, так же сказавший ей не те слова, что она ожидала, как и когда-то её муж, так и не произнёсший самого главного для неё. Последующие дни в Каире они работали как заправские коллеги и партнёры, сухо, по деловому общавшиеся друг с другом, они почти не разговаривали на какие-то отвлечённые темы и старались без особой надобности не сталкиваться друг с другом, перемолвившись в самолёте парой фраз, касаясь только темы экспедиции. Неловкость, было возникшая в начале, растворилась сейчас под натиском новых впечатлений: в Кинополисе её ждали рукописи, труды и раскопки. Она понимала, что стала для него очередной победой, но болью в её душе это не осело, потому что он и сам не затронул её сердце. Два рационально мыслящих человека, эгоистичных в той или иной мере, они прекрасно понимали, что в их настроенном на определённую волну мире нет места каким бы то ни было чувствам. Хотя, возможно, глубоко внутри и тлела некая тоска по полноценным отношениям, но место и время для того, чтобы она расцвела, было неподходящим. Линда где-то подспудно чувствовала диссонанс от того, какое впечатление он производил и как поступал сейчас. Ей думалось, что ему будет интересно, почему она не пытается выяснить утрату его интереса к ней, всякого влечения, ведь их споры могли быть жаркими, такими же, как и то, что случилось той ночью в Каире, ну, или что-то в этом роде, но быть о себе высокого мнения роковой красоты тоже не хотелось — ей было не любопытно. Да и работа, общение с коллегами и знакомство с местным колоритом отвлекали.

— Ты чего зависла? — произнесла Кэт, резко выдёргивая её из воспоминаний нескольких прошедших до этого дней.

Линда едва заметно тряхнула головой и с улыбкой ответила, переводя беседу на другую тему:

— Что-то интересное выяснить удалось?

Кэт судорожно поморщилась.

— Едва ли, — ответила она, но немного задумалась и, как будто что-то вспомнив, спохватившись, добавила: — Правда, есть один древний манускрипт, наши египетские коллеги считают его сказкой, не более, ну, в лучшем случае слишком усложнённой, навороченной иносказаниями и мифами былиной, но...

Линда посмотрела на замершую в раздумьях коллегу уже более внимательно. Она знала этот взгляд: если Кэт что-то нашла, то она, как стопроцентная британская ищейка, будет рыть в нужном направлении ровно столько, сколько требуется для того, чтобы выяснить истину. Девушка могла не понимать, что именно, но одно, и так уже было не раз, только это могло привести учёную к разгадке: недостающие куски стройной мозаики теории могли пополниться под натиском Кэт и её верой в себя и в Линду. И это было здорово! Кэт быстро утомлялась, не могла работать сутками напролёт, как это делала Линда, но она поддерживала огонь в своей подруге, мотивировала и нет-нет да и выдёргивала ту из научных шор для того, чтобы та смогла шире посмотреть на окружающий мир.

— Но? — слегка толкнула её блондинка.

— Ты должна сама почитать, твой знакомый злыдень-лингвист уже начал переводить, ох и поспорите вы с ним по поводу текста...

— Почему? — искренне недоумевала Линда.

— Его слог слишком сух, Кассиль Алу говорит... — Кэт бросила короткий взгляд на подругу и улыбнулась. — У нас замечательная команда, несмотря на то, что ею управляет твой Карабас-Барабас, — на последнем слове она рассмеялась, вызывая ответную улыбку у девушки.

— Мне будет проще влиться в коллектив... — она пожала плечами и заметила, что фон Бинц исчез, а к ним приблизился его помощник.

— Пройдёмте в автомобиль, — пригласил он, и девушки, переглянувшись, последовали за мужчиной.

Линда с подругой сели в огромный комфортабельный джип, высокие колёса которого только и смогли бы проехать по бесконечным пескам Сахары. Они долго и нудно пересекали бескрайнюю пустыню. Города Кинополиса как такового уже не существовало, его разрушили с приходом христианства на эти земли. Даже точного местонахождения найти не представлялось возможным. Мифы, сказания, досужие домыслы околонуточных шарлатанов и не очень. Но Линда не понаслышке знала: что река Нил, что пустыня Сахара слишком непредсказуемы, так же точно, как и жизнь и смерть, и неизвестно, что может скрываться под толщей как одного, так и другого.

Их привезли в палаточный городок, представлявший собой расширяющуюся от центра спираль: от огромного шатра в середине до палаток поменьше. Вспомогательная техника маячила начищенным ковшом где-то на периферии. Линда увидела, как фон Бинц отдаёт указания, что-то эмоционально высказывая окружившим его людям.

— Нас так много! — не смогла удержать в себе изумление Линда.

— Ага, шеф что-то ищет, что-то очень важное, — прозорливо слишком, учёная окинула коллегу осторожным взглядом, конечно, та вряд ли могла о чём-то догадываться, — на самом деле, команда специалистов небольшая, остальные — нанятые на месте ребята, рабочая сила, предстоит копать, — развила мысль Кэт.

— Знать бы где... — скептически подхватила учёная.

— Пессимистка, — подначила коллега.

— Хорошо проинформированная оптимистка, — парировала Линда с лёгкой улыбкой. — Руки чешутся посмотреть манускрипты.

Барон наконец-то обратил на них внимание и рукой сделал жест следовать за ним.

— О, неужели господин снизошёл до своих рабов, — саркастично проворчала Кэт.

— Я бы на твоём месте так с ним не шутила, — и без доли иронии предупредила блондинка.

Кэт странно посмотрела на подругу, но больше ничего не сказала: она доверяла ей; наверное, с такими людьми следовало и впрямь держатся если не настороже, то уж точно не вплотную. Последнее Линдой было нарушено, но сожалеть о чём-то было действительно поздно. Девушки быстро нагнали идущего размашистым шагом барона.

Поравнявшись с ним, Линда невольно взглянула на него и, увидев, что он аккуратно, как будто исподтишка подглядывает за ней, свела в задумчивости брови.

— Кэт, добудьте-ка нам кофе, — не предложил Фредерик, стараясь не обращать внимания на то, как фыркнула девушка, но просьбу выполнила, за спиной показав ему жест, посылающий босса на небо за звёздочкой.

Когда они остались одни, то молча вышли за пределы лагеря и остановились возле тяжёлой техники. Барон в задумчивости окинул взглядом пустыню, лежащую перед ними. Кажущуюся бесконечной, несомненно жестокою и безжалостною к человеческой жизни. Он молча положил руки в карманы. Линда медленно приблизилась к нему, поравнявшись плечом к плечу.

— Что ты видишь, Портер? — Фредерик умолк, бросив быстрый взгляд на неё, затем вновь уставился на горизонт, её имя он произнёс почти нежно, — Линда...

— Я вижу возможности, — ответила та по-деловому и улыбнулась, встретившись с его удивлёнными тёмными звёздами глаз. — Вижу, что некогда здесь был огромный город, где почитали собак, любое насилие по отношению к этим прекрасным и умным существам каралось жестоким наказанием, судьями выступали все их жители — возможно, это перебор, но это было место поклонения Анубису, как его называли римляне, или Инпу, как звали египтяне. Это место силы божества, вероятно, в его честь здесь даже был возведён огромный храм, — она повернулась к нему и увидела, как преобразилось его лицо, выказав настоящего Рико, человека, стремившегося к приключениям, отважного и открытого ко всему новому. — Ему здесь поклонялись, самому противоречивому богу на свете, олицетворявшему собой Смерть, но одновременно есть легенды о том, как он дарует верным секреты лечебных трав и бальзам для сохранения тела; странное существо, сын Отца Пустыни, Сета — зла во плоти, спиной стоящее к Дуату, а лицом обращённое к небу, но именно на Кинополис указывают все источники, что мы изучили, именно здесь ключ к разгадке.

— Анубис поделился не всеми тайнами, последнюю предстоит узнать нам самим, — слишком самоуверенно произнёс Рико, в его глазах вновь плеснулось высокомерие, испортившее его классические мужские черты лица.

Линда вновь обратилась зрением к пустыне.

— Воды Нила схлынули с этой территории относительно недавно, но пустыня успела захватить и эти места, — продолжил барон. — Геолокация подтвердила, что внутри имеются пустоты, конечно, мы рискуем, теряя время: возможно, здесь ничего нет, а в земле какие-то естественные пещеры, но это маловероятно, и я, читая твои изыскания, всё же склонен верить, что под толщей золотого песка Сахары есть то, зачем мы здесь.

— А зачем мы здесь? — немного раздражённо, девушке не понравилось, что он говорит «мы», прекрасно зная, что их цели разные. — Ты обслуживаешь интересы власть предержащих, я же хочу помочь больным детям.

— Я всё ждал, когда ты изольёшь на меня свою желчь, — проговорил тот неожиданно довольным тоном победителя.

— Какую? — Линда вначале не поняла его.

— Ты верно думаешь, что ты сделала не так той ночью, что я больше... — начал было барон, но был грубо прерван взбешённой девушкой.

— Погоди, ты сейчас о чём? — переспросила она, хотя прекрасно поняла, к чему он клонил.

— О том, что до тебя все... — вновь начал барон, но осёкся, так как Линда начала гомерически хохотать.

Фредерик покрылся красными пятнами, теряя свою самоуверенность. Не давая тому взять себя в руки, Линда через смех еле выдавила:

— Прости, если ты о ночи в Каире, то я думала, что мы просто сбросили своё

напряжение, на какое-то время позабыв обо всём, не спорю, нас тянуло друг к другу, но... — она замолчала, предлагая мужчине самому довершить фразу.

Тёплые карие смеющиеся глаза смотрели с вызовом, а фон Бинц силился собраться. Он хотел ответить что-то саркастичное, едкое, бросить ей в лицо, чтобы она тоже почувствовала себя уязвлённой, чтобы ей стало так же не по себе, как ему, но вовремя опомнился, понимая, что её бы это не пробрало, потому что Портер всё равно, для неё это было... А чем это было для неё? А для него? Почему он так неожиданно бурно реагирует на то, на что ранее при выяснении отношений с женщинами даже не обращал внимания? Барон нервно сглотнул, пытаясь хоть на чём-то сконцентрироваться, чтобы прийти в себя. Мужчина коротко кивнул.

— Прошу прощения, — извинился он холодно. — Я не должен был заводить этот разговор.

— Если ты думаешь о харассменте, то можешь быть спокойным: я ничего никому не скажу и никак не обозначу, на нашей с тобой совместной работе это никак не отразится, — заверила его учёная. — Если хочешь, подадим заявление о том, что у нас были отношения... такого рода... и всё было по взаимному согласию, ты меня ни к чему не принуждал, если речь об этом? — предложила она.

— Не думаю, что кому-либо следует знать, — поспешно проговорил Фредерик, а Линда сдержала улыбку. — Ты знаешь моё положение в обществе и статус не совсем свободного мужчины.

Девушка кивнула.

— И если мы решили этот вопрос, то давай к нему больше не возвращаться, — предложила та, примиряюще протягивая ему руку.

Барон в ответ ладони не подал, а Линда, пожав плечами, последовала за ним. Он шёл быстрым, выдающим нервозность шагом, так что девушка едва поспевала за ним. Поравнявшись с покорно ожидавшим его помощником и Кэт с почти остывшим кофе, тёмным взглядом оценивающе просканировав обоих, барон бесцеремонно взял стаканчик из рук рыжеволосой и прошёл в походную палатку, жестом указав следовать за ним.

Кэт мрачно всучила кофе подруге и поспешила за начальником, то же самое сделала и Линда. Они вошли в огромный шатёр с расположенным посередине столом, по краям стояли полукруглые диванчики, на которых сидело несколько человек. Они разговаривали, о чём-то споря или пересмеиваясь, но, когда троица вошла в импровизированное помещение посреди пустыни, дающее иллюзию того, что они всё же если и оторваны от цивилизации, то не совсем лишены её даров. Все умолкли, с интересом рассматривая их.

— Барон фон Бинц, — представился черноволосый мужчина и в свою очередь оценивающе оглядел команду. — Господа, с каждым из Вас я поговорил при устройстве на работу, каждый из Вас специалист в своём деле, и каждый послужит целям этой экспедиции.

Роберт Лайнл радостно улыбнулся Линде, едва заметно кивая головой, — та моргнула глазами, и её губы слегка тронула улыбка. Затем её взгляд задержался на мужчине средних лет с шикарной вьющейся шевелюрой. Внешность его выдавала арабское происхождение с примесью местной крови: высокий и стройный, с сильно смуглой кожей, а его большие, немного навывкате пронизательные глаза характеризовали его как любознательного, дружелюбного и умного человека. Он улыбнулся Линде, мгновенно располагая ту к себе.

Барон представил учёную присутствующей команде, обозначив её руководителем научного проекта, и дежурно попросил любить и жаловать. Он долго и размеренно говорил о

цели экспедиции, разумеется, обходя обсуждение главного, в курсе чего, похоже, были только Линда и он сам. Но, судя по лицам присутствующих, те были в предвкушении и жаждали приступить хоть к каким-то действиям. Они вежливо дослушали куратора до конца, но всё же облегчённо вздохнули, когда тот, отпустив учёных, позвал к себе помощника и углубился в бумаги.

Видимо только того ждавшие, коллеги вышли из палатки. Они немного смущённо переглянулись друг с другом. Линда улыбнулась и произнесла:

— Ну, если мы покончили с официозом, может быть, мне кто-нибудь подскажет, где здесь можно выпить и немного расслабиться?

Ей показалось, что все выдохнули и напряжение заметно спало. Кэт смотрела на щуплого, небольшого ростом парня, и учёная поняла, что это и есть пассия подруги.

— Я думал, этого никто не предложит, — немного раздражённо проговорил лингвист.

— Пойдёмте ко мне, — высказалась высокая брюнетка, как её представил барон — Хелен, по профессии своей врач, участвовавшая в экспедиции, скорее, для того, чтобы следить за здоровьем команды, нежели непосредственно в самих целях научных изысканий. — Я, как доктор, рекомендую, — она улыбнулась, но её взгляд, задержавшись на Линде, стал каким-то жёстким, холодным.

— Ну, раз сам «бортовой» врач советует, то да, — девушка постаралась не обращать внимания: мало ли, что могло спровоцировать женщину, она не выглядела агрессивной, может, просто не в настроении, да и к тому же Линда не думала, что это каким-то образом скажется на ходе работы, тем более как-то повлияет на её результаты.

Оказавшись в палатке Хелен, девушка присвистнула: их условия жизни в пустыне если и не равнялись домашним, то были максимально приближены к ним, а наличие охлаждающих колодок делало само пребывание не таким уже утомительным, тем более Линда могла себе представить, какая им предстоит «полевая» работа, и после такого трудного дня оказаться здесь означало оказаться в раю. Пол был устлан коврами, а в отдалении располагался переносной душ.

— Почти Дуат, — пробормотала изумлённая исследовательница.

— И за что такие привилегии врачу?! — вставила свою ремарку Кэт. — Твоя палатка выглядит намного скромнее и без душа.

— Может быть, здесь заведено так: кто первый — того и тапки, — отшутилась девушка, решив не развивать тему дальше.

Хелен, вынув из холодильника бутылочку шампанского, разлила по тут же появившимся из тумбочки пластиковым стаканчикам. Несколько глотков шипучего напитка, и казалось, что сознание, как и само тело, стало легче в несколько раз.

Постепенно стал действовать алкоголь, и люди расслабились. Они больше не смотрели на Линду настороженно, что как раз ей и было нужно. Она наблюдала за ребятами, слушала их рассуждения и понимала, что перед ней настоящая команда профессионалов, каждый из которых был хорош в своём деле: историк, археолог, лингвист, врач и биолог, не считая Линду и Кэт с их академическими, и не только, знаниями мифологии Древнего Египта и проведёнными исследованиями по поиску и разгадке тайн бескрайних песков самой загадочной на Земле пустыни. Учёные рассредоточились по кучкам. Линда усмехнулась, видя, что Кэт завела ожесточённый спор с Робертом. Они явно недолюбливали друг друга. Тед, любимчик подруги, робко, по-интеллигентному пытался утихомирить женщину, но ту несло.

— Вы разбавили атмосферу напряжения, миссис Портер, — её слуха коснулся голос Кассиля, она вздрогнула и повернулась к мужчине.

Тот виновато улыбнулся.

— Я испугал Вас, — констатировал он факт и одновременно как будто извинился.

— О, нет, — заверила его Линда. — Я слегка задумалась.

— Вам тоже кажется странным присутствие на раскопках биолога? — спросил тот, понизив тон голоса.

«Вот это поворот!» — подумала про себя Линда, но предпочла не подавать и виду.

Ей и самой показалось это по крайней мере неуместным. Означало ли это, что Фредерик что-то скрыл от неё, то, что он знал точно? Означает ли это, что он знает больше, чем говорит, больше, чем сама Линда? Однозначно. Хотя с какой бы это ему стати посвящать её во что-то большее, чем то, что указал, к примеру, комитет? В конце концов, умолчал же он про деятельность своей компании в Норвегии, хотя честно признался об отношении к плодам будущей экспедиции. Так что знал Рико такого, чего не знала Линда?

— А вы что думаете, мистер биолог? — вопрос был задан с вызовом, хотя в её голосе не чувствовалось и толики сарказма.

— Верю, что находка нас удивит, — просто ответил он и отпил содержимое стаканчика наполовину, затем взглянул на девушку. — Я читал Ваши статьи, признаться, Вы наделали много шума: вот так запросто выйти к застывшему в своей бесконечной ханжеской неподвижности научному сообществу дорого стоит — Вы раздражаете, молодая, умная, амбициозная, к тому же женщина.

Линда усмехнулась, но не обиделась на честные слова коллеги.

— Весьма интересная манера излагать свои мысли, — проговорила она. — Отношение сообщества мне понятно, хотелось бы услышать Ваше.

Кассиль более внимательно посмотрел на свою начальницу, затем на дно пластиковой ёмкости и отставил её в сторону, то же самое сделала и Линда.

— Интересные выводы, нестандартный подход, ориентирующийся на хронику, и просто бесконечные часы адского труда и выискивания нужных фактов стоят всего того, что при удачном исходе будет найдено тут, да и сам стиль изложения мне нравится.

— Я преподаю в колледже время от времени, знаю, что надо проще объяснять, не говорю, что ребята глупые, просто необходимо завоевать их внимание, именно так я поступила со своей научной статьёй, популяризовав основные моменты.

— Вы и вправду считаете, что есть некий артефакт, рецепт, биологическая формула или что-то в таком роде, которые могут привести науку к решению её основной задачи: раскрыть тайны мироздания и найти лекарство от всех болезней? — получилось колко и едко, но также чувствовалось какая-то потухшая надежда, искорка, что заставило девушку присмотреться к коллеге более пристально.

— Я верю в это, не зря же здесь биолог, — улыбнулась Линда, отвечая ему.

Он издал смешок скорее над собой.

— Один ноль в Вашу пользу, — Кассиль поднял обе руки.

— Я не хочу соревноваться, — Линда сказала это серьёзно и увидела, что биолог кивнул ей, соглашаясь.

Но тут же, не удержавшись, вновь спросил:

— То есть Вы, изучая мифы, привели нас к выводу, что, возможно, и боги существуют?

Учёная, задумавшись, отвела глаза в сторону, словно бы выцепляя что-то из своей

памяти.

— Это как с котом Шрёдингера: наверняка не знаешь, убила ли радиация животное в закрытом от всех ящике или нет, потому что шансы сводятся к равной пропорции — пятьдесят на пятьдесят, либо он умер, либо нет, — она изящно перевела дыхание, заметив, что он стал серьёзным.

— Соглашусь, — биолог улыбнулся. — Но как Вы себе представите существование... хм... богов?!

— Богов? — задала сама себе вопрос Линда. — Скорее, вечных людей, — а помолчав, продолжила: — Я — учёный и не верю, но в то же время не исключаю влияние на нашу жизнь неких факторов, пока остающихся вне нашего понимания, — девушка немного задумалась, затем вновь начала разговор, — если вы помните эксперимент с загадочными и непредсказуемыми протонами, наблюдение за которыми провоцировало смену направления, амплитуды движения и так далее, а теперь сопоставьте оба факта, не ведут ли себя некие существа точно так же, живя в плоскости, незаметной нашему глазу, и, имея ничтожно малый удельный вес, они могли бы уместиться, допустим, в полоске уходящего солнца на горизонте.

Кассиль тонко улыбнулся: видимо, сказанное ему понравилось, девушку не прервал, давая возможность объясниться.

— Резюмируя только что сказанное, я не верю в сверхъестественное, но и не исключаю ничего: опыт показывает, что всё возможно, а также подлежит доказательству с помощью науки.

— Так давайте сотворим чудо, миссис Портер.

Они улыбнулись друг другу.

Храм Анубиса. Решение фараона.

Камазу стоял в зале, где проводились мистерии поклонения богу мёртвых, и старательно отводил взгляд от того места, где совсем недавно погибли Имхотеп и Косей. Чудовище — религиозный фанатик и светило врачебной мысли. Жрец видел, как сильно переживал молодой фараон. Во-первых, дружеская привязанность, а во-вторых, лечебной мази и обезболивающей настойки для больных ног фараона осталось на несколько раз, потому что только один знахарь ведал секретами их приготовления, видимо, никому особо не доверявший и унёсший эти знания с собой в могилу. Секрет снадобья, помогавшего фараону бороться со своим недугом, был теперь навсегда утерян. Но то, что Имхотеп невольно оставил после своей смерти, могло служить куда более серьёзной полезностью, но было одновременно и тайной, которую знать никто не должен и которую надо было уничтожить.

— Вы пробовали сжечь тело? Разрезать на куски? Облить кислотами? — строго спросил правитель и уставился немигающим взглядом на ещё одного приближенного своего сановника.

Мужчина перебирал на дне золотого блюда оставшиеся ягоды. Одну он сжал так сильно, что сок потёк по пальцам красноватыми разводами. Как кровь. Он слегка поморщился.

— Да, — ответил тот просто и, поскольку был предан тому до мозга костей, взгляда не отвёл.

Фараон задумался.

— Что не так с мёртвой плотью, Камазу? И почему мой врач хоть и не жив, но его кожные покровы чисты, как будто ещё чуть-чуть и он очнётся ото сна, как будто он не умер...

— Господин, великий лучезарный сын Хаоса, то, что произошло с Имхотепом, — доказательство могущества Анубиса, невольное, конечно, ибо люди недостойны иметь силу и бессмертие богов, — они взглянули друг другу прямо в глаза, но жрец Инпу осмелился и дальше говорить то, что действительно было правдой, и то, что беспокоило его. — Даже Вы, господин, — по лицу фараона было непонятно, как он на самом деле отнёсся к фразе старика.

После непродолжительного молчания фараон ответил поникшим голосом, делая знак сановнику, и тот расторопно подал ему ткань, о которую молодой мужчина вытер пальцы:

— Немногим позволено так со мной разговаривать, ты, Камазу, исключение.

Жрец низко поклонился и ответил:

— Если что и делаю, то из лучших побуждений.

Фараон огладил крутой подбородок и, задумчиво растягивая слова, спросил:

— Его тело могло бы послужить науке, подтолкнуло бы развитие лекарственных средств, помогло бы избавиться от болезней и получить... — молодой правитель осёкся и скосил взор на Камазу.

Тот покачал головой:

— Обрести бессмертие? — он рукой указал перемотанного погребальными пеленами Имхотепа. — Нельзя, мой господин, вы же видите, что случилось с ним, да и через ту старую жрицу было передано, что Инпу желал, чтобы мы спрятали тело Имхотепа надёжно: поскольку его нельзя уничтожить, его никто не должен найти...

— Скоро кончится моё лекарство, кончится то, благодаря чему я исцелялся, пусть и на время, у меня нет даже надежды... — над его головой и впрямь повис призрак суровых испытаний.

Жрец глубоко поклонился.

— Если бы Инпу хотел, чтобы люди не умирали, то он бы даровал нам бессмертие, ведь поделился же Чёрный Волк секретом лечебных трав, в том числе и тех, которые помогают Вам преодолеть все тяготы Вашего лучезарного правления.

Фараон тонко улыбнулся: жрец говорил мягко, но был непреклонен в смысле своих слов.

— Мне не нужно бессмертие, — качнул тот головой, — но мне и не нужно лекарство, что помогает на время и точно, я хочу исцелиться раз и навсегда.

— Вы уверены, что можете обеспечить тайну Инпу, соблюсти все его требования, при этом выполнив свои цели, о, потомок великого Ра? — жрец вновь согнулся в пояс.

— Умешь ты вывести из тупика, — проворчал фараон.

Камазу улыбнулся про себя.

— И всё же я прошу твоего совета, — настоял на сиюминутном решении правитель.

Камазу слегка задумался.

— Я верю, что Вы, великий Господин, знаете, что делаете, а люди склонны верить всему, о чём они друг с другом разговаривают; если Вы позволите, поиск истины должен происходить внутри храма, ничего не должно ввозиться и вывозиться за пределы Кинополиса, для других найдётся объяснение: Вы здесь остановились для того, чтобы вознести молитвы Инпу, так надо всем говорить.

— А твои люди?.. — спросил фараон.

— Мои люди будут молчать, потому что они понимают: всё, что предстало перед их глазами, — это испытание и живое присутствие бога; вышколенные и сочувствующие, они на руках готовы носить своего молодого правителя, но я дерзну молить...

Фараон резко обернулся к нему, качая рукой, в которой тут же появился бокал, а шустрый помощник наполнил его тёмно-рубиновым напитком.

— О чём же? — поинтересовался молодой мужчина, делая глоток и откидывая голову назад, он предчувствовал наступление истощения и боли, но тянул до её края, пока она не станет такой, которую он уже не стерпит.

— Как только найдётся исцеление, мы запрячем тело так хорошо, что его никто никогда не найдёт, время сделает своё дело, оно сотрёт этот храм с лица земли, — Камазу обвёл ладонью помещение, явно имея в виду не зал, а целиком весь храм. — И никаких упоминаний об этом.

Камазу отвесил поклон и, не поднимая глаз, дал тому время подумать.

— Это будет справедливо, — наконец-таки он озвучил своё решение.

Камазу облегчённо вздохнул.

— Храм Кинополиса и не такое скрывал, о, мудрейший из юнейших, — заверил его жрец. — Всё, что было в этих стенах, останется в них.

Пожилой мужчина склонился перед фараоном, а тот благосклонно улыбнулся ему.

Окрестности Кинополиса. Спустя два месяца. Раскопки.

Перед Линдой лежали кипы бумаг, копии древних рукописей и манускриптов, её собственные записи в блокноте и множество данных георадаров. А посреди всего этого в прозрачной пластиковой коробке среди сухих фактов и цифр очутилось чудо — пустынный цветок. Подарок барона. Девушка не понимала мужчину: он не объяснялся, на совещаниях часто и подолгу смотрел на неё, попытки вернуть подарки (а это были не только цветы) не увенчались успехом, и она просто складировала их в ящик прикроватной тумбочки. Она устало откинулась на спинку стула и потёрла глаза, а взглянув на часы, поняла, что как всегда засиделась далеко за полночь. Кэт она отпустила, как только закончился рабочий день, а сама не могла уснуть, продолжая думать. Казалось, что разгадка в ладони, но та была так же неуловима, как треклятые протоны. Думала о том, что им откроется внутри земного чрева и что это будет: сундук с рецептами, которые предстоит расшифровать лингвисту, некое вещество в колбе, которое изучит биолог, или нечто таинственное, над разгадкой которого им предстоит биться годами?

Полог шатра тяжело задвигался, а девушка тяжело вздохнула. Вот так бесцеремонно врываться в шатёр, хоть и принадлежащий комитету, но всё же в нерабочее время, могли здесь только два человека: Кэт, и это было позволено, и барон, которому, кажется, были неведомы понятия о личных границах. Она выжидающе уставилась на вход.

Чуть склонив голову, чтобы не удариться о низкий проход, в палатке появился фон Бинц. Линда подняла брови от удивления: от его лоска не осталось и следа. Белая помятая футболка и спортивные брюки, всклокоченные волосы и взгляд загнанного в угол дикого животного. Девушка немного съёжилась от непривычного вида мужчины и выжидающе смотрела на него.

Тот прошёлся по шатру, посмотрев на кровать. Внутри исследовательницы поднималось

негодование, а его молчание подстёгивало её высказаться.

— У нас что-то произошло? — спросила она осторожно, подавляя в себе раздражение.

— Мы тут уже два месяца, Портер, — произнёс он наконец-то и ладонью провёл по горлу так, как будто его что-то душило.

Фредерик шарил взглядом по столу и по тумбочке.

— Воды? — спросила девушка и начала вставать.

— У тебя есть что-нибудь покрепче? — немного истерично.

— Нет, — ответила она, не пускаясь в долгие дискуссии о том, что предпочитает вовсе не крепкий алкоголь.

Он плюхнулся на стул, стоящий напротив, и его тяжёлый взгляд мазнул по её лицу, отчаянный и мрачный. Линде стало стыдно за те чувства, которые она сейчас ощутила.

— Что случилось? — спросила она уже более мягко.

— Комитет требует результат, — Фредерик сильно волновался, хотя и пытался скрыть это. — Я всё поставил на тебя и на твоё открытие.

— Барон... Рико, — он поморщился от того, как она назвала его вначале, Линда чертыхнулась про себя, — послушай, мы уже близки к открытию, люди работают сутками напролёт, я, как видишь, тоже. Обещаю, что честно отработаю каждый фунт, что ты вложил в наш проект, я выложусь на все сто, — заверила она его.

Мужчина вскочил и вновь замаячил по шатру.

— Давай всё же я налью тебе воды, — девушка встала и хотела было пройти к холодильнику, как он вновь возник перед ней.

— Ты не принимаешь ни цветы, ни подарки... — начал было он, резко меняя тему разговора.

— Начал за здравие, а закончил... всё же ты нашёл повод поговорить со мной о нас, — девушка сложила руки у себя на груди, — отлично, давай обсудим: прежде всего, заberi свои побрякушки и больше не дари мне цветы...

— Линда... — начал было он, проводя по волосам рукой.

— Для чего? Мы выяснили всё, никто никому ничего не должен... — Линде не нравилась ни тема, ни тон разговора, она не понимала его поведения: оно было нерациональным.

— Дай мне шанс, — попросил тот и сам испугался того, что только произнёс.

— Для чего?! А как же твои обязательства: семья, невеста, общество? — девушка поглядывала на выход из шатра, словно бы хотела сбежать или вытолкать мужчину.

— Тебя только это волнует?! — его ноздри раздувались от возникшего раздражения.

— Ты не спросил меня, надо ли мне это? Я думала, в первый день, как мы прибыли сюда, мы решили все недоразумения, зачем это всё? — решив быть прямой, произнесла девушка, чтобы больше не возникало недоразумений. — Зачем всё усложнять?

Они остановились друг напротив друга. Фредерик смотрел на неё не мигая, желваки играли на его скулах.

— Ты ничего не понимаешь, Портер, — сказал он сквозь зубы. — Ты умная вот в этом всё, — небрежным жестом ладони Рико указал на стол, заваленный бумагами. — Но что касается личного, чувств...

— Что ты хочешь сказать? — Линду начинал напрягать разговор, который, как ей казалось, ни к чему не вёл. — Мы опять возвращаемся в ту ночь в Каире...

— Я жажду продолжения, — произнёс он честно, и его ладони легли на её плечи,

притягивая к себе. — Твоя холодность сводит меня с ума, я обезумел оттого, что ты равнодушна ко мне...

Линда отстранилась, но вырваться из его почти медвежьей схватки совсем не представлялось возможным.

— Не думаю, что уместно продолжить, Фредерик, — девушка усмехнулась.

— Ты засела в моей голове, — его ладони сильнее вцепились в её плечи. — Ты везде.

Линда опустила взор.

— Фредерик... — начала было она, в голове пытаясь подбирать деликатные слова.

— Я не буду торопить тебя, — мужчина чуть встряхнул её за плечи, заставляя смотреть на него, заглядывая в её огромные от недоумения глаза. — Но я должен знать, что ты тоже хочешь быть со мной...

— Рико, — вскричала та, пользуясь его секундным замешательством, — ты обесценил тем утром всё, что произошло между нами ночью, я помню твой взгляд...

— Ты первая ушла от меня... — упрекнул он её.

— Я уже долгое время живу одна, — ответила девушка, ругая себя за то, что, сбита с толку его повелительным тоном, начала оправдываться, — просто привыкла засыпать и просыпаться одна. Это имеет какое-то значение? И вообще мне...

— Тебе никто не нужен, — договорил он за неё и мотнул головой, горько усмехнувшись. — Я был взбешён, но сейчас я здесь по другому поводу, — барон глубоко вздохнул и не спеша выдохнул, умиряя свой гнев.

— Мы ничего не должны друг другу, — Линда, увидев, что он успокоился решила уговорить его, ей было не по себе от разговора с ним: всегда уверенный в себе, он как будто потерялся, потерялся в собственных чувствах. — Мы — хорошие коллеги, и, если бы ты дал мне шанс, мы могли бы быть друзьями.

— Друзьями? — барон вновь горько усмехнулся. — Я не хочу быть твоим другом, я хочу любить тебя, — мужчина неожиданно понизил голос до хриплого шёпота. — Хочу, чтобы ты полюбила меня.

Где-то на периферии сознания и чувств девушки проскочило по натянутым нитям нервов лёгким морозцем разочарование.

«Не то, вновь не то...» — прокричало внутри тёмным всполохом отчаяние.

— Это сложно, Рико, — её голос задрожал. — Любить — это больно...

— Сын? — предположил он и не ошибся.

Линда судорожно вздохнула, часто задышав от волнения и нахлынувших воспоминаний, до сих пор отдающих болью.

— Вот поэтому я бы предпочла сосредоточиться на деле...

— Дай мне шанс, мы начали неправильно, всё получилось не так, как мне хотелось, — умоляюще проговорил мужчина, беря её за ладони, поглаживая пальчики, на фоне его рук казавшиеся хрупкими. — Позволь тебя доказать, что я могу быть другим!

Линда часто задышала, она медлила, не отвечая. За неё ответили. Неожиданно.

Жёсткая волна внутри земли прошла по их стопам, сбивая с ног, расходясь тревожной зыбью, как взрыв. Где же эпицентр? Мужчина, удержав равновесие, не дал упасть и девушке, крепко ухватив ту за талию, прижав к себе.

Вибрация оказалась непродолжительной. Они переглянулись между собой и не сговариваясь выбежали из шатра. На освещённой беспроводными светильниками дорожке оказались не только они, со стороны площадки для раскопок бежали люди, они громко

кричали что-то на арабском. Портер заметила, как изменилось выражение лица фон Бинца. Он выслушал не на шутку встревоженного мужчину, видимо, ответственного за безопасность и сохранность площадки и инвентаря на ней. Он эмоционально и долго говорил им, видимо, отдавая указания, так как они быстро отбежали от него в разные стороны.

Фредерик наконец повернулся к команде учёных и поднял руки, стараясь говорить как можно спокойнее:

— Ничего не произошло, уверяю вас...

— Но как же? — пробовала возразить Хелен.

— Мы слышали взрыв с места раскопок, — спокойно, поправляя свои волосы, произнёс Кассиль.

— Мы не будем паниковать, — барон был спокоен, но выражение его лица говорило об обратном, и Кассиль предпочёл замолчать.

Все остальные последовали его примеру.

— Миссис Портер, вы идёте за мной, остальных прошу подождать в своих палатках, пока мы не разберёмся, результаты сообщу позже, — сухо и официально, а Линда поразилась тому, как держится барон.

Коллеги молча начали удаляться один за другим, лишь Кэт на прощание одними губами промолвила: «Будь осторожна». Учёная кивнула той в ответ головой и поспешила за удаляющимся фон Бинцем.

Когда она поравнялась с ним, то он быстро и взволнованно заговорил:

— Это была диверсия.

— То есть...

— То есть нас умышленно хотели подорвать, — скулы Фредерика хрустели от гнева, как и песок под его мягкими сапогами. — Если те, кто это сделал, погубили все два месяца раскопок, я за себя не ручаюсь.

— Охрана, Рико... — предположила Линда.

— Да, мои люди выясняют, кто это был, — барон, содрогнувшись, вымученно выдохнул, — Комитет не должен знать, по крайней мере, пока...

Они быстрым шагом, почти бегом достигли края площадки, который был усыпан преклонившими свои колени местными жителями. Недоумевающе переглядываясь, Линда и барон, подойдя ещё ближе, почти одновременно охнули. Взрыв образовал пустоту внутри земли, немного в стороне от того места, где копали археологи, и открыл их взорам величественные колонны древнего храма. Фредерик истерически рассмеялся, и его смех подхватил ночной ветер пустыни, коверкая в пространстве на все лады.

Примечание:

* кондиционеры древности

Глава 6. Жар пустыни и холод храма

Храм Анубиса. Мурашки по коже.

Фредерик тяжёлым задумчивым взглядом окинул помещение с высоким потолком и причудливой цветной росписью на стенах, ещё недавно скрытое под многовековым слоем забвения. Всё как и в первый день с момента обнаружения храма под землёй. Храма, почти не тронутого временем, непостижимым уму образом сохранившегося в течение стольких тысячелетий, будто накрытого куполом. Храма, стены которого претерпели всё: безжалостные воды Нила, зыбучие пески Сахары, знойно палящее солнце Египта. Здание, словно чудесный чертог из древней сказки по мановению волшебной палочки, появилось посреди кажущейся бесконечности и унылости сыпучего золота пустыни.

Барон услышал лёгкий переливчатый смех с каплей хрипотцы в его окончании и неосознанно улыбнулся, почувствовав, как желание начало свой кипучий танец в его крови. Линда... Женщина, которую хотелось завоевать, хотелось, чтобы она смотрела на него преданными глазами и только в его сторону. Женщина, которая чувствовала себя равной ему, дала ему это испытать на своей шкуре равнодушием, от которого снесло голову.

Он прислушался к её хриловатому смеху, неожиданно перехваченному словами подруги. Мужчина бесшумно сделал несколько шагов в сторону женщин и замер в тени, отбрасываемой многочисленными колоннами. Девушки непринуждённо и весело болтали, сидя на ступеньках у входа в высокий проём в ещё одно небольшое округлое помещение, ничего из себя интересного не представляющее, кроме огромной дырки в потолке, заваленной мусором, да и то только потому, что интересно было узнать, для чего использовалось такое нефункциональное помещение, каким целям служило.

— Очень хочется жрать, — проговорила Кэт и печально взглянула сначала на подругу, затем на вещи, скинутые в углу зала, среди которых виднелся пакет с пустыми контейнерами из-под еды.

— Ты должна быть сыта одними только видами открывшегося нам чуда, — шутливо ответила Линда и, небрежно кинув блокнот и ручку в сторону, вскочила на ноги, имея намерение немного размяться.

— Угу, не все готовы поститься ради Инпу, — мрачно заметила коллега и с некоторой оторопью обнаружила, когда та встала на цыпочки и потянула руки вверх, встряхивая попеременно обеими ногами, её обострившуюся худобу. — Ты вообще что-нибудь ешь? — уже обеспокоенно.

— Как видишь, — ответила Линда, с трудом вспоминая, когда в последний раз ела полноценно и от души, чувствуя, как тело расслабляется, приятно хрустя косточками.

Кэт кинула взгляд на полупустую ёмкость с едой, которую её подруга с безразличием отставила в сторону от себя, и тяжело сглотнула.

— Ещё чуть-чуть, и ты будешь светиться, — резюмировала Кэт.

Линда невесело улыбнулась и подумала про себя:

«Если это чуть-чуть когда-нибудь настанет».

На ум пришли разговоры с Бинцем и Евой о комитете, вакцине и противоборствующих силах в этом мире, и что именно эти гири держат мир на весах в относительном покое и

равновесии — «система сдержек и противовесов». А кто она в этой системе? Простой человек? Ладно, не совсем простой, учёная, которой доступно многим больше, чем обывателю. Но всё же? И если открытие случится, то сможет ли она осуществить всё то, что было ею задумано: найдёт ли она лекарство от рака и получится ли донести знания о нём до сообщества врачей? И кем окажется на этом пути барон, так жаждущий её женского расположения? Врагом или спасителем? Ни другом, ни любовником она его не считала, но и отвергать окончательно не решалась, понимая, что исход их экспедиции непредсказуем.

Линда вздохнула. Девушка не могла знать, что будет завтра, но чувствовала, что в этом случае она должна оставаться профессионалом, а дальше действовать по ситуации. Выйти бы на ту группу людей, что противостояла тем, кто стоял за фон Бинцем...

— Кэт, ты понимаешь, что мы столкнулись с чудом? — Линда пожелала перевести разговор в иное русло.

Та неопределённо кивнула. А она, встав в позу, в которой обычно изображались люди на египетских барельефах, повела бёдрами из стороны в сторону, затем отвела пятки сначала вправо, потом влево и вновь двинула тазом, только чуть резче, взмахнув руками и устанавливая их в типичное положение — такое же, как на фресках в этом храме. Девушки рассмеялись, и Линда расслабила тело, обводя зал долгим внимательным взглядом. Фредерик перестал дышать, ему показалось, что от её танца откуда-то потянуло свежим ветерком, хотя этого не могло быть, так как крыша храма, а значит, и встроенные в неё малькафы были погребены под огромным пластом пустыни.

— Ты понимаешь, что все остальные комнаты этого дворца завалены песком до такой степени, что мы ещё долго будем копать, расчищая путь к ним, но этот зал словно бы перенёсся сюда из того времени, он словно бы был в вакуумном пузыре, наверняка инженеры найдут этому объяснение, но всё настолько невероятно... — Линда редко была на столь высоком эмоциональном подъёме. — Я не думала, что Анубису вообще возводили храмы, ведь в Египте нигде больше такого нет, это единственная цитадель бога мёртвых, — она обвела зал ладонью. — Инпу предпочитал кладбища, видимо, для того, чтобы упиться людскими страданиями... — зубы непроизвольно скрипнули от злости.

Эта злоба и ненависть была настолько иррациональна, что пугала даже саму Линду. Но та объясняла себе это просто: бессознательное играло с ней, чтобы девушка в своё время не умерла от горя вслед за сыном. Ей нужен был образ врага. Им стал мифический бог. И в то же время она была поражена его обликом в людских сказаниях. Он выбивался из придуманного ею же ампула, если верить древним мифам и легендам. Линда испытывала симпатию. Грань между ней и неприязнью была тонка. Как человек рациональный, она себе объяснила всё играми подсознания, а психотерапевт, которого почти год посещала учёная, укрепил её в этом понимании. Тема смерти влекла неизвестностью, и в то же время девушка знала о ней не понаслышке, знала её безжалостное дыхание, её неумолимость. Но ставит ли она знак равенства между стариком и ребёнком, когда приходит её час в их жизнях? И как оценить объективно, когда субъективное горе съедает душу и всё время задаёшься вопросом: почему смерть взяла так рано и самое дорогое, ведь не надышалась той детской простотой и безусловной любовью?.. А потом впадаешь в отчаяние, чувствуя, что твоя просьба НЕ ЗАБИРАТЬ продиктована твоим же собственным эгоизмом, ведь самое дорогое для тебя существо испытывало неимоверную боль, а в последнее время — в большую часть — его мозг был затуманен обезболивающими. Так смерть может быть во благо?

— Судя по фрескам, здесь не было скучно, — Кэт сально улыбнулась, тем самым выводя

учёную из глубокой задумчивости.

Фредерик помрачнел, глядя на то, как Линда тяжело вздохнула, фокусируя внимание на словах подруги, прежде чем ей ответить.

— Наоборот, в отличие от многих культов, судя по барельефам, здесь царила атмосфера строгости: посмотри, как сдержанно одеты жрицы, здесь хранили девственность девушек — по легенде, за самой красивой раз в год приходил сам Анубис, у них случался ритуальный секс, и он забирал девушку в свой гарем, — она повела рукой, указав на стены, — а вот здесь, — пальцем тыкнув в провал тёмного проёма, — реальность была такова, что, скорее всего, висел огромный кусок ткани и там жрец или его помощники в честь поклонения Инпу дефлорировали древних красавиц...

— А потом убивали, принося в жертву... — Кэт, подойдя к стене, показала на рисунок.

Линда двинулась следом и улыбнулась, отрицательно мотнув головой.

— Культ этого божка не был кровавым, удивительно, в древних летописях никогда не упоминается нечто подобное, но в одно время популяризировалось поклонение солнечно-кровавому богу Амон-Ра, и можно найти кое-где кое-какие упоминания, но это скорее апокрифы, нежели канон, поэтому я склонна думать, что девушек, уже лишённых чести, отдавали замуж за очень влиятельных господ или в гарем к фараону, а если девушка была красива, умна и терпелива, она могла извлечь из столь патового положения выгоду для себя...

— П-ф-ф-ф, — презрительно фыркнула Кэт, — мрак, если честно...

— И сейчас такое есть, когда женщина не сама по себе самостоятельный человек, а продолжение отца, брата, мужа, а потом сына, и мужчина волен поступать с ней, как ему вздумается, — печально резюмировала та.

Подруга кивнула и вновь осмотрелась, обшарив стены глазами.

— В углу не до конца разобранный хлам, уберём завтра? — спросила Кэт, скорее, для очистки совести.

— Да тут немного, давай сейчас, — с энтузиазмом подхватила учёная.

— Не иначе как Сет дёрнул за язык, — недовольно проворчала рыжеволосая, но вынужденно поплелась за улыбнувшейся на фразу подругой.

Через непродолжительное время угол был очищен от нагромождения рухляди.

— О, смотри, — указала глазастая Кэт в его темноту.

Линда вынула из заднего кармана брюк телефон, подсветила слегка выщербленную поверхность, а её коллега решила сбегать за портативными фонарями.

— Мать Исида... — изумлённо прошептала она и тут же вслед за мелькнувшей мыслью выкрикнула Кэт, — мой блокнот захвати...

— Хорошо, — подтвердила та и, схватив бумагу и ручку, ушла к куче вещей, так ими и не разложенной из-за вечной нехватки времени, а просто оставленной валяться посреди залы.

Когда Кэт вернулась к подруге, та скурпулёзно рассматривала то, что было изображено на стене.

— Что это? — она остолбенела и во все глаза смотрела на свою начальницу.

— Блокнот, — потребовала нетерпеливо девушка, а получив бумаги, стала лихорадочно перелистывать страницы, пока не добралась до той, которая ей и была нужна.

Она повернулась к подруге с огромными, горящими от удивления глазами и зажала рот рукой, чтобы не закричать, на глазах тут же появились слёзы.

— Что? — Кэт сглотнула мигом образовавшийся ком в горле.

Линда отняла ладонь от лица, на секунду повернулась к стене, отёрла проступившую влагу с глаз и прошептала:

— Помнишь, мы не могли расшифровать последний символ, нам не хватало информации, знаний, источников не было, такое ощущение, что как будто люди тех веков сказали «а», так и недосказав «б»? — Линда сжала руки подруги и договорила. — Так вот, мы нашли то, что скрывал этот иероглиф.

Девушки придвинулись к стене, рассматривая рисунки.

— Интересно то, что рисовались они как будто впопыхах, краска не нанесена так добросовестно, как должна бы для профессионального храмового художника, такое упущение каралось смертью, а значит, это допускалось с величайшего разрешения, или у него не было времени, возможно, из-за форс-мажорных обстоятельств, — в задумчивости рассуждала Кэт.

— Необычно для древнего Египта той эпохи изображать Инпу в виде чёрного саба, ведь в те времена, к коим относится храм, его уже отображали в виде существа с телом мужчины и головой волка или шакала, а здесь же он анимализирован... — Линда потянула последнее слово, продолжив: — Смотри, здесь нарисованы два жреца, один относится к культу Инпу, у него леопардовая накидка, а вот второй показан как глава, — девушка пробежала глазами по его одежде.

— Жрец Амон-Ра, посмотри, на его одежде глаз Ра, — опередила её подруга.

Девушки, переглянувшись, улыбнулись друг другу и вновь уставились на стену.

— Да, точно, — Линда уже изучала следующую сцену. — Они повздорили, смотри, тут присутствует и старая женщина, стоящая на коленях, может, в трансе, пророчица или умеющая слышать и говорить с богами? — предположила она. — А вот на следующей картинке появляется Инпу в виде волка, он ранен, и некий, уже третий мужчина, лежит у его ног, — девушка смутилась.

— У меня такое ощущение, что я слушаю полицейские хроники... — прошептала Кэт.

Линда улыбнулась на слова подруги, сказанные с детской непосредственностью.

— Почти угадала, — она просияла и ткнула в очередную фреску пальцем. — Смотри, тот мужчина, что лежал у ног волка, теперь стоит рядом с ним, что же может значить Анх на его груди? Анх, который носит Инпу, как ключи от жизни и смерти? Может, то, что этот мужчина стал подобен богам? — девушка умолкла, сражённая догадкой.

— Что ты хочешь сказать? — Кэт недоумевала, стараясь собрать увиденное воедино у себя в голове для реальных выводов.

— Я хочу сказать, что мы ищем тело, — ошарашенно выдавила из себя Линда.

— Что?! — удивлённо переспросила Кэт.

— Браво, Линда, — из-за колонн, словно паук, так же тихо и неотвратно, появился барон.

Обе учёные вздрогнули и со страхом воззрились на главу экспедиции.

— Нам неизвестно, где находится то, что мы ищем, — переборков некоторую оторопь, бодро произнесла девушка.

— Найти его — теперь вопрос времени, — резюмировал мужчина, подходя ближе к ним. — Что это может быть? — спросил он у девушки.

— Предположительно... тело, — Линда повернулась и показала на символ, словно татуировку, впечатавшуюся в его грудь.

— Тело? — теперь пришла очередь удивляться барону. — Как символ, как сосуд?..

— Ты не понял, Фредерик, тело как тело, скорее всего, мумия, — предположила исследовательница.

По его лицу было понятно, что искал он нечто другое. Но барон был открыт всему новому, в том числе и тому, что отличалось от его настроения, и не осмелел Линду, а значит, и в дальнейшем будет настроен на то, чтобы прислушиваться к ней.

— А где именно? — мужчина подошёл ближе к барельефам, его руки привычно покоились в карманах брюк, внешне он выглядел спокойным, но Линда заметила, как его взгляд загорелся, когда он подошёл к рубежу исполнения своей миссии или задания комитета.

От страха или жажды открытия? Или для него свои и цели комитета неразделимы? Может ли он быть одновременно и в системе, и вне её?

— Нам только предстоит выяснить, — затем она, уставившись на последний рисунок, задумчиво протянула. — Наверное, где-то здесь... — и осмотрелась по сторонам, ища выщерблинку, скол, неровность, которые бы смогли пролить свет на очередную тайну.

— Почему так думаешь? — с интересом спросил барон.

— Это нечто необычное, судя по рисункам, которые к тому же делались наспех, художник явно опасался чьего-то гнева, а также судя по главному факту, что во всей истории не было ещё более сокровенной тайны, разгадка которой пусть пока лишь призрачно маячит перед нами, — произнеся предположения, Линда повернулась к Фредерику и попросила. — Инженерам нужно осмотреться здесь и дать нам заключение по помещению, есть ли скрытые полости в стенах, полу...

— Не проблема, — ответил Рико. — Ради находки я взрою пустыню! — радостно проговорил тот.

Линда без энтузиазма утвердительно кивнула. Её переполняли смешанные чувства. С одной стороны, исследование последних лет её жизни завершится, и открытие, если и не такое чудесное, как на то надеется барон фон Бинц, но всё же случится, то можно писать диссертации до конца своих дней, изучая этот прекрасный храм, единственный в своём роде. С другой стороны, произойдёт совсем иное, если она найдёт то, что действительно жаждет найти. Она и барон. Чудесное избавление от болезней. То, что обещано древними манускриптами, которые девушка так скрупулёзно, по разрозненным частицам собирала долгие годы. Это всё привело её к тому, что сейчас и здесь она пребывала в храме, где и не думала появиться, возможно, в шаге от чего-то грандиозного. Но только какое знание могло им дать тело человека?

Ещё немного оглядевшись, троица вышла из храма, выключая светильники, оставляя храм в крошечной тьме, в той, в которой и рисовались фрески на стенах, ведь единственным источником света художнику могла служить только лучина.

Храм Анубиса. Несколькоми тысячелетиями ранее. Перед входом в вечность.

Камазу растерянно смотрел на закрытые двери своих же покоев, в которых поселился фараон, и не мог понять, почему его не пускают к Светлейшему. Догадка несколько дней до этого удручала его, но он старался гнать мрачные мысли прочь из своей головы. Ограничение общения со жрецом, стягивание военной мощи к храму, нежелание фараона слушать ближайших соратников, которые сразу же переметнулись на сторону сына Ра,

всячески потакая тому в крамольных рассуждениях. Как и предполагал Камазу, тот не справился с тяжким бременем, возложенным на того Самхет. Влекомый своими желаниями и поддерживаемый в невоздержанности слугами, фараон, выздоровев, захотел стать... бессмертным.

— Ты понимаешь, что ты делаешь, Акил? — Камазу уже не сдерживался ни в проявлении гнева, ни в том, что давным-давно наплевал на условности, опутывающие правящий мир Египта. — Он должен был сдержать слово, данное... — жрец запнулся, глядя в самодовольное лицо прислужника фараона.

— Его Свет, Сын Ра, никому ничего не должен, — невозмутимо и одновременно угрожающе промолвил тот.

Камазу покраснел от гнева, лысина покрылась потом.

— Богу Инпу, — попробовал он хоть как-то вразумить зарвавшегося слугу, подчёркнуто мрачно улыбнувшись, — богу, который за каждым из нас придёт в своё время, тому, кто умаслит твои погребальные пелена, кто прольёт елей на твою боль при умирании, кто проведёт тебя через все муки, взвесит твоё сердце и замолвит слово на суде Эннеады...

Тот покраснел и как-то сразу сник, шрам, прорезающий всё лицо, стал почти багровым.

— Он обещал... — начал было особо приближённый верноподданный, заикнувшись, чем и воспользовался жрец.

— Вечность? Тебе? — Камазу расхохотался ещё и потому, что прислужник испуганно посмотрел на закрытые двери покоев насколько великого, настолько и несчастного правителя земель Египта.

— Да, господин сказал... — вновь запинка, и задумчивость поселилась в его лице.

— Будет ли делиться своим могуществом кто-то с тем, кто в будущем станет для него ничем, для того, кто вскорости приобретёт для себя вечность и бессмертие? — задал вопрос умный жрец. — Ведь это огромная ответственность, хоть и большое преимущество перед всеми остальными, что заставит любого задуматься над вопросами: как удержаться от губельности абсолютной власти, как стать богом, выбравшись из кокона людской души, как не испортиться, как не начать вершить собственное правосудие или установить свой миропорядок, бросив богам по природе своей вызов?

Привратник остолбенел, понимая, к чему ведёт пожилой мужчина.

— Не отвечай сразу, верный слуга, — медленно произнёс Камазу. — А увидев тревожные признаки, пойми, как надлежит действовать.

Ничего не ответил тот. А жрец склонился перед ним в лёгком поклоне и ушёл, понимая, что сегодня вряд ли получит высочайшую аудиенцию, но зная, что посеял зерно сомнения в сановнике, провожаемый его отяжелевшим думами взглядом.

Храм Анубиса. Наше время. Пустоты в полу и в знаниях.

— Вставай, Линда, — в палатку к девушке вбежал барон.

Учёная встрепенулась и непонимающе взглянула сначала на него, потом, развернув руку, на свои часы и вновь грохнулась на подушки.

— Давай завтра, — пробормотала она. — Ещё только три часа... Я только легла.

— Уже три часа! — нетерпеливо выкрикнул Фредерик, нотки ошарашенности в голосе заставили Линду приоткрыть один глаз.

Выражение лица мужчины всё сказало девушке, а дальнейшие действия заставили её

только жалобно пискнуть и почувствовать себя по-настоящему обезоруженной: Фредерик схватил её вместе с одеялом, при этом крепче скрутив его, и перебросил через плечо.

— Отпусти, — предупредила она его глухо, поняв, что голос и чёткая аргументация — последнее, что у неё осталось.

— И не подумаю, — ответил он, сдерживая в себе смех.

— Я буду орать, и все сбегутся... — начала было она.

— Все сбегутся посмотреть на то, что куратор несёт главу экспедиции, будут ненужные вопросы, я не учёный — мне всё равно на репутацию, у других возникнут вопросы, каким же образом тебе, столь молодому специалисту, удалось получить такое ответственное задание... и... — он выдержал театральную паузу, почувствовав, что она прекратила отбрыкиваться, вслушиваясь в его слова. — Мы нашли то, что ты искала.

— Отпусти, — попросила та.

— Песок ночью в пустыне холодный, я донесу, — он шёл несбивающимся шагом, и голос его не дрогнул, словно бы Линда была пушинкой.

Не сдержавшись, девушка зевнула, пытаясь подавить физиологическую потребность организма.

— Кофе пока не обещаю, — проговорил он, услышав её, — но думаю, прохладный воздух взбодрит тебя.

— Ты собрался нести меня до храма? — спросила уже полностью смирившаяся с положением девушка.

— И обратно, и снова туда, и обратно, — затем добавил, сжав её бёдра, — если потребуется.

Линде захотелось отодвинуться, как-то сжаться, но то было невозможно. Препираться не хотелось, тем более скоро она увидит то, что так взбудоражило барона. Мерная качка, надёжные руки и расветный холодный, даже пронизывающий ветер пустыни окончательно выветрили остатки сна. Хотелось действовать.

Учёная заметила по местности вокруг, что они вот-вот войдут в храм.

— Погоди, — выкрикнула она, почувствовав, как он замер, не решаясь идти. — Это то, о чём я говорила?

Барон с кем-то поздоровался, видимо, с охраной. Повисло молчание, он немного сдвинул её ближе к груди, пригибаясь, склоняя голову перед низким входом. Темнота отступила, в глаза брызнул свет от многочисленных осветительных приборов. Линда на несколько мгновений закрыла веки.

Ступенями вниз, далее по коридору вперёд, направо... Линда улыбнулась, она могла и с закрытыми глазами пройти к ритуальной зале.

«Путь жрицы Анубиса, — подумала она, — священной шлюхи, способной ублажить похотливого божка, ну или прикрывающихся его именем сластолюбивых служителей культа, или помогающих в погребальном деле; сейчас бы жрицами или жрецами были все патологоанатомы», — эта мысль повеселила её, ведь, если судить по этому признаку, и она отчасти служила жрицей Великому Тёмному.

Фредерик прекратил движение и поставил девушку на ноги перед собой.

— Ты готова? — спросил он заговорщицки.

— Более чем, — девушку забила лёгкая дрожь, возможно, от волнения предстоящего открытия, а ещё частично оттого, что голые пятки соприкоснулись с холодом каменных плит.

Фон Бинц развернул её к себе спиной, и Линда ахнула, непонимающе повернув голову к барону.

— Как сюда попал этот бедолага... — затем побледнела, и её зрачки расширились так, что глаза цвета тёплого молочного шоколада стали почти обсидиановыми. — Или это то, о чём я думаю?

Фредерик развернул голову девушки к предмету её удивления. На полу лежало тело человека. На первый взгляд, мёртвого, абсолютно. В погребальных пеленах, на вид которым было несколько тысяч лет. Но сам мужчина пребывал в таком состоянии, что можно было, глядя на него, сделать вывод о том, что тот умер... только что.

— Это он? — переспросила девушка и сбросила со своих плеч одеяло, оставшись в длинной футболке, впрочем, не скрывавшей стройных бёдер, правда, прикрытых наполовину тонкой тканью от назойливого взгляда мужчины, но сейчас ей было не до любовных игр.

Линда решительно подошла к «труп», лежавшему в саркофаге, сдвинутая крышка которого была наспех и небрежно поставлена рядом, и ещё раз изумилась. Ведь создавалось такое впечатление, что он просто спит и в любой момент может проснуться.

— Ты шутишь надо мной... — пробормотала она, обратившись к барону, жадно оглядывая покровы тела мужчины, пролежавшего в храме. — На его коже нет и намёка на разложение. Как такое возможно?!

— А вот на этот вопрос предстоит ответить вам с биологом... — в голосе Рико слышалось нетерпение, и он подошёл к Линде, встав рядом. — Видишь белый шрам на его руке? — он вынул из кармана помятых льняных брюк перочинный ножик, открыв его почти перед самым носом Линды, та вздрогнула, но не отстранилась, пытаясь понять мотивы барона, лезвие было кровавым. — Я сделал надрез, — щёлкнул механизмом на рукояти ножа, так что он вновь сложился, становясь относительно безопасным, и передал его Линде — та на автомате взяла, вопросительно подняв бровь. — Пусть будет у тебя, — он улыбнулся, как будто зная что-то больше, чем она. — Так вот, кожа нашей находки регенерирует и довольно быстро, правда, оставляя лёгкие отметины.

— Этого не может быть, — когда-то Линда убеждала себя, что смирится с любой находкой, что бы это ни было, но увиденное теперь ею не укладывалось в существующую научную картину мира, ведь всему брэнному надлежит гниение и распад, забвение, перерождение в неживое, в почву, пепел, прах...

— Может, — заверил тот спокойным голосом. — Не ты ли предрекала нечто подобное, ты говорила о теле...

— Я думала, что это мумия! — вскричав, возразила девушка. — Ну, максимум упоминание о каком-то лекарстве, но тело?!

Линда пыталась собраться с мыслями, вздохнув, а досчитав про себя до пяти, уже более твёрдо попросила:

— Нужно перенести его в лабораторию...

— Нет, — сказал как отрезал Фредерик.

Учёная удивлённо посмотрела в его лицо.

— Работать будете здесь, — а на её взгляд, кричащий требованием дать ответы, продолжил, — всё необходимое вам доставят сюда.

— Вам? — решила уточнить Линда, ей хотелось, чтобы не одни они с биологом увидели это чудо.

— Кассиль будет с тобой работать, — пояснил барон, улыбнувшись на то, как

изменилась девушка в нестандартной ситуации, как растерялась, не веря тому, что всё, что она когда-то предполагала, с догадками о чём выступила на конференции, осмеянная другими, теперь оказалось истиной, её гений и упорство и тут привели её к результату.

— Только он? — уточнила она.

Барон утвердительно мотнул головой.

— Нам хотя бы позволят спать в палатках? — проворчала недовольно девушка.

— Разумеется, но, поднявшись сейчас наверх, ты подпишешь соглашение о неразглашении и пройдёшь необходимый инструктаж.

— И всё? — саркастично переспросила она.

Фон Бинц нахально ухмыльнулся.

— Остальное по моему желанию, — бас барона неприятно осел где-то в районе живота, и Линда предпочла сделать вид, что пропустила его слова мимо ушей.

Поняла, что не хочет тратить время на бессмысленные препирательства и пустой флирт, исследовательница на секунду задумалась, глазами шаря по помещению, что-то ища. Несколько решительных шагов к груде наваленного друг на друга мягкого инвентаря, и она извлекла перчатки.

Перед тем, как притронуться к телу «странного» мужчины, Линда мысленно собралась с духом. Почти благоговейно притронулась к его руке.

— Он же... — шёпотом, почти неслышно, однако он отразился от стен храма, аукнувшись где-то в сердце, многочисленные мурашки побежали по коже.

— Тёплый, — послышался приближающийся к ней голос биолога, он несколько оторопело осмотрел её тонкую фигурку в длинной футболке, но ничего не спросил из-за деликатности, не желая смущать коллегу.

Линда слегка вздрогнула и повернулась к Кассилю. Тот не был удивлён настолько сильно, насколько она, значит, он уже видел находку и успел свыкнуться с мыслью о её чудесности, о её инаковости, о ней, не укладывающейся ни в одну картину мира. Мужчины обменялись странными взглядами. Было видно, что оба на дух друг друга не переваривают, но поскольку Кассиль по складу характера спокойный и рассудительный, а барон высокомерный и не желал вступать в конфронтацию с подчинёнными, считая это ниже своего достоинства, зная, что те всё равно так или иначе выполнят его поручение, задание, миссию, то ссоры за этим не последовало.

— Что предполагаете, коллега? — по-деловому спросила Линда, понимая, что терять время на излишние эмоции было очень глупо.

— Предстоят исследования, завтра храм оборудуют под лабораторию, и мы сможем спокойно заняться исследованиями, а пока, моя уважаемая коллега, мы можем только любоваться тем, что нам подарила матушка-природа, — он слабо усмехнулся, но его оптимизм никак не откликнулся в душе Линды.

— Это, скорее, показатель исключительности, что только подтверждает правило, — попробовала вернуться к научным истокам Линда.

Кассиль по-доброму улыбнулся и близоруко скосил глаза на девушку.

— Эта находка опровергает всё, что мы когда-либо знали, например, возможно, Христос существовал на самом деле и никогда не умирал, — скептический взгляд девушки немного отрезвил биолога. — Вы же должны понимать её значение для мира и его устройства?

— Вполне, лекарство для всех, в том числе неизлечимо больных, в особенности

детей, — Линда растерянно трогала руки и ноги найденного мужчины, надавливая на мягкий живот, заглядывала в глаза, зрачки которых не реагировали на свет.

— Вы — чудесная мечтательница, — ответил Кассиль, оглянувшись на Фредерика, сложившего руки на груди крестообразно, стоявшего с каменным лицом.

Линда тоже коротко повернула голову, а потом вновь обратилась к биологу:

— Пробовали зеркало?

— Он не дышит, в остальном же... — испугавшись того, что только что мог сказать, Кассиль примолк.

— Живой? — довершила фразу за него девушка, приоткрывая рот чудесно найденному посланцу далёких от современности времён, когда знание человечества об окружающем его мире сводилось к магии, к тому, что миром управляли персонализированные под капризных богов, от воли которых зависела судьба всего человечества, стихии или явления природы.

— Я не знаю, что это, Портер, — проговорил тот. — Но это опасно, — остаток фразы был сказан как-то смято, напряжённо — так, словно бы он не хотел говорить, словно бы она у него вырвалась, как птичка из клетки, как мысли вслух.

Девушка поняла, что биолог осторожничал, Фредерик только крепче сомкнул челюсти, обозначив и без того острые скулы.

— Нам лучше подняться вверх, — предложил барон, прикрывая лежащего мужчину белой простыней, и уже было повернулся к Линде, как та, ловко увернувшись, встала позади Кассиля как защитного буфера, одновременно снимая с ладоней перчатки и бросая их на край саркофага. Барон усмехнулся уголками губ, воспринимая это как игру со стороны девушки, чувствуя, как в крови забурлило яркое желание, отозвавшись тяжестью внизу живота.

— Вполне могу передвигаться сама, — сказала та серьёзно, подбирая одеяло и укутываясь в него.

Фредерик взглянул на неё, затем перевёл взгляд на ничего не понимающего биолога и согласно кивнул головой, будто бы смирившись.

«По-моему, он как-то легко сдался», — подумалось ей.

Рико медленно выдохнул, и они поспешили к выходу. Линда шла осторожнее и медленнее остальных, опасаясь повредить нежную кожу стоп, а перед выходом из залы что-то заставило её обернуться, и ей показалось, что чёрные тени метнулись от «трупа» к стенам, растворяясь в темноте, там, куда не попадал свет. Девушка содрогнулась и поспешила вверх за мужчинами.

Придя в палатку к барону, учёные уселись в походные стулья, барон же расположился за столом напротив и уставился на них тяжёлым немигающим взглядом, молча выдвигая вперёд два документа. Учёные молчали.

— Вот соглашения о неразглашении, подписывая которые вы принимаете на себя всю тяжесть последствий, если находку обнаружит журналистское отродье, охочее до досужих сенсаций.

— А инженеры? — вопрос резонный, который висел в воздухе. — Охрана, обслуживающий персонал?

Кассиль тонко улыбнулся, согласно кивнул, поддерживая Линду.

— Труп был в саркофаге, его открыл лично я, — возразил он девушке. — Охрана и инженеры также подписали необходимые бумаги, остальные не в курсе, они заняты мелкими поручениями и ничего не значащими для исследования делами, для отвода глаз,

вам же поручено самое главное...

— Теперь я понимаю, для чего здесь я, — вклинился в монолог барона Кассиль.

— Да вы умница... — съязвил барон, краснея от гнева, на что мужчина только отмахнулся.

— Вам поручено самое главное: изучить, рассмотреть, извлечь практическую пользу, — он немного помолчал, ловя на себе красноречивые взгляды исследователей, — без результата пустыня нас не отпустит.

«Хозяева тебе шею намылят без результата, — озлобленно подумала про себя Линда, — хотят жить вечно, — тут же пронеслось в голове, — и ведь никуда не денешься... Но вопрос только в том, оставят ли нас в живых? И почему только мы посвящены в эту тайну? Хотят обойтись малой кровью, убить, сказав, что нас поглотили пески Сахары, к примеру; будет странно, если погибнет вся экспедиция, слишком много, а смерть двух человек — самое то для отвода глаз, разумеется, назначат расследование, но я уверена, что его спустят на тормозах, для влиятельных людей из комитета это не составит труда, и козырей у меня нет, кроме зыбкой привязанности барона, который доверяет мне».

Мрачные мысли в голове роились беспорядочной кутерьмой. Кассиль, похоже, думал о том же. У них не было выбора, или он был и крылся где-то рядом, в том, что они пока не могли уловить сознанием, возможно, он как раз и состоял в подписании соглашения.

Барон настойчиво подвинул бумаги, уже подготовленные его юристами, к краю стола и дал ручки, проследил за тем, как оба подчинённых после продолжительного ознакомления со стандартным текстом подписали контракт.

Скрепив договорённости пожатием рук, коллеги простились. Предвосхищая действия барона, под его расвирепевшим взглядом Линда твёрдо произнесла:

— Кассиль проводит меня, доброй ночи, Фредерик.

Тот лишь кивнул, и двое выскользнули из его шатра, почти одновременно облегчённо вздыхая.

Молча, не говоря ни слова, в глубокой задумчивости биолог провёл Линду до её палатки и, немного помолчав, серьёзно произнёс:

— Надо выспаться, — помедлив, колеблясь и сильно бледнея, — нас ведь не оставят в живых, Линда... — и это не звучало как вопрос.

Девушка сглотнула, и ей в лицо неожиданно ударила струя ночного пустынного ветра, проскальзывая вниз, пробирая холодом через одеяло. Она задрожала и поспешила успокоить коллегу:

— Мы живём во времена демократии.

Тот хмыкнул и двусмысленно произнёс:

— Времена всегда одинаковые.

Он кивнул ей, рассеянно пожал руку и удалился прочь. А девушка ещё долго не уходила, даже когда след мужчины простыл, в мыслях продолжала навязчиво звучать его фраза, произнесённая с вящей безысходностью: «Времена всегда одинаковые».

Храм Анубиса. Закат славы Инпу.

Ночь выдалась удушающе жаркой. С пустыни волнами с разной периодичностью прибывал горячий воздух, внося в приготовления к празднеству какую-то истошную ноту. Все выглядели вымотанными, несмотря на радостную атмосферу, царящую в главном зале

ритуалов храма Анубиса.

К горячему воздуху с Сахары добавился аромат от многочисленных раскалённых жертвенников с тлеющими в них благовониями. Медные пластины музыкальных инструментов издавали странный, словно бы жалобный звук, но сами исполнители улыбались. Так плакала пустыня по ночам, забираясь под тёмное звёздное небо, словно под уютное одеяло, успокаиваясь лишь на время, тяжело вздыхая и ворочаясь сыпучими барханами. По ночам она могла отдохнуть, зализать на время свои раны для того, чтобы днём вновь проснуться под палящими лучами безжалостного солнца — ослепительного в своём великолепии диска Всемогущего Ра.

Колонны помещения были затянуты тяжёлыми красными тканями, а пол усеян ярко пахнущими, даже кружащими голову травами и цветами. Ароматы от благовоний и растений смешались в поистине дьявольский коктейль. Тяжёлые, они опускались и тянулись по полу. Как раз туда, где сидели девочки. Жрец видел, как глаза некоторых девушек подёрнулись лёгкой пеленой дурмана. Впрочем, мужчина знал, что это не нанесёт им никакого вреда, кроме небольшой головной боли утром.

На возвышении, там, где обычно служил Камазу, возле стены с растянутой на ней шкурой леопарда стоял золотой трон правителя Египетских земель, сына бога Ра. С левой стороны слабо колыхалась завеса. Только вряд ли Инпу посетит их. Ведь сегодняшней ритуал не в его честь. Сегодня хвалу будут возносить живому человеку, богохульнику. Фараону, забывшему своё обещание, как только он понял, что возможно стать подобным богам, возможно стать самим богом. Живым, с реальной властью, благословлённым или обречённым жить вскорости и по окончании мистерий вечность.

Камазу поджал губы. Оттого, что был бессилён что-либо изменить, оттого, что голосу разума никто не внял. Оттого, что ближайшее окружение фараона не решилось ни на какие действия для того, чтобы остановить своего правителя, донести что-то. Но и жреца, который ясно выражал свои мысли о запретности действий фараона и был явно против того, что происходило и происходит, никто не трогал. Его не убрали с церемоний, напротив, он, как и прежде, как и положено жрецу, возглавлял их. Жизнь храма была восстановлена, служители культа так же работали, не покладая рук, девочки чувствовали себя в безопасности, а вот Камазу...

Он заметил по краям залы несколько вооружённых до зубов личных охранников правителя, а также его прислужника, Акила, того, кого жрец пытался, как ему казалось, тщетно вразумить. Их взгляды встретились, и тот ухмыльнулся, затем сжал губы в струнку и прищурил глаза. Не зло, как будто что-то выжидая. От Камазу?

Музыкальные инструменты почти что взвыли, и мужчина побледнел, когда заметил, что нынешний врачеватель сына Ра, вынырнув из темноты провала по всем сторонам освещённой середины залы, вышел с сосудом и, оглядев замерших людей, переставших дышать, поднял руки, торжественно произнося:

— Это есть сосуд полный, сосуд вечной жизни, предназначенный для правителя всей земли от начала и до края, Сыну Великого Ра, Светоносному правителю Египта.

Опустив ёмкость вниз, тот встал на колени, смиренно склонив голову в ожидании. Мелодия, достигнув апогея, мгновенно стихла, люди перестали дышать.

Камазу побледнел, когда в зал вошёл сам фараон. Что-то незримо изменилось в нём. В лице появилась нарочитая надменность, которая мигом утяжелила миловидные черты лица. Его взор скользнул по лицу пожилого мужчины — прямой в ответ заставил того поспешно

отвести глаза. Жрец Инпу горько усмехнулся: фараон прекрасно знал, что совершает святотатство, и всё равно не свернул с грешного пути. И словно бы услышав мысли старого слуги, правитель криво ухмыльнулся и подошёл напрямик к стене, где висел один из символов культа. Ещё секунда, и фараон сорвал со стены шкуру священного зверя.

Жрец взвыл и хотел было двинуться в сторону святотатца, но его остановили двое из охраны, скрутив руки и обездвжив. Акил, подавший знак, благоговейно склонил голову в сторону правителя. Фараон, пройдя к своему трону со шкурой, словно с флагом, кинул её себе под ноги и встал на неё. Зал ахнул, и все головы устремились к Камазу. Тот словно бы окаменел, став белым, как статуя.

Врачеватель поднялся с колен и преподнёс чашу с напитком фараону. Тот дрожащими от нетерпения ладонями схватил её и жадно выпил. Камазу осмотрелся и, судя по выражению лиц присутствующих, сделал вывод, что вряд ли кто-то вообще понимал происходящее, за исключением активных участников мистерии.

Фараон откинул сосуд от себя, и тот в полной тишине звонко ударился о каменные плиты пола, откатившись в сторону. Жрец на мгновение прикрыл глаза в полном бессилии.

— И где же теперь твой Инпу, жрец? — фараон обратился к Камазу холодным голосом, так что старика прошиб пот и полная безысходность опутала всё его существо. — Где жало смерти? И кто сказал, что человек...

Неожиданно правитель покачнулся и потряс головой, словно бы что-то мешало ему говорить. Молодой мужчина схватился за горло и покрутил глазами. Ему не хватало воздуха, губами он жадно ловил его. Кое-кто кинулся было помочь. Но Акил подал знак охране, которая быстро пресекла любые попытки приблизиться к фараону. Тот с красным лицом и выпученными глазами уставился в лицо верному слуге и горько ухмыльнулся перед тем, как пасть на пол для того, чтобы больше уже не подняться.

Девушки завывали, упав ниц. Жреца отпустили, и он в общей сумятице подошёл к Акилу, ни капли не растерявшему уверенности. Мужчины встретились взглядами.

— Ты знал... — растерянно проговорил старик.

— Не здесь, — коротко ответил тот.

Акил командным голосом отдал приказы своим людям, которые невесть откуда взялись в зале. Девушек и остальных служителей храма быстро вывели. Врачеватель склонился над телом фараона и произвёл несколько манипуляций руками, по которым Камазу понял, что тот стремился узнать, умер ли правитель. Он встал и посмотрел на Акила, махнув головой, и тоже удалился.

Тело правителя, положив на носилки, вынесли.

— Следуй за мной, — приказал молодой прислужник.

Камазу в полной растерянности направился за Акилом. То, что сейчас произошло, не укладывалось ни в одни рамки, не то что в голову. Старик испытывал одновременно и облегчение, и ужас. Что же ждёт их дальше?

Ещё несколько переходов, Камазу знал их, как свои пять пальцев, и куда каждый из них ведёт, и они вошли в его же кабинет, ставший на время «молитв» фараона оплотом правителя. Здесь ничего не изменилось, только в воздухе витали дорогие благовония, а кровать была убрана причудливыми цветом и текстурой тканями.

Акил молча рассматривал пожилого мужчину, и его взгляд стал напряжённым.

— Отвечу на все твои вопросы, жрец, — бывший слуга фараона опёрся ягодицами о высокий стол, сложив руки на груди.

— Что только что сейчас произошло? — Камазу старался говорить размеренно.

— Ты же этого хотел? — вопросом на вопрос.

Камазу отрицательно мотнул головой.

— Я не хотел этого, я хотел, чтобы вы поговорили с ним, переубедили его... — Камазу понял, что если он продолжит, его голос сорвётся в плач: каким бы ни стал фараон, он ощутил горечь от его потери, ведь он знал его ребёнком, и ему стало не по себе... Несмотря на то, что случилось в последнее время, несмотря ни на что...

— Ты начал сожалеть о его смерти? — в голосе Акила почувствовалась сталь.

Камазу замер, прислушавшись к себе, и медленно качнул головой из стороны в сторону.

— По-другому было нельзя, да и опасно, он был невменяем и на какое-то время перестал доверять даже мне, мне пришлось вести себя так с тобой... — молодой мужчина сожалеюще цокнул языком.

— Вы нашли? — спросил Камазу, замирая всем телом.

Акил улыбнулся.

— Нет, фараон мог пить кровь Аменхотепа, натираться ею и так далее, это всё облегчало его боль, но не делало его бессмертным, однажды мы еле остановили кровотечение, когда он рассёк себе руку, думая, что приобрёл вечность, — Акил задумался, затем продолжил: — Он бы не остановился, и в конце концов одержимость этой идеей его бы доконала, а вместе с собой он погубил бы весь Египет... — Акил вздохнул. — Иногда приходится принимать самые жестокие решения, пожертвовав одним, чтобы остальные жили.

Камазу нехотя кивнул.

— То есть тело Аменхотепа бесполезно? — обрадованно и облегчённо спросил Камазу, его плечи, напряжённые до этого, расслабились.

Акил мрачно, с сожалением усмехнулся.

— Вряд ли. Не ты ли говорил, что Инпу предупреждал спрятать тело так, чтобы его никто не нашёл? Мы свидетели тому, что власть сводит с ума, представь такого правителя, вечно восседающего на троне, пресыщенного всем на свете... — молодого мужчину передёрнуло.

— Ты хочешь сказать, что человечество будет биться над этой разгадкой, если ему будет известно хоть что-то... — Камазу вновь взмок от волнения.

— Я уверен в этом, — молодой мужчина тяжело вздохнул, потёр переносицу. — Наша задача теперь не просто служение Инпу, а сокрытие тайны, которая может привести к катастрофе.

— Мы спрячем тело, тело, которое уже само по себе служит доказательством того, что боги существуют, но что, если находка попадёт не в те руки?

— Камазу, ты же видишь, как быстро у любых рук может поменяться намерение, риск слишком высок, соблазн тоже, наша задача — спрятать тело, но не просто его спрятать, наверняка происходящее породит множество слухов, найдутся те, кто захочет рискнуть и попытать счастья, наша миссия двойка.

Жрец превратился в слух и изумлённым взглядом окинул молодого слугу бывшего фараона.

— Почему же ты не воспользовался?

Акил зло усмехнулся.

— Нечем пользоваться.

И старик закрыл рот, понимая, что никто бы не преодолел соблазн, слишком манко маячила перспектива бессмертия.

— Мы должны быть готовыми к развитию нескольких ситуаций, если тело найдут и если его не найдут, а именно: превратить слухи в легенду, а особенно пылким в поиске и сообразительным дать ложную путеводную нить, путая, разбросав во времени знания, в которых будет лишь крупица правды, так, чтобы искателя осмеяли, время и песок сделают своё дело; мы, а затем наши потомки будут охранять храм и его тайну...

Мужчины посмотрели друг на друга, и Камазу, соглашаясь, кивнул.

Храм Инпу. Наше время. Современная жрица Анубиса.

Линда зашла в шлюз вместительной лаборатории, расположенной в зале, где сотни тысяч лун назад служили мистерии в честь бога мёртвых, и обрядилась в защитный белый костюм, надев защитные очки и маску, наскоро натянув перчатки на потеющие от волнения ладони. Алу, обряженный таким же образом, ожидал её рядом с телом-загадкой, лежащим на операционном столе.

Они посмотрели друг на друга, и оба почти одновременно тяжело вздохнули.

— Вы когда-нибудь вскрывали труп или присутствовали при его вскрытии? — спросила Линда, по лицу пытаясь уловить эмоции Кассиля.

Он положительно кивнул и внимательно проследил за тем, как Линда взяла в руки скальпель.

— Ваши руки... — он указал на то, что они слегка и изредка подрагивали.

Она помедлила, затем объяснила:

— Я не выспалась, спала короткими урывками, беспокойно и видя один и тот же сон.

Кассиль внимательно посмотрел на девушку.

— Поделитесь?

Она в удивлении вскинула бровь.

— Это имеет значение? — было любопытно, почему Алу задал ей такой вопрос.

— В древности говорили, что таким образом боги передают нам свои послания, — загадочно сверкнув глазами, произнёс мужчина.

Линда фыркнула, Кассиль тихо рассмеялся, покачав головой.

— Мы знаем об этом мире только то, что практически ничего не знаем, мы стремимся к звёздам, пристально наблюдая за танцами планет, за дыханием вселенной, но не понимаем и не стремимся изучить, к примеру, мировой океан, который живёт в унисон с небесным хаосом.

— Да Вы — философ, весьма редкое качество для биолога, — с улыбкой произнесла учёная, затем, призадумавшись, саркастично спросила: — Что могли боги сказать мне белой волчицей?

Биолог немного оторопел, а его волнение невольно передалось и Линде.

— Например, то, что Вас вскоре ждут перемены, а также белая волчица символизирует собой мать... — Кассиль замер, увидев, что в глазах Линды тёмным всполохом мелькнула боль.

Линда опустила голову вниз и заметила, как дрогнули её руки — плохое качество в данной ситуации. Она попыталась успокоиться и была благодарна Алу в том, что он её не торопил. Через непродолжительное время она, совладав с собой, приступила к процедуре.

Кассиль включил диктофон.

Девушка осмотрела его кожные покровы и вновь растерянно посмотрела на коллегу.

— У меня такое чувство, что он вот-вот откроет глаза, это как... как резать живого человека, спящего... без анестезии, хотя я понятия не имею, каково это.

Алу кивнул, разделяя её ощущения.

— Но вам всё равно придётся провести аутопсию, — глухо ответил мужчина.

Девушка согласно кивнула и сделала надрез грудины. Треснули кости, проступила кровь. Линда замерла, задышав сильнее.

— Чёрт возьми, он же жив! — вскричала она, ей показалось, что он может вот-вот встать.

Это было бредом, ведь он даже не двинулся. Кассиль отрицательно покачал головой, а поза тела не изменилась.

— Анабиоз, — предположил Кассиль. — Очень глубокий, такой, что даже самые чувствительные приборы не могут зафиксировать малейшие признаки жизни.

Мужчина повернул голову к приборам, показания которых не изменились, потому что их не было: телу, лежащему на столе, было несколько тысяч лет, но тем не менее выглядело оно так, будто человек умер совсем недавно. Реальность сводила с ума, стирая все границы между академическими знаниями и опытом, получаемым прямо сейчас.

Ещё мгновение, и перед ними развернулось ещё одно чудесное действие: мало-помалу на их глазах кости стали тянуться друг к другу, переплетаясь, кожа с бешеной скоростью срасталась. И вот перед ними вновь предстала пугающая целостность.

— Что он такое? — с ужасом в глазах спросил Кассиль.

— Нам предстоит это узнать, только действовать придётся очень и очень быстро, вооружайтесь пробирками и берите ткани, я буду препарировать ровно столько, сколько понадобится.

Коллеги кивнули друг другу. Следующие несколько часов учёные гнались за временем, борясь с быстрой регенерацией тела. Линда успела рассмотреть и сделать заметки по внутренностям человека. Она, как профессионал, делала всё по инструкции, а где-то глубоко в загнанных мыслях роились рассуждения о том, что человеку, лежащему перед ними, не хватает чего-то, самого малого, чтобы встать и продолжить жить, ведь его организм не умер, он как будто завис между бытием и небытием. Живой мертвец... Линда гнала от себя мысли о магической составляющей. Боги не существуют...

И как только они закончили, собрав необходимое и подготовив для дальнейших анализов, то решили не задерживаться в лаборатории ни на минуту. Перед тем как выйти, она обернулась. Перед ней предстало белое пятно цивилизации в виде огромного прозрачного шатра с напичканной по последнему слову техники лабораторией в цитадели тысячелетий — зале мистерий самого загадочного бога Древнего Египта, загадочного по большей части ещё и потому, что ещё никому не удавалось вернуться после смертного существования.

Учёные поднялись на поверхность, и, несмотря на защиту в виде одежды и шляп, солнце всё же успело обжечь их. Они молчали, но оба понимали, что надо выговориться.

— Мы можем поговорить? — спросил Линду Кассиль, как будто читая её мысли.

Исследовательница кивнула, и они быстрым шагом, спасаясь от солнцепёка, проследовали в шатёр к Кассилю. Внутри работала портативная система сплит, развеивающая прохладу по всему помещению, слабо пахло бергамотом, а на столе среди

разложенных книг и газет виднелась статуэтка Инпу.

Кассиль проследовал к холодильнику, доставая две бутылочки минералки. Девушка медленно оглядела стол, и её взгляд вновь остановился на идоле.

— Говорят, держать любое изображение бога мёртвых в своём доме не к добру.

Мужчина бросил бутылку в сторону Линды и широко улыбнулся, заметив, что она довольно-таки быстро среагировала, поймав её. Он открыл ёмкость и сделал несколько больших жадных глотков. Линда же приложила бутылку к разгорячённой коже шеи, чувствуя блаженство.

— Для неверных, — загадочно произнёс он. — К тому же это подарок.

Девушка тоже открыла бутылку. Вода освежила и привела мысли в некое подобие порядка.

— Вы разложите его гены на мелкие составляющие и найдёте, что ищете, а дальше что? — задала вопрос Линда.

Кассиль тяжело вздохнул.

— Вы же знаете ответ, Линда.

— И он мне не нравится, — впервые она высказала свои сомнения кому-то из команды, испытующе взвизгнув на мужчину.

Тот слегка улыбнулся, но уже через мгновение его лицо стало вновь серьёзным.

— Вряд ли это открытие уйдёт в широкие массы, мы должны отдавать себе отчёт в том, чьи интересы оно будет обслуживать, — Кассиль стал предельно откровенным, его не смутило даже то, что Линда вздрогнула.

— Вы знаете? — спросила она.

— Знаю и очень рискую, говоря с Вами об этом, но на то есть указ свыше, — снова загадка.

— Чей указ? — внутри всё оборвалось жутко нехорошим предчувствием.

— Наши люди останавливали Вас: в авто около дома барона и в аэропорту, Вы могли бы скрыться, с Вас бы хватило открытия, что Вы совершили, приведя комитет и барона к искомому месту, — он слегка вздохнул, когда увидел, как напряглась учёная. — Ваше открытие — ни добро, ни зло, это лишь плод Вашего гения и трудолюбия, а вот то, как хотят им воспользоваться, определяет всё.

— Что именно Вы знаете? — скрывать что-либо было глупо.

— Вы же знаете о деятельности «Norwegian pharmaceuticals», Ева посвятила Вас и подробности. А после того, как они удостоверятся, что Вы им не нужны, угадайте, сколько Вы проживёте?

Линда побледнела, несмотря на то, что тысячу раз прокручивала про себя ход развития событий.

— Мне нужно, чтобы информация, добытая нами здесь, попала в руки врачей, тех, кто проводит исследования в области рака, — проигнорировав всё сказанное выше Кассилем, горячо проговорила девушка.

Тот горько усмехнулся и обежал лицо Линды внимательным взглядом.

— Не боитесь отдать жизнь за правду? — уточнил мужчина, словно бы это было необходимо ему для дальнейшего разговора.

— Я давно уже не живу, — только и ответила девушка.

Кассиль удивлённо вскинул брови.

— Я тоже не лщу себя надеждой выжить, но помешать... — он призадумался.

— Ваши... хм... друзья могут передать результаты исследования в большой мир? — спросила Линда.

— Лагерь тщательно охраняется, тут везде камеры... — произнёс Кассиль и поймал испуганный взгляд девушки, мигом обшаривший помещение. — О, можете быть спокойны, здесь прослушки нет, — уверенно проговорил он.

— Так что? — спросила она.

— Наши цели совпадают, я найду способ передать, но сейчас самое главное выжить...

— Взрыв — это дело рук ваших товарищей? — любопытствовала девушка, сделав снова глоток, но, скорее, не от жажды, а чтобы успокоиться.

— Нет, — поспешил тот заверить её, это было произнесено искренне, так что у девушки не появилось повода его в чём-то подозревать. — Нам это ни к чему, мы не хотим уничтожить ничего из того, что так скрупулёзно, на протяжении стольких лет Вами изучалось, это открытие в руках врачей мира могло бы принести столько пользы...

— А принесёт пользу сумасшедшим извращенцам, к тому же имеющих все шансы стать бессмертными, — мрачно довершила девушка.

— Нам нужно найти способ передать информацию за пределы лагеря, — решительно произнёс мужчина.

Они ещё долго обсуждали насущные вопросы, но уже, скорее, для того, чтобы поделиться эмоциями без какой-либо конкретики, ведь сейчас оставалось только ждать.

Линда покинула шатёр Алу в глубокой задумчивости, не заметив, как за ней внимательно проследили.

Оазис Сета. Безвременье. Желание тела.

Храм, окутанный тончайшей предрассветной дымкой под открытым небом, с разбросанными на нём затухающими утренними звёздами. Непривычный холодок ласкал кожу в прозрачных одеждах, проникая прямо под них, напитывая эфиром, делая тело воздушнее, гибче.

Краешек головокружительной бездны. Баланс света и тьмы. Где-то между... посередине. Нужен ли выбор? Правильно всё происходит или нет? Какой бокал по счёту? Сколько она пребывала в потоке лёгкого расслабления, в приятном ничегонеделании? Какая разница, когда так весело!

Её тёмные глаза сверкали как звёзды, её томный смех всех вокруг умилял. Она перестала бояться странных безротых существ. Правда, её подсознание иногда играло с ней жестокую шутку, стоило посмотреть на них боковым зрением, не прямо, как ей чудились уродливые животные морды. Но, впрочем, они восхищались ею, выражая немой восторг. Небольшая ёмкая грудь дерзко, под не скрывающим её голую красоту, тончайшей работы материалом подрагивала при каждом жесте и слове. Золото на руках, шее и ушах задевало разгорячённую кожу и только добавляло градуса в контраст ощущений: жар тела и прохлада храма.

Ощущение полной свободы, вседозволенности, всепоклонения. Ей. Смертной. Никаких правил, что были в храме, где служил её отец — жрец Инпу. Здесь можно всё под бесстрастным взором здешнего божества. Недооценённого людьми. Сета. Проводившего всё своё время в празднествах и увеселениях. Где зло? Где война? Он подарил ей новое имя, а с ним и новую жизнь, осыпал подарками и относился как к госпоже. Она не была теперь

рабыней при храме какого-то жалкого бога мёртвых, который никогда не удосуживался почтить своих последователей толикой присутствия. Она здесь царила. Лучшие платья, украшения, вина и еда.

А — зе — нет. Словно бы отщёлкнула языком каждый слог. Её имя ласкало ей слух, одновременно согревая невидимой дланью. Но и иногда всё же прошлое прорывалось мрачной ноткой в её сознание. Её не хотелось помнить, ибо в нём случилась несправедливость. С нежной грустью девушка вспоминала об отце, думая, что он, верно, погиб уже. Но тут же мотнула головой, прогоняя тревогу из сердца.

Девушка огляделась вокруг себя: здесь надо жить каждую минуту и секунду, наслаждаться каждым днём... А кстати, сколько она уже здесь? Голова затуманилась, захотелось встряхнуться и встать. Но только стоило ей так подумать, как полилась тонкая мелодия, усладившая слух, и напряжение отошло на дальний план, повиснув неясным маревом на периферии её мыслей. С некоторой оторопью Азенет ощутила, что неуловимо воздух вокруг стал гуще, насыщеннее и чувственнее. Как будто рядом с ней кто-то пролил восточные благовония.

А существа тем временем сместили фокус внимания с неё на трон Сета, более подходящий на диван, на котором восседал ОН, утопающий в подушках и со странным жадным блеском в глазах смотревший на танцующих красиво-уродливых фурий.

Азенет однажды довелось встретиться с ними. Они очаровывали, рождая в теле неясное томление, такое же, что возникло у Азенет, когда божество прикоснулось к ней у замершей воды, когда Сет нарёк её. Но красота их ускользала от зрения, девушку не покидало такое чувство, что их прекрасные лица всего лишь маска, натянутая ими, чтобы скрыть нечто ужасное. Только стоило ли доверять своим глазам в призрачном мире, где царил Сет?

Бог жаркой пустыни и кровавой войны восседал на мягком диване и лениво обводил взглядом залу, словно пустыню, лежащую перед ним, такую же открытую, раскинувшуюся, разгорячённую, словно женщина после настойчивых ласк. Вино лилось рекой, завлакивающие рассудок смеси в медных жертвенниках, освещённое факелами пространство, танцующие бестии перед ним, знающие толк в соблазнении и ублажении, действовали как самый сильный афродизиак. От внимательного взгляда не ускользнул и горящий взгляд быстро повзрослевшей посланницы Хаоса. Сет ухмыльнулся, заметив, что та с неподдельным интересом рассматривала его.

Стоило только ему прищурить тёмные глаза и повести по подбородку ладонью будто в задумчивости, усмехнувшись краешком губ, как девушка вспыхнула, словно спичка, став цвета начинки спелого инжира. Чиста, так же как и хитра. Хаос дал ему Азенет, подбросив словно недостающий кусок головоломки. Для чего? Ему очень хотелось знать.

Сет поднял руку и жестом подозвал к себе одну из фурий, зная, что его порыв не останется незамеченным Азенет. Хрупкая, словно цветок пустыни, но не робкая, редкой красоты, которую он видел, пожалуй, только в Дуате, и её подача себя... Словно бы она ожившая богиня, упавшая как звезда с неба на землю при создании мира, словно сам Хаос не мог дать ей кусок вечности, словно бы она чем-то провинилась уже самим фактом своего рождения. Кто же ты такая, Азенет? Для того, чтобы узнать это, любые средства хороши. Для Сета. Но кажется, она совсем не чувствует опасности, принимая приманку за дары. Ну что ж, все люди и даже боги попадают на эту уловку...

Сет точно знал, что девушка видела, как фурия по мановению его руки принялась двигать бёдрами и стороны в сторону, грациозно раскачиваясь и изгибаясь в талии и

пояснице под ускоряющийся ритм музыкальных инструментов. Безротые замычали, их охватила чувственная дрожь. Азенет было противно смотреть на то, как их тонкие тела с белёсой кожей извиваются, словно червяки после дождя.

Она порывисто встала из-за роскошно накрытого стола с изысканными блюдами, и их с Сетом взгляды встретились, сцепившись, словно хопеши* в близком бою. Сердце билось словно птица в грудной клетке — вот-вот вырвется. Холод и насмешка, идущие от него, пронзили её с головы до ног. Он вновь уставился на танцовщицу, обводя стройные изгибы похотливым взглядом, будто напрочь забыв о существовании Азенет. Женщина всё яростнее дёргалась в исступлении, и на самой высокой ноте пала ниц перед господином пустыни. Мелодия замерла, как и фурия, и, как только та вновь стала плавной, задвигалась и танцовщица, на коленях подползая к широко расставленным бёдрам Сета, поглощённого зрелищем.

«Я — царица», — пролетело в голове у девушки.

Шальная мысль, хлынувшая в сердце завистью, злобой и ревностью. Азенет, бреча золотым браслетом на ноге, двинулась к трону. Девушка отчаянно ждала, что кто-то остановит её, где-то глубоко внутри отчаянно кричала остановиться она прежняя — Инпут.

А тем временем бестия обнажила бёдра Сета, лениво развалившегося на диване с размытым от возбуждения взором, предвкушающего ласки бесстыдной девки. Азенет подошла ближе и увидела, что бестия склонилась над его пахом и её язык скользнул по краю головки напряжённого в полмеры органа. На миг девушка отвела глаза, с изумлением заметив, как её тело отреагировало на красивую наготу бога. Грудь потяжелела, налившись, соски заострились до боли. Девушка услышала сдавленный смешок Сета. С упрямством и внешним бесстрашием вернула взор обратно, сглотнув сухим горлом. Танцовщица замерла, медля, словно бы ожидая команды. Стало жарко, как в пустыне, когда его бёдра чуть приподнялись и вновь опустились, показывая Азенет, что он в полной боевой готовности. Только вот хотелось ли ей сражаться, не легче ли сдаться в плен?

Девушка медленно поднялась по лесенкам к трону, только сейчас рассмотрев седалище, сплетённое из многочисленных золотых змей, всё время находящихся в движении. Или ей вновь показалось?

Азенет поравнялась с фурией и окатила ту высокомерным взором. Существо медленно отползло в сторону, похотливо извиваясь. Как замороженная, в прошлом жрица Анубиса, а сейчас царица этого момента, девушка положила палец себе в рот и медленно облизала его, не отнимая взора от Сета. С торжеством видя, как тот в предвкушении открыл рот, опустила палец на края чувствительной плоти. Дрогнувшая под её нежным влажным прикосновением, головка члена сильнее налилась, расцветая алым цветком. А Сет жадно, с необузданным желанием пытался пробуравить её своим взглядом. И не только потому, что она была юна, невинна и красива чарующей грациозной красотой. Разве есть что-то притягательнее той, которая, как загадки Хеопса, будоражила воображение с момента появления в его обители? Азенет, словно замороженная, упивалась своими ощущениями и неожиданной властью над богом, которую она получила за свою дерзость.

Она не знала, что заставило её остановиться и остолбенеть от собственного порыва, который вогнал её в краску. Как оправдать себя?

— Ты хочешь служить мне? — спросил Сет, ни секунды не стесняясь своей наготы.

Бог склонил голову набок и прищурился. Азенет уже отступала по лестнице и в исступлении мотала головой. Она никак не могла оправдать себя: дурман, вино, общая

атмосфера распушенности? Или она сама желала его с бешеной силой?

— То было там, Азенет, — Сет словно читал её мысли. — Ты сейчас и здесь, будь такой, какой хочешь быть.

Девушка замерла и почувствовала, как его слова благодатно откликнулись в её душе. Она вновь сделала шаг навстречу трону и Судьбе.

Шатёр барона фон Бинца. Выхода нет?

Линда вполуха слушала разглагольствования барона по поводу раскопок. О том, что найдено множество так нужных для науки артефактов, посуды и прочей атрибутики принадлежности того или иного предмета Древнему Египту; о вкладе каждого из участников экспедиции в развитие знаний о жизни и быте прошлых цивилизаций и прочее. И ни слова об открытии, свидетелем которого явились Линда и Кассиль.

Кэт кидала в сторону бледной Линды беспокойные взгляды, пока та переглядывалась с недоумевающим биологом. А учёную беспокоило отсутствие инженеров, задействованных в поиске нетленного тела древнего человека, и то, как старательно барон старался не задевать тему пребывания в стране и вообще цель экспедиции. Тщетно она пыталась уловить хоть какие-то живые эмоции в облике.

— Жаль, что нами не достигнуто то, ради чего мы были собраны здесь, — произнесла Кэт язвительно и вперилась немигающим взглядом в лицо фон Бинца.

Он и глазом не повёл, предпочитая не замечать издёвки в её словах. Мужчина вздохнул с деланным сожалением.

— Ну что же поделать, но мы не будем унывать, мы будем и дальше трудиться для того, чтобы найти искомое.

Рыжеволосая обдала того презрительным взглядом, разве что не фыркая, и вновь посмотрела на подругу, та всё так же молча глядела перед собой.

— Сегодня вечером к нам придут высокие гости, будет вечеринка, а утром мы покинем место раскопок, — обозначил планы Фредерик.

Линда изумлённо вскинула взгляд на барона, но тот предпочёл проигнорировать её вновь.

— Не смею больше задерживать, — произнёс тот и напустил на себя занятой вид, как будто что-то ища на столе в кипе бумаг.

Линда сделала к нему шаг, но услышала шёпот Кассиля:

— Выйдем.

Она повернулась к нему и подняла бровь, понимая, что находится в некой растерянности. Они вышли вместе со всеми остальными, в шатре у барона осталась только врач. Линда видела, что Кэт делает сигналы глазами, и кивнула ей головой, ясно давая понять, что поговорит позже. Девушка отошла в сторону, заметив, что за ней подтянулся биолог. Кассиль догнал Линду и теперь молча шёл плечом к плечу.

— Нас отпустят, — произнёс он, всё так же не глядя в её сторону.

Линда сжала губы.

— Вы молчите? — Кассиль наконец повернулся к ней, пытаясь понять, о чём думает девушка.

— Не кажется ли Вам, что всё слишком просто, что всё, что происходит, как-то скоротечно: в пустыню едут высокопоставленные гости, вечеринка ещё эта неожиданная, к

чему это всё?

— Вы правы, — согласился Алу. — Тут что-то не то, но Вам лучше знать барона.

Девушка усмехнулась.

— Знает ли он сам себя, — задумчиво произнесла она.

— Что будем делать? — Кассиль занервничал. — Охрана забрала даже телевизоры, рабочих вывезли, оставив минимум, что с ними — тоже непонятно.

— Ваши в курсе? — спросила напрямик Линда, останавливаясь и оглядываясь назад, убеждаясь, что их не слышат.

— У меня нет связи, но я думаю, что они ищут способ быть услышанными...

Девушка прикусила губу и взглянула на синее без облаков небо.

— Они слишком медленные, нам нужно хоть что-то передать им.

— Я не знаю, как это сделать, — произнёс Кассиль обречённо.

— Спросить фон Бинца напрямую, — мрачно предложила Линда.

Алу замер.

— И сделать это прямо сейчас, — решительно произнесла девушка.

— Я с Вами, — слова биолога заставили её обернуться.

— Ни в коем случае, не дайте ему знать, что Вы поняли, у Вас другая миссия — передать знания миру, — её речь заставила Алу вновь замереть.

Линда двинулась в сторону шатра фон Бинца, в конце концов, он обещал ей безопасность.

Примечание:

*хопеш — холодное оружие Востока, похоже на тесак

Глава 7. Прошлое и настоящее

Предупреждение! В главе содержатся неподробные сцены насилия и зоофилии в части животной сущности богов Древнего Египта! Читайте с осторожностью!

Оазис Сета. Безвременье. Погибель её.

Азенет поставила изящную тонкую ножку на одну ступень, шагнув, преодолела ещё одну и встала напротив развалившегося полулёжа на диване обнажённого божества, взирая на него сверху вниз. Сет сделал знак рукой, и те, кто были возле него, тут же, шипя и утробно рыча, расползлись. Девушка чуть дрогнула, когда её щиколотки коснулся чей-то мерзко холодный хвост. Она обернулась назад и поняла, что вся зала скрылась в темноте. Но то было миражом в пустыне. Темнота осталась живой, наполненной теми же уродцами, что бог привечал у себя. И она взирала на неё, так же пристально вглядываясь, как и Азенет.

Девушка вновь повернула голову к Сету. Он ждал. Как будто спокойно и лениво — обманчивое впечатление. Его выдавали бешено бьющаяся жилка на лбу, напряжённая шея и вздувшиеся вены на предплечьях. Ни страха, ни сомнений, ни смущения. Пусть хоть весь мир становится свидетелем...

Их взгляды встретились, и Азенет почувствовала, как одежда на её теле истаяла, а невидимая кисть холодом начертила на груди и бёдрах золотые причудливые узоры. Узоры принадлежности. С каждым нанесённым рисунком в воздухе разливались запахи изысканных благовоний, дурманящих и так нетрезвую голову ещё сильнее, и желание, ставшее неожиданно острым, подталкивающим в объятия того, кто сидел перед ней. Того, кто стал сосредоточием её существования.

Девушка подошла ближе и, разведя бёдра, уселась на его колени, которые под ней не дрогнули, словно бы она была частичкой пыли, носящейся в воздухе в столпе солнечного света. Их обнажённые, разгорячённые и напряжённые тела соприкоснулись. Сет потянулся к лицу Азенет пальцами с кольцами, увенчанными драгоценными камнями, которым мог позавидовать любой царь или фараон, очерчивая линию подбородка, касаясь груди, не церемонясь, сжимая её, любуясь тем, как под его грубоватой лаской соски заострились. Затем его горячие ладони легли на талию, притянув девушку к себе ещё сильнее, указывая на своё нетерпение получить то, что он хотел с первой их встречи. Азенет покраснела. Бог усмехнулся и, не дав опомниться, резко приблизившись, впился в её губы убийственно горячим поцелуем. Его язык обжигал, не принося ничего, кроме боли. Оторваться и бежать. Куда глаза глядят. Забыть. Она подумала, что он бы даже не запретил, он бы даже раздвинул границы своего безвременья и выпустил её в ту пустыню, где нашёл. И там не было бы так больно, как ей было сейчас. Но среди всполохов дикого страха, онемения и мук она неожиданно нашла... наслаждение. Пока ещё только предполагаемое, пока только как предчувствие, как тусклые отблески. Она не отступила бы, даже если горячая пустыня под названием Сет спалила бы её дотла, не оставив и горстки пепла. Азенет ответила на поцелуй, вложив всю страсть и злость, призывно двинув распахнутыми бёдрами, влажным межножием задев напряжённую плоть.

В следующие секунды мир вокруг неё всколыхнулся, перевернувшись. Она оказалась лежащей на животе и вдавленной за затылок ладонью Сета в упругое ложе. Азенет хотела

привстать, чтобы освободиться от тисков бога, и вытянула руки, но они были тут же перехвачены им и переброшены вверх.

— Ты же хочешь... — прошептал тот, наклонившись к самому уху, и девушка ощутила новую волну возбуждения, мурашками усеявшую кожу спину, напрягавшую и без того острые, как стекло, соски.

А потом почувствовала, как его пальцы, покругив по ягодицам, чуть подрагивая, выдавая плохо скрываемое нетерпение их хозяина, скользнули вниз и, раздвинув увлажнившееся ещё сильнее мягкое лоно, остановились на набухшей точке, потеряв её круговыми движениями. Азенет слегка дёрнулась, прислушавшись к новым ощущениям. Приятным, щекочущим, бесстыдным. Она шире развела колени и кожей ощутила усмешку на лице бога, прислонившегося губами к её плечу. Девушка задрожала, когда он оставил её руки, словно пытался узнать, будет ли она с ним по доброй воле.

— Боишься? — вопрос подтвердил действия Сета до его озвучивания.

Азенет приподнялась на локтях и взглянула на мужчину снизу вверх размытым от возбуждения взглядом, рассмотрев часто вздымающуюся грудь и твёрдый член.

— Нет, — ответила она, а инстинкт подсказал приподнять ягодицы.

Вновь щекой в простыню — властный знак. Горячая ладонь, задержавшись на шее, легла на затылок, и она ощутила тёплое, влажное, твёрдое в промежности, породившее сладкий спазм, пробежавший от макушки до пяток и на секунду задержавшийся негой внизу живота. Его хриплое дыхание, влага от поцелуя на спине, а потом... А потом мир сузился до пронзительно резкой боли, сосредоточившейся там, где миг назад было невозможно приторно. Азенет сжала в пригоршни шёлковое покрывало, а затем разжала ладони, попробовав привстать, но мужские руки крепко держали её затылок.

Сет прохрипел, двинув ягодицами вперёд, а девушка вскрикнула, ощутив, как её ноги ослабели и задрожали. Ещё секунда, и бог оставил её полностью, а на бедро упали капли алой крови. Из глаз выступили слёзы.

— Больно... — прошептала она.

— Что? — переспросил он презрительно, его дыхание, и так сбитое, стало ещё более частым.

Обжигающе горячие ладони чувствительно сжали ягодицы, затем развели, и девушка вновь ощутила рывок в тело напряжённой, обогрётной её кровью плоти. Сет прохрипел. Девушка вскрикнула, но потом стиснула зубы и лишь простонала. Как и мужчина, захлебнувшийся своими ощущениями.

— Больно? — спросил он так, словно наслаждался её страданиями, и вновь резко ударил пахом о её ягодицы, войдя на всю длину.

Вокруг послышался гул полужвериных-получеловеческих голосов, как будто радостных, но в сердцевине имеющих зависть, ненависть и ревность к той, которая сейчас на ложе их хозяина ублажала его.

Азенет ничего не ответила, на миг провалившись в нечто чёрное, потеряв сознание, но быстро пришла в себя, как бы в наказание за неправильно сделанный выбор, моля только об одном — чтобы вновь впасть в беспамятство.

Девушка бесшумно зарыдала, когда почувствовала у своего лица зловонное дыхание и мускусный запах. Она уже знала, что увидит там, — можно было не оборачиваться. Но Азенет нашла в себе силы. Жрица безжалостного Сета, повернув голову, замерла от омерзения и медленно провела взглядом снизу вверх, заметив волосатые ослиные ноги с

копытами и остановившись недвижимым, хранящим ужас взглядом на них. Азенет знала, что каждый из богов имеет своё звериное обличье, но то, что происходило сейчас позади неё и с её телом, было похоже на нечто настолько нереальное, что ей захотелось смерти для себя. Она ничего не чувствовала, начиная от пупка и ниже, то, что ранее отзывалось острой болью, онемело, или это она периодически отключалась от всего происходящего, чтобы окончательно не сойти с ума. Животное позади хрипело, терзая плоть девушки собой, оставляя на ней отметины, словно от кипятка, с широких, выдыхающих смрад губ срывались капли зловонной слюны.

Азенет отвернулась, и её стошнило.

— Оставь меня, — выкрикнула она изо всех сил.

Но её голос поглотили сотни других, что-то угрожающе шепчущих. Животное, дёрнув копытами и мощно двинув задней частью ещё раз, мелко задрожало, на секунду задержавшись в теле, а затем оставило её.

Пустота, холод и боль новой волной рванули в её истерзанную плоть, и она потеряла сознание, напоследок ощутив, что её тела коснулись горячие ладони Сета, а сам он, рвано дыша, силло прорычал:

— Моя...

Друзья и враги. Египет. Наши дни.

Линда отодвинула тяжёлый полог и решительно вошла в палатку фон Бинца, застав того раздетым по пояс, на бледной, даже сквозь загар, коже блестела влага, как будто от лихорадки. Медсестра застыла возле его бицепса. Ещё секунда, и блеснула использованная острая игла. Рико поднял бровь, а женщина возмущённо воззрилась на учёную.

— Всё хорошо, спасибо, можете идти, — произнёс тот и кивком поблагодарил медсестру, одновременно безмолвно прося её оставить их вдвоём.

Та недовольно фыркнула и бросила полный презрения взгляд в сторону девушки, покидая помещение. Когда Линда и Фредерик остались одни, между ними повисло тяжёлое молчание.

— Тебе придётся мне всё рассказать, — произнесла Линда безапелляционно, кивнув в сторону выхода.

Барон тяжело вздохнул и провёл по коротким волосам ладонью.

— Это очень долго... — начал было он.

— Ничего, — девушка была настроена узнать всё и села на стул перед столом, возле которого стоял мужчина, — у нас столько времени, сколько потребуется.

Фон Бинц грустно усмехнулся, роняя голову на грудь, но через мгновение он вновь взглянул на Линду, не отводящую от него своего взгляда ни на секунду, и его лицо приняло предельно серьёзное выражение. Мужчина тяжело вздохнул и заволновался, прежде чем заговорить. Он нервно потёр лицо и опустил глаза. Когда он посмотрел на Линду, то его взор выражал отчаяние, а сам он выглядел смертельно уставшим.

— Когда мы с тобой разговаривали о моих целях в поисках нетленного тела, я не всё упомянул... — он замолчал, Портер не торопила его, давая выговориться, сказать то, что он хотел. — Буду предельно честным, — девушка кивнула, подбадривая его, — я болен, серьёзно и неизлечимо, сейчас недуг не так заметен, но со временем и возрастом будет прогрессировать, через какое-то время я стану безмолвным, бездумно пускающим слюну идиотом.

Линда растерянно смотрела на него, а Фредерик продолжил:

— Я долго искал формулу лекарства, ошибался, отчаивался, начинал снова, однажды связался с шарлатанами, потерял время и средства, связи моей семьи и моё страстное желание во что бы то ни стало добиться своей цели привели меня в комитет, принадлежащий элите светского общества, я был введён в управленческую ложу, а когда мне предложили проект и я увидел тебя, говорящую о своих предположениях, сыплющую примерами из раскопанных где-то пыльных папирусов, такую уверенную в своих словах, жаждущую этого открытия как подтверждения своих изысканий, во мне возродилась надежда, что я могу не бояться будущего, что я выздоровею...

Исследовательница вспомнила безумные объёмы финансирования, бессчётное количество заключённых договоров на исследование и постоянные попытки экспериментов. Фредерик преследовал две цели: одну свою, другую для загадочных господ из всемогущего комитета.

— Будешь здоровым или станешь бессмертным? — Линда напряжённо смотрела на барона, гадая, пытается ли он разжалобить её, чтобы склонить на свою сторону, или говорит правду.

— А ты бы отказалась от того или другого? — спросил Фредерик девушку.

— От вечной жизни, чтобы решить проблему и спасти множество жизней, — да, другое мне не нужно, — учёная прекрасно понимала, к какому выбору желал подтолкнуть её фон Бинц, и добавила, — моя позиция с нашего последнего разговора не изменилась.

— Это спасёт мою жизнь, — произнёс он, и их взгляды встретились.

— Ты уверен, что комитет не устранил и тебя? — вопрос пришёлся в самую суть. — Ведь они вряд ли хотят делиться даже с теми, кто принёс им это открытие.

Фредерик тяжело выдохнул.

— Я должен рискнуть, но о чём-либо говорить ещё рано, нужно время на исследования... — начал он туманно.

— Не притворяйся, Рико, ты всё понимаешь, вопрос бессмертия рано или поздно разрешится, учёные, а я не сомневаюсь, что у могущественного комитета на службе самые лучшие, найдут формулу вечной жизни, как только получают образцы тканей нетленного, — перебила она мужчину.

— Я знаю об этом, — он понизил голос, и тот завибрировал от еле сдерживаемого раздражения и гнева, оттого, что учёная как будто не слышала его, — ты не понимаешь, что поставлено на карту, помимо моего здоровья и жизни, я связан по рукам и ногам, это настолько серьёзные люди, что они пойдут на всё, чтобы получить вожаделенное, это те, кто управляет миром, а с твоим открытием они станут ещё и небожителями...

Линда невесело усмехнулась.

— Кажется, я открыла ящик Пандоры, — получилось обречённо.

— У нас нет выбора, — заверил он её.

— Выбор есть всегда, у всех действий есть две стороны, правящая элита может и не получить образцы древнего тела, вместо комитета они отправятся, к примеру, в независимые лаборатории, где смогут разработать лекарства, помогающие излечить те болезни, что недоступны для врачевания современной медициной, — возразила девушка.

— Ты не понимаешь, Линда, комитет могущественен...

— Как бы ни был комитет силён, люди в нём предпочитают не «светиться», ставя на руководящие посты своих марионеток, боятся огласки, возмущения общественности, волнений, ведь есть силы, которые противостоят им, иначе их власть ничем бы не была

ограничена, даже такими мнимыми, как они считают, условностями в виде свободной журналистики и общественного мнения, они предпочтут отступить, — учёная с жаром убеждала Фредерика.

— Они никогда не отступятся, они найдут эту лабораторию, изымут тело, они убьют всех свидетелей, а если и нет, то испортят репутацию учёных, — фон Бинц пытался донести до девушки правду без прикрас, — они всё равно добьются своего, на кону вождеденное бессмертие, Линда, они пойдут на всё, на их стороне все ресурсы мира.

— Если бы ты позволил передать образцы тканей... — Линда следила за тем, как изменилось выражение его лица.

Мужчина вскочил и вытянулся как стрела.

— Нет! Даже не думай... — его тон был беспрекословен, но, заметив выражение лица Линды, смягчился, — ты подписала соглашение о неразглашении, а при огласке они сделают все, чтобы погубить тебя как учёного, обесценив все твои труды...

Линда горько усмехнулась.

— Это всё ерунда, если моя погубленная репутация спасёт жизни...

— Твоя жизнь, Линда... Я обещал обеспечить тебе безопасность, — Фредерик склонился к ней и взял её за руки, заглядывая в глаза.

— Я с радостью обменяю её на возможность передать часть моего открытия туда, где ему найдут применение на благо людям, — с горячностью начала она убеждать барона.

— Где гарантия, что в этих лабораториях телом не воспользуются так же, как и в комитете? — возразил мужчина.

Ответ на этот вопрос не знал никто. Фон Бинц тяжело вздохнул и посмотрел на неё с тоской. Внутри Линду что-то неприятно кольнуло в самое сердце — он был прав. Внезапно она осознала, что это открытие никогда не должно было состояться, оно, как лакмусовая бумажка, способно показать суть каждого человека, соприкоснувшегося с ним. Иногда не хотелось бы знать, в том числе и свою реакцию.

— Хорошо, — наконец-то произнёс Рико, — хорошо, но давай сначала проведём встречу этим господами на празднике в честь находки в храме Анубиса, а потом я что-нибудь придумаю...

Портер кивнула, не сильно веря словам барона. Она вышла от него в смятении. Фон Бинцу удалось посеять в ней зерно сомнения. Соблазн велик — велик для любого человека, даже для самого бескорыстного. Отдать часть того чуда, что они нашли в храме, — значит сильно рискнуть, полагаясь лишь на порядочность людей, но много ли она стоит, если на кону будет их бессмертие?

Храм Анубиса. Лица под масками.

Её обнажённые плечи мягко обхватила прохлада храма. Храма, ещё в недавнем прошлом засыпанного песками истории, веками и волей богов. Храма, явившегося потомкам словно напоминание бренности их жизни и недолговечности их планов по сравнению с «вечным» камнем. Но Линда знала, что это произведение древнего зодчества таило в себе великое чудо — то, что отражало иное бытие, то, что предстоит узнать науке, тщательно изучив. Это одновременно радовало и печалило. Слишком велико искушение, и она не была уверена, что найдутся такие же преданные делу отчаявшиеся учёные, как сама Линда. Или религиозные фанатики... Можно ли довериться тем или иным? Внутри зрело противное липкое чувство страха и необратимости.

Пышное лёгкое платье при шаге шуршало юбкой и напоминало облако. Чистое, белое,

несуразно смотрящееся в грязных тысячелетних стенах.

«Как погребальный саван», — подумалось ей.

До начала вечеринки ей так и не удалось встретиться с Кассилем, она не знала, подоспела ли помощь, а ещё всех учёных, кроме них, увезли за пределы лагеря, и она так и не увидела Кэт, не перекинулась с ней даже парой слов.

В нешироком коридоре, ведущем в зал для церемоний из другого ответвления многочисленных ходов, к ней присоединился Кассиль. Линда подняла брови, когда увидела, что он был в сопровождении двух крепко сбитых мужчин, никого из которых девушка ни разу не видела. Его внешний вид соответствовал её: белый лёгкий традиционный костюм. Она воздержалась что-либо спрашивать под многозначительным и красноречивым взглядом коллеги, которым он одарил её при встрече. Судя по выражению лица, помощь так и не подоспела.

Ещё несколько ступеней, и они оказались в зале, где когда-то служили свои обряды жрецы. Её слуха коснулась тонкая музыка, и девушка глазами нашла четырёх музыкантов в едва освещённом углу, где они совсем недавно с Кэт поняли, что именно им предстоит открыть. Всё менялось с молниеносной скоростью: ещё недавно она лишь грезилась результатами своего исследования и радовалась малейшей победе на пути к ним, теперь же после того, как нетленное тело было найдено, она пребывала в замешательстве: открытие не принесло счастья, как ей представлялось вначале, оно грозило перевернуть все устои с ног на голову.

Сойдя вниз, учёная смогла рассмотреть несколько расставленных по ближнему кругу небольших чаш на толстых ножках — жертвенников. Её носа достиг запах тонко пахнущих благовоний, курящихся в них. Здесь царил полутьма, и поначалу девушке показалось, что они с Кассилем одни, пока она не услышала шуршание материала. По стенам стояли тени. На первый взгляд, можно было бы подумать, что это призраки, обитающие в храме, сошедшие с рисунков на его стенах, но Линда не верила в мистику. Вред мог причинить только человек — страшнее чудовища нет.

Девушка коротко переглянулась с Кассилем, пока они оторопело стояли, не зная, куда им двигаться. Сопровождающие слегка толкнули их в спину.

Линда резко развернулась и разразилась гневной тирадой в сторону одного из них:

— Я — свободный человек, гражданка Великобритании, я не сдвинусь с этого места, пока мне не объяснят, что здесь происходит.

Тени у стен зашептались, а из их среды выделилась одна и приблизилась к учёным. Портер смотрела прямо, не отводя взгляда, но где-то внутри заметался страх. Фигура подошла ближе и скинула капюшон.

— Фон Бинц, — произнёс Кассиль и заметно вздохнул от облегчения, но затем напрягся, продолжив, — что здесь происходит? Где все остальные участники экспедиции?

Линда промолчала.

Фредерик ответил на вопрос мужчины, но обращался он к девушке:

— Не волнуйтесь, вскоре вы присоединитесь к ним, те люди, которые оплатили наши изыскания, здесь, и они очень хотели бы, чтобы вы присутствовали на их встрече...

— Своеобразно, Вам не кажется? — Кассиль заметно нервничал, вглядываясь в полутьму залы.

— Это всего лишь их причуды, — отмахнулся барон, — после этого... — он замолчал, подбирая слово, — действия они захотят познакомиться с виновниками торжества.

Кассиль и Линда переглянулись.

— Вам надо лишь подыграть, — барон старался выглядеть безмятежным, но учёная заметила лёгкое беспокойство: он то и дело заглядывал ей в глаза, словно пытаясь что-то сказать, но не мог или не решался.

Фредерик отошёл от них, а у коллег появилась пара секунд, чтобы обменяться фразами.

— Ваши уже близко?

— Они не связывались со мной.

Им не дали поговорить, подтолкнув следовать к середине помещения прямо к столу, затянутому леопардовой шкурой. Когда они встали возле импровизированного жертвенника, по всему периметру просторного помещения вспыхнули прожекторы, не сильные, мягко осветившие всё пространство залы. Линда огляделась, заметив материал такой же расцветки, что и на столе возле неё. Занавесь слегка колебалась от дуновения воздуха, открывая высокие ступени.

Линду отвлек от мыслей о комнате громкий звон хока*. Тут же заиграли саламийи* и зазвенели рикки*. К мелодичным, беспрерывно и монотонно льющимся звукам присоединилось пение, похожее на гул. Низкие звуки как будто разбудили что-то, что дремало здесь тысячелетиями. Это нечто вздохнуло и наполнило это место. Девушка не могла отделаться от чувства, что это не просто вечеринка, не просто светский раут, здесь и сейчас творилось что-то более серьёзное, чем хотел сказать Фредерик или стремились продемонстрировать члены комитета.

К столу из-за завесы вышел высокий смуглый человек, также облачённый в чёрный льняной балахон, подвязанный алым поясом. Люди, что привели их сюда, предложили занять позиции по бокам стола. Линда оглянулась на проход, затянутый тканью, он словно бы притягивал её к себе. Девушка не могла отделаться от мысли, что там кто-то или что-то притаилось и неотрывно следит за ней. Портер постаралась не думать об этом, но тут же в голове возникла другая мысль о том, что там можно спрятаться. От чего или от кого? Волосы на затылке встали дыбом.

«Здесь цивилизованные люди, не дикари, наверняка уважаемые в обществе, просто привыкшие всё обставлять с помпой, — им нужен размах, скучающие, пресыщенные — им нужна тайна, интрига, а мне нужно, чтобы образцы тела попали в другие руки», — она пыталась успокоить саму себя, — вот только Рико заставил меня сомневаться в передаче материалов кому бы то ни было...»

Линда слегка вздрогнула, когда услышала спокойный размеренный голос мужчины:

— Приветствую вас, дети Солнца, что собрались здесь и сейчас, чтобы почтить нашего Наисветлейшего, — он глубоко поклонился присутствующим.

Мелодия стала глуше, голоса стихли, со стороны стен послышался шёпот и шуршание ткани, свет от прожекторов померк, погружая зал в полутьму, фокусируясь на фигурах, стоящих возле стола. Кассиль и Линда растерянно озирались. А прямо за высоким мужчиной они заметили нетленное тело, которое совсем недавно нашли здесь же.

— Приветствуем тебя, жрец Амон-Ра, — хлынул нестройным гулом сонм голосов.

— Какого?.. — непонимающе прошептала Линда и обернулась в поисках барона, но почти вплотную к ней стояли двое, и, она подозревала, не для помощи, а среди людей в капюшонах вряд ли можно было угадать фон Бинца.

— Мы стоим на пороге разгадки величайшей тайны природы, — его голос звоном отразился от древних стен, заставляя совсем умолкнуть музыку и хор, жрец сделал

многозначительную паузу, — тайны, которая положит конец войнам и неурядицам, голоду и бедности, не будет болезней и, — он сделал многозначительную паузу, — смерти... — в рядах людей в плащах слышались одобрительные возгласы.

Линда посмотрела на сильно побледневшего Кассиля, он шевелил губами, словно бы молился кому-то, а его взгляд блуждал по верхушкам чёрных капюшонов с плохо скрываемой надеждой.

— ... Наступит эра благоденствия, для нас, для детей Великого Амон-Ра, наши враги и те, кто противостоял нашему богу, умоются своей кровью, все те, кто пребывал в духовной слепоте и кого Амон-Ра отметил печатью бедности и болезни, уйдут в мир Амаг, будут пожраны чудовищами, обитающими там, будут навеки прокляты, даже имени не останется для памяти потомков, — жрец указал на лежащее за его спиной тело, и несколько людей, подхватив его, положили перед мужчиной.

Линда смотрела на действие сквозь пелену нереальности происходящего. Зрение сузилось до лицезрения куска живой недвижимой плоти на импровизированном жертвеннике.

— Это неправильно... — пробормотала девушка, видя, как Кассиль начал говорить громче на смеси арабского и ещё какого-то языка, отдалённо напоминающего наречие, используемое в разговорной речи в Египте.

— Соберём же сегодня жатву нашему Амон-Ра! — воскликнул жрец. — Сегодня мы преподнесли ему наилучшее из того, что он хотел.

Дальнейшее происходило слишком быстро, чтобы это осмыслить, ещё и потому, что не укладывалось в существующую систему измерения реальности. Длинный острый кинжал блеснул в руках жреца, и он полоснул им по животу учёного, практически выпотрошив его. Линда дёрнулась, инстинкт подсказывал бежать, мозг отказывался воспринимать происходящее трезво. Но её крепко взяли двое молодцов.

— Беги, Линда, — прошептал Кассиль, — ты следующая, — и безжизненным кулём рухнул на пол.

Зал взвыл как зверь. Куда делась вся респектабельность, она была уверена, в обычной жизни вполне себе нормальных людей? Нормальных ли? И что такое норма, кто её оценит? Мерило — общечеловеческие ценности, а если эти «ценности» диктуются вот такими людьми — людьми, способными на кровавое жертвоприношение себе подобных?

— Мы дарим ему кровь мужчины, как наполняющего жизнью, — жрец кровавого бога Амон-Ра воззрился на девушку, угрожающе зависая над ней с кинжалом в поднятой вверх руке для точного удара, — и кровь женщины, дающей её.

Глубоко внутри стучало сердце в бешеном ритме существа, загнанного в угол, существа, которого ожидает неминуемая гибель, перед глазами беспорядочно мелькающей кутерьмой пронеслись основные вехи жизни, задерживаясь на счастливых моментах, и наконец-то остановились, зацепившись за боль от смерти самого любимого человека. Агония, страх, гнев. Несправедливо, чтобы вот так вот всё закончилось. Линда стала отчаянно сопротивляться.

— Прекратите немедленно, мы так не договаривались! — голос Фредерика звучал отчаянием и страхом.

— Бинц, — выкрикнула она в последней попытке хоть что-то сделать.

Жрец немного замешкался, всматриваясь в толпу. Девушка заметила, что оттуда кто-то рванулся к ней, но больше никто ничего не смог сделать. На выходе слышался режущий

слух свист, и через несколько секунд зала погрузилась в туман. Хватка держащих её мужчин ослабла. Перед носом девушки пронёсся кинжал, жрец бил вслепую. Пользуясь замешательством, Портер оттолкнула от себя растерянных соглядатаев и попыталась сообразить, в какой же стороне выход. Вокруг метались люди, путаясь в длинных хламидах, падая, устраивая давку.

— Никто отсюда не выйдет, никто не спасётся, тайна должна остаться тайной, во имя Инпу и жизни, — послышался выкрик с противоположной стороны от того места, где находилась Линда, и сквозь туман она увидела нечто горящее, летящее вверх.

— Бомба! — послышалось вокруг.

Туман сгустился, образуя фигуру призрачного животного, похожего на собаку.

— Инпу! Инпу! — истерично завизжали присутствующие.

Зал основательно тряхнуло. Раз, и ещё раз. Крики, мольбы о помощи. Учёная, с трудом устояв на ногах, развернулась и рванула к завесе, примерно представляя себе, где она, нащупав рукой, отклонила полог, влетев в помещение, и тут же поняла, что это ловушка. Комната с одним единственным выходом, который являлся и входом, и нерасчищенным верхом, но, даже если он был свободен, выбраться оттуда было бы невозможно. Тупик! К чувству горечи прибавился ужас, так что волосы встали дыбом на затылке. Она обернулась. От стены отделилась тень.

Азенет. Вновь потерянная.

Боль стала её вечной спутницей. Боль и опьянение. Так она притупилась, стала тягучей, даже приятной. Она достойна боли. Она в этом твёрдо убедилась и уже не вздрагивала под его горячими прикосновениями, под телом, которое терзало её по ночам. По ночам, кажущимся целой жизнью. Но она теперь хозяйка. Твари, готовые её разорвать ранее, теперь прилежно служили ей, исполняя любой каприз. Всё к ногам госпожи, всё к ногам той, которую так любил Сет.

Азенет днями напролёт бродила по лабиринтам чертогов Бога Войны, словно в поисках чего-то утраченного, пока не забрела в комнату с водопадом. И тут же почувствовала живительную силу воды, ощущая, как наполняется силой.

Бегущий вниз поток, замедлившись, застыл, и оттуда на девушку смотрела другая. Такая же, как она, но не она одновременно. Нет, она не стала хуже, не подурнела, не постарела. Она изменилась, выражение лица стало суровее.

На её талию легли руки, а сквозь мрак проступила фигура Сета. Теперь и он смотрел в зеркальную поверхность водопада из-за плеча девушки с удовлетворением от открывшегося ему. Прозрачные покровы одежды не скрывали ни один вожделенный изгиб. Та вздрогнула и отметила странную реакцию своего тела, которому хотелось закрыться и одновременно подставиться под руки мужчины. В голове пронеслись урывками воспоминания всех встреч с ним, напоенных такой смесью чувственности, боли и сладости, что Азенет потерялась в своих ощущениях.

— Нравится ли тебе то, что ты видишь перед собой? — спросил бог, сжимая талию чуть сильнее.

Девушка кивнула.

— Ты стала сильнее, — прохрипел он в шею, мгновенно разнося мурашки по всему её телу.

Опять сладкий дурман, что окутывал её в его объятиях.

«Предвестник боли», — мысль тяжёлой взвесью капли дёгтя в бочке мёда отразилась в

сознании, вырывая её из пелены блаженства.

Она резко открыла глаза и уставилась в его лицо, которое исказилось злобой. Девушка хотела вырваться, но не смогла — тот крепко держал её.

— Что на этот раз? — спросила Азенет как можно спокойнее.

Сет усмехнулся.

— Хорошо меня знаешь, верно? — вопрос остался без ответа. — Ты изменилась, став подобной богам, — усмешка в кожу плеча, — теперь ты готова...

— Готова к чему? — переспросила она настороженно, ужас вполз змеей прямо в сердце, заставив её всю похолодеть.

Он ничего не ответил. Только больше она не видела перед собой водопада, не чувствовала прохлады комнаты и, как контраст, его горячих рук на своём теле. Девушка ощутила на своих щеках пламенеющее дыхание пустыни и затравленно озиралась вокруг в поисках оазиса Сета.

— Где ты? — прокричала она в пространство, что в пустоту.

Песок, голубой горизонт и солнце в зените были ей ответом.

За завесой Анубиса. Девушка и волк.

Линда в панике отпрянула назад и упала навзничь, присев на пятую точку. Волк неотрывно смотрел на неё немигающим осознанным взглядом, но не двигался, словно бы он был неживым, словно бы он — всего лишь голограмма, что-то потустороннее, которое только выглядывает из своей реальности. Девушка глаз не отводила, но, когда он поднял лапу для того, чтобы шагнуть по направлению к ней, она быстро заелозила пятками, словно бы отбрыкиваясь, отодвигая одеревеневшее от ужаса тело подальше от гигантских размеров животного. Её спина больно ударилась о шершавую каменную поверхность древних пирамид, и девушка поняла, что она в ловушке. Учёная вскрикнула, а её взгляд метнулся к завесе, за которой раздавались крики и звуки ожесточённой борьбы. Выйди она туда сейчас, что её там ожидало бы? Ничего, кроме смерти. А здесь?

Линда вновь испуганно воззрилась на волка. Тот сделал шаг в её сторону, всё так же не сводя с неё своего глубокого пронизательного взгляда.

«Разве может *так* смотреть животное? И откуда он тут взялся? Такой огромный... Почему его никто не заметил? И что мне делать? Волк? Саб? Хотя какой саб, цвет шерсти чёрный, словно...» — мысли хаотичным нестройным ладом пронесли в голове у исследовательницы.

Она тянула время, или оно само так долго сменялось бесконечными секундами, или это волк никуда не торопился. Всё, что происходило прямо сейчас и здесь, казалось каким-то нелепым сюрреализмом. Её мир как будто раскололся на две половины. За и перед завесой. Там, в зале, перед этой зыбкой границей, боролись за то, что ей, как человеку и матери, никогда не удастся принять. А за ней, в одном с ней укрытии, находилось огромное нечто со вздыбленной чёрной шерстью и человеческим взглядом пронзительно синих глаз.

Линда вдруг заметила, что взгляд волка стал меняться, мутнея, словно бы от боли. Он опустил голову и тяжело задышал. Неожиданно крики по ту сторону стали интенсивнее, и, холодея всем телом от подступившего страха быть найденной, девушка замерла, словно бы она была статуей. Кто-то явно стремился нарушить их с волком единение в этой цитадели призрачного покоя. Саб напрягся, вскидывая голову, и напряжённо оглядел висящую ткань. Учёная вдруг поняла, что он каким-то образом видит и знает о том, что же на самом деле происходило в зале, что за кровавой мистерией скрыто нечто большее, чем просто

сумасшествие зажавшейся богатой знати, имеющей абсолютную власть над физическим миром, без ограничений, горящей желанием получить вечную жизнь, вызывая богов по собственному усмотрению, слепо поклоняющейся торжеству гнилой плоти.

— Линда, — послышался голос барона, призывающий её, то ли встревоженный, то ли с нотками коварства — сейчас некогда было гадать.

Взор животного метнулся к ней. Девушка слишком громко сглотнула, а волк склонил голову набок, пристальнее следя за ней. Когда крик с её именем послышался почти у самых ступеней цитадели тайного укрытия Линды, то она сжалась от ужаса. Каким образом это почувствовал волк, девушка так и не поняла. Он повёл носом воздух, словно бы страх стал запахом, и, повернувшись к выходу, вскинул морду вверх и завыл так протяжно, щемяще-грустно, что внутри неё что-то как будто оборвалось, резонируя всеми струнами души, его тоска передалась и ей, она знала имя этому чувству. Одиночество. Не важно, один ли ты или с кем-то... Что же могло быть для сильных бичом мощнее его? Наверное, ничего... Или ей показалось и она придавала значение тому, что сама переживала?..

За завесой всё замерло, канув в темноту. Всё, даже ступня фон Бинца, оказавшаяся на пороге святая святых храма Анубиса, которую только и успела заметить учёная. Они почти одновременно взглянули друг на друга. Девушка и волк. Он сделал шаг, останавливаясь у её ног, не подходя ближе, как будто боясь напугать ещё сильнее, чем уже. Брыли на его морде затрепетали.

«Больно, — наконец-то догадалась Линда, — ему больно!»

Девушка чуть склонила голову и увидела кровавую рваную рану на боку. Шерсть слиплась и торчала бурым месивом вместе с повреждённой кожей. Волк держался из последних сил.

— Возможно, я об этом пожалею, или он меня сожрёт, но это животное сделало что-то... повыло... и то безумие, творящееся до этого, прекратилось, он спас меня, я не могу так просто... забыть, мне надо помочь ему, — пробормотала Линда, мысленно костеря себя на чём свет стоит, решительно встала и, отодрав подол своего длинного белого платья, упала перед волком на колени.

Он вначале отступил на полшага, но девушка подползла ровно на столько же, а затем приложила ткань к ране, продолжая так же бесстрашно внешне и дрожа, как осиновый лист на ветру, внутри смотреть в синие, как небо, глаза странного животного огромного размера, который мог бы при всех развитиях событий разодрать её в клочья в один миг, но по какой-то причине не делал этого, возможно, потому что интуитивно понял — она облегчает его боль, стараясь остановить кровотечение.

Волк сдержанно проскулил, как будто стесняясь своих мук и того, что дал слабину перед ней. Линда, осмелев, улыбнулась.

— Остановим кровь, выйдем отсюда, и я отведу тебя к ветеринарам, — увещевала она того так, как будто он мог её понять. — Они тебя подлатают, и будешь как новенький... до свадьбы заживёт, — пошутила девушка, затем уже более серьёзно завершила, — снова убежишь... — призадумавшись, — туда, откуда ты появился.

Мысли неслись вскачь за переживаемыми эмоциями и перевариванием сложившейся ситуации, всего произошедшего и... происходящего.

«Откуда среди пустыни мог взяться волк, да ещё таких исполинских размеров? — подумала девушка и оглядела его, чуть прищурив глаза. — Чёрный волк в Кинополисе, как будто покровитель... покровитель этого города... чёрный саб с синими глазами, такими,

каких нет у этих животных... бог мёртвых... Инпу...»

Линда похолодела от этих мыслей, ища разумное объяснение произошедшему, заглушая в себе голос интуиции.

«Тебе удалось увидеть хаотичный танец протонов и заглянуть в полосу гаснущего солнца на горизонте, — как-то само собой подумалось ей, и тут же: — Ага, напридумываешь ещё себе, наверняка это какая-нибудь порода собак, о которой ты ничего не знаешь, потому что при твоём образе жизни... в последнее время у тебя не выжили бы даже инфузориитифельки, не то чтобы животное покрупнее».

Чёрный волк, склонив голову набок, рассматривал её, будто бы пытаясь узнать, о чём думает белокурая девушка, деликатно пригнувшись к ней, словно бы никогда не видел людей. Он негромко изредка скулил, а когда Линда убрала быстро пропитавшийся кровью остаток роскошного до этого платья, начал заваливаться на неё, прикрывая глаза и явно теряя сознание. Его сухой нос уткнулся ей в шею, и она услышала, как он тяжело выдохнул ей прямо в кожу, согревая горячим, выдыхаемым из могучих лёгких воздухом. Волк неотвратимой громадой рухнул на неё. Ещё несколько мгновений она пыталась выбраться из-под его огромного тяжёлого тела, как почувствовала, что проваливается вместе с ним в пустоту. Завеса потускнела, свет, который падал через неё, пропал, и напрасно Линда протягивала к ней руки в последней попытке выбраться — вскоре и она исчезла из поля её зрения, а полёт стал настолько свободным, что единственным из всего, что было реальным, осталось только тело удивительного чёрного волка, за которое она ухватилась что было сил, ощущая под руками липкую кровь животного.

— Вот же чёрт... — прошептала она и сильнее вжалась в него, продолжая или падать, или лететь, или парить в невесомости ... как перо.

Падение продолжалось недолго, и они рухнули... в холодный песок. Линда вскрикнула от боли и простонала, оглядывая местность и своё положение, понимая, насколько ей повезло. Гигантское животное упало рядом, всё такое же неподвижное — ещё несколько дюймов, и она бы превратилась в лепёшку.

Девушка выползла из-под лап саба и ещё раз осмотрелась.

— Чёрт, это же стоянка для автомобилей за лагерем, — и уже потом, радостно обратившись к животному, шерсть которого тускло лоснилась под слабым освещением, пробормотала, — хороший, хороший... э... пёсик, — последнее было сказано несколько сконфуженно, притом, что волк поднял голову и, как ей показалось, вопросительно вскинул бровь или то, что было у него на месте бровей. — Встать сможешь?

Линда не ожидала, что он её поймёт, вопрос был задан для соблюдения формальностей. Однако зверь поднялся на чуть дрожащих лапах, и она с удивлением заметила, что от рваной раны на боку осталась лишь коричнево-красная корочка.

— Зажило, как на собаке... — изумлённо протянула исследовательница.

Они встали на ноги, и девушка огляделась. Свет в лагере не горел, и вообще было подозрительно тихо, как будто всё и вся вокруг вымерло.

— Очень странно, — прошептала Линда и покрутила головой в поисках хоть какого-то авто.

Пригнувшись, она пробежала между рядами автомобилей, волк трусил рядом — он выглядел здоровым. Девушка оглянулась, но, не успев сделать и шага, была остановлена зверем. Саб обошёл её, обтерев шерстью её ноги. И вовремя, потому что она услышала разговор вооружённых пулемётами мужчин.

— Слышал гром? — спросил один другого.

— И землетрясение было ещё то, — подтвердил тот, поёжившись.

— С чего бы в пустыне землетрясение? — спросил первый, хитро прищуриваясь.

— Не знаю, странно это всё, потом тишина, я думал, там вечеринка будет, музыка, нам потом что-нибудь вкусное от этих господ перепадёт, бухлишко, может, — второй разочарованно поморщился.

— Проверить бы... — недоверчиво предложил другой.

— Ага, и чтобы ты вылетел с сытной службы пинком под зад, ну уж дудки! Единственное, что я усвоил крепко за столько лет работы на этих господ, так это то, что им лучше не мешать, закрывая глаза на все странности, — проговорил он.

Первый рассмеялся над наивностью второго, и, прежде чем уйти дальше, Линда услышала:

— Сейчас они разъезжаться будут...

Линда немного привстала и вновь взглянула на волка.

— Спасибо, дружок, ты можешь бежать, ты свободен, — и указала тому на пустыню.

Волк перевёл взгляд в сторону вытянувшейся руки девушки, потом на неё и уткнулся носом ей в колени.

— На всякий случай сводим тебя к ветеринару, — оправдала свои действия перед самой же собой исследовательница, — только сначала выберемся отсюда.

Она внимательно смотрела на авто, выстроенные в ряд, и её взгляд остановился на Toyota, дверца которого была чуть приоткрыта. Девушка пробежала к нему и оглянулась назад, волк неотступно шёл за ней, держась чуть поодаль. Она указала сабу пройти вперёд на заднее сидение. Тот послушался: прилёг и замер.

Линда прошла вперёд, но, распахнув дверь с водительской стороны, услышала:

— Куда это Вы?

Вспоминая потом этот момент, учёная не понимала, откуда у неё взялась смелость. Наверное, оттого, что страх уже настолько заполнил всё её существо, что она просто перестала на него реагировать. А ещё удача, сопровождающая её — не иначе как Рененутет благоволила ей в эти минуты. Но осознание этого пришло к ней намного позже. Она не вздрогнула и медленно обернулась, признав в стоящем перед ней мужчине охранника, за одним из которых только что наблюдала из укрытия. Он преградил ей путь к дверце.

Портер медленно приподняла бровь и как можно надменнее произнесла:

— Вас не предупреждали о том, что гости не хотят быть потревоженными, когда закончится собрание?

Мужчина немного стусеивался и отошёл от автомобиля.

— Я всего лишь выполняю свою работу, мэм, — пробормотал он извиняющимся тоном.

Линда, не отводя от него презрительного взгляда, уселась за водительское кресло и похолодела, но не показала своего состояния и, протянув руку, нащупала ключ зажигания.

— Кого мне благодарить за везение? — прошептала она, облегчённо вздохнув, услышав, как шевельнулся зверь в машине, скрытый темнотой, и, уже обращаясь к охраннику, твёрдым голосом произнесла: — Спасибо за Вашу работу, остальные не так лояльны, как я... — бросила напоследок на побледневшего мужчину хищный взгляд и, заведя авто, вначале медленно, затем всё убыстряясь умчала с автостоянки.

Линда ехала в кромешной тьме по дороге, освещаемой лишь светом луны.

— Давай, Хонсу, защити, считай я — ночной путник, — девушка криво усмехнулась.

— Покровительство так не работает, вначале нужен дар богу, — услышала она на чистом английском языке.

Исследовательница громко вскрикнула и, круто вывернув руль, остановила авто, дав по тормозам так, что чуть сама лбом не влетела в стекло, ошалело посмотрев в зеркало заднего вида. В отражении появился молодой мужчина с тёмно-золотистой кожей, с короткой стрижкой почти под «ноль» и с пронзительными синими глазами волка. Он смотрел на девушку спокойно, с чувством собственного достоинства и с огромным любопытством. Линда сейчас поняла, что всё, что с ней происходит, — дурной сон, или она попала в параллельную вселенную.

— Ты кто? — только и смогла произнести она, обернувшись к нему всем корпусом. — Оборотень? — спросила она первое попавшееся, что пришло ей в голову. — «Какой оборотень?! Ты себя слышишь, Линда? Но ведь только что в закрытом авто находился зверь, а сейчас тут... мужчина...»

Он склонил голову набок, совсем как до этого саб, словно бы присматривался и продумывал, стоит ли доверять ей информацию, любую, в том числе и его имя.

— Инпу.

Линда нервно дёрнула губой.

— Что — Инпу? — спросила она, и её глаза округлились ещё больше.

— В таком виде и вправду не признать, — с прискорбием проговорил мужчина, чуть склонив голову, и демонстративно обежал себя взглядом.

Линда повторила за ним и, чуть покраснев от смущения, зажмурила глаза. А вдруг так может статься, что он исчезнет? Распахнув их, девушка увидела перед собой всё того же черноволосого смуглого мужчину. Он не улыбался, был серьёзен и с интересом наблюдал за её действиями.

— Инпу? — переспросила учёная.

Очень хотелось расхохотаться, а в голову пришла «утешающая» мысль о том, что посещать ветеринара уже не надо.

— Бог? — уточнила она с иронией. — «Может быть, он потерявший память стриптизёр», — пролетела шальная мысль в голове, и тут же: — «Ага, оборотень-стриптизёр».

Тот не понял прозвучавшего в её фразе сарказма и кивнул головой, подтверждая её слова, сохраняя при этом серьёзное выражение лица.

«Он сумасшедший!» — воскликнула про себя Линда. — «Точно», — и обрадовалась, но затем одёрнула саму себя. — «Он появился на месте волка, вёл себя нетипично для зверя, порой я ловила себя на мысли, что это разумное животное».

— Богов нет! — выпалила исследовательница достаточно уверенно.

Брюнет вновь слегка наклонил голову набок. Линда не успела отдёрнуть узкую ладонь, как он накрыл её своей широкой, и девушка как будто перестала слышать, а затем и видеть. Её тело словно бы подвисло в некоем пространстве, и она почувствовала, как по её коже бережно скользили тёплые ладони. Она хотела крикнуть, но не смогла. В лёгких не было воздуха, у неё вообще не было лёгких. А тело тем временем бережно укутывали светло-серыми узкими полосками плотной ткани, смоченными в сильно пахнущем травяном растворе. Её объял ужас. Она знала, где она. Поняла. Безоговорочно. Её тело обряжали в погребальные пелена, в последний наряд этого мира, готовя Ка к вечному блаженству в полях Иалу или вечному мучению там, в загробном. Линде хотелось вырваться, зарыдать,

завыть, в конце концов, от безысходности, а ещё от того, с какой нежностью её готовили к вечности, её словно бы любили, словно бы знали самые потаённые уголки её души, со всеми выбоинками и шероховатостями, закрывая глаза на всё наносное, её любили, как может любить...

«Бог», — подумалось ей, и она мотнула бы головой, попытавшись выкинуть внезапно возникшую мысль о том, что это мог быть Инпу, тот самый, что провожает Душу на суд Эннеады.

— Мама, — тихо позвали её и попытались вытолкнуть из тенёт.

Линда заметалась взглядом в поисках места, откуда мог идти звук.

— Мама, — нежно, настойчиво, так мог только...

— Генри? — и всхлипнула, появился кислород, который обжёт внезапно обнаружившиеся лёгкие, от мощного единого вздоха порвались путы в виде грязно-светлых бинтов, и Линда, перед тем как вновь вынырнуть в свою реальность, увидела крупную луну и воющую на неё белую волчицу.

— А-а-а-а-а-а-а-а-а, — прокричала девушка и ощутила себя сидящей в авто как ни в чём не бывало.

Мужчина смотрел на неё расширившимся от изумления взором, и его хватка ослабла. Исследовательница, проворно обернувшись, выскочила из авто.

«Мама», — отголоском в её памяти щемяще-нежно, она почти чувствовала его слабые руки на своих плечах и сопящее детское дыхание.

Линда, ощутив слабость в ногах, упала в холодный песок на колени и зарыдала. Несдержанно, как никогда до этого. Для чего она терпела столько времени? Зачем копила в себе боль? Для кого была эта невыносимая мука? К чему мазохизм? Почему она не сделала этого раньше? Она не просто ревела, она почти что выла, собирая в кулаки песок, сжимая его, ощущая, как песчинки утекают сквозь пальцы.

Линда не знала, сколь долго это длилось. Всё вокруг окрасилось безмолвием и темнотой, освещаемой лишь светом луны. Она мало-помалу успокаивалась и неожиданно вздрогнула, когда вспомнила, что не одна здесь. Девушка обернулась и увидела обнажённого бога, смотрящего на неё с... сочувствием?! Она вдруг ощутила в своей душе прилив такого гнева, что, вскочив с колен, подбежала к тому и быстро заговорила, почти шипя, как змея:

— Отлично! Инпу? Слушай теперь меня, Бог Смерти, ты, как самая грязная свинья пожираешь всё, что попадает тебе на пути, не разбирая, хороший человек или плохой, много он жил или мало, старик перед тобой или ни в чём не повинный... — её голос дрогнул и, перестав быть колючим, холодным, опустился до шёпота, — ребёнок... Ты не дал ему пройти своего пути до конца, оборвав его жизнь в самом начале... — последнее Линда выкрикнула в небо, обессиленно опустила руки и уронила голову на грудь.

Девушка вздрогнула, почувствовав на своём лбу прохладные пальцы. Ей показалось, что они дрожат.

— Я помню его тёмные волосы и фразу, — на секунду Инпу замолчал, отведя взгляд в сторону, он и в самом деле вспоминал, а Линда, поражённая, не в силах была вымолвить и слова, уж тем более убежать, — «Чтобы мама успела в срок...»

Последнее они повторили вместе. Его глаза стали печальны, когда они вновь посмотрели друг на друга.

— Таков круг жизни, круг, который размыкает великий Хаос, я лишь забираю то, что не принадлежит Маат, Ка должна быть в Дуате — там, откуда и пришла, странствовать и

попасть в Иалу, благословенные поля...

— Так это... это... — Линда терялась в словах, её мысли путались, вся идеально выстроенная система жизненных координат и знаний о мироустройстве рушилась на глазах, мужчина не выглядел сумасшедшим, он и вправду был тем, кем себя назвал, — Богом Смерти, пожинаящим плоды жизни.

— Я дал людям снадобья, чтобы они могли жить дольше, чтобы радовались самым простым вещам, жизнь всегда была тяжела, а рядом с ней рука об руку бродила смерть, и так будет дальше...

Линда усмехнулась и немного отвела голову в сторону, что вынудило мужчину убрать с её лба руку.

— Не будет, — дерзко прервала она Анубиса, — скоро всё изменится, и богам придётся потесниться: те люди, от которых мы бежали, выкопали немертвеца из твоего храма, образцы тканей вывезут сегодня, и то, что мы с тобой сейчас здесь, а не там, — огромное чудо...

— Это не чудо, — перебил в свою очередь он её, — всё не чудо, это следствие изменений в самом Хаосе...

— О каком Хаосе ты толкуешь всё время? Это как? На что это похоже? — непонимающе спросила Линда.

Инпу призадумался.

— На океан, оттуда вышли люди, боги и чудовища, океан и сейчас вокруг нас, он преобразует действительность законами, данными всем его детям раз и навсегда, но кто-то из богов вознамерился изменить течение времени и устройство мира и вмешался...

— Это похоже на теории о мировом океане и расширяющейся Вселенной, — прошептала она, приводя абсурдную, на первый взгляд ситуацию к знакомому знаменателю.

Линда вскочила на ноги.

— Знаешь, я сейчас в каком-то фильме, рядом со мной стоит Анубис — проводник в мир мёртвых — и толкует о перевороте в Дуате.

Инпу тонко улыбнулся и посмотрел на девушку снизу вверх, заставив отметить ту про себя, что черты его лица смягчились, и она увидела в нём... просто человека... на секунду.

— Более сжатого вывода и не придумаешь, — произнёс тот и встал в полный рост.

Линда поняла, что разговор под открытым небом с голым богом о высоких материях — это не то, о чём она мечтала, писав диссертации о Египте, вернее, могла ли она вообще такое вообразить? Абсурд, грозящий стать нормой, потому что от фактов не уйдёшь. А они упрямы.

— Может быть, пройдем... — он обернулся назад, окинув взглядом автомобиль, и недоумённо попытался подобрать слово, — в колесницу? — предложил Инпу.

— Что надо этому богу? Кто он? И как ты оказался здесь? — завалила она его вопросами, когда они вновь уселись в автомобиль, зная, что транслирует бред, но этот бред вписывался в ту реальность, которая сейчас окружала их. — И зачем эта информация мне?

Анубис чуть прищурил глаза, отчего сапфир в них сверкнул отчётливее, отенившись густыми чёрными ресницами.

— Всё, что происходит в Дуате, влияет на ваш мир — мир Маат, — произнёс тот после недолгого молчания. — Тебя выбрал Хаос, — про то, что разум кидал его всё время к ней, Инпу решил умолчать, к тому же она — просто человек, она должна исполнить волю богов. — И я теперь понимаю почему: ты нашла разгадку и собрала весь пазл воедино,

открыв мир Амаат, который, я так думал, канул в Лету... — он потёр подбородок, затем вновь взглянул на девушку. — Ты обязана помочь мне.

— Вот так просто? — спросила та холодно, приподняв бровь.

В его взгляде мелькнули гнев и пренебрежение. Но человек был волен поступить так, как он того захочет, и даже боги в этот момент бессильны.

— Вы были созданы для поклонения нам, — фатальная фраза уверенного в своей власти божества. — Кому, если не тебе, расхлёбывать побег папируса, что ты заварила?

Линда рассмеялась и долго не могла успокоиться.

— Ты сидишь здесь, всемогущий бог, голый, и тебе явно нужна моя помощь, но сделать ты ничего не можешь, иначе я бы уже давно служила тебе так, как ты того требуешь — да ты в отчаянии, Инпу, — последнее она произнесла саркастично, внутри поднялась тяжёлая волна боли и ненависти.

В авто раздалось глухое рычание. Девушка задыхалась глубже, но глаз не отвела.

— Ты заставляешь меня торговаться, — наконец-то глухо ответил он.

— У тебя есть что предложить? — исследовательница понимала, что перегибает палку, но она не могла остановиться: он был живым воплощением её боли, её ненависть обрела лицо, а скорбь отошла на второй план.

Их взгляды скрестились, и Линда почувствовала дикий холод, пронзивший её сердце. Он словно бы рассматривал её изнутри. Вот-вот вынет сердце из грудной клетки, возьмёт и положит на весы, уравновешивая с пером.

— Твоё дитя, — наконец-то ответил он.

— Что — моё дитя? — уточнила та, мигом растеряв былую уверенность.

Анубис улыбнулся, он знал всё про волю человека.

— Если ты сможешь мне в Дуате, ты вернёшься обратно в Маат с дитя.

Линду в этот момент как будто пронзила молния. Их взгляды стали острыми: её глаза увлажнились оттого, что он задел струны её души, он же взирал на неё с затаённой надеждой и со смутным чувством симпатии.

— Так не бывает... — прошептала она, но в голосе почувствовался вопрос.

Сейчас всё, что она знала, всё, что составляло её жизнь, перевернулось с ног на голову. В её мире науки и железной логики не было месту мистическому, которое на поверку оказалось реальнее, чем всё то, что было до встречи с Инпу.

Мужчина усмехнулся и многозначительно промолчал. А когда Линда протянула ладонь, взялся за неё своей. Оба ощутили покалывающее чувство в руках и груди. Воздух вокруг них превратился в яркую вспышку, и они исчезли, оставив в мире Маат только следы на песке.

Примечания:

* египетские музыкальные инструменты

Глава 8. Встреча и расставание

Под древними звёздами. Бог и смертная.

— А-а-а-а-а-а, — прокричала Линда, возникнув словно из воздуха, и свалилась на божество.

Свист в ушах прекратился, стало непривычно тихо, а тот только и успел охнуть, схватившись за грудь, на которую упала Линда. Под ладонями оказался... песок.

— Мы в пустыне, — констатировала факт девушка, а затем в сердцах воскликнула, — мы снова в пустыне, мы никуда не переместились! — она немного неуклюже, чуть смутившись, когда взглянула на Анубиса, скатилась с него и перевернулась на спину, глядя в тёмное небо, усыпанное яркими звёздами, в голосе слышались отчаяние и досада.

Девушка подняла голову и осмотрелась. На удивление было светло, хоть луна и скрывала какие-то мелкие детали, затушёвывая, словно умелый художник, все шероховатости пейзажа. Но автомобиля она не увидела. Зато повсюду, куда ни кинь взгляд, лежало сухое золото пустыни, изредка ветер ворошил барханы, поднимая песчинки ненадолго вверх. Холодные на ощупь, что означало — ночь давно вступила в свои права. Сколько бы она ни вглядывалась, никакого ориентира даже не предвиделось обнаружить. Учёная знала, насколько легко можно сбиться с пути в «сухом море», не видя и не помня «якорей» — примечательных особенностей местности, которые бы могли помочь им «найтись» и прибиться к цивилизации.

Тем временем мужчина встал во весь рост. Он высился над ней, тоже осматриваясь по сторонам, временами приносясь и поднимая голову к небу. Линда негромко рассмеялась.

— Недалеко же Хаос перенёс нас, — произнесла она сквозь смех, видя, как меняется лицо Анубиса, вытягиваясь и одновременно смягчаясь, он тоже улыбнулся.

— Мало же вам, людям, надо, чтобы быть счастливыми, — пробормотал он и напрягся, ему померещилось движение в темноте.

Это место — не Дуат. И это могло означать только одно: Хаос по какой-то известной только ему причине свёл их с девушкой вместе, но не для того, чтобы отправить в царство богов, а чтобы...

— Это, скорее, от отчаяния, — девушка приподнялась и села, взглянув на Анубиса снизу вверх, снова нагрянуло чувство сюрреальности происходящего, — знать бы, где мы?

— Не где, — пояснил он и подал ей руку, помогая подняться, кивком головы указывая на небо, — а когда... Посмотри на небо, звёзды совсем другие.

И Линда похолодела всем телом. Не то чтобы она и раньше рвалась в Дуат, но с проблемой надо было покончить, тем более что впереди ждала награда. Награда, ради которой она погрузилась бы и в Амаат. Безумие? Нет, отчаяние и... тоска. Портер наплевала на все доводы рассудка о том, что мёртвые не возвращаются к жизни, она видела предостаточно, чтобы быть уверенной в том, что Анубис сдержит своё слово, что её мальчик будет рядом, а не верить Богу Смерти у смертной повода не было.

— Ты хотел взять меня в Дуат, чтобы что?.. — напомнила ему Линда, принимая помощь, и отряхнула одежду от песка.

Инпу, мрачно взглянув на неё, отвёл глаза.

— Чтобы разобраться, зачем же нас всё время сталкивают, — он подошёл ближе, не отводя задумчивого взгляда, мужчина и сам не знал, что им делать дальше, он не мог перемещаться из Маата в Дуат по собственной инициативе. Или ему всё же следовало вновь и вновь пробовать? Но в итоге сможет ли он и не навлечёт ли гнев Вселенного океана жизни своим самоуправством? Или покориться судьбе? И, раз Хаос отправил их в путешествие по времени и мирам, значит ли это, что тут есть некие дела, которые он... они должны совершить? Возможно, в Дуате ему бы помогла богиня мудрости или безумная старуха-пророчица Сешат. — Я не понимаю, я не вижу в тебе ничего, ничего, что могло бы... заинтересовать меня, песок отпущенного тебе земного времени ещё долго будет пересыпаться в часах твоей жизни, кроме... — Инпу запнулся, пытаясь сосредоточиться на сумбурно пляшущих в его голове мыслях.

— Кроме? — подтолкнула она его.

— Кроме твоего горя, но это свойственно людям, вы должны оплакивать своих мертвецов, это в вашей природе: привязываться, любить, скорбеть об утрате, надеяться на лучшее... — Инпу задумчиво скользнул взглядом по её лицу.

— На лучшее? Это на поля Иалу? — в голосе была усмешка, эта женщина насквозь была пропитана Маатом, всем телесным, и в то же время её боль и любовь к умершему ребёнку возносила её к... богам?!

— А ты бы хотела просто умереть, — он не спрашивал, ухмыльнувшись.

— Это логично, — подтвердила девушка, — логично жить, а потом умереть, как всё биологическое в этом мире, стать кормом червям и удобрением для растений, исчезнуть...

— В этом мире ничего так просто не исчезает и не появляется... — возразил он ей.

— Закон сохранения энергии: если где-то что-то исчезло, то оно обязательно должно появиться в другом месте... Но ваш мир — не наш, — Линда и сама понимала, что она серьёзно рассуждала о науке с тем, кто не вписывался ни в одну систему знаний о существующем мире, кроме, пожалуй, мифов о нём, но чем она больше находилась рядом с ним, тем больше понимала, что человек вообще ничего не знает о самом себе и о том, что его окружает на самом деле.

Анубис наметил улыбку.

— Не совсем, существует Маат — мир людей, мир грубый, вещественный, мир страданий и боли, Дуат — мир богов, в нём время неизменно, в моём мире происходит суд над Ка и люди отправляются в поля Иалу для вечного блаженства или в Аамат, мир чудовищ, древних, которые сродни Хаосу, для пребывания в вечных муках, для забвения у живых, — он немного помолчал, перед тем как продолжить, видя, что девушка намерена его выслушать, он чувствовал её интерес, — между мирами существуют тонкие переходы...

— То есть можно путешествовать из мира в мир? — Линда и сама не верила тому, что только что вылетело из её уст, но её не подводили глаза и уши, это не было сном, комой тоже не было.

— Законным путём, да, — Инпу кивнул головой, — человек умирает, и его лёгкая, невидимая составляющая...

— Энергия, — пробормотала она, — то, что может переходить из одного состояния в другое...

— Это называется Ка, душой, часть человека начинает своё путешествие по загробному миру...

— То есть всё, что описано в Книге Мёртвых, — это не миф? — спросила учёная и впервые в жизни пожалела, что у неё не было с собой диктофона, она могла бы проверить себя, знать точно, не бредит ли, но её «галлюцинация» тем временем продолжила, и девушка поймала себя на противоречивой мысли, что, может, и правильно, что под рукой не оказалось ничего такого, что могло бы засвидетельствовать её «безумие», потому что лучше обманываться, лучше надеяться, чем не иметь возможности хотя бы попытаться, даже если это и было сном, мороком, комой, то пусть она дойдёт в этом до конца и сможет нежно обнять своего сына.

— Я принёс людям знание о загробном мире, чтобы каждый мог иметь хорошую участь после смерти, принёс людям знания о том, как можно сохранить тело после гибели... — он не успел продолжить, как девушка перехватила инициативу в разговоре — вновь задала вопрос.

— Нуждается ли душа в сохранении тела? — сомнение, у женщины явно пытливым ум, и это нравилось Инпу.

Он улыбнулся, но печально.

— Люди так тосковали по своим родным, что я решил сохранить им надежду на то, что когда-нибудь все они встретятся, в своих же телах, и это сработало, — он пожал плечами.

— Кое-кто этим злоупотреблял, — Линда невесело ответствовала ему, — доступ к полям Иалу стоил очень дорого, — намекая на то, что процесс мумификации был доступен далеко не всем.

— Да, это тоже в вашей природе, — он поднял бровь и опустил глаза в песок, а потом, отведя их в сторону, продолжил говорить дальше, — но на самом деле это несколько не влияло на определение места человека в загробном мире, но таково уж ваше племя: каждый пытается встать на ступень выше другого, как будто ему неизвестно, что жизнь коротка.

— Может, как раз поэтому, — она кивнула головой в тон его слов.

— Возможно, — подтвердил он, и их взгляды встретились.

Несмотря на то, что сейчас была ночь и они находились неизвестно где и когда, если верить утверждениям Инпу, несмотря на то, что всё вокруг казалось бредом спящего или умирающего человека, Линде показалось, что ещё настолько настоящей она не была никогда в своей жизни.

— А что бывает с душой... потом? — заинтересовано.

— Я отвожу её на суд Эннеады, где взвешиваю сердце, затем Мудрая Девятка решает...

— То есть весы не всегда определяют, весит ли Ка больше пера?

Анубис усмехнулся и покачал головой из стороны в сторону.

— Всегда, но у богов бывали свои слуги, которые творили их волю на Земле: цари, жрецы, пророки, их обсуждали горячее всего, смотря кто чей вестник и у кого какая миссия...

— Интересно, а потом, как определится судьба, что произойдёт дальше? Ты проводишь душу дальше в поля или в Алат?

— Нет, дальше царство моей матери...

— Нефтиды? — осторожно спросила Линда, исторические источники неоднозначно определяли этот кусок «биографии» бога.

Инпу вновь согласно кивнул, а девушка уловила тяжёлую печаль в до того тёмных глазах божества, что если бы она увидела его только сейчас, то ни за что не догадалась бы, что они подобны небу.

— Да, затем Нефтида, как божество посмертных тёмных земель, ведёт Ка глубже, поглощая его энергию своей темнотой...

— Похоже на чёрную дыру в космосе, — пробормотала себе под нос учёная, но, уже обращаясь к Анубису, спросила: — Почему я понимаю тебя? Ты говоришь на вполне современном мне языке, — Линде не терпелось задать древнему Богу Смерти множество вопросов. Когда ещё может представиться такая возможность? Хотелось расхохотаться от своих же мыслей, но это было бы неуместно. Хотя что вообще могло быть уместным в ситуации, где она и Великий Тёмный кинуты загадочным Хаосом в пустыню под древний звёздный небосклон?

— А я слышу тебя, как слышал совсем недавно богиню Бастет, ты говоришь на древнейшем языке, который когда-то принёс Осирис на Землю, только твой голос ниже, и в нём присутствует треск костра, — Инпу описал то, что чувствовал и понимал, глядя в ставшие растерянными глаза девушки.

Ночным лунным маревом повисло между ними молчание, в котором можно было услышать, как «поёт» космос над их головами. Линда прокашлялась и всё же нашла в себе силы продолжить беседу.

— Хорошо, ты сказал, что есть законные пути, но, значит, есть и незаконные, — предположила она.

И вновь лёгкая улыбка заиграла на губах божества.

— Есть: предназначение Хаоса, когда он вмешивается в ход истории, или кровавые человеческие ритуалы, привлекающие некоторых из нас, — последнее он произнёс с презрением.

— Боги не любят людские жертвы? — Портер вспомнила, что в некоторые эпохи культы в Египте были или могли быть с человеческими жертвоприношениями.

— Ни к чему, мы ничего не хотели и не хотим от людей, кроме поклонения, и то, после того как мой отец убил вырвавшегося на свободу змея Апофиса, чуть не погубившего подлунный мир и угрожавшего самому Ра, мы ушли в Дуат после настоятельного приказа Ра, раз и навсегда попрощавшись с постоянным пребыванием в Маате, закрыв собой вас, людей, от мира Амаат, хотя у каждого божества есть свои причуды: например, Бастет обожает, когда люди держат дома кошек, — он тепло усмехнулся, вспоминая о подруге.

— А ты, значит, коллекционируешь земных девушек? — Линда честно не хотела, оно само вырвалось.

В глазах Инпу промелькнул гнев, но девушка выдержала этот огненный шквал, не отведя своих ни на миг.

— Да, — само спокойствие, вновь обретая самообладание, перед ним был ребёнок этой вселенной, хоть и в облике прекрасной молодой женщины.

— А сейчас? — тоже вырвалось.

— Нет «сейчас», для богов время статично, для нас всё «сейчас», вот, например, сейчас Хаос послал мне тебя, — он по-хищному склонил голову набок.

Линда оторопела. Намёк был однозначным.

— Ты была со мной в святилище за завесой, при ритуале, — он тонко улыбнулся, видя промелькнувшее недоумение в её глазах.

— Ты хочешь сказать, что я твоя жрица? — предположила она.

— Сейчас я в этом уверен, Хаос не терпит пустоты, та, которая предназначалась мне в союзники для служения на Земле, исчезла... — Инпу верил, что Хаос просто надёжнс

спрятал девочку, он вдруг замолк, как будто его осенила мысль, затем немного сумбурно продолжил: — Я определил ей иную миссию, но чувствую, что что-то пошло не так, боги Великой Девятки мне не верят, не верят моему чутью, не верят, что есть некие силы, которые хотят низвергнуть вечный порядок, указанный Хаосом для нас всех, я был на особенном ритуале в прошлом Маата и в твоём настоящем... И эти события срывались, каждый раз меня вызывали в твой мир с целью уничтожить и каждый раз меня что-то как будто спасало, что-то не давало свершиться ужасному, — он замолк, пожевав губы, — нам нужно обязательно попасть в Дуат.

— Погоди, получается, что я некая замена той, что была предназначена для служения тебе изначально? — на языке вертелось столько вопросов, но Линда почувствовала, что пока не пришло время их задавать, что в нужный момент он раскроет перед ней все свои мысли, она была нужна ему, так же как и он ей.

— Так решил Хаос: надёжно спрятав одну, он дал мне другую.

— Но я ничего не знаю о том, что... Погоди, — она призадумалась, Инпу молчал, давая ей осознать своё положение. — Я знаю о Древнем Египте почти всё, — Линда не могла оторвать взгляда от его лица, — я знаю о бальзамировании, мумификации, о лечебных травах... Да я знаю всю родословную богов!

Инпу не смог удержаться от того, чтобы не расхохотаться. И этот смех был искренним, идущим от самого сердца. Мужчина давно не испытывал подобных эмоций.

— Чем не жрица Анубиса? — проговорил он, и его глаза заблестели, отразив в них луну.

— Но знать о Древнем Египте всё и очутиться в нём — это две большие разницы, — возразила Линда.

Инпу промолчал, а девушка решила ещё кое-что прояснить.

— В Маате, — она и сама не верила, что говорит подобное богу, называя свой мир, как называл его он, но так было и ей, и ему яснее, — люди близки к разгадке вечной жизни, я тому виной, я нашла информацию, приведшую к тому, что вечное, нестареющее тело нашли, они разложат его на молекулы, но найдут то, что ищут, — она задрожала от понимания, что свою ошибку уже исправить не в силах. — Люди станут подобны вам, они будут бессмертны, — она выдохнула от собственного бессилия, — этого так боятся всемогущие боги Дуата?

Анубис мотнул головой, и его глаза сверкнули холодным сапфировым блеском.

— Ты непочтительна, — он поджал губы, только и всего, он не стал сокрушаться, не стал винить её.

— А ты слишком серьёзно к себе относишься. От самого себя скулы не сводит? — девушка, фыркнув, смело смотрела в его лицо, ведь лучшая защита — это нападение, но глубоко в душе всколыхнулась благодарность к Инпу, он не упрекал её ни в чём. — Так ответишь?

Анубис хотел было ответить в своей манере, но затем, пожав плечами, небрежно кинул:

— Хаос не допустит того, чтобы вселенский порядок был нарушен, у него, как и у богов на Земле, есть верные люди, хранящие его, а вообще все беды человечества от неблагодарности к богам.

— Ты слишком уж надеешься на Хаос, толком не способный перенести нас в твой мир, а уж на людей... Эй, мы вообще-то разложили Вселенную на атомы! — возразила учёная.

— Хаос управит, а люди исполнят... — он вздохнул, смертная задавала правильные вопросы, это раздражало и радовало одновременно, ему даже показалось, что он вновь

ожил. — И что вам дали эти атомы? Ни одно ваше исследование не разгадало тайну послесмертия, тайну устройства мира, откуда вы, где ваша родина, у вас есть только лишь разрозненные данные, что не позволяют пролить свет на всю истину целиком, но открывают её обрывочными частями. Вы умны, наделены волей, но всё же не боги, — возразил он ей ледяным спокойным тоном.

Портер замолчала. Он оказался прав. Разве хоть в одной картине мира, представленной её коллегами-учёными, кроме мифологической, конечно, могло найтись место богам и чудовищам?

Она ничего не ответила, и он сохранял безмолвие. Но в этой тишине Линда не чувствовала себя ущемлённой, обиженной или проигравшей в споре, нет, Инпу не смотрел на неё свысока. Конечно, было в его поведении нечто такое, что не давало повода вести себя панибратски по отношению к нему, но и нарочитого уязвления не ощущалось, он не хотел её унижить, возможно, лишь поставить на место. Место, которое она занимала в той системе координат, где есть Бог Смерти, в той, в которой у вселенной был Творец, в той единственно верной, существующей независимо от научных изысканий исследователей.

— Тебе не понять, как сейчас для меня всё разворачивается, какие во мне рождаются эмоции, когда я вижу одного из тех, кто стоял на пороге зарождения жизни... и кто знает о смерти всё... — тихо, растерянно, силясь собраться.

— Я — тот, кто проведёт тебя, когда придёт твой срок... — начал было он, Инпу подумал, что она боится смерти.

— Я не боюсь смерти, если есть ты, значит, я увижу сына, но что будет, когда я ступлю на земли Нефтиды... без тебя? — эти слова сорвались с её уст сами собой, следуя мысли, внезапному порыву.

Их взгляды при этом встретились. Линда смутилась, Инпу отвёл глаза и уже в сторону проговорил:

— Тебя встретит моя мать, она справедлива, хоть и жестка, и всегда исполняет волю богов в точности.

— Значит, Алат, — она невесело рассмеялась.

Инпу промолчал, но где-то внутри неприятно заворочалось странное чувство. Непонятное, крадущееся в душу, берedaющее её, разбавляющее его мрачное спокойствие, обычное для его вечного существования. Он не хотел, чтобы Ка этой земной женщины размывалась в пространстве, было поглощено лучезарными пажитями Иалу, бог желал и дальше разговаривать с ней.

Линда по-деловому уложила ладони на талию, решив, что будет решать проблемы по мере их поступления, и, оглядываясь по сторонам, предложила Инпу:

— Пора бы нам прекратить рассуждать и начать хоть что-то делать, одеть тебя, к примеру?

— Далась тебе моя одежда, — проворчал Инпу, — это всего лишь облик, один из...

— То есть это не ты? — в учёной проснулся исследовательский азарт.

— Это я, но также я и... — и прямо на её глазах Анубис приобрёл свой волчий облик, совсем ненадолго, снова становясь стройным молодым мужчиной, — тебе надо привыкнуть, как моей жрице, как той, у которой есть миссия, и это больше, чем ты, я и весь пантеон богов, это воля Хаоса, единой точки, из которой вышли все мы, все, кто населяет Маат, Дуат и Алат.

— Ясно, — девушка вновь оглянулась, — мы сейчас находимся в пустыне, а пустыня —

вотчина твоего отца, почему бы нам не попросить помощи у...

— О, нет, — Инпу понял к чему ведёт Линда, — ты не знаешь, о чём говоришь, — он нервно поднял руки. — Нельзя жаждать помощи того, кто может погубить тебя одним только взглядом, мой отец единственный, кто справился с чудовищем, порождённым Амамом — о, нет, ты не знаешь, о чём просишь, моли Ра, чтобы не встретиться с ним никогда, потому что он как эта пустыня, даже в благостном состоянии смертелен.

— Тогда как нам выбраться отсюда? Как нам хоть куда-то добраться? — она растерянно озиралась по сторонам. — И куда нам надо добраться?

— До Ассиута, города, где почитают меня, а помощи мы попросим у, — он поднял руку к луне, — Хонсу, мы — путники, и неважно, кто перед ним, он всегда помогает молящемуся, пытающемуся одолеть дорогу.

— Давай для начала всё же прикроемся, — Линда сдёрнула верхнюю юбку, отрывая кусок от подола и передавая его Инпу, — мы же идём к людям, а у людей не принято быть обнажённым, даже если очень жарко.

Анубис поднял бровь, но принял из рук девушки ткань и опоясал ею бёдра.

— Теперь тебе стало легче? — спросил он, улыбнувшись.

— Да, не чувствуешь себя как в бане, — парировала та.

Инпу беспечно пожал плечами и поднял руки кверху, как бы раскрываясь навстречу звёздам.

— Ну и как мы... — Линда не завершила фразу, она замерла, увидев, что с ладоней Анубиса медленно начали слетать серебряные искры.

Он улыбнулся тому, как девушка поражённо молчала, а на лице той, чьи знания о Маат были обширными, отразилось неподдельное, по-детски незрелое удивление.

— Я не могу перенести нас в Маат, но я могу воззвать к силам, которые помогут нам понять замысел Хаоса, — он посмотрел на восток, как будто что-то увидел или услышал, что-то подвластное только ему, — ну, или хотя бы выбраться из пустыни.

А тем временем «серебро» с его ладоней щедро летело неяркими искрами и, повиснув в воздухе, распределилось впереди них тонкой ниточкой дорожки, на песке словно зажглись тысячи призрачных свечей. Линда с восторгом посмотрела на Инпу.

— Это что-то с воздухом... Ионы серебра... — начало было она и хотела притронуться к серебряным огонькам, как Инпу придержал её за локоть.

— Это наша дорога, не думай, просто иди по ней, это дар Хонсу, — произнёс он и многозначительно улыбнулся, чуть подталкивая её вперёд, заставляя быть смелее.

Они сделали шаг почти одновременно, вступив на светящийся путь.

— Это поразительно! — тихо восхитилась она и оглянулась назад, в темноту, чернеющую разинутой пастью неизвестности, Линда вновь посмотрела на свет впереди, который казался манящим оазисом, ожидающим её, а затем на Анубиса, ответившего ей сосредоточенным взором. Она нашла его ладонь и сжала её крепче, потому что он был настоящим, живым, среди остывшего пустынного пекла, якорем, она чувствовала жар его тела.

Смертная не знала, что никому из живущих на Земле не позволено касаться богов Дуата первыми, но у Инпу язык не повернулся поведать об этом Линде, одёрнуть, сделать замечание с надменным лицом, потому что он не чувствовал в этом надобности. Привыкший к тому, что видит людскую боль каждую миллисекунду своей вечности, бог был благодарен Хаосу за временную передышку, она могла закончиться так же внезапно, как началась. И он

смог найти ответ... Ответ крылся в том, что нельзя претерпевать боль всё время, а Хаос милосерден. Даже к непокорным богам. Сегодня он был... просто человеком и радовался тому, что может беседовать с тем, кому действительно интересен. «Живой снаружи, мёртвый внутри» — вспомнились ему слова чудесной птицы с человеческим лицом Ба. И тут же — какую радость испытал, когда искреннее рассмеялся. Человеческая боль притупляется, у людей на это есть целая жизнь. Раньше он думал, что у богов есть всё время вселенной, но это не так. На самом деле у них его не было, следовательно, у них нет и права на ошибку, но, оступаясь, им остаётся всю свою вечность только сожалеть, ведь богам нечем лечить свои раны. В этот самый момент он был жив. В ответ Анубис сжал ладонь девушки, и они продолжили двигаться по дороге из лунного света.

Но утро было ужасным, ещё совсем неяркое солнце опаляло так, что, казалось, плавилась сами кости, не то чтобы кожа. Ноги отказывались идти, но она упрямо передвигала ими. Ей порой казалось, что она сейчас вот-вот упадёт, но рядом величественно шествовал Инпу, всё так же держа её за ладонь, и она не могла оступить, не могла упасть или запричитывать о том, что путь нелёгок, потому что у неё есть надежда, а это вместе с рукопожатием бога — всё. Вдали начала виднеться зелёная растительность, и Линде показалось, что она даже слышит плеск воды.

— Только не говори, что это мираж, — прошептала она сухими губами, откидывая с блестящего от пота лба прилипшие к нему волосы.

— Не скажу, это место поклонения мне, — гордо произнёс он, — а вот и те, кто тебе помогут, — Инпу указал на бегущих к ним людей.

Линда увидела их и радостно улыбнулась, приветственно замахав руками, они же, добежав до неё, не смели к ней приблизиться. Она делала шаг, а они отступали назад. В руках одного виднелась мотыга, и он хотел было замахнуться ею на девушку. Портер инстинктивно выставила руки вперёд, закрывая себя, как вдруг услышала устрашающее рычание позади себя. Девушка обернулась и увидела стоящего прямо перед ней чёрного саба, ошетилившегося всей шерстью на холке. Рядом лежал обрывок подола её платья. Он вышел из-за её спины и мощными лапами сделал два шага, немного загребая песок на себя, вставая впереди учёной, устрашающе оскалившись огромной розовой пастью.

— Рехет*, — зашептали люди, зашушукались, не отводя от неё взгляда.

Линда криво усмехнулась и положила ладонь на холку волка, и, пробежавшись пальцами вперёд, приласкала того по голове.

— Ведите меня в Храм Инпу, я буду говорить со жрецом, — она не знала, откуда в её голосе появились настолько властные нотки, она не была уверена, что её вообще поймут, но люди повиновались и на почтительном между ними расстоянии провели её до величественного здания, красоту и масштабность которого девушка могла оценить только сейчас, когда воочию увидела его, возвышающегося над землёй, умело изукрашенного яркими росписями во всём своём великолепии, а не бледного, ветхого и серого подобия самого себя, погребённого под слоями грязи, песка, времени и забвения там, в Маате, в своём настоящем.

Икры окатило колючим ворсом, разнося сотни мурашек по воспалённой от солнечного жара коже. Саб неизменно следовал за ней. Он лишь предупреждающе рыкнул на пороге, когда стражники сомкнули перед ней копыта, не спеша пропускать их в блаженную прохладу.

Но, как только она вошла в храм, волк истаял в пространстве, заставляя охрану упасть ниц перед Линдой, которая растерянно замерла, пока не встретила с внимательным

взглядом молодого лысого мужчины. Он поклонился ей. Девушка также кивнула в ответ, оборачиваясь назад, понимая, что Хаос, или боги, или просто случайный выбор вновь сыграли с ней плохую шутку.

Кружение времени и пространства. Перед входом в Дуат.

— О, нет, нет, нет, — Инпу бы закричал, будь у него гортань и язык, как у человека, но он был в образе волка и смог только коротко тьякнуть.

«Только не сейчас! Только не сюда! — мысленно с горечью воззвал он к Хаосу. — Она там одна, и ей никто не поможет, я должен быть с ней рядом».

Лапами своей второй ипостаси он ощутил под собой холод и сырость и взглянул вниз. Непонимающе повертел головой, принохиваясь к морозному воздуху и запаху кустарника, окружившего его. И вообще его окружило множество незнакомых ароматов, из которых он вычленил один, слишком знакомый. Прямо перед ним стояла Линда, в каком-то исступлении упёршись ладонями о железную колесницу, на которой неслась на него тогда на зимней дороге. Инпу замер, не зная, что ему делать. Выйти? Или наблюдать? Но ведь Линда была в прошлом Маата... Игры Хаоса? Он не знал ответа и на этот вопрос.

Расстроенная девушка. Он опять ощутил горький вкус её беды на своём языке, а она сжала что-то в руке, и колесница издала лёгкий пиликающий звук. Инпу неосознанно ошетинился и рыкнул. В этот миг их глаза встретились, и он был готов поклясться, что девушка поразила его ровно настолько, чтобы он смог сделать вывод: она видела его впервые в своей жизни.

Затем Хаос, словно злобный ребёнок, вновь подхватил того как перо и вытолкнул в Дуат, в котором после приключений на Земле даже сам воздух казался волку застоявшимся, затхлым.

Храм Инпу. Проводница воли бога и его служитель.

— Это храм Инпу, дева, а я — Камазу, жрец, скромный служитель нашего бога, — представился лысый мужчина, проведя её вглубь храма, в его спасительную прохладу, в просторные апартаменты.

Они присели на стулья, куда он указал. Линда с жадностью учёного рассматривала предметы быта и поражалась искусности мастеров и яркости цветов, казалось бы, обыденной мебели, например, коробка с выпуклой крышкой, предназначенного для хранения вещей, с изображением на нём сражения фараона с вражеской армией. В чинном порядке возле огромного стола с усеявшими его поверхность свитками, папирусами и сломанными палочками для письма стояли стулья, обтянутые золотой парчой, без спинки, но с удобными широкими подлокотниками, у стены виднелась длинная скамья с золотыми украшениями на ножках в виде птицы Ба, на стене висела леопардовая шкура, перед выходом на просторный балкон, с которого доносился шум пальм, каким-то чудом сохранившихся в жарком климате и выглядевших вполне живыми, зелёными.

— Жрец, я — путница, — девушка решила ответить в его манере, вспоминая всё, что она когда-то прочитала.

— Люди сказали, что ты была с чёрным сабом, судьёй мрачного мира, Инпу, они называли тебя рехет? — в его голосе звучал вопрос, но во взгляде читалось сомнение.

Линда понимала, что люди прошлого считались очень религиозными и любое действие связывали с волей богов. Но жрецы имели дело с человеческой природой намного теснее, чем обыватели, встретившие её в пустыне. На лице Камазу была написана настороженность.

— Рехет... Я говорю волю богов, меня привёл сюда Инпу, он сказал, что я могу помочь Камазу, — учёная импровизировала на ходу.

Она и сама не знала, какое произведёт воздействие своими словами на служителя культа. Тот переменялся в лице и стал бледен, его губы задрожали. Камазу хлопнулся перед ней на колени и дотронулся до голых ступней дрожащими пальцами. А вот к такой интересной реакции её не готовили ни один из университетов, которые она посещала, ни сотни прочитанных книг, ни собственный житейский опыт.

— Ты не должен стоять передо мной на коленях, поднимись... э-э-э, служитель Великого Тёмного, — произнесла она, немного откашлявшись.

— Я ждал помощника, ждал и молился, я знал, что Инпу пришлёт жрицу вместо двух умерших жён и детей, которым не суждено было жить, — наконец-то произнёс мужчина, отнимая лицо от пола, отчего оно стало пыльным.

Линда оторопела, и Камазу заметил её смятение.

— Дева, никто и пальцем не тронет тебя в обители бога Инпу без твоей на то воли, — он вновь склонился перед ней, ясно давая понять, что любое её действие будет самостоятельным и основанным только на собственном решении.

— Поднимись с колен, жрец, — произнесла она, — и расскажи свои беды.

Камазу шустро встал, попутно отряхиваясь, и вновь присел на стул рядом, с невообразимой надеждой глядя в её глаза.

— Я уже немолод, мне тридцать, — начал он, хотелось расхохотаться: в её эпохе он ещё только начинал жить, но тут была своя шкала измерений, и по меркам того времени — возраст заката жизни. В это время жили не дольше двадцати пяти лет, и то если повезёт. Но на служителей богов, а также на сановников и фараонов это правило, разумеется, не распространялось: их жизнь была лишена физического труда, они имели доступ к врачевателям-светилам тех лет, к чистой питьевой воде и более качественной пище.

Камазу поведал о двух умерших жёнах и мертворождённых детях. Линде подумалось о том, что он наверняка хотел сына — продолжателя своего дела. Его беда откликнулась в её душе живо, даже больно.

— Я думал, что проклят, — напоследок произнёс он, — но на самом деле Инпу благословил меня.

Линда коротко улыбнулась, видя, как искренне растроган «старик». «Мыслить так же масштабно, как Хаос, дело неблагодарное», — решила для себя Линда. Свою задачу она видела в том, чтобы помочь человеку, сидящему напротив неё.

Ей оказали гостеприимство, вкусно накормив и выкупав в бане, правда, холодной, зато в чистой и душистой воде. Одежды, что ей дали, были легки и не стесняли движения. Однако ночь после того, как Линда очутилась в немыслимых, если не безумных, для себя условиях не принесла какого-либо понимания, как же ей следует быть. Она тщетно пыталась заснуть, чтобы на следующее утро не быть разбитой, но ей это так и не удалось. В голову лезли разные ужасы, а в каждом шорохе слышалась твёрдая поступь Анубиса. Временами ей казалось, что он специально исчез, но что-то подсказывало девушке, что её рассуждения были ложными. Да ещё было непривычно лежать на кровати, удерживающей её хрупкую фигуру. Ей казалось, что она сейчас упадёт, но, потрогав изголовье с искусно вырезанными

из чёрного дерева головами животных и немного раскачавшись на матрасе из листьев пальмы, который удерживали прочные кожаные ремни, создавая ложе-кокон для тела, Портер немного расслабилась. Хотя это и не добавило уюта, потому что ножки изголовья были выше тех, что были в изножии, и Линда опасалась, что она при любом неудачном движении может скатиться вниз. Подушки не было, чему учёная несказанно радовалась — спать на её имитации из камня, слоновой кости или дерева как-то не хотелось.

Проворочавшись полночи и так и не заснув, она встала и зажгла лучину, еле-еле осветившую пространство вокруг неё. Камазу был очень почтительным и положил её спать в своих покоях.

«Долго ли это продлится и не загнусь ли я здесь быстрее, чем Хаос вновь призрит на меня, и доведётся ли нам вновь встретиться с Инпу?» — невесело подумала девушка и закрыла глаза, вдыхая запахи свежего ветерка ночи и влаги зелёной растительности, что красиво окаймляла храм бога мёртвых, казавшийся оазисом среди пустыни, воздух которой совсем скоро раскалится, как сковорода на крупном огне.

Дуат. Споры богов.

Анубис, почувствовав под собой твёрдую поверхность холодного каменного пола, рванул к выходу из своих покоев, в которых оказался сразу, как только его лапы успели остыть на замёрзшем лондонском дёрне. В широкой зале никого не было, жертвенники ещё не остыли, а это значило, что время вечерней трапезы уже давно прошло. Его взгляд метнулся к невысокому столу. Тот пустовал, красуясь белоснежной скатертью. Бога ждали, да только так и не дождались.

Тем временем его бёдра облеклись в белые широкие брюки, а на грудь лёг знак жизни — Анх, его копия, то, что бог смерти доверил Хаосу, уповая на то, что один из ключей власти над Вселенной будет надёжно укрыт. Таковы условия. Отдать что-то, чтобы получить в ответ. Но что-то пошло не так, что-то идёт не так. Он чувствует это, чует своей животной половиной. И белокурая женщина... Она там, где не должна быть или должна, но с ним. Что с ней будет и даст ли им Хаос вновь увидеться? Какой смысл в их недолгой встрече и в стремительном расставании?

Как только он переступил порог своего храма, то увидел летящую ему навстречу птицу Ба. Подлетев поближе, она обольстительно улыбнулась и тряхнула шикарным, горящим крылом, из которого выпало перо, быстро вспыхнувшее и сгоревшее. Прямо в руки упал небольшой листок. Ба, хихикнув, улетела, растворившись в звёздном пространстве, оставляя за собой тонкий светящийся шлейф. Анубис раскрыл записку и, пробежав глазами по тексту, тут же скомкал её в кулаке. Бумага начала тлеть и вспыхнула, ему пришлось раскрыть ладонь. Огонь не обжёг, но письмо бесследно сгорело. Не все достаиваются чести приглашения самой Судьбы на беседу.

Инпу шагнул с порога и, подумав о Сешат, оказался на дороге из солнечного света. На миг его ослепили яркие лучи дневного светила, как будто волна накатила. Схлынув, он заметил каменистую тропинку и траву, постепенно переходящую в невысокие кустарники, за ними шумели редкие деревья. И вокруг ни души. Пока его сзади не дёрнули за штаны. Инпу развернулся и посмотрел вниз — туда, откуда глядела на него большеглазая девчонка с причудливо переплетёнными между собой тёмными волосами.

— Тоже к бабуле? — спросила та и улыбнулась, видя, что взрослый растерялся.

— Да, — коротко ответил тот.

— Она уже ждёт тебя, — девочка прошла вперёд и, поравнявшись с ним, взяла Инпу за руку.

— А куда идти-то? — спросил он, оглядываясь в поисках хоть какого-то дома.

— Да вот же! — девочка захихикала и показала прямо перед собой.

В метрах пяти от них стоял... белый храм. Как и у многих богов. Он не был величественен, как, например, у Осириса и Исиды, где он часто бывал. Нет. Небольшого размера без особых украшений, если не считать уменьшенной копии сфинкса, как будто лениво разлэгшегося у самого входа, здание тем не менее внушало трепет, ведь в нём жила богиня судьбы, та, руки которой ловко дёргали ниточки всех живших, живущих и тех, кто будет жить, и даже судьбы богов. Она говорила с самим Хаосом.

Инпу смело ступил на порог. Смысла тянуть не было. Девочка откинула перед ним полог, занавешивающий проход. И бог мёртвых в который раз за короткое время удивился. Внутри оказался небольшой зал с очагом, тускло освещённый и почти весь завешанный пучками трав. Их аромат казался сладким, а в очаге булькало варево. Пузыри лениво поднимались и тягуче лопались на поверхности. Девочка отпустила мужскую ладонь и подбежала к чану, схватив поварёшку, принялась помешивать густую снедь. А затем, выудив откуда-то узкий сосуд, пачкаясь и обжигаясь, стала лить туда жижу.

Чуткий слух волка уловил мерное клацанье. И он двинулся в сторону звука. И почти у самой стены увидел её. Пожилая полноватая женщина со стекляшками на глазах резко двигала костяшки счётов и что-то спешно записывала палочкой на папирус.

— Ты звала, матушка Сешат, я пришёл, — произнёс Инпу, дожидаясь её реакции.

Женщина вскинула глаза на него и усмехнулась.

— Быстро же, думала, будешь занят, — проговорила она спешно и, отложив счёты и палочку для письма, встала. — Рада приветствовать у себя.

Инпу слегка склонил голову, поздоровавшись с богиней.

— Знаю про ключ, — коротко произнесла она, и её взгляд красноречиво обличил бога.

— Я делал как лучше, — начал было он.

— Но уже пожалел о своём решении, потому что не можешь быть сейчас там, где тебе быть необходимо, — завершила она за него.

— Тебе известно многое, — только и смог произнести Инпу, — Хаос играет со мной злую шутку, стремясь наказать за то, что я спрятал Анх и повелел ему затеряться.

Сешат склонила голову набок и хитро улыбнулась.

— Тебе почём знать намерение Вселенной, что создала богов, разум, который и нам не понять?

— Я появляюсь и исчезаю там, куда не имел намерения прибывать, встречая тех, с кем бы... — он замолк, потому что и сам удивился тому, что только что хотел произнести.

— Не хотел расставаться? — договорила старушка за него. — Хаосу надо восстановить равновесие.

— Нужно найти мой Анх? — спросил Инпу.

— Иногда всё так неочевидно, мальчик мрачных подземелий Дуата с глазами, унаследовавшими небо, что ты не знаешь, поступил ли ты правильно, или своевременно, или есть ещё силы, что мешают Хаосу осуществлять его замысел в отношении нас.

— Люди? — вновь спросил он.

— Людям открыта только часть, — ответила Сешат и задумалась.

— Люди обретут бессмертие, в той точке земного времени это возможно, этого так боится разумный Хаос?

— Людям позволено знать лишь только то, что разрешили боги, но вот только кто?

— Амон-Ра, — догадался Инпу.

— Ты на верном пути, Великий Тёмный, — заверила его Сешат.

— Я всех предупредил, но мне поверил только Гор, Бастет поддержала только потому, что любит нас, и всё на этом, остальным было всё равно, никто не хотел поделиться своей властью, пожертвовать своими регалиями.

— Ты пожертвовал, ты отдал ключи, и путешествие по мирам тебе больше недоступно, — с восторгом произнесла женщина, немного смутив бога мёртвых.

— Однако я с каким-то чудовищным постоянством появляюсь там и сталкиваюсь...

— Бе-е-е-ела-а-а-а-я-я-я-я жри-и-и-и-и-ца-а-а-а-а, — протянула Сешат, произнеся слова нараспев.

Инпу промолчал, его ощущения были правильными. Хаос взял, Хаос отдал.

— Мне нужно обратно, она там, где её не должно быть, — упрямо произнёс он.

— Ты уверен в этом? Ты ведь прошёл только половину пути, но на вторую же упрямо вступать не хочешь, а ведь Хаос любит смелых, ты хоть раз задумывался, почему люди ещё до сих пор живы? — Сешат вновь присела и взялась за счёты и письмо.

— Может, ты скажешь наконец-то хоть что-то определённое? Что ты делаешь? — в голосе мужчины слышались гневные нотки.

— Пишу судьбу твоего отца, — ответила та, вновь коротко из-под стекляшек взглянув на него.

— Сет сам пишет свою судьбу, — гордо произнёс Инпу.

Сешат больше не посмотрела на него, пробормотав:

— И то верно, — затем громко выкрикнула, обращаясь уже к девочке, — проводи нашего гостя.

Малышка взяла мужчину за руку и вывела тем же путём на каменистую, освещённую ярким солнечным светом дорожку. Он был мрачен, разговор с Судьбой ничем не помог ему, не натолкнул ни на единую мысль.

— Грустишь? — спросила девочка. — Что-то случилось?

Инпу усмехнулся.

— Потерял, — ответил тот и уже было сделал шаг, чтобы оказаться у себя, как девочка начала говорить.

— Я тоже однажды теряла куколку, любимую, дедуля Тот подарил, я так горько плакала, не могла успокоиться, но потом вытерла слёзы и решила искать, и знаешь что? — она требовательно заглянула в его лицо, так, что Анубис невольно улыбнулся и качнул головой, как бы предлагая ей продолжить. — Оказывается, она всё время была рядом, — сказала девочка, вложила ему в ладонь сосуд с варевом и, помахав рукой, убежала к храму.

Мужчина свёл брови к переносице, хмурясь, а заглянув в ёмкость, чуть покрутив её в руках, брезгливо поморщился. Инпу шагнул с солнечной дороги прочь, моментально оказываясь в своих тёмных владениях, а на пороге его храма горела масляная лампа.

Храм Инпу. Пески ждут.

Линда в первый раз в своей жизни спускалась в подземный храм под некрополем, где

покоились простые смертные жители Древнего Египта. Кто-то из них смог подготовиться к жизни по ту сторону смерти и накопил достаточно, чтобы быть твёрдо уверенным в том, что его тело будет увито погребальными бинтами и мумифицировано по всем канонам, кто-то же, наоборот, не смог и наверняка умер в скорби, ни на что не надеясь и по ту сторону бытия.

Здесь же, под землёй, в каменных узких лабиринтах ходов и невысоких лестниц, под толщей песка скрадывался любой звук тишиной, но она была звенящей, а ещё учёная слышала стук собственного сердца, готового лечь на весы судьбы...

Она тяжело вздохнула, когда Камазу, повернув за очередной угол, остановился. Они дошли до последнего приюта богатых мира сего. Здесь творилось то самое чудо, которое учёными будет изучаться со всей тщательностью, то, что, как она узнала, принёс людям сам Анубис из-за сострадания. Линда ощутила благодарность, усилившую чувство надежды на скорую встречу с родным человеком.

Тем временем Камазу поднял руку с факелом и поднёс его к выемке в стене, поджигая масляную лампу, то же самое он проделал и с лампами в других таких же нишах, затем ещё с теми, что стояли на каменном столе рядом с тем, на котором лежало мёртвое тело. Жрец затушил факел и отложил его в сторону. Мужчина обошёл стол с трупом и мрачно уставился на девушку, словно бы он боролся сам с собой.

— То, что ты сейчас увидишь, должно остаться тут, под этой рогожей, поклянись, — наконец-то решился он.

Линда кивнула, сглотнув неприятный горький ком, тут же образовавшийся в горле.

— Это высочайшее поручение, рехет, — продолжил он, сверля её лицо взглядом.

— Я понимаю, какое доверие ты мне оказываешь, Камазу, и всё сделаю для того, чтобы оправдать его, — она поклонилась ему, как это делали другие жители храма, где служил жрец.

Он кивнул, ему было достаточно слов той, что появилась как знак великого благоволения бога, на поклонение которому он положил свою жизнь.

— Мы сейчас приступим к осмотру покойного, но вот ещё одна вещь, которую ты должна знать, — Камазу вздохнул и оттер пот, проступивший на его лысом черепе, — этот мужчина — видный сановник при нашей солнцеликой госпоже Хатшепсут, и он не единственный, кто скончался в её дворце, и вот что самое интересное: погибают только те чиновники, кто придерживается традиционной веры...

Девушка с поклоном прервала его, спросив:

— Традиционной?

Камазу поднял бровь, но счёл уместным объяснить.

— Все веруют в разных богов, у каждой беды, как и у счастья, свой лик, но есть те, кто стремится ввести культ бога Амон-Ра, и у них это получается...

— В этом есть что-то плохое? — переспросила она. — Ещё один лик...

Мужчина нетерпеливо мотнул головой.

— Хаосу виднее, сколько у него детей, но Ра уже есть, наше солнце, отец всех фараонов, а Амон-Ра нам неизвестен, и он тот, кто претендует на замену собой всех, и даже самого Ра, — подумав, он риторически спросил: — Кто скрывается под личиной бога, разрешающего кровавые вакханалии, лишённые всяческих приличий, на которых творятся дикости и непотребства без разбору пола, возраста и отношения к человеческому роду? Какому богу нужны такие жертвы? Кто творит бесчинства? Действительно ли тот бог? А

может, всего лишь человек, дорвавшийся до власти?

— Есть подозрения? — спросила девушка, и тут же спросила: — Могу взглянуть?

— Есть, — Камазу откинул полог, и Линда увидела разбухшее от жары тело худого мужчины, — но он слишком близко стоит к великой госпоже, чтобы я мог высказать хоть какие-то выводы, а прежде всего нам надо узнать, от чего скончался несчастный.

Прежде чем Камазу смог что-то сказать, Линда наклонилась и осмотрела синеватое отёкшее лицо покойного, затем, оттянув веки, заглянула в мутные глаза и, открыв рот, заглянула в него. Без перчаток. Приходилось работать в невозможных условиях, но у неё не было выбора, и она знала, от чего скончался несчастный. Возможно ли такое, не ошибается ли она?

— Не может быть... — прошептала она и озадаченно посмотрела на Камазу, спросив, — известно ли тебе что-то о ртути и её свойствах?

Тот отрицательно мотнул головой.

— Киновари? — попробовала она ещё раз.

Тот же ответ.

— Возможно... вот что поможет... живые капельки, как будто вода, но тяжелее, плотнее, — она говорила сбивчиво, волнуясь.

Камазу согласно закивал.

— Но это легенда, — произнёс он слегка озадаченно.

— Легенда? — переспросила Линда.

— Да, о воде Сета, — уточнил Камазу и, заметив, что девушка заинтересована в том, чтобы выслушать его, продолжил, — есть якобы посреди пустыни озеро, а возле него раскинут оазис, только оазис тот — не оазис вовсе, а мёртвая земля, а из озера воды не попьёшь, потому что оно отравлено, а если хоть раз кто-то в его тёмном зеркале отразится, то умрёт через день-два.

«Отлично, — с досадой проговорила про себя учёная, — где-то в столице под боком фараонши орудует маньяк с ртутью, обнаружить которую возможно только специальными маркерами, а пары её так же смертельны, как и она сама, вот задачка!»

— Вот этой «водой» был отравлен несчастный, — подтвердила Линда догадки мужчины.

— Могло это быть случайным? — чуть поразмыслив, спросил Камазу, он старался вычленить самое главное.

— Могло, но как быстро скончался сановник? — учёная внимательно осматривала каждый сантиметр тела несчастного.

— День, может, два, — ответил Камазу и тут же спросил, — кто научил тебя распознавать яды?

В его голосе не было подозрения, но жрец насторожился.

— У Великого Тёмного много знаний, жрец, — дипломатично произнесла девушка и слегка склонила голову.

Камазу тонко улыбнулся.

— Ты пришла сюда в сопровождении волка, дева, доверяю этому больше, чем всем словам, вместе взятым, — его взгляд был цепким, внимательным, но в то же время он кивнул головой, явно желая, чтобы девушка продолжала.

— Если это то, о чём я думаю, а все признаки на трупе этого мужчины об этом вопиют, то это ртуть, металл, — она осеклась, заметив недоумевающий взгляд жреца, и тут же

исправилась, — вода, эта вода смертельна, её можно дать вместе с любимым напитком, например, вином, и человек умрёт в течение суток-двух, это очень опасно.

— Моя задача — предупредить солнцеликую Хатшепсут, — проговорил Камазу напряжённо, — мы завтра же едем в столицу, через два дня караван уже будем там.

— Ты хочешь, чтобы я тебя сопровождала? — спросила Линда, чувствуя, что это путешествие может быть фатальным.

— Да, ты едешь со мной, мне нужно познакомить тебя с моим другом, он врач при дворе правящей династии, Имхотеп, думаю, взаимный обмен опытом будет интересен вам обоим.

Линда кивнула. Если бы ей сказали о том, что она когда-нибудь окажется во времена Древнего Египта и будет готовить тело умершего к мумификации вместе с великим жрецом Анубиса, она бы очень долго смеялась над фантазиями собеседника. Но сейчас ей было не до веселья, с другой стороны, быть здесь — прекрасный опыт, и, если она когда-нибудь выберется отсюда, у неё будет столько материала, чтобы написать не один труд, пусть даже если он и будет основан на догадках.

«Если...» — с тоской подумала про себя девушка.

Камазу приступил к ритуалу, а Линда поняла, что лучше хоть что-то делать, чем мыслями сходить с ума и мечтать о возвращении домой. Уже много позднее девушка, омывшись в бане, сопровождаемая евнухом, пришла к себе в покои и устало села на кровать, радуясь, что она у неё хотя бы есть. Вообще в этом храме к людям относились по-другому, чем принято считать в общеизвестной версии истории. Но не все культы были такими мирными, как культ Инпу. Здесь царили строгость и уважение друг к другу, а возможно, тому способствовала личность жреца, ведь он с ней мог сделать всё, что ему заблагорассудится, и ему никто бы не смог препятствовать, но предпочёл приветить как дорогую ему гостью.

Линда потушила лучину и улеглась спать. Но ночь не принесла отдыха, спала она плохо из-за жары и москитов. Она уже было хотела встать, как полог, который скрывал её комнату от посторонних глаз, хотя и формально, но всё же, отодвинули, и в проходе появилась голова одного из евнухов.

— Камазу ждёт тебя, — произнёс тот и поклонился.

У девушки сердце упало куда-то вниз и бешено заколотилось в пятках.

— Что нужно нашему господину от меня? — спросила она и сама себя обругала — голос предательски дрожал, решил воспользоваться правом хозяина?

Но евнух промолчал и только почтительно поклонился. Они вышли в коридор, в котором зябко веяло прохладой, так что её тонкое одеяние несколько не спасало её. А когда сопровождающий остановился возле комнат Камазу, то девушка тяжело вздохнула.

— Господин, рехет на пороге, — произнёс тот и бесшумно исчез.

— Проходи, дева, — промолвил тот, видимо, ожидая, когда та решится пройти внутрь.

Линда откинула тонкую завесу, отделявшую коридор и апартаменты Камазу, и вошла внутрь. Мужчина стоял возле низенького стола, облачённый в золотую парчу. Он поклонился вошедшей, как в зеркальном отражении Портер повторила за ним.

— Решил я побеседовать с тобой, рехет, — он говорил спокойно, но женским чутьём уловила волнение.

Девушка лукаво улыбнулась, и её взгляд скользнул по поверхности стола. Фрукты, лепёшки с мёдом и вино.

«Мужчины одинаковы во все времена», — подумалось ей, прежде чем их взоры встретились: её смелый, его немного смущённый, изучающий, ожидающий.

— Разделишь ли со мной трапезу? — спросил он.

Линда слегка поклонилась и присела за стол. Камазу уселся следом, всё так же глядя на неё. Они ужинали, хоть и запоздало, и вначале их разговор вернулся к сегодняшнему открытию, планам на путешествие, пока неожиданно не перетёк в личное, когда жрец осторожно спросил о том, где она жила до того, как появилась в Ассиуте и у него в храме. Учёной не хотелось врать тому, кто принял её у себя и оказал гостеприимство, но и сказать правду она не могла, потому что даже самый религиозный человек и тот, кто слепо верит в мистику, никогда бы и ни за что бы не принял рассказ о ней за истину.

— Я та, кто здесь и сейчас может помочь тебе и помогает, не ты ли, служитель Великого Тёмного, сказал мне о том, что я послана тебе им как твоя помощница? — Линда старалась держать спину ровно и говорить уверенно под горящим заинтересованно мужским взглядом.

Камазу отхлебнул из стоящего перед ним кубка жадно, Линда сделала лишь мелкий глоток.

— Я бы хотел, чтобы мы принесли клятвы перед статуями богини Исиды и Хатхор, — произнёс тот открыто, вино придало ему смелости, а девушка нравилась явно сильнее, чем следовало бы для жреца культа, где чтят невинность.

Учёная призадумалась. Её приняли в этом храме, дали приют, доверили тайну. С другой стороны, это ведь не повод выходить замуж. Портер хотелось расхохотаться, но в то же время было явно не до смеха. Камазу же расценил её молчание за растерянность и сомнения.

— Моя сестра** не будет ни в чём нуждаться, никогда, я буду верен и заботлив, как и сейчас, а наши дети будут продолжать моё дело, — жрец чуть улыбнулся и протянул Линде ладонь, ожидая, что она скрепит согласие не только словом.

Девушка не торопилась дать ответ, но руки не подала, прямо и смело смотря тому в лицо.

— Служитель Великого Тёмного, — произнесла она, — я не знаю своей судьбы, чтобы ответить тебе «да» на твоё щедрое предложение, ты — заботлив и рачителен, как господин, и я ни на миг не сомневаюсь, что любая была бы счастлива рядом с тобой...

— Но не ты... — с сожалением.

— Я всего лишь странница в этом мире, и я не знаю, куда может забросить меня моё предназначение... — мужчина вновь прервал её.

— Ты обещана Инпу? — он был озадачен.

— Я когда-то скрепила свои руки брачными узами, жрец, и я знаю, что такое — потерять дитя, — произнесла девушка, и её глаза заблестели непрошенной влагой, — мой жизненный путь непредсказуем, а ты хороший человек, Камазу, и я не хочу, чтобы ты вновь оплакивал потери.

Камазу побледнел.

— Прости меня, рехет, больше никогда не заведу я разговор о таком, — он стал печальным.

Их беседа после некоторого молчания перешла в нейтральные темы, а затем и вовсе иссякла. За порогом её ждал всё тот же евнух, чтобы сопроводить в комнату, отведённую ей, а затем, по утру, так же явиться за учёной. Её сердце беспокойно дрогнуло, как только они прошли знакомым вчерашним путём. Линда облегчённо вздохнула, когда они пропустили

покой жреца, ни на секунду там не задержавшись, а остановились у малого обрядового зала, где Камазу отдавал кому-то указания. И вправду, как она могла подумать, что жрец не понял её отказа и попытался бы вновь завоевать её внимание? Зал этот полностью осветился встающим солнцем, свет от которого протянулся дорожкой к выходу, образовав столп, в котором кружились частички пыли. Линда протянула ладонь, и ей показалось, что кожа на руке заискрилась.

— Белая жрица, белая жрица, — услышала она перешёптывания за спиной и обернулась.

Из-за поворота, где располагались помещения со служительницами культа Инпу, высунулось множество маленьких чёрных любопытных головок.

— Смотрите на её волосы, они золотые! — восторженные возгласы так и сыпались из их уст, — Инпу увидит такую красоту и разом забудет о других...

Линде стало смешно от этих слов, и она вошла в полоску солнечного света, пару раз покрутилась на месте.

— Я — рехет, могу каждую из вас заколдовать за ваши слова, но я не буду этого делать, вы же хорошие девочки, — произнесла она заговорщицким тоном, — а если вы и дальше будете говорить глупости, то я запишу каждое ваше слово и передам Камазу...

— Не надо говорить Камазу, прекрасная рехет, не надо, — вновь шёпот, и они скрылись за поворотом, тем более что послышался голос самого жреца, который приглашал её войти.

В небольшом, хорошо освещённом помещении, по периметру которого стояли стройным рядом стулья с изогнутыми в виде лап различных животных ножками, а дальняя стена украшена шкурой леопарда, стояли трое мужчин. Двоих из них, Камазу и главного евнуха, она знала, но вот третий ей был неизвестен. В чёрном одеянии и ткани, скрывающей половину лица. На плече сидел сокол и крутил небольшой головкой. Линда почтительно поклонилась.

— Я говорил тебе об этой женщине, Амун, — произнёс жрец.

Мужчина, лицо которого было скрыто, вначале взглянул на Камазу, затем на Линду.

— Умеешь ли ты принимать роды, рехет? — спросил служитель Инпу, сразу переходя к делу.

Линда растерянно посмотрела на каждого из стоящих мужчин по очереди.

Примечание:

* ведьма (егип.)

** в Др. Египте муж и жена называли друг друга брат и сестра

Чудо для жреца Инпу. Новоиспечённая Бахити.

— Ты когда-нибудь принимала роды, рехет? — спросил жрец Анубиса и с надеждой посмотрел на Портер.

«Теоретически, вполне возможно, у меня всё и получится», — с сомнением подумала Линда.

— Я не уверена, — ответила девушка и тут же спросила, — здесь нет разве тех женщин, что могут помочь роженице?

Амун и Камазу невесело переглянулись. Сокол на плече загадочного мужчины встревоженно встрепенулся.

— Девы, живущие здесь, чисты и душой, и телом, им нельзя ни под каким предлогом вступать в запретную связь с противоположным полом, только если Анубис не призрит, и поэтому без надобности в храме держать ещё и повитуху, — развёрнуто пояснил служитель культа.

Девушка внимательнее присмотрелась к нему. Тот был взволнован и искренне переживал.

— Ближайший маммизи* в одном восходе Луны отсюда, господин, — пояснил мужчина, скрывающий под чёрной маской лицо, — будущая мать может и не выдержать ожидания.

«Интересно, почему Камазу так расстроен?» — спросила себя девушка и чуть прищурилась, пытаясь понять источник его чувств.

Повисло тяжёлое молчание, в котором каждый соображал, что же делать дальше. Наконец Линда не выдержала.

— Жрец, дозвошь обратиться? — спросила учёная и увидела, что он кивнул, продолжила далее: — Почему ты так переживаешь?

Камазу помрачнел и взглянул на Амуна. Тот без слов всё понял и с лёгким поклоном покинул залу. Служитель культа не смотрел на девушку — он отвёл глаза в сторону.

— Анубис послал тебя, но вчера, рехет, ты ясно дала понять, что не расположена ко мне, ты не захотела возлечь со мной на брачное ложе, — он нервно вскинул руку, чтобы Линда промолчала, когда та было открыла рот, но в жесте и в голосе мужчины не было упрёка, — я неправильно истолковал знаки бога, которому служу и душой, и телом, — жрец слегка вздохнул и наконец-то взглянул Линде в глаза, при этом они искрились от надежды на счастье. — Эта женщина пришла следом за тобой, неся в себе дитя, её нашли в пустыне, недалеко от того места, где когда-то появилась ты в сопровождении чёрного саба, не это ли судьба?

Линде вывод жреца показался неочевидным: то, в чём был так уверен Камазу, она не могла принять рациональным чутьём. Но она видела, что тот цепляется за призрачную надежду на внезапно свалившегося на его лысую голову ребёнка, как утопающий за соломинку. В этом времени и мире, считающийся стариком, вполне себе молодой мужчина уже не надеялся на то, что у него когда-то может появиться наследник. А ещё учёная испытывала по отношению к нему благодарность за то, что он приютил её в храме и был

тактичен с ней.

— Тебе важно, жрец? — спросила девушка, задумчиво убрав волосы за спину, ощущая, что сейчас решается на то, что может у неё и не получиться.

— Да! — жрец сказал так отчаянно, несдержанно, как будто молился, так же неистово и с надеждой.

— Я помогу, — пообещала Линда.

— Она слаба, очень, её нашли истощённую и ничего не видящую, ослепшую от солнца и песка, я не знаю, каким чудом она нашла Ассиут, — Камазу всё ещё изумлялся и сжал губы, стремясь скрыть сильное переживание.

— Сделаю всё возможное, чтобы дитя и мать были живы, — твёрдо уверила она того.

Но когда учёная увидела роженицу, то почувствовала, как волосы на её голове зашевелились от ужаса. Девушка лежала на плотном высоком матрасе из листьев пальм, кинутым на пол. Она была худа, а кожа местами обгоревшими струпьями свисала с ног и ступней, на руках — язвы, полные гноя. Тёмные волосы залипшей паклей свалялись на голове, беспорядочным комом торча с её одной стороны. Линда взглянула на несчастную, что-то бубнившую себе под нос, и растерянно оглянулась на Камазу. Затем снова обратила свой взор на девушку, которая, вероятно, совсем недавно только-только достигла своего совершеннолетия. На её тело целомудренно была наброшена тонкая ткань, словно паутинка, впрочем, не скрывшая крови в межножии.

— Мне нужно много чистой горячей воды, неиспользованные ткани и две помощницы, крепкие девочки, которых не вывернет от увиденного, — девушка словно бы отстранилась от того, что происходило вокруг, роды ей принимать не приходилось, но анатомию она знала хорошо, одно только её удручало, и она поделилась своими опасениями со жрецом, — роженица слепа и сильно измождена, не ела и не пила, наверное, долгое время, и ребёнок...

На лбу Камазу выступили капельки пота. Он легко догадался, о чём ему хочет поведать рехет.

— Ты обещала мне, пришедшая с сабом, — взгляд жреца стал стальным, как острый нож, как и голос.

Линда ничего не ответила, вместо этого прошла к лежавшему перед ними и корчившемуся в родовых муках дару пустыни.

«Не многовато ли для такого маленького промежутка времени посланниц Инпу?» — эта мысль промелькнула в сознании Линды настойчивым набатом, и она вновь взгляделась в лицо девушки, которая слеповато водила им из стороны в сторону.

Где-то на фоне раздумий и сомнений Камазу распорядился принести всё то, что просила Линда.

Измученная девушка не могла сопротивляться присутствующим, у неё не было сил, но, без сомнения, она боялась, страшилась того, чего не могла увидеть, и безотрывно шептала:

— Я — дочь своего отца, я — дочь своего отца, я — дочь своего отца...

Прежде всего её следовало успокоить, и Портер уселась рядом с ней на колени, взяв за ладонь, затем слегка помассировала хрупкие плечи. Она хотела вывернуться из рук Линды, попыталась закрыться, как будто боялась, что её вот-вот ударят, начав группироваться, желая спрятаться, стать как можно меньше, из груди рвались рыдания, невероятными усилиями сдерживаемые ею, но учёная мягко, но настойчиво мяла кожу шеи и без умолку приговаривала.

— Тебе хотят помочь... Ты в храме Инпу, здесь облегчат твои страдания, здесь тебя

защитят и вылечат твои раны, дадут кров и пищу, ты не будешь ни в чём нуждаться, твоё дитя родится здоровым, — увещевала её Линда, пытаясь успокоить.

Девушка замерла, прекратив все движения, и слепо, но безошибочно уставилась в лицо рехет. Той в эту секунду показалось, что она прозрела. Неожиданно незнакомка расхохоталась и одновременно зарыдала, в бессилии откинувшись спиной на матрас, но затем её рука крепче ухватилась за руку Линды, и она, что есть силы, прошептала, как будто это было посланием ей:

— Я есть дочь своего отца...

Через короткое время, в течение которого учёная успела осмотреть девушку и сделать вывод, что ребёнок ещё жив, ей с поклоном принесли всё, что она просила, две рослые девушки. Они, не моргая, с ужасом глядели на роженицу. Ужаснулась и рехет, ей открылось намного больше, чем помощницам. Приготовившись к процедуре и мысленно моля всех богов этой вселенной — и настоящих, и выдуманных — о помощи, морально собравшаяся Линда присела рядом, чётко следя за тем, чтобы девушка не теряла сознание.

— Пить, — вновь надломленно прошелестела роженица, и Линда смочила её сухие губы.

Портер решила, что сделает всё возможное и невозможное для того, чтобы помочь девушке выжить. Ходить она наверняка не могла, это причинило бы ей ещё больше боли. Линда села к её голове, мягко уложила её, немного сопротивляющуюся, к себе на колени, попросив девчушек смочить тряпку, и отёрла грязь с её лица, поразившись тому, насколько черты лица незнакомки прекрасны. Роженица затихла, и из её глаз потекли слёзы от ласковых прикосновений учёной. Тёплая вода, которой та омыла её лицо, принесла облегчение. Это чувствовалось. Линда что-то пела ей — она прислушивалась, пока новые схватки не завладевали ею и она вновь не корчилась в родовых муках. Временами темноволосая девушка впадала в сон, приносящий ей успокоение, но ненадолго. Ей не хватало сил, чтобы разрешиться от бремени, и она была близка к тому, чтобы сдаться. Но потуги найденной в пустыне беременной с каждым разом проходили всё слабее и слабее. Две жрицы, приставленные Камазу, беспрестанно находились рядом, подавая воду и тряпки, успокаивая. Так прошло несколько часов, а солнце уже успело скрыться за горизонтом.

Когда в очередной раз слепая не отозвалась на схватки, Линда, помогавшая ей, громко прокричала, пытаясь достучаться до её сознания:

— Что бы ни случилось с тобой в прошлом, не сдавайся сейчас, у тебя есть шанс подарить жизнь тому, кто будет любить тебя крепче всего, потому что нет уз сильнее и надёжнее, чем матери и ребёнка, и любовь его безусловна к тебе, что бы ни было потом между вами, — Линде хотелось разреветься, она гладила девушку по выпуклому животу, пытаясь хоть как-то простимулировать, чувствуя по движениям изнутри, что ребёнок хочет жить.

Та приподнялась на локтях, разрыдавшись и собрав все силы, смогла вытолкнуть из себя младенца. Комнату, а исследовательнице показалось, что стены храма сотряслись, огласил громкий, нетерпеливый, полный болезненного ожидания крик миниатюрной девочки. Линда, быстро оmyв маленькое тельце, отрезала и перевязала пуповину, объединявшую младенца и мать, подумав, что теперь их будут скреплять более крепкие узы, и передала девицам, чтобы они запеленали ребёнка. Ставшая матерью роженица облегчённо откинулась на матрас, насквозь пропитавшийся кровью.

— Это дочь, — глухо утвердила, а не спросила мать.

— Д-да, — нечётко произнесла учёная, пробегаясь удивлённым взглядом по измученному лицу девушки. — Напрягись ещё разок, — попросила она девушку — послед вышел мягко, не причинив ей боли. — Отдайте матери ребёнка, положите рядом, как только она отдохнёт немного, её надо переместить на более удобное ложе, — немного задумалась, — и снова нужны будут тряпки, следите за ней, чтобы не было сильного кровотечения, в таком случае зовите меня.

Девочки согласно кивнули и, положив дитя рядом с матерью, унеслись исполнять приказ Линды.

Та уже хотела выйти, как была остановлена словами девушки:

— Инпут не забудет твоей доброты.

Портер улыбнулась, уточнив:

— Это твоё имя?

Девушка отрицательно покачала головой.

— Ты так нарекла девочку? — догадалась Линда.

Мать кивнула и приложила ребёнка к груди. А обессиленная рехет вышла из небольшого помещения, всего пропахшего кровью, и сползла по стенке рядом с проходом, мелко дрожа и рыдая. На крик младенца примчался Камазу. Мужчина помог ей подняться на не слушавшиеся её ноги и слегка встряхнул исследовательницу. Она вскинула своё лицо, сплошь в дорожках солёной влаги, на него.

— Как... девушка? — спросил он, — жива?

Линда безучастно кивнула.

— А ребёнок? — он словно бы клещами вытаскивал из неё ответы на свои вопросы, начиная злиться.

— Девочка... дочка, — она слабо улыбнулась, — здорова, но ослаблена, — Линда наконец-то включилась в разговор, — нужна кормилица и лекарство для ран матери.

— Хвала богам, — прошептал тот радостно, — всё найдём, но ты... не рада? Всё уже позади... Ты — благословение богов, твоё имя отныне — Бахити**, — затем спросил: — Надеюсь, с девушкой всё будет хорошо?

Линде хотелось закричать от злости и оттого, что она ничем не могла помочь страннице, пришедшей к ним из пустыни, в такой ситуации, мир всегда был жесток к женщине, а уж в те времена тем более.

— Думаешь, с ней будет всё хорошо?! — учёная еле сдерживалась от гнева. — Камазу, её насильовали, жестоко, беременную, я не знаю, отчего её глаза стали слепы и можно ли это вылечить, но очень хочу, чтобы лекари постарались, на её животе множество синяков, её ещё и били, я не знаю, каким ей чудом удалось бежать и от кого, но с ней это сделал какой-то злобный сумасшедший, — затем, повинувшись порыву, прильнула к нему. — Береги её, жрец, пуще ока, её и дитя, которое она тебе принесла, вот твоё благословение, Камазу.

Слуга Великого Тёмного, крепко сжав её плечи, ответил:

— Клянусь всем, что есть на земле, так и будет, Бахити.

Затем поспешил туда, где лежала хрупкая девушка с выпавшими на её долю, одной только ей известными страданиями, которые Линде даже не хотелось себе представлять, потому что такое и с ней могло случиться здесь, если бы не слуги Инпу и её поистине роскошное везение, словно бы сама богиня Рененутет вела её своею рукою по пескам времени. Рукою, которая могла в любое время её оставить.

Ревность и убеждение. Дуат.

Инпу, закрепив дар Сешат у пояса штанов, обещая себе позже разобраться с загадкой богини Судьбы, вошёл в своё жилище и увидел у жертвенника стоящую к нему спиной стройную девушку, длинные тёмные волосы которой свободно струились по обнажённой коже, спускаясь к ягодицам, затянутым лёгкой, почти невесомой, ничего не скрывающей прозрачной тканью, заставляя гадать, так же ли они сочны и упруги при прикосновении, как и на вид. По поддрагивающим плечам женщины понял, что она плачет. Инпу тяжело вздохнул и прошёл к ней, поравнявшись, смотря прямо перед собой. Отчего-то пылающее лицо подставил лёгкому сквозняку, что пробрался в его дом и потревожил и без того грозившее затухнуть пламя жертвенника.

— Ужин моего господина остыл, — произнесла та как будто мягко, но в голосе слышалась досада.

— Я не ужинал, — примиряюще сказал он и, повернув к ней голову, улыбнулся.

— Накажу, чтобы приготовили, — слишком подобострастно проговорила та и уже было хотела ускользнуть, как Инпу остановил её, придерживая за ладонь, а затем, поддев подбородок большим и указательным пальцами, заставил посмотреть на себя. Из глаз вновь закапали крупные слёзы, а женщина упорно отводила от него взгляд.

— Что случилось? — спросил он обеспокоенно, чуть встряхнув её лицо.

— Господин больше не желает видеть свою Разию? — она наконец-то посмотрела в его глаза своими, огромными от печали.

— С чего ты взяла? — спросил он озадаченно.

— Тебя нет в храме много ночей и дней, мы с девушками подумали, что ты... что ты... — женщина запнулась, и её лицо побелело.

— Что мне принесли жертву? — спросил он насмешливо. — И ты решила проследить за ритуалом подношения богу, понравилось ли ему?

— Разве любовь не предполагает в себе беспокойства за того, кого любишь, привязанности и истомы в разлуке? — женщина несмело притронулась к его торсу, заставляя вздрогнуть. — Хочу, чтобы мой господин был всегда сыт, всегда пребывал в хорошем состоянии духа и его ничего не тревожило, а я же вижу, что тебя что-то гнетёт, поделись со мной, тебе станет легче, давай я распорядюсь и мы поужинаем вместе? — её ладони скользнули немного ниже, и девушка, не смутившись, заметила, что Инпу напряжён.

Он мягко отстранился и спросил, хмурясь:

— Ты лучше знаешь, что надо богу, верно?

— Стараюсь... — девушка пыталась разгадать причину недовольства любовника и его холодность по отношению к ней. — Стараюсь угадать любое твоё желание.

Анубис смягчился, заметив, что в уголках её прекрасных тёмных глаз вновь начинает собираться влага.

— Не хочу сейчас насыщаться едой или лаской, — мужчина взглянул на жертвенник и, кивнув на него, как будто равнодушно произнёс, словно попеняв девушке, — поддерживай огонь, а то он вот-вот погаснет.

Инпу прикрыл глаза и исчез, оставив Разии тысячу вопросов, сомнения, негодование и ревность. Мысли и намерения привели его в храм подруги. Глаза резанул яркий свет, а слух — какофония смеха и беспорядочной суеты. Возожжённые жертвенники заходились жарким пламенем и пахучими травами, обволакивавшими всё пространство, дразнили чувственное

желание, легко кружили голову, а вкупе с вином, плескавшимся в кубках, подталкивали присутствующих на разнузданном празднике вечности в объятия друг друга.

Анубис недовольно поморщился и тяжёлым взглядом обвёл разномастное собрание обнажённых, атлетически сложенных молодых людей из гарема госпожи-кошки, а также праздных и мелких божков, не входящих ни в Великую Девятку, если не считать Гора и Хатхор, ни даже в первую сотню. Те редко посещали храм игривой богини, которая и не стремилась их видеть у себя, хотя и не отказала бы в приёме ни одному из них, решив те повеселиться у неё.

Мимо него «проплыло» божество маленького роста Бэс, подмигнув серьёзному Анубису, явно желая, чтобы тот расслабился, поприветствовав воздушным поцелуем хозяйку торжества и одновременно смачно ударив по попе проходившую рядом рабыню, взвизгнувшую вначале, а затем задорно рассмеявшуюся. Вкусы Бастет обычно не обсуждались. И не осуждались.

— О, кто к нам пожаловал! — вскричал с противоположной стороны залы Гор, потряхнув при этом золотыми кудрями.

Анубис широко и искренне улыбнулся. Бастет тоже обратила своё внимание на вновь прибывшего и, перед тем как подойти, присмотрелась к нему, гадая, почему он решил посетить её пиршество, будучи всегда редким гостем.

Друзья встретились, сойдясь в центре залы посреди праздника, который всегда сопровождал вечность богини-кошки.

— Никак снова та загадочная смертная, — промурлыкала та, приняв к мужчине, и рассмеялась, заметив, что Инпу мрачно и с упрёком воззрился на неё.

— Я что-то пропустил? — немного рассеянно спросил Гор, его щёки покраснели от выпитого напитка. — Конец власти Разии? — он довольно потёр ладони между собой. — Последняя была не последней? — и тут же пояснил: — Прости, брат, но я не люблю твою эту... жрицу, ты позволил рабыне думать, что она — единственная.

— О, ты пропустил почти всё оттого, что теперь очень редко бываешь у меня, — она шутливо стукнула его веером по предплечью и обиженно надула губки, но тут же продолжила, смягчившись, когда увидела, как он умоляюще сложил руки, безмолвно прося, чтобы Бастет продолжила, — в Маате он встретил земную девицу, ни разу с ней не говорил, а втрескался по уши...

Она несдержанно, бархатно рассмеялась, но осеклась, видя, что Инпу не намерен подхватывать их весёлый настрой, хотя его щёки и покрылись розовым румянцем.

— Говорил, — коротко ответил тот и поймал искреннее удивление в глазах подруги.

— Так... так... так... — громко возгласил Гор, — почему я ничего не знаю о прекрасной смертной? — вопрос был задан обиженным тоном.

— Потому что он прячет её, боясь, что боги Дуата выстроятся за её ласками в длинную очередь, — подначила Инпу Бастет, но, увидев, что тот побагровел от гнева: — Прости, — так же сквозь смех, оттирая слёзы с глаз, — ты такой милый, когда сердись...

— Погоди, Бастет, — глаза Гора заблестели от интереса, он поднял бровь и обратился уже к Анубису, — ты встретил красивую птичку и не показал нам? Тебе кто-то принёс новую жертву или ты порылся среди своего гаремника и воспылил давно остывшей страстью к одной из своих жриц? Я бы хотел видеть Разию в тот момент, когда она ломает шею этой счастливой несчастной! — он вновь расхохотался.

Инпу еле сдерживался, стараясь сохранять спокойствие, ожидая, когда пройдёт пик

веселья у его друзей и они будут готовы выслушать его.

— О нет, — продолжили измываться над другом Гор и Бастет, шутливо переглянувшись между собой, — погоди-ка, ты настолько серьёзен, что влюблён и готов принести клятвы вечной любви, попросив благословение моей жёнушки? — златовласый бог оглянулся и нашёл глазами стройную, красивую женщину, вокруг которой увивалось большинство присутствующих, кто-то из них декламировал оду, а та снисходительно улыбалась, явно предвкушая более плотское продолжение.

Инпу глубоко вздохнул, подавив в себе порыв крикнуть, чтобы утихомирить друзей, продолжая оставаться внешне спокойным и серьёзным. Веселье богов постепенно сошло на нет.

— Если вы закончили соревнование, кто больше всех выбесит невозмутимого Инпу, то давайте уже найдём укромное местечко, где бы нам никто не мешал и вы смогли бы наконец-то выслушать меня, — мрачно предложил он, как бы подводя итог шутливой атмосфере.

— Вот умеешь ты всё испортить, — проворчал Гор и тряхнул от досады кубком с вином, выплеснув половину на пол.

Тут же из-за угла, не нарушая ничьих границ и ловко уворачиваясь от ленно прогуливавшихся по помещению богов и людей, выскочила парочка невысоких уродливых существ, лишь издав напоминаящих маленьких людей. Они в пару мгновений отёрли красное пятно, похожее на кровь. Инпу наморщил лоб, и его сердце дрогнуло. От чего-то. Волчьё предчувствие. Девушке нужна была его защита.

— Ну? — в нетерпении произнёс он.

— Идёмте, — Бастет тоже подхватила толику его тревоги, став серьёзной, и указала на выход.

Собравшиеся в зале не заметили исчезновения трёх знаковых фигур в египетском пантеоне богов, продолжив веселиться и пить, славя их. Бастет увела друзей в освещённые мягким светом, тихие и прохладные покои своей спальни, где не было слышно гомона гостей. Как только друзья остались наедине, Гор взял инициативу в разговор.

— Скажи мне, ради чего именно ты прервал наше веселье? — всё так же ворча, спросил он, присев в кресло с подлокотниками, вырезанными из красного дерева в форме кошачьих лапок, и прихватив с собой лежащую вместе с остальными фруктами в огромном блюде на низком столике гроздь винограда.

Бастет разместилась рядом на низкой скамеечке, обитой мягким блестящим материалом, и воззрившись на Инпу снизу вверх, приготовившись внимательно слушать. Он выдохнул, пытаясь найти правильные слова, чтобы убедить друзей.

— Помните, я вам говорил об Амон-Ра... — начал было он.

Гор закатил глаза до белков.

— Мы-то помним. А тебе напомнить, как отнеслась Девятка к твоему рассказу? — он попытался сказать это как можно мягче, сдерживая раздражение.

— Вы тоже не верите моим опасениям, — он с горечью взглянул на своих друзей.

— Хм, не верю, однако же это я помог тебе спрятать Анх, — обиженно проворчал бог, чьим символом был сокол.

— Мы всегда за тебя, Инпу, дорогой, — попробовала смягчить разговор Бастет.

— Ты стучишься в закрытую дверь, друг, хочешь, чтобы тебя, как тогда, смешали с грязью, назвав пустым фантазёром? — Гор насупился, упёрся локтем в подбородок. —

Девятка вынесла своё суждение...

— Выслушайте меня, а там решите, что нам делать дальше, вы можете мне не верить, но я был в Маате, я своими глазами видел девушку, которая своим пытливым умом нашла не умершее тело человека, душа которого давно в лучезарных полях Иалу, он по природе своей должен был обратиться в прах, но этого не произошло, я был на том ритуале, я чувствовал руку божества, в которого верю только я, и, видимо, только я себе и «напридумывал», но реальность, когда люди станут подобны богам и захотят прийти в Дуат, близка...

— Погоди-ка, — Гор не верил в то, что говорил Инпу, но ему стало любопытно, как и Бастет, — хорошо, люди станут подобны богам там, у себя в Маате — нам-то что с этого? Мы не можем без твоего ключа перемещаться между мирами, а уж они тем более... Ты надёжно спрятал Анх, второй у Осириса, а уж к нему-то точно никто не сунется.

— Мой ключ спрятан так, что даже я не знаю, где он, — как будто сам себя успокаивая, произнёс бог мёртвых.

— Ну вот, милый, — нежно и примирительно произнесла Бастет и уже готова была встать, протягивая к нему руки, как замерла — мужчина чуть качнул головой, ясно давая понять, что сейчас не время.

— Вы не понимаете, что-то не так, раз Хаос кидает меня в Маат, в разное время, но всегда к одной и той же, — он откашлялся, проглотив ком смущения под пристальными взглядами друзей.

— А, — Гор понимающе улыбнулся, — к той девушке... Так взял бы её в Дуат, раз уж Хаос такой милостивый... Кстати, а почему Хаос подкидывает тебе девиц, а мне нет? Ты вообще у нас не мастер любовных утех, прицепился к своей Разии... Ты у нас один такой везунчик... — ворчливо и притворно завистливо.

— Может, потому, что ты женат, дорогой мой Сокол, — Бастет уколола того фразой-шпилькой и негромко хохотнула, когда заметила, как он помрачнел, — говори, милый, — обратилась она к Богу Смерти.

Инпу разочарованно цокнул языком.

— С ней мы были в настоящем Маата, но нас перенесло в прошлое, туда, где богам поклонялись, и я чувствую, нет, не так, — он был взволнован, — я знаю, что ей нужна моя помощь. Линда — ответ на мои вопросы...

— Может ли смертная быть ключом? — предположил Гор.

— Думаю, нет, но она та, что смогла докопаться до тайны бессмертия, я думаю, она важный кусочек в мозаике беззакония, творящегося во всех трёх мирах, иначе бы Хаос не вмешивался, он молчал даже тогда, когда Апоп вырвался из Амата и хотел сожрать всё живое.

— Слава твоему отцу, этого не случилось, — спешно проговорил Гор, вдруг задумавшись, он взглянул на друзей прояснившимся взглядом, — Инпу, говоришь, что Хаос цепляет тебя, а не Осириса, ведь у него тоже есть ключ, но почему не моего отца, а тебя?

Бог согласно кивнул, не зная, к чему ведёт брат.

— Анх Осириса — ключ к жизни, твой же — к смерти, ключи нужны именно те, что принадлежали тебе, те, что открывают мир чудовищ, Амаат, иначе мой отец давно бы уже собрал Эннеаду и мы бы готовились к войне, ища врага в Маате...

— Мог бы Осирис... — начала неуверенно Бастет, боясь обидеть Гора, — мог бы он быть как-то причастен к творящемуся безобразию, ведь, имея ключи к жизни, теоретически он мог бывать и в Маате?

Гор гневно вскочил со стула и посмотрел на Инпу. Тот отрицательно мотнул головой, и Сокол вернулся на место, стараясь не смотреть в виноватые глаза Кошки.

— Милый, — произнесла мягко Бастет, обращаясь к Гору, — я так не думаю, просто предположила.

Она пожала его ладонь, он в ответ тоже, как бы давая понять, что не держит зла.

— Враг не рождён в Маате, он тут, вместе с нами, — Инпу взглянул на Гора и быстро оговорился, — я не думаю, что это твой отец, брат, — затем после небольшой паузы продолжил: — Людям не доступны знания, с помощью которых можно завладеть ключом, тот, кто плетёт интриги, находится в мире Дуата, используя свои способности, зная тонкости земных ритуалов, тот, кто хочет безусловной власти над...

Он осёкся, и в глазах проскользнуло нечто похожее на страх.

— Над всеми мирами, — растерянно договорила за него Бастет.

— Погодите, если бы у него был твой ключ, то он бы уже давным-давно осуществил задуманное, — Гор стал мрачен, синие глаза мигом потемнели.

— Мы можем сколько угодно гадать, что задумано предателем, но одно я знаю точно: Хаос дарит Дуату земную девушку так, как будто именно она может помочь, а мою задачу я вижу в том, чтобы не упустить этот шанс, — Инпу чуть улыбнулся, поймав лукавый взгляд подружки, и чуть покачал головой, досадуя на её крамольные мысли и на себя из-за них же.

— Так, может, расслабимся и подождём её тут, раз всеблагой Хаос так настроен, — к белокурому богу вновь вернулось хорошее настроение.

Бог мрачных подземелий хотел вскипеть, но его остановила любовь к своему брату, а также знание о бесконечной пропасти между богами и людьми — богами, которые не видят и не знают страданий, которые заняты собой и вечными увеселениями, которым теперь заказан путь в Маат.

— Возможно, люди были бы неплохими богами, — только и сказал он.

— Это почему ещё? — вопросительно поднял бровь Гор.

— Потому что я наверняка уверен: та, что настойчиво искала в своём мире истину, сейчас в нём же, только в другое время, ищет и меня, — он обвёл присутствующих горящим взглядом.

Гор обречённо вздохнул и посмотрел на Бастет.

— Я помогу, чем могу, — пропела та в ответ, пожимая ладонь Инпу.

— И я, можешь на нас рассчитывать, — пообещал сын Осириса, — я никогда не видел тебя таким... — он сально усмехнулся и хотел было отвесить более резкое словцо, как осёкся под уничтожающим взглядом брата, но затем всё же договорил, — э-э-э-э... воодушевлённым.

— Я желаю собрать Эннеаду, — предложил Инпу.

— Чтобы тебя снова выставили дураком, брат? — Гор переплёл руки на груди и закатил глаза. — Надо действовать как-то по-другому.

Бастет, заметив на поясе его штанов ёмкость Сешат, с интересом спросила:

— А что это там за бутылочка? Что-то вкусное? — она лукаво подняла бровь и потянулась к его бёдрам.

— Дар Сешат, — ответил Инпу коротко и, подцепив маленький кувшин ладонью, передал его богине-кошке.

Та приблизила его к носу и тут же отодвинула от себя.

— Фу, это мерзость, но почему я не удивляюсь? Что ещё можно ожидать от выжившей

из ума старухи, которой больше некуда приложить свои силы, кроме как раздавать вонючую жижу в красивых вазах богам Дуата? — резко.

— Она не старуха, и уж точно не безумная, правда, и ничего конкретного богиня не сказала, — пояснил Инпу.

Бастет фыркнула, как бы говоря, что это и имела в виду.

— Ого! — заинтересовался Гор, и кошка с облегчением всучила ему бутылёк в руки, — Сешат щедра к тебе... — подтрунивая над другом, нюхая и заглядывая вовнутрь, — знаешь, если не вдыхать сей «аромат», то выглядит эта... хм... жижа... как небо в ясную звёздную ночь...

Инпу непонимающе посмотрел на брата, выхватил кувшин из его ладоней, заглянул туда, а затем его лицо просияло.

— Дуат знает, что надо делать, лишь бы в Маате поняли и ждали, — медленно проговорил бог под внимательными и недоумевающими взглядами друзей.

Путешествие в один конец. Маат.

Перед поездкой в столицу Египта Мемфис Линда, а теперь и новоиспечённая Бахити или, как называли её жрицы храма Инпу, белая жрица заглянула к матери прелестной девочки Инпут. Та спала, утомлённая событиями вчерашнего дня и успокоенная повязками с мазью на руках, ногах и глазах. Камазу не обманул, и её здоровьем занимался целитель, приглашённый жрецом. Девочке также ничего не угрожало.

Выйдя из храма и запахнув льняной, длинный до пят, тёмно-синий халат, который укрыл от нескромных мужских глаз её нижние полупрозрачные лёгкие платья, белокурая женщина неспешно прошла к верблюдам, жаждущим тронуться в путешествие по кажущимся бескрайними пескам Сахары. Портер обернулась к величественному храму, и сердце неприятно ёкнуло. Она ведь не вернётся сюда?

Линда пыталась внутренне собраться и не пенять на судьбу, что забросила её в прошлое, ведь в конце концов всё, что с ней сейчас происходит, могло быть просто сном, комой, а встреча с Инпу — иллюзией. Но вот только что делать с его обещанием вернуть ей сына? Это не было безумием? Не должно быть... или всё же да?

Камазу неторопливо шёл по направлению к ней, по пути рассматривая упряжь кораблей пустыни, раздавая указания тем, кто будет сопровождать их в странствии. Они поприветствовали друг друга лёгкими поклонами.

— Готова ли ты, Бахити? — он заинтересованным взглядом обвёл её лицо, пытаясь прочесть на нём эмоции.

— Ты хочешь знать, страхусь ли я? — переспросила его Линда.

— Это опасное путешествие: близкое присутствие власти, убийца, намерения которого неизвестны, но тем не менее уничтожающий видных царских сановников, что мы там найдём? — жрец не сводил с неё глаз.

Девушка задумалась, но затем ответила:

— Камазу, умереть не страшно, когда у тебя нет того, к чему желаешь вернуться.

Мужчина вздрогнул и посмотрел в сторону храма. Теперь ему было чем рисковать, и он не спешил отправиться в последний путь, сулящий ему опасное для жизни присутствие у ног солнцеликой Хатшепсут. Но по-другому он не мог. Великая царица благоволила культу Инпу из-за любви и почёта среди простого народа, а также из-за даров и податей, что

нескончаемой рекой лились в закрома фараонов. Вера в бога смерти, страх перед неизвестностью и желание во что бы то ни стало заполучить себе тёплое местечко в египетском раю толкало людей на огромные траты, отказ от земной жизни и подчинение её подготовкой к загробной. Линда не думала, что Камазу был настолько наивен, чтобы не понимать этого, но его благие поступки говорили и о том, что он тоже верует.

— Выслушает ли нас великая царица? — усомнилась учёная, стараясь заполнить молчание между ними, жрец не отходил, ему как будто что-то нужно было от девушки, но нужно ли участие в происходящем самой Портер?

— Хатшепсут умна и обеспокоена происходящим, — заверил её жрец, но, заметив тень на её лице, решил уточнить, — это и твоя война, Бахити, ты можешь и должна послужить великому делу.

Линда кивнула, соглашаясь, и вновь бросила взгляд на храм.

— Скажи мне, Камазу, когда ближайшая церемония подношения жрицы для Инпу? — спросила та, она всё время обдумывала возможность хоть каким-то образом связаться с так не вовремя исчезнувшим богом мёртвых.

Тот удивлённо поднял бровь, но пояснил:

— Праздник состоялся совсем недавно, следующий будет лишь через год.

Надежда связаться с Инпу через ритуал, как это случилось в её настоящем, рассеялась с последними словами мужчины. Линда от досады чуть не цокнула языком, но остановилась, как только столкнулась с изумлённым взглядом Камазу.

— В храме нет говорящей с богами, ты одна можешь, ведь к порогу тебя привёл сам Инпу, — твёрдо произнёс он.

«Вот же чёрт, — подумала про себя Портер, — теперь он думает, что я ещё и оракул... Влипла так влипла... Хотя, если бы не Инпу в образе зверя, я... — она осадила свои мысли, рассудив здраво в том безумии, которое творилось вокруг неё. — Меня, возможно, уже бы не стало или моё тело терзали бы так же, как и тело бедной матери Инпут, буду тем, кем меня считают — жрицей, знающей медицину и общающейся с богами».

— А что же Амун? — спросила девушка, резко меняя тему разговора. — Ты доверяешь ему?

Камазу без промедления кивнул.

— Амун — жрец в храме Гора, прибыл в гости, поговорить... — мужчина довольно улыбнулся, явно представляя себе вечера в тёплой компании с бутылочкой вина, невольно улыбнулась и Линда, он, заметив это, кашлянул, вновь становясь серьёзным, добавил, — словом, ему можно доверять.

Девушка оглянулась на мужчину, на плече которого сидел сокол, пристально присматривающийся к окружающим. Тот неотрывно смотрел на неё, словно стремился разгадать загадку.

— В дорогу! — прикрикнул Камазу, затем цокнул языком.

Верблюд присел перед девушкой, и она смогла забраться на него с восторгом и замирающим сердцем. Она ахнула, когда верблюд поднялся во весь рост. Линда с пылающим лицом вновь обернулась на храм, словно оазис, раскинувшийся в пустыне. Великий Тёмный установил правила, которые сохраняли какую-то «нормальность» в привычном для неё понимании, или ей грезится так? И так ли уж жестока смерть, если она дарует верным вечное пребывание в полях Иалу? Она злилась на саму себя, потому что вдруг поняла, что у неё нет ненависти к Инпу. Так ли страшна смерть, если её лик подобен его? У неё осталось

лишь бесконечное чувство вины на саму себя из-за сына. Не уберегла... Просмотрела... Могла бы раньше заметить симптомы... Могла ли? Ведь Генри «сгорел» почти мгновенно...

«А Инпу помнит его последние слова, до сих пор помнит и до сих пор скорбит... Вместе со мною... Люди умирают каждую секунду, неужели всех помнит и всё его печалит?» — Бахити отвернулась от здания, накрыла голову и половину лица платком — так, чтобы нос и рот были защищены от песка, затем устремила свой взор вперёд, а верблюды тем временем тронулись, и караван начал свой мерный, неспешный путь по сухому морю навстречу попутному лёгкому ветру под синим небом Древнего Египта, в вышине которого неспешно парил сокол Амуна.

К ночи уставшие путники спешили, устроив привал в небольшой деревеньке, что попала им на пути. Сопровождающие слуги шустро носились взад-вперёд, обустроивая себя и слугителей бога Инпу на ночлег, Камазу и Амун, разжёгши костёр, приготовили в небольшом чане воду для ароматного чая каркадэ, шустро деля лепёшки между собой, перекидываясь сочными фруктами.

Линда села на предложенное ей место на сухом толстом бревне, заботливо застеленном тканым цветным полотном. Она задумчиво смотрела на то, как вода вскипела, а чай разлили по глиняным кружкам. Девушка слегка поёжилась от ставшего прохладным воздуха и подняла голову вверх. Небо заволочило призрачной дымкой, и те звёзды, что они видели вместе с Инпу, когда Хаос, не пережёвывая, выплюнул их в прошлое Маат, теперь как будто стыдливо кутались в неё.

Девушка вздрогнула, когда на её плечи опустилась накидка из шерсти овцы, а рядом опустился Амун. Его лицо было открыто. Темнокожий, с ясными голубыми глазами, мужчина производил впечатление нездешности и сильно напомнил ей коллегу. Они молча сидели рядом, а через какое-то время он сходил к костру и принёс ароматно пахнущий чай в глиняной кружке, подавая ей одну из них. Линда покрутила чашку в руках. Ладони мгновенно согрелись, а по воздуху потянулся «дух» напитка, отдавая тепло и запах окружающим. Девушка вдруг подумала о том, что она не мёрзла в присутствии Анубиса, это открытие поразило её.

— Шерсть несчастного животного считается нечистой, но без неё никак, по ночам пустыня может быть убийственно холодна, — он словно бы оправдался за свою заботу о ней. — Камазу представил нас, но мы не познакомились.

— Я знаю, ты — Амун, жрец храма бога Гора, — рядом послышался всполох крыльев и заскребились коготки, Линда обернулась, заметив совсем рядом на ветке сухого дерева силуэт сокола, внимательно наблюдавшего за хозяином и ею, в случае опасности для него, она не сомневалась, хищная птица не оставила бы ей ни единого шанса выжить.

— Я знаю, ты — Бахити, белая жрица, оракул и благословение Камазу, — он усмехнулся, и девушка поняла, что Амун не так прост и не принимает на веру всё, что известно о ней жрецу Инпу. — Ты появилась в храме совсем недавно и уже снискала славу и доверие моего друга... — его цепкий, внимательный взгляд скользил по её лицу, пытаясь понять, что же кроется за её внешней красотой.

Линда приподняла уголки губ, наметив улыбку.

— Понимаю твои опасения... — прежде чем продолжить, она задумалась, — я одна пришла к храму в сопровождении чёрного волка, возродила все религиозные и не только чаяния Камазу, а теперь еду в Мемфис, в столицу, к самой царице, и это путешествие одно из самых небезопасных, возможно, в один конец, можно самой голову сложить, думаешь, я

смогу навредить жрецу Великого Тёмного? — иронично приподняла бровь девушка.

Он опустил взгляд в песок, чуть улыбнувшись, — Портер поставила его на место, но сделала это без умысла обидеть или как-то зло задеть.

— Он видит в тебе жрицу, Бахити, я же вижу богиню... — его внимательный взгляд встретился с её, на секунду растерянным.

— Вот уж воистину, — с ироничной улыбкой подумала про себя Линда, ожидая завершения фразы Амуна, и он продолжил:

— Как и всякую женщину, — девушка еле удержалась от хохота, гадая, прошла ли некую проверку на тщеславие от жреца Гора.

— Так странно слышать такое после знакомства с беременной из пустыни, — медленно произнесла она, веселье мигом улетучилось, а её скулы плотно сомкнулись.

Амун кивнул, соглашаясь с Бахити, принимая её сарказм.

— Вера египтян возносит женщину на один уровень с мужчиной. Первым царём наших благословенных земель был Осирис, и правил он вместе со своей супругой Исидой на равных. Вот поэтому я сравниваю любую женщину с богиней. И любой, кто верует в богов, согласился бы со мной. А вот тот, кто сделал ужасное с ожидающей дитя, вряд ли придерживается религиозных догматов и вряд ли он человек при этом, — мужчин сокрушённо вздохнул.

— А как же рабство? — вырвалось у Линды, она не хотела задавать этот вопрос, ведь в его время несвобода могла восприниматься иначе, чем в её.

— Египтяне свободны, — произнёс он и улыбнулся, потом добавил, видя её неверие, — разве раб мог построить величественные пирамиды, и для царей ли они, если самыми пиками упираются в благодатные небеса?

Девушка задумалась над его словами и отвела от мужчины взгляд, сделав глоток крепкого кислого напитка, который одновременно взбодрил дух и утолил жажду. Лепёшку она есть не стала, решив, что перекусит завтра утром. Разговор как-то сошёл на нет, и она ушла в хижину. Кое-как устроившись на простой циновке и закрывшись овечьей рогожей, девушка прикрыла глаза и подумала о превратностях своей судьбы. Мысль кружила над ней, как над Амуном его сокол, оберегая или готовя к чему-то страшному. Но и награда за преодоление препятствий немалая — возвращение сына. Возможно ли? А немертвое тело умершего, которое они нашли в храме Инпу? Тоже невозможно, но оно есть, она видела его, она знает, что это тело не умерло, а значит, возможно всё. Слишком много вопросов, на которые нет ответов. С этими мыслями она задремала, беспокойно уснув, и несколько раз за ночь просыпалась: вначале от лая собак, затем от дыхания пустыни, показавшейся ей живой, временами ворчавшей барханами, плакавшей ветром, тихо смеявшейся перекатами песка.

Утро принесло облегчение, больше от того, что можно было уже как-то действовать, хотя бы ехать. Камазу был крайне доволен, несмотря на то, что знал, с какой целью состоится их визит. Караван шёл споро, и вскоре они достигли окраин Мемфиса. Линда это сразу поняла по огромному количеству нищих, что встали возле дороги с протянутыми, грязными руками, оборванные, едва одетые, громко вопящие о своём несчастье. Впереди как контраст — блестящие золотые шпили стел, посвящённых великим победам фараонов, и ослепительные от отражённого в них солнца верхушки пирамид. А между ними пустыня как разделяющая черта. Без нюансов, без цветовых переходов, без тысячи граней. Роскошь и убожество, нарочитое изобилие и крайняя нужда. И середины нет.

Караван остановился в нескольких милях от главных ворот города. Камазу, Амун и

Линда в сопровождении двух крепко сложенных слуг проследовали пешком. Два верблюда, гружённые подношениями для Хатшепсут с усиленной охраной, двинулись прямо к дворцу царицы. Линда с интересом осматривала окрестности, а затем и улочки Мемфиса, припоминая, что в её времени всё великолепие, буйство красок, крики торговцев, нескромные взгляды мужчин и громкое улюлюканье носящихся туда-сюда беззаботных детей запорошены песком забвения. От торговых лавочек доносились ни с чем не сравнимые ароматы трав, специй. Торговцы расстилали перед ней ткани, наперебой хвалясь и отпихивая друг друга.

Наконец-то шумные улочки и торговая площадь были покинуты ими, и дальнейший путь предстоял уже по более величественному проспекту, явно указывающему на то, что здесь жили приближённые к царскому двору. Это и было предместьем дворца великого фараона, дочери Ра, несравненной и солнцеликой Хатшепсут. На пороге одного из небольших по площади дворцов их уже ожидали. Слуги приняли ручную поклажу от гостей и провели в прохладный зал, в окна которого падала тень от многочисленных деревьев во внутреннем дворе, вокруг которого и был построен дом, откуда слышался плеск воды и лёгкий женский смех. Учёная, освободившись от душного платка, с интересом рассматривала стены дворца, ярко и красочно разрисованные сценами из жизни хозяина. И, судя по темам, затронутым на них, он был врачом.

А через какое-то время Линда побелела, увидев того, кого никак не ожидала встретить. Мужчину. Не умершее тело которого в будущем, то есть в её настоящем, грозило перевернуть понятия мироздания с ног на голову. Он поклонился, что сделали все, кроме остолбеневшей от изумления Линды. Мужчина поднял бровь, устремив свой взгляд в сторону женщины. Амун незаметно наступил той на ногу, и она, словно очнувшись от тысячелетнего сна, слегка склонила голову. Тот более не взглянул на нахалку, но зато она буквально пожирала его глазами, гадая, что хотел сказать ей Хаос, зачем бросил её в это время и почему она встретилась со своей находкой именно сейчас.

— Приветствую, дорогие друзья и путники, вас у себя дома, — он поклонился и жестом указал им садиться на стулья.

— Мир дому твоему! — воскликнули жрецы и Линда вместе с ними вдогонку.

Когда все разместились, присел и он.

— Благодарю вас, друзья, что откликнулись на мою просьбу и рискнули прибыть ко двору в столь беспокойное время, — он одной рукой потёр гладко выбритый подбородок.

Камазу и Амун понимающе кивнули.

— Благодарим и тебя, Имхотеп, за высокое доверие, — начал Камазу. — Амуна ты знаешь, — Амун чуть улыбнулся хозяину дома, — дозвожь представить тебе жрицу храма Инпу, достопочтенный, её зовут Бахити.

Имхотеп уже с интересом воззрился на Линду, та взгляд не отвела, пытаясь прочесть его эмоции.

— Она обучена медицине, — добавил Камазу.

Имхотеп лишь поднял бровь и резко поднялся.

— Следуй за мной, — предложил хозяин дома насмешливо.

Учёная поднялась с места, за ней последовали и мужчины. Но Имхотеп сделал знак рукой, останавливая их, затем щёлкнул пальцами, и слуги внесли столик с фруктами и вином. Камазу вопросительно взглянул на своего друга, но тот лишь молча отвернулся, и Линда решила не искушать судьбу, последовав за ним, напоследок улыбнувшись жрецам,

оставшимся в зале.

Она следовала за мужчиной, едва поспевая за его широкими шагами. Коридор стал уже и закончился крутым спуском в подвальное помещение. Нечто подобное она видела в храме Инпу, но тут оно было намного меньше. На каменном подобии стола лежал труп. Пока Линда подходила к столу, Имхотеп зажжёт дополнительные лампы, полностью осветив умершего.

— Он был жив, два дня назад, жаловался только на тошноту и боли в животе, затем его рвало беспрестанно, появился жар, — объяснил мужчина, видя, что девушка приблизилась к телу и заглянула в рот, показывая Имхотепу ярко-красную поверхность языка и горла.

— Я видел, — он кивнул.

— Это симптомы отравления ртутью, — объяснила девушка. — Камазу сказал, что в пустыне есть озеро со смертельной «водой», есть предположение, что оттуда черпается и добавляется затем в еду, напитки и в помещение.

Врач заинтересованно спросил:

— Помещение?

— Да, но в таком случае отравление может длиться годами, а здесь острое... — она задумчиво спросила, — задача — найти убийцу?

Имхотеп усмехнулся:

— А ты сразу перешла к делу, — затем серьёзно, — кто учил тебя?

— Отец, — Линда не врала, она просто не уточнила в какое время.

Мужчина кивнул и позвал слугу, повелев привести жрецов сюда. Амун встал у входа, так и не пройдя вовнутрь. Камазу же бегло осмотрел труп и кивнул головой.

— Те же симптомы, — заключил он.

— Твоя жрица говорит о «воде» Сета, — Имхотеп стал ещё мрачнее.

— Я бы верил ей.

— Дыхание смертоносно, сам бы убийца отравился, как же её можно перевести во дворец? — резонно заметил Амун.

Линда кивнула.

— Если доставлять в стальных сосудах, то это возможно, — ответила она.

— Сталь?! — воскликнул Имхотеп. — Она настолько дорогая, что я бы даже не стал думать о таком, хотя это может говорить лишь об одном...

Мужчина смертельно побледнел и замолчал.

— Кто все умершие? — задала вопрос девушка, смотря на мужчин по очереди.

— Чиновники Хатшепсут, видные деятели, двое — генералы, а вот он занимался формированием государственных закромов, — целитель добавил, — они придерживались веры отцов.

— Поясни, Имхотеп, — попросила Линда.

— В последнее время сыном Хатшепсут — Аменхотепом — даются огромные подаяния на храм некого бога Амон-Ра, а в столице есть жрец, который называет себя его сыном, преподнося как единое божество, сотворившее небо и землю, бог этот неизвестен широкой массе, и простой народ ритуалы не посещает, однако, как только сын царицы стал вхож туда, в капище перебивал весь двор, я тоже там был, — мужчина с отвращением поморщился. — Те, кто мыслят здраво, просили царицу заняться вопросом легальности существования храма, но они с сыном долгое время были в ссоре, а сейчас вражда остановлена, Хатшепсут дорожит миром, возникшим между ними, и поэтому распустила комиссию по

расследованию, кстати, в неё должны были входить один из погибших генералов и счетовод, — Имхотеп замолчал и ошарашенно посмотрел на присутствующих.

— Ниточки ведут в храм Амон-Ра? — Камазу сложил руки на груди и глянул на молчаливого Амуна.

— У него нет власти, если нет любви народа, — вынес вердикт голубоглазый мужчина.

— Время и поддержка царицы могут сделать своё дело, — философски заметил Имхотеп, — и давай без лукавства, ниточки ведут к Аменхотепу.

— Меня страшат две вещи: убийства в окружении царицы и завет Амон-Ра о своём единстве, — Камазу озвучил вывод, который у всех вертелся на языке, — нужно предупредить Хатшепсут.

— Завтра первый утренний восход Звезды Нила***, завтра начнётся разлив Великой реки, и в честь этого фараон милостиво приглашает всех на пир, но перед ним у нас будет возможность личной встречи с царицей, — Имхотеп внимательно проследил за тем, как просветляется лицо Камазу, и тут же продолжил, посмотрев каждому из присутствующих в глаза. — Однако будьте осторожны, тщательно подбирайте свои слова, нынче мир между родными, царица многое отдаст за то, чтобы так было и впредь, а сегодня отдохните, смойте с себя и со своих мыслей дорожную пыль, Ра подскажет, что нужно будет сказать солнцеликой.

Примечание:

* древнеегипетское подобие роддома,

** египетское женское имя, означающее «благословение»,

*** звезда Сириус.

Глава 10. Звезда Нила и печать рабства

Звезда Нила. Маат.

Жаркий день закончился, и на золотой город пустыни Мемфис лёгкой прозрачной пелериной опустился прохладный вечер. По нему носились глашатаи в белых схенти и на всех углах и перекрёстках кричали о том, что нынче праздник у народа, что Сириус взойдёт и Нил разольётся, неся на гребешках лёгких своих волн благополучие людям и благословение богов земле, что так нуждается во влаге. Она зальёт потрескавшуюся от засухи землю, а та в благодарность и с любовью раскинется зелёным, цветным ковром травы, цветов и злаков, накормив верных ей и своим богам людей земли обетованной.

Ораторы и воины подталкивали простой народ к телегам, гружённым хлебом, щедро раздавая его в честь праздника. Люди искренне радовались, прославляя Великую Девятку и царицу, желая ей многих лет.

Линда откинула полог носилок, что скрывал жрецов и Имхотепа, и с интересом взирала на то, как египтяне распевали священные песни, радуясь празднику и простой пище.

— Нынче Хатшепсут вдвойне щедра, сын порадовал её, помирившись с матерью, — Имхотеп сложил руки в молитвенном жесте, на пару мгновений прикрыв глаза, видимо, мысленно благодаря одного из многочисленных богов за такое событие.

— Ещё бы Нефрура понесла... хотя у четы и есть старший сын — Тутмос, но говорят, что он слаб телом, — произнося это будто бы для самого себя, Амун не взглянул ни на кого из присутствующих.

— Исида подарит, дай Инпу, — беззаботно проговорил Камазу, пребывая в хорошем расположении духа.

Целитель немного помрачнел.

— К нам иногда приходят северные люди, их тело покрыто шкурами животных, ведь там, где они живут, очень холодно, они стремятся сюда, чтобы посмотреть на великие пирамиды и убедиться в величии земли, которая на устах у всех народов, они умны и очень быстро учатся, так вот они говорят, что у них на соитие родственников наложено строжайшее табу, — как бы невзначай бросил Имхотеп.

— Грех «близкой крови», — понимающе и скорее из вежливости произнёс Камазу.

— Про Тутмоса верно говорят, но мне теперь ничего неизвестно о состоянии его здоровья, больше знает Косей, — последнее было произнесено грустным тревожным тоном.

«Нефрура — единокровная сестра, наверняка замечал, будучи врачом, расстройства здоровья, в том числе и психического, как последствия инцеста», — подумала Линда, для себя отметив пытливый ум древнеегипетского целителя. — «А о мальчике искренне беспокоится, да, похоже, жрец Амон-Ра очень близко подобрался к царской семье, раз Имхотепа отстранили от лечения их отпрыска».

Амун кивнул, соглашаясь с целителем и с другом. Дальнейшее развитие разговора никто не поддержал, и оставшуюся часть пути они проехали молча, прислушиваясь к звукам улицы.

Путь квартета был завершён после того, как их возницы остановились и опустили носилки на мощённую грубым камнем мостовую перед главным дворцом Мемфиса. Линда аккуратно поднялась со своего места и, откинув занавеску, отделяющую спокойствие, царившее среди них, от общего буйства веселья на улице, грациозно вышла.

В нескольких метрах от них высился дворец великой Хатшепсут, три этажа которого потрясали воображение древних людей высотой. Меловой изукрас внешних стен ослепительно контрастировал с разноцветными росписями внутри с преобладанием голубых оттенков.

Линда немного замешкалась, отстав от своих спутников, когда, подняв голову, чтобы полюбоваться величественностью дворца, заметила, что на балконе стояли две фигуры, молча рассматривавшие массу целомудренно одетых в белое и вычурно украшенных золотыми бирюльками людей, стекающих на праздник восхода звезды Нила. Тёмное небо затянулось молочной дымкой, скрывшей от исследовательницы ту яркую бездну ночи, что открылась ей с помощью Великого Тёмного.

Они вошли в огороженный высокими стенами внутренний просторный двор, со множеством деревьев, расположенных по его периметру, через белые ворота, украшенные гигантскими рисунками богов Ра и Осириса. Впереди виднелись высокие двери, возле которых, красиво изгибаясь, танцевали едва одетые девушки в чёрных париках. Их пах прикрывали узкие повязки из золотых нитей, а единственным украшением на теле были браслеты, туго опоясывающие их худые плечи. Они водили пышными бёдрами из стороны в сторону и заманчиво улыбались людям, миновавшим их, изящно указывая руками входить во врата в то место, где и должен был состояться пир в честь восхода долгожданной звезды, нёсшей людям древности благополучие или упадок. Сами же девушки считались бы красавицами и во времена Линды: высокие, с фигурными бёдрами, маленькой грудью и с бесконечно длинными ногами.

— Бахити! — нетерпеливо поторопил её Камазу, замороженную зрелищем.

Они спешно прошли через ряды огромных ротонд, которые в силах объять только несколько человек. Четвёрка отделилась от толпы и отошла чуть поодаль к темнокожему мужчине, тело которого было задрапировано в тончайший красный шёлк.

«Один из гарема царицы, удостоенный чести и приближенный к ней, евнух», — определила Портер и пробежалась по золотым кольцам в носу и ухе слуги.

Мужчина низко поклонился, приветствуя их, и устремился по полутёмному коридору, едва освещённому масляными лампами, расставленными в небольших выступах лазурно-голубых стен. Четвёрка едва поспевала за его быстрым и почти бесшумным передвижением.

Затем он остановился, обернувшись, и вновь поклонился им, указав рукой вглубь помещения, прямо на стену, где, на первый взгляд, не должно было быть прохода, по крайней мере, если верить беглому осмотру, он не угадывался.

Они проследовали за евнухом, и тот, уперев ладони в холодный камень, сделал небольшое усилие, нажав на умело вытесанные паззлы, из которых состояла эта стена дворца. В стене что-то хрустнуло, и с тяжёлым ленивым кряхтением, скрипнув и зашуршав своим весом, открылась тонкая дверь в, казалось бы, цельной стене.

«Что мы ещё не знаем о великом Египте?» — с восхищением задала мысленный вопрос Линда.

Её раздирало странное противоречие: вот она рискует, возможно, жизнью или невозвращением в своё время — и то, и другое должно вызывать в ней максимум негатива, но, как учёная, она была настолько благодарна всему происходящему, что, казалось, подмечала любую мелочь и тут же невольно сравнивала её с имеющимися в арсенале египтологов знаниями. Линда могла погибнуть в любой момент, но это не страшило её, её пугало только то, что Инпу не сможет исполнить своё обещание.

Они вошли через тесный проход, и дверца закрылась за ними. Далее следовал узкий коридор, преодолев который, мужчины и она оказались в большой комнате с множеством масляных ламп и ярко возожжённых светильников на тонких высоких ножках. Тяжёлый запах благовоний стелился по низу, окутывая стопы еле заметной дымкой, и дурманящим голову потоком поднимался вверх, приятно щекоча обонятельные рецепторы. По периметру располагались медные листы, начищенные до блеска, до того самого состояния, что в нём виделось отражение всего, что располагалось в комнате, хоть и тусклое, но всё же девушка угадала свой силуэт, стыдливо кутавшийся в несколько слоёв тонких одежд. Девушка подумала, что, скорее всего, медные зеркала использовались не только для украшения комнаты, что в них можно видеть реакцию и эмоции другого человека, прямо не смотря на него. Линда ощутила себя в одном из храмов, посвящённых богам Древнего Египта. Несомненно, так и было, ведь здесь царила сама дочь Ра — царица египетская.

Венчал это просторное помещение с медными зеркалами балкон, с которого, словно с неба на землю, спустилась по лестнице высокая стройная женщина с тёмно-оливковой кожей и карими глазами, густо подведёнными чёрной краской. У неё был непропорционально вытянутый в высоту череп, что как раз и могло говорить о грехе «близкой крови». Женщина прикрывала его высокой накладкой в виде раскинутых крыльев коршуна. Она неторопливо и с горделиво выпрямленной, словно по линейке, спиной подошла к своему слуге и четвёрке, что тот сопровождал на тайную встречу с правительницей.

— Мааткара!* — с придыханием произнёс Имхотеп и хлопнулся перед подошедшей царицей на колени.

Это сделали все остальные. Повторила и Линда, с досадой подумав о том, как её коленки отомстят ей за это в будущем. Если оно наступит. От этих мыслей стало тревожно, а девушке действительность вновь показалась вяжущим сном.

— Госпожа неба, Благословенная Анат**, великая Мааткара, фараон неба и земли Та-Кемет***, повелительница всех душ Верхнего и Нижнего Нила, царица Хатшепсут, — подобострастно представил её евнух.

Повисло долгое мгновение ожидания. Все должны были прочувствовать величие этой женщины. Линда видела барельефы с этой дамой в музее. Но как же они отличались от действительности, ведь ни на одном из её портретов не была изображена её «выдающаяся» голова. Она и впрямь была значительной политической фигурой того времени, мудро правя вместе со своим старшим сыном, а некоторые исторические источники говорили, что и вместо него. От женщины веяло безусловной властью. Девушка заметила, как подрагивали стопы у взрослых мужчин.

— Встаньте, отважные, — повелительно произнесла Хатшепсут, видимо, решив, что те достаточно прониклись её властью над ними.

Путешественники поднялись с пола в полный рост со всё так же склонёнными головами.

— Я здесь с вами сейчас говорю не как Мааткара, а как обеспокоенная и рачительная хозяйка и мать своего народа, — она немного прервалась, дав присутствующим почувствовать степень доверия, прекрасно понимая, на какие точки она при этом давила, — мои высокопоставленные чиновники и приближенные друзья гибнут от неизвестной болезни, а я ничего не могу поделать, я не могу понять, что это, — она показала на Имхотепа небрежно вытянутой рукой, увешанной золотыми браслетами, слепяще блеснувшими в свете

жертвенников и ламп и странноватыми, призрачными бликами, погасшими на медной поверхности зеркал. — Ты привёл ко мне верных людей, могут ли они знать или выяснить правду?

Прежде чем ответить, Имхотеп низко поклонился:

— Великая госпожа, Нил разливается у твоих ног, благодаря твоей любви и праведности боги слышат наши мольбы и мы в достатке получаем всё необходимое для счастливой жизни под небом, что твоими ясными глазами, как солнцем, освещено, дозволю сказать, что мне стало известно.

Хатшепсут чуть улыбнулась, несомненно, ей польстило всё вышесказанное. Женщина чуть качнула головой.

Ободрённый целитель продолжил:

— У меня есть достоверные сведения об отравлении сановников, моя госпожа.

Линда заметила, как напряглась её длинная шея.

— Что привело тебя к таким выводам?

— Знаки на теле, великая госпожа, — Имхотеп был уверен в своих словах.

— И что же явилось источником отравления, по твоему мнению? — она точно знала, какие вопросы задавать.

— «Мёртвая» вода Сета, — произнёс он, слегка помедлив.

Целитель старался говорить твёрдо, но Хатшепсут криво улыбнулась и бегло бросила взгляд на присутствующих.

— Ты, верно, шутишь, Имхотеп? — в голосе слышался рокот приближающегося гнева, Линда была уверена в том, что если он проявится в полную меру, то не поздоровится всем.

— И не думал, великая госпожа, — мужчина склонился ещё ниже, да так и замер, ожидая реакции Мааткары.

— Вода Сета — легенда, — уже спокойно возразила женщина, оставляя шанс верным ей людям осознать ошибку.

— Есть признаки, что это не так, а народные сказания взяты не из воздуха, и где-то есть источник, откуда несправедные почерпнули яд, чтобы навредить... — он осёкся, пробежавшись по её мигмом побледневшему лицу.

— Мне? Ты это пытаешься сказать? — голос стал требовательным, она бы так не реагировала, если бы сама не понимала, что лекарь прав, сомневаясь только в способе умерщвления.

Имхотеп лишь кивнул.

— Насколько он смертелен? — уточнила она, видя, что у присутствующих нет сомнений.

— Даже его дыхание опасно, — хрипло поведал он.

Хатшепсут сложила руки на груди и надолго задумалась. Зала погрузилась в тишину, только изредка пощёлкивали угольки в жертвенниках.

— Мне нужны доказательства, — наконец промолвила та, затем, как будто забив гвоздь, а Линда искренне надеялась, что он будет не в их крышку гроба, добавила, — как можно быстрее...

— Даже если ответ вам не понравится, моя госпожа? — Имхотеп осмелел, но девушка понимала его, он должен был оценить все риски.

Хатшепсут подняла бровь.

— Я всегда ценила твою верность и заботу, лекарь, не разочаруй меня, — улыбнулась

немного нервно, — а сегодня пейте и веселитесь, звезда Нила важнее всех забот, ибо будет вода — будет и пища, — затем её взгляд остановился на Портер, и она обратилась к девушке. — Если ты среди Имхотепа и людей, которым он безраздельно доверяет, значит, твой ум превышает твою красоту, — женщина произнесла это, как бы подводя черту, и удалилась, Линда не успела даже поблагодарить за столь высокую оценку, да и вряд ли она была нужна той, что вот уже два десятилетия правила «чёрной землёй» самостоятельно, рассчитывая на свой рассудок и политическое чутьё, а также верных людей.

Тем же путём их вывели обратно, и они незаметно слились с остальными людьми, прибывающими во Дворец. Их поток вскоре истончился, а потом и вовсе прекратился. Дворец принял вельмож Египта, их семьи и детей. Они, как и прочие, прошли церемонию приветствия Мааткары, которая и глазом не повела, что каким-то образом видела их ранее. Они поцеловали ступни с изящными сросшимися пальцами, умащенными сильно пахнущими благовониями.

Девушка тщательно следила и запоминала всю процедуру, стараясь не ошибиться и не подвести жрецов и лекаря. Её одежды были целомудренно скромными и просторными, неяркими и не выделявшими из толпы, грудь и бёдра в которых лишь угадывались, а волосы подвязаны несколькими золотыми нитями, скрученными в одну, что вдела в её волосы утром служанка, изо всех сил старавшаяся не выдавать своего удивления, но всё же задержавшая руки на её голове, перебирая белокурые локоны, а затем аккуратно подводя глаза чёрной краской.

Их усадили за стол, ломящийся от еды, довольно простой, немного поодаль от центра. Прямо перед ними стояли медные тарелки с лепёшками и фруктами, а на небольшого диаметра блюдах поблёскивал мёд, в пирамиды сложены финики, орехи, фрукты. Кубки из меди были пока легки, те, кто разливали напитки, только начали обходить гостей и наполнять их бокалы. Девушки, танцевавшие ранее у врат, теперь переместились сюда, в пиршественную залу, вместе с небольшим оркестром. Правда, его нигде не было видно. Линда подозревала, что, скорее всего, он играл на втором ярусе, помещение позволяло, и акустика разносила мелодию во все его уголки с такой силой, что казалось, будто слушающие находились рядом с музыкантами.

Она взглянула на второй этаж, чтобы проверить свою теорию, и столкнулась с таким пронизывающим с головы до пят мужским взглядом, в котором переливался, плавясь, тёмный янтарь, что на миг девушка позволила себе ответить, надменно подняв бровь, как бы спрашивая, что он себе позволяет. Следом всё же опустила глаза, понимая, что уклад жизни в Египте в то время был патриархальным и что смотреть на мужчину так же смело, как делал это он, было подобно подписанию самой себе смертного приговора. Затем в душе поднялась злость. На неё никто никогда не смотрел как на вещь, как на нечто неодушевлённое. Линду так и подмывало вновь поднять голову, но она смогла сдержать свой порыв, отвлекшись на беседу с Имхотепом.

Царский дворец. Второй ярус.

— Какие же они мерзкие! — взирая с высоты верхнего корпуса, презрительно и одновременно со злобой, сквозь зубы произнёс молодой человек, на умащенной светло-оливковой коже отражался свет ламп, подвешенных за перекрытия второго корпуса. — В своём подбострастии, бегущие к подолу моей матери.

Он нервно откинул длинные тёмные волосы с плеча, и они неистовым каскадом разлетелись по спине. Сзади него послышалось шуршание ткани. Из тени на свет почти

вплотную к молодому мужчине вышел другой, в длинном плиссированном белоснежном схенти, на обнажённой груди распластались золотые крылья Изиды. Его лысый череп тускло блеснул, а шея напряглась. Молодой мужчина обернулся, чтобы посмотреть на него, и его глаза в чёрной подводке прищурились.

Несмотря на такую реакцию, голос лысого мужчины источал спокойствие:

— Не тревожься, мой повелитель, днём их головы склонены в честь твоей матери, господин ночи же у них ты, только ты, истинный Са-Ра****, знаешь всё о них, об их настоящей сути, их страстях, их наклонностях, придёт время, на их струнах души и характера ты сыграешь единственно верную мелодию и воссядешь на трон, который по праву твой, великий Аменхотеп, — затем добавил, — один. Сейчас же слишком рано, слишком много тех, кто до последнего будет служить Хатшепсут, много тех, кто не поддержат тебя.

— Время, как песок, утекает сквозь мои пальцы, Косей, — с досадой проговорил он. — Моего отца нет двадцать лет, я родился сразу после его смерти и с того момента — царь, но до сих пор не могу править так, как хочу, скованный соглядатаями и бесконечной армией шпионов моей матери, я — царь лишь на папирусе.

— Не беспокойся о том, мой господин, как только будет на то воля Амон-Ра, которого мы умиловываем каждую ночь, он поставит тебя единственным правителем Египта, он даст жизнь как у бога, подарит бессмертие и ты будешь вечно наслаждаться её благами без страха болезни, старость не тронет твои прекрасные черты, повелитель, — лысый мужчина положил свою крупную ладонь на ладонь Аменхотепа, тот тут же пожал её в ответ, а затем легко, как бы дразня, откинул от себя.

Грудью Косей почувствовал, что Аменхотеп напрягся, и поспешил сделать шаг назад, думая, что их кто-то мог видеть. Но гостям было не до них, они в ожидании пива и в приятных беседах не поднимали глаз. Никто, кроме женщины. В поле зрения фараона вначале попали её белокурые волосы, его глаза цвета царского агата при этом сверкнули. Она была настолько красива и так отличалась от всех остальных, что сын Хатшепсут перестал думать о чём бы то ни было вообще. А когда та подняла голову, почувствовав, что её пристально рассматривают, то молодой мужчина и вовсе потерял голову. Опасность и сила, с которой ему ответили, не оттолкнули, а добавили огня и ещё большей интриги.

— Кто она? — спросил Аменхотеп, небрежно указывая тонкими длинными пальцами на белокурую бестию, опустившую свой взор и больше не поднимавшую его, как бы мысленно он ни призывал ещё её внимания.

Косей чуть склонился к перилам и пристально пригляделся к девушке и её спутникам.

— Она беседует с Имхотепом, — заметил он, — а ещё с ним рядом жрецы Инпу и Гора, это гости придворного лекаря.

— Гостя бывшего лекаря моего сына? — переспросил он, продолжая рассматривать женщину, так отличающуюся от всех, кто когда-либо посещали двор фараона.

— Жрица храма Инпу, прибыла в Мемфис только вчера, — казалось, Косей знал обо всех и обо всём.

— Как мы до сих пор не знали, какой цветок вырос посреди пустыни? — вновь требовательно задал вопрос фараон.

— Храм Инпу — загадочное место, его служители живут обособленно, девушки ведут размеренный и непорочный образ жизни, в своё время выходят замуж за лучших воинов и вельмож Египта, жена из этого храма считается идеальной, а жрец Камазу, которому должность досталась от его отца, настолько скрытен, что в стенах его храма и не такое чудо

могло появиться, — немного с усмешкой и толикой ревности ответил Косей, заметив, как жадно смотрели на девушку глаза его повелителя.

Аменхотеп повернулся к жрецу Амон-Ра.

— Этот цветок достоин царского венца, — произнёс молодой мужчина, — а теперь я бы хотел посетить народный праздник... — он хитро улыбнулся.

— Но, мой повелитель, Мааткара знает, что вы должны быть в Фивах... — напомнил Косей.

Аменхотеп в нетерпении поднял бровь и твёрдо произнёс:

— Хочу посмотреть, к кому скарабей побегут, когда разворошат их гнездо.

Он оттолкнулся ладонями от поручня, спорой походкой покидая Косея, который ещё секунду рассматривал улыбающееся лицо девушки, а затем последовал за своим хозяином.

Царский дворец. Праздник. Са-Ра Аменхотеп.

В кубок Линды добавили пиво, прихлебнув из которого, она поперхнулась и едва сдержалась, чтобы не зайтись в кашле. Имхотеп весело взглянул на неё.

— Что, Камазу запрещал веселиться? — спросил он провокационно и рассмеялся, заметив, как смешно нахмурился жрец Инпу.

Линда и Камазу переглянулись. Правду о появлении девушки в храме, помимо него, знал лишь Амун, но из того вытащить хоть какие-нибудь сведения можно было лишь клещами, причём буквально, если мужчина хотел говорить, то всегда начинал первым, в противном случае в ответ вы могли услышать только звуки завывания ветра или ночную тишину пустыни.

— Он самый рачительный хозяин и лучший отец своим жрицам, — ответила Портер.

Губы Камазу тронула улыбка, и он хотел было поблагодарить девушку, как друзья услышали голос глашатая, объявляющего о том, что праздник решил посетить Аменхотеп. Лекарь тревожно взглянул на троицу, прибывшую из Ассиута, а затем на Хатшепсут.

В проходе в пиршественную залу возник высокий стройный силуэт фараона. Все мгновенно затихли и замерли, не зная, что делать. После секундного замешательства присутствующие мгновенно вскочили с мест и низко поклонились. Самые приближенные ловили взгляд царицы, в этот момент затаившей дыхание. Линда увидела, как аккуратные мужские стопы в золотых сандалиях мягко ступали по каменному полу, полы одеяний колыхались возле икр. Ей показалось, что крадётс барс. Судя по воцарившейся тишине и прерванному празднику, его присутствия никто не ожидал.

Ни один мускул не дрогнул на лице царицы, и она милостиво и как ни в чём не бывало улыбнулась, встав и поприветствовав сына как фараона. Слуги принесли второй трон и установили его возле трона Хатшепсут.

— Ты прибыл, сын, — благосклонно проговорила та, искренне улыбнувшись, но далее продолжила с укором, — и всё же мог бы предупредить нас, не приходя, как вор, тебе был бы оказан лучший приём.

Аменхотеп удивлённо поднял бровь и, прежде чем усесться на трон, с невесёлой улыбкой спросил:

— А разве я не хозяин в собственном царстве? И не всегда ли подданные мои должны быть во всеоружии, чтобы встретить своего повелителя, даже если он и придёт в ночи... как вор?

Возникло молчание. Аменхотеп обвёл придворных выжидающим взглядом. Хатшепсут боялась пошевелиться в этот момент и смотрела прямо впереди себя и ни на кого

одновременно. Сын не должен был даже помыслить о том, что именно по её приказу вельможи должны были поприветствовать его, а не по своей доброй воле.

Прошедший тенью вслед фараону, Косей встал позади придворных и громко выкрикнул:
— Велик Са-Ра Аменхотеп.

Через пару мгновений его фразу подхватили и поспешили подойти к трону, чтобы лобызать ногу наместника бога Ра на земле, вновь растянувшись в длинную цепочку ожидающих. Линда, не поднимая глаз, следовала за жрецом Амуном и рассуждала про себя, пытаясь понять, в какое именно время она попала и как же они мало знают о правлении царей Египта, ориентируясь на письменные источники, многие из которых были затеряны, остальные же разрознены, а теперь она может узреть своими глазами кусочек истории.

Когда подошла очередь припасть к ногам фараона, девушка нагнулась и хотела повторить то же, что делали десятки до неё, но Аменхотеп слегка отодвинул стопу дальше от неё. Она подумала, что это могло быть случайностью и на коленях придвинулась чуть ближе. Его нога вновь ускользнула от неё, и Линда рефлекторно подняла голову, встретившись с тёмным янтарём, что так сильно совсем недавно обжёг девушку своим неприкрытым желанием. Она часто задыхалась от волнения и, почувствовав тычок в спину, опустила глаза, быстро поцеловала ноги и вскоре присоединилась к своим спутникам.

Имхотеп заметил несколько секундное замешательство у трона Аменхотепа и проследил, как тот заинтересованным взглядом проводил жрицу. Портер была зла и сердита, то и дело кусала губы. Они, боясь давки, осторожно продвигались к своим местам за столом.

— Са-Ра напомнил нам сегодня, кто должен быть истинным хозяином Та-Кемет, — полушёпотом произнёс Камазу.

— Мааткара благоволит, спины гнутся у придворных, — с лёгкой полуулыбкой ответил Амун.

— Аменхотеп не похож на свою мать, — задумчиво заметила Линда, сложив руки впереди себя в замок.

— Аменхотеп не сын от её мужа-брата, в отличие от дочери — Нефрура слабее здоровьем, — печально ответил Имхотеп. — Тутмос страдает её болезнями, его ноги слабы, я следил за тем, чтобы он ходил хоть немного, сейчас же я всё чаще замечаю мальчика в носилках.

Линда кивнула, а Имхотеп, проницательно посмотрев на неё, продолжил:

— Многие обольщаются пышущим здоровьем внешним видом царя — иногда болезни невидимы и происходят от нездоровых движений Ка.

Учёная кивнула головой, понимая, о чём говорил лекарь, и, обернувшись, мельком взглянула на фараона, принимающего почести своего народа с надменным видом.

— Обратила ли ты внимание, жрица, что царь приметил тебя? — спросил лекарь, когда четвёрка устроилась за столом на свои прежние места.

Линда непонимающе взглянула на мужчину.

— Это может обернуться нам выгодой, — пояснил он свои слова, — но игры с ним подобны играм с гепардом, он быстр, умён и жесток...

— Почему ты думаешь, что смерти сановников — дело его если не рук, то намерений?

— Убивают особенно приближённых, тех, кто покушался расследовать дело храма Амон-Ра.

Врач был серьёзен. А девушка мягко улыбнулась и спросила:

— Ты хочешь, чтобы я втёрлась в доверие Са-Ра?

— Его тщательно охраняют, а в его дворце нет случайных людей, Косей, жрец Амон-Ра, тщательно следит за этим, их службы формально открыты, но всё же не для всех, Косей избирателен, там только нужные им вельможи, — он отвёл глаза, — я был там однажды, и я бы не хотел побывать ещё раз, как и каждый, кто здрав душой, — Имхотеп вновь взглянул на Линду, — это опасно, Бахити...

— Ты хочешь сказать, что у меня есть выбор? — Линде хотелось услышать, что он действительно у неё есть.

— Выбор есть у всех и всегда, но только ты знаешь, как выглядит то, что мы ищем, — ответил он.

«Ага, значит, и так Иалу, и так Аमत», — с горечью удручённо подумала девушка. — «Может, если я умру, то скорее доберусь до Инпу», — взяла кубок со стола, имея намерение выпить содержимое, вслух спросив: — А какого бога предстоит нам славить в ближайшее время?

Мужчина придержал её за ладонь, остановив ёмкость на полпути ко рту. Она вопросительно взглянула на него.

— Богиню материнства Таурт, — он с интересом наблюдал за её изменившимся помрачневшим лицом, девушка же мысленно чертыхнулась, упомянув отца Инпу, а тем временем Имхотеп продолжил, — а сейчас пообещай-ка мне никогда не выпускать свой кубок из виду, а если так случилось, то больше никогда не пить из него, — лекарь махнул рукой, и к ним подошёл слуга, тот передал ёмкость в его руки.

Учёная остолбенела.

— Что-то не так, господин? — виновато спросил он, а Линде показалось, что юноша раздосадован и испуган.

— Принеси чистый кубок, здесь есть песок, иди, и будь доволен, что я не сказал твоему господину о твоей оплошности, неси другой, да смотри, чтобы он был чистым.

Мальчишка смертельно побледнел и бросил мимолётный взгляд куда-то вперёд, затем кивнул, глубоко поклонился и унёсся исполнять указание придворного лекаря.

— А теперь как будто невзначай взгляни, Бахити, немного правее от себя, только осторожней, — подсказал Имхотеп, и девушка выполнила его просьбу.

В поле зрения попался лысый череп, черты лица она не рассмотрела, мужчина быстро сумел затеряться в толпе слуг, снующих по зале.

— Меня бы, что?! Отравили?! Только за то, что Аменхотеп пожелал посмотреть в мою сторону?! — она старалась не быть слишком эмоциональной, но мысли о Дуате, недавно посетившие её, показались настолько страшными, что она пообещала себе так больше не шутить, даже наедине с собой.

Имхотеп негромко рассмеялся. Его же, напротив, повеселила реакция девушки.

— Нет, конечно, ты же не видный политический деятель и не претендуешь на роль царицы Та-Кемет, но вот испортить вечер или даже неделю несварением желудка, поражённой кожей и нестерпимым зудом — это запросто, — пояснил он, оттирая проступившие от смеха слёзы, — ведь жрец Амон-Ра ревнивее, чем супруга фараона, — он многозначительно поднял бровь.

— Весело, — мрачно пробурчала Линда, затем добавила, возвращая лекаря к делу, — и что ты предлагаешь делать?

Всем четверым принесли чистые кубки и наполнили их. Но Портер решила не искушать судьбу и больше ни к чему не прикасаться. Целитель заговорил только тогда, когда слуга

отошёл на значительное расстояние от них.

— Нам нужно всё обговорить и решить, что мы будем делать, — он огляделся по сторонам и добавил, — как только праздник войдёт в зенит, как и звезда Нила.

Лишь гости захмелели, а музыка стала так громка, что едва покрывала шум переговаривающихся. Полуобнажённые девушки были неистовы в своих движениях, поднимая руки и ноги попеременно. Их тела откликались на музыку так естественно, так красиво, так яростно, чувствуя каждый такт ритма. Вместо крови — мелодия, вместо кожи — ветерок от движений. Линда засмотрелась напоследок, а затем скрылась, следуя за мужчинами, в надежде, что их никто не заметил.

Заговорщики вышли к ротондам, но оттуда их отогнал мужчина, которому явно было не до праздников. Перепивший пиво, он теперь освобождал свой желудок. Камазу брезгливо отозвал друзей в сторону, и они вошли в небольшую платановую аллею.

— Что ты задумал, Имхотеп? — нетерпеливо спросил он.

Лекарь глянул на Линду.

— Бахити знает, что мы ищем, — предлагая девушке высказать свои мысли.

Они остановились возле небольшого декоративного пруда, окружённого густыми деревьями. Прохлада ночи освежила ум. Девушка подняла лицо к небу, всё так же остававшемуся подёрнутым алебастровой тонкой дымкой. Портер задумалась и поделилась со жрецами созревшим в её голове в разгар пира планом.

Следы, зацепки, титул воровки и звезда Нила.

Исполнить задуманное оказалось труднее, чем говорить о нём. Для осуществления плана четвёрка решила разделить: Имхотеп и Амун, Линда и Камазу разошлись по разным сторонам после длительной лекции девушки о том, как надо себя вести, в случае если они увидят капельки ртути. Зайти в комнаты умерших чиновников, располагавшиеся в огромном дворце и принимавшие их у себя для удобства и быстроты принятия решений Хатшепсут, только на словах оказалось просто. На деле же они с Камазу вначале запутались в хитросплетениях узких коридоров и бесконечных переходов по лестницам вниз и вверх. Но, минуя два раза стражников и оставаясь неразоблачёнными и даже не увиденными, они, мысленно благодаря Рененутет, добрались до комнаты недавно умершего сановника, тело которого и подтвердило догадку учёной об отравлении жидким металлом. Но если они обнаружат его здесь, то как им без должной защиты собрать его в доказательство? И как же действовать дальше, ведь на нём же не указано, кто именно, между прочим, тоже рискуя жизнью, смог подбросить яд в покои чиновника? А если «мёртвая» вода Сета была подсыпана в еду или напиток, то тогда все следы покойник унёс с собой в Дуат?

Камазу и Линда лёгкой тенью скользнули в комнату, оказавшуюся небольших размеров и, видимо, служившей для бывшего чиновника и спальней, и кабинетом, и гардеробной.

— Будь осторожен, жрец, действуй, как я тебе говорила, если найдёшь то, что мы ищем, ни в коем случае не трогай это руками, комнату надо опечатать и рассказать Хатшепсут. Здесь нельзя находиться длительное время, предупреди царицу.

Камазу кивнул и зажёл масляную лампу. Свет её скрадывал многие детали, но учёная предположила, что капельки могли прятаться в неровностях поверхности пола, и оказалась права.

— Смотри, Камазу, — она выхватила из его рук источник света и направила на выбоину в камне.

— Мать моя Исида... — проговорил мужчина и тут же в страхе закрыл свой рот,

понимая, что из него вырвалось богохульство.

— Вот это ты должен показать, — затем, после небольших раздумий, — но этого мало, даже если мы найдём капли ещё, этого ничтожно мало для того, чтобы человек смог так быстро умереть...

— Пища?

— Да, или напитки.

Вдруг они переглянулись между собой.

— Ты подумала о том же, о чём и я? — спросил он её.

— Да, где-то во дворце находится источник яда, — ошарашенно проговорила она, затем спросила, — каковы, как ты думаешь, мотивы отравителя?

— Я бы не хотел всерьёз об этом думать, но, возможно, в опасности даже Хатшепсут, — жрец озвучил свои мысли.

Линда ещё хотела что-то сказать, но не успела. Увидев мелькнувший свет от факела в коридоре, девушка чисто инстинктивно толкнула жреца в сторону к импровизированному шкафу и затушила лампу.

— Что ты делаешь? — прошипел тот, недоумевающе пытаясь подойти к ней.

— Здесь кто-то есть, не высовывайся, меня уже заметили, а тебя нет, расскажи о находке врачу, — только и успела сказать она, и Камазу увидел, что на пороге возник воин из дворцовой охраны, мужчина бесшумно скрылся среди вещей покойного.

Охранник, огромный громила, с презрением осмотрел девушку, но в комнату не зашёл.

— Воровка, ну-ка, иди сюда, — процедил он сквозь зубы.

Линда приосанилась и бодро возразила:

— Не воровка, а гостья Хатшепсут, жрица храма Инпу в Ассиуте, прибыла в Мемфис со жрецом Камазу.

Тот зло усмехнулся. А девушка заметила, что на его лбу вышел мелкий пот, каплями усыпавший его, а сам он был болезненно бледен.

— Твои титулы и титулы твоих покровителей не помогут тебе, никому не позволено шастать по дворцу великого Аменхотепа, — она ощутила его мёртвую хватку на своих ладонях, которые при этом жалобно хрустнули, онемев.

— погоди, я и вправду заблудилась, покажи дорогу и отпусти, будь милосердным в великий праздник, — и упёрлась ногами в пол, но её сопротивление было бесполезным.

— Ага, — произнёс тот, всё так же злобно ухмыляясь, — покажу, конечно, покажу, — продолжая тащить упирающуюся девушку за руку по коридору, затем презрительно добавил, — пусть отсохнет твой язык, грешница, прикрывается ещё великой радостью, воровка...

Линда хотела, чтобы ей помогли, и в то же время понимала, что сейчас главное — не выдать своих намерений, а ещё чтобы Камазу довёл нужную информацию до Хатшепсут, а затем они спасут её от хищных лап древнеегипетских «фараонов».

Но когда охранник передал сопротивляющуюся её в руки таких же бугаев, как он сам, а те кинули её в небольшую тюремную камеру, то учёная осознала, что дело приняло серьёзный оборот.

— Жди суда, воровка, — были их последние слова перед тем, как дверь захлопнулась.

За воровство в Та-Кемет назначалось очень строгое наказание. Египтяне были не особо изобретательны в выборе способа казни, в отличие от служителей Божиих — святой инквизиции в Средние века, к примеру, арсеналу которых мог позавидовать сам сатана,

которому по должности и сути своей на роду написано мучить души грешников. Египтяне же просто бросали преступника в реку с крокодилами. Можно, конечно, уповать на то, что крокодил — животное, олицетворяющее бога Себека. А Себек являлся супругом богини удачи Рененутет, и та частенько оказывала ей покровительство. Но умозаключения — это не обязательно то, что может случиться на самом деле. Учёная прислушалась к себе, подумав, что чертоги разума играют с ней странные игры, запутывая и склоняя в сторону мифологического мировоззрения.

В камере было прохладно. Линда обхватила себя руками, пытаясь хоть немного согреться. Жрецы ведь сумеют вытащить её отсюда?

А тем временем Камазу, только заслышавший тишину в коридоре, выскочил из укрытия и что есть мочи поспешил в пиршественную залу. Там он нашёл друзей и рассказал им о случившемся. Те также сообщили о своих находках в комнате другого чиновника. Имхотеп негодовал, но он прекрасно понимал, что сейчас они не в силах что-либо сделать. Фараоны ждали восхода звезды Сириус, что вот-вот должна была появиться на небосводе, находившемся под вуалью странной алебастровой полупрозрачной накидки. Амун морщился, зная, что это не хороший знак для людей. Боги гневаются на них.

В полночь звезда появилась на небе, но радости у встречающих её было немного. Белая завеса так и не сходила, накрывая звезду в зените. Верховный жрец Ра бодрым тоном объявил об обратном мыслям Амуна, и народ принял предзнаменование незначительным препятствием на пути к сытому году, который должен был прийти на смену этому. Нил разольётся, урожай соберут и наполнят житницы зёрнами пшеницы и ячменя, а египтяне, как и прежде, будут благодарить за это Ра, и его Мааткару, и Са-Ра на земле. Но не один Имхотеп заметил, в насколько мрачном настроении находилась Хатшепсут из-за произошедшего.

Ночь накануне. Печать рабства.

Линда сидела на каменном полу, обхватив ноги, пытаясь согреться, но у неё зуб на зуб не попадал от пронизывавшего каждую клеточку тела холода. Темница, куда её впихнул охранник, была небольшая, а на полу лежали разрозненные кучки грязной соломы. Девушка кое-как, подавляя внезапно возникшее чувство брезгливости, собрала эти пучки сухой травы под себя, но это не спасло. Она долго смотрела на тонкую грязную накидку, оставленную кем-то в углу камеры, не решаясь накинуть её на своё тело. Но, взглянув на свои пыльные плечи и руки, всё-таки укрылась ею.

Египтяне были скоры на суд, а тех судей, что затягивали рассмотрение дела ввиду взятки, к примеру, жестоко наказывали, отрезая уши и носы. Линда не верила, что у неё не было шанса на спасение. Имхотеп, входящий в круг общения царицы, наверняка попытается походатайствовать, но вряд ли Хатшепсут будет хоть как-то помогать, по крайней мере, открыто, ведь Портер здесь никто, появившаяся из ниоткуда и грозящая кануть в никуда. Оставалось только злиться: на саму себя, на Инпу, на судьбу в лице Сешат. Злоба придавала сил, не давала заснуть, расслабиться, забыться.

Линда в последней попытке согреться начала ходить по камере, но вскоре её внимание привлёк призрачный свет вышедшей звезды, которую так ждал весь Та-Кемет, а дверь в её темницу резко открылась. Девушка не ожидала, что её суд произойдёт настолько скоро, но её поймали в покоях бывшего сановника, пусть и уже умершего, во дворце фараонов в столице «чёрной земли», что имело совершенно другой вес и, наверное, требовало скорой расплаты, и вздрогнула от неожиданности. Девушка подбежала к двери и столкнулась с

вошедшим огромного вида охранником, что обвинил её в воровстве, только теперь он не смотрел на неё предосудительно, теперь громила кидал нервные быстрые взгляды в её сторону.

«Интересно, что могло случиться, если сейчас он смотрит на меня так, словно впервые увидел», — Портер замерла.

Мужчина кивнул головой, показывая Линде, что она может выходить.

— Я свободна? — спросила девушка и сделала шаг за порог темницы.

Ей не понравилась ухмылка воина, а он вновь больно схватил её за ладони. Девушка старалась поспевать за ним, хотя и была пару раз в опасности упасть и разбить себе нос. Они поднялись вверх по лестнице с низкими ступенями, затем перешли через узкий переход, пока не вышли в широкий коридор, стены которого усеяны батальными сценами сражений армии фараона с армиями чужих стран. Ра, Озирис и Сет были равновесными покровителями этих битв. Причудливые угловатые фигуры вперемешку с иероглифами и яркой бирюзовой преобладающей в праздничной мешанине цветов ноткой радовали глаз. То тут, то там стояли огромные чаны на ножках с возожжёнными на них благовониями.

Если бы не обстоятельства и не неизвестность своей дальнейшей судьбы, она была бы на все сто пятьдесят два процента счастлива тем, что оказалась здесь, как она была рада на празднестве. Надежда на то, что внезапно появится тот, с кем сталкивает их Хаос, Вселенная, судьба или бог весть кто ещё, растаяла тогда, когда она выяснила, что ритуал поклонения Инпу состоится лишь в следующем году. Может быть, найти убийцу и предотвратить смерть важных для Хаоса фигур в этом мире — это её миссия, и, если ей удастся справиться с ней, она сможет наконец-то попасть в Дуат, в котором тоже что-то сделает, чтобы обнять своего дорогого Генри?

— Слишком много «бы», — с горечью подумала учёная, а обонятельные рецепторы ещё сильнее ощутили небывало сладкий аромат, волнами вместе с тёплым, сильно влажным воздухом вырывавшийся из приоткрытой массивной и высокой двери.

Охранник что-то шепнул вооружённому до зубов воину, стоявшему возле приоткрытого входа, и тот быстрым шагом ушёл вглубь огромного, как ей показалось, помещения. Его шаги эхом отдавались по нему. Слух Линды уловил звук всплеска воды.

«Крокодил», — лихорадочно пронеслось в голове.

— Бомани! — выкрикнули изнутри, но как-то лениво, вальяжно.

Линда узнала. Слишком свежо в памяти. И тут же подумала о том, что, наверное, встреча с крокодилом была бы предпочтительнее. По словам её новоиспечённых друзей. Но ей только предстояло это узнать. Страшилась ли она? Да. Был ли у неё выбор? Нет.

Тот, кого называли Бомани, шмыгнул носом и свободной рукой отёр пот, проступивший на его лбу и стекавший по его мощному черепу. Линда упёрлась ногами в пол, но тот легко преодолел её сопротивление и сдвинул предплечье так, что у девушки проступили слёзы. Он швырнул её вперёд, словно бы она — тряпичная кукла. Портер, не удержавшись и потеряв равновесие, упала на колени, чуть стерев нежную кожу на них и на внутренней стороне ладоней, задержавшись руками о каменную поверхность пола. Она прошипела от быстро прошедшей острой боли, оставившей только саднящее неприятное чувство. Её волосы спутались, повиснув вьющимися локонами впереди, полностью закрыв лицо.

Девушка вновь услышала плеск воды и, откинув назад белокурую гриву, взглянула туда, откуда донёсся звук. Тремя шагами впереди неё обнаружилась купальня. Небольшой бассейн. Возле которого, и неподалёку, и рядом, находились разукрашенные, едва одетые

девицы и юноши. Часть из них играла на инструментах, кто-то тихо напевал, услаждая слух, а кто-то неторопливо танцевал.

Обжигающий взгляд. Тот же, что лишил её уверенности на какое-то время. Затем секундное замешательство и разочарование. Са-ра.

— Ты и есть Бахити? — заинтересованно, презрительно, прощупывая.

Портер обернулась к Бомани, затем вновь к Аменхотепу. Она изящно поднялась с пола, не отрывая тёмных глаз от фараона. Тот наметил улыбку.

— Мне сказали, что ты — воровка, — снова бьющий наотмашь взгляд, пронизывающий до костей.

— На мне нет ничего, кроме тонкой материи, Са-Ра, — спокойно произнесла она, — разве я могу унести что-то незаметно, а если так, то есть ли толк воровать?

— Можно унести то, что не имеет вес и вид, но тем не менее так же или много ценнее любой вещи, — ответил Аменхотеп, смотря на девушку пронизательно, как будто зная, что она искала в комнате сведения.

Ни один мускул не дрогнул на лице Линды, она смотрела на мужчину, всё так же не отводя глаз. И не стала оправдываться. Царь оценил и слегка хмыкнул, прищурился.

— Мы приходим в этом мир нагими, уходим заботливо укутанными пеленами Инпу, Бахити, — пространно сказал он, — мне сказали, что ты появилась из пустыни, с чёрным сабом, означает ли это, что ты — посланница Великого Тёмного?

— Ты хочешь знать, что грядёт для тебя, сын Ра? — она чётко угадала, что Аменхотеп витиевато только что спросил, по вздрогнувшей руке, по тому, как он нервно сделал знак слуге и тот наполнил стоящий с ним рядом кубок, как вода всколыхнулась возле его обнажённого тела, на несколько мгновений.

— Ты — жрица Инпу, белая жрица, Бахити, благословение, ты прекрасно говоришь на языке богов, но я знал таких, как ты, беловолосых, северных дикарок, иногда попадающих к нам в плен, — его взгляд затуманился, подогреваемый горячими воспоминаниями, — они казались необузданными вначале, затем же... — вновь презрение в голосе, Аменхотеп умолк, задумчиво глядя на неё, — кто же ты, Бахити?

— Жрица Инпу, — повторила она.

— Инпу... — фараон произносил имя бога мёртвых так, словно пробовал на вкус, и оно ему не нравилось, — Ра, Хатхор, Нут, Геб, Себек, Сешат, Бастет, Гор... О, сколько их много, голову не кружит?

Линда ничего не ответила.

— Ты знаешь, что я прав, Бахити, неужели никогда не задавала себе вопрос? — Аменхотеп глотнул винный напиток из сосуда, затем продолжил: — Я познал истину, мне открылся Амон-Ра, он — вместилище всего во всём, у него есть вся власть, над всем миром, и нам не нужно поклоняться кому-то одному, чтобы что-то получить, нам надо только лишь попросить Великого Отца, и мы получим всё, что ни захотим, — он улыбнулся, — а тем, кто ему служит, он дарит невероятную силу и неуязвимость.

— Я — жрица бога, которого видела своими глазами, — спокойно произнесла она, — а ты видел Амон-Ра? — разговор становился интересным: похоже, ей удастся узнать не только об отравителе, но ещё и о враге богов Дуата.

В глазах Аменхотепа появилось смятение, и он бросил быстрый взгляд куда-то в сторону, в тёмный угол. Линда скорее почувствовала, чем увидела, что темнота в нём ожила лёгким движением и, боясь выдать себя, затихла. Их кто-то слушал. Она и виду не подала,

что заметила это.

— Тебе нужна жрица, которая видит? — догадалась девушка.

— Смотри, что Амон-Ра может дать служащим ему, — Са-Ра показал рукой на зал, на богато и ярко украшенных наложниц и наложников.

— Меня не интересуют земные блага, — сказала Линда и заметила, что бровь Аменхотепа взмылась вверх.

— А что ты хочешь за службу новому богу Амон-Ра? — искренне, с интересом спросил фараон.

— Позволь служить ему за завесой, — ответила та.

Вновь взгляд в тёмный угол. Он явно не ожидал такого. Затем фараон снова взглянул на Линду. Са-Ра был заинтригован.

— Почему Инпу не взял свою жертву с собой и ты стоишь передо мной сейчас? — фараон начал выходить из купальни, и слуга, схватив из его рук кубок, предложил тому лёгкий халат. — Не от того ли, что его не существует?

Аменхотеп отмахнулся от него и продолжил свой путь к Линде.

— Следующий праздник поклонения богине Таурт, Амон-Ра — всё во всём, поэтому мы будем чтить его завтра.

Он достиг девушки, их взгляды переплелись, а она чувствовала жар воды, исходивший от его тела.

— На колени, — повелительно, так что от страха неприятно всполошилось где-то под лопаткой.

Аменхотеп наслаждался растерянностью Бахити. Она дала ему преимущество. К обнажённому фараону и девушке перед ним быстрым шагом подошёл Бомани. Он одним движением бросил девушку на колени, та только молча простонала, ударившись который раз за последнее время. Она ощутила, как жёсткие пальцы обхватили её подбородок и потянули вверх. Они вновь встретились взглядами. Линда старалась не дрожать, но страх и усталость брали своё.

— Прекрасная Бахити, — прошептал он, мутный взгляд скользил по её лицу жадно, липко, как будто пытался испачкать, большой палец покружил по сухим губам, дрогнув, нырнул в рот, столкнувшись с сомкнутыми зубами, — мне нравится, когда упорствуют, тем слаще, — голос Са-Ра внезапно осип — она увидела, что мужчина возбуждился, и еле удержала в себе рвотный позыв.

Взмах руки фараона, и её плечи и грудь обнажил Бомани. Боковым зрением она увидела, как к её плечу подносят раскалённую круглую печать в виде глаза Ра — знак династии фараонов.

— Твоя жертва Амон-Ра, жрица, теперь ты — моя, — благоговейно прошептал он.

Она дёрнулась, начала извиваться в руках охранника и укусила Аменхотепа за палец. Тому удалось отдёрнуть его, но Линда заметила, что он кровоточил, и тут же ощутила боль в руке. Железо прожгло насквозь тело, которое она всегда считала сильным, на поверку оказавшееся слабым в жестоких руках. Метку, казалось, поставили прямо на сердце.

Портер простонала, а из глаз хлынули слёзы. Она запрокинула голову, но вместо того, чтобы разрыдаться, она начала громко хохотать.

— Рехет, — по зале пробежались опасливые шепотки.

Линда обвела взглядом купальню. Её посчитали безумной, ведьмой. Они не понимали, что метка лишь одна невесомая песчинка, чем она готова пожертвовать ради того, чтобы её

сын жил.

— Уведите жрицу, дайте всё самое лучшее и берегите как зеницу ока, — приказал фараон, и Бомани и другой воин тут же приподняли Линду и помогли уйти из купальни.

Как только двери за ними закрылись, из тёмного угла вышел Косей. Он подал Аменхотепу белую ткань с поклоном.

— Рехет, — сказал как выругался Косей, обеспокоенный раной Са-Ра.

— Говорящая с богами, — ответил Аменхотеп, задумчиво глядя вслед учёной, — теперь у Амон-Ра есть жрица.

Вес слов земных детей богов.

Жрецы и целитель смогли попасть на аудиенцию к царице лишь на следующее утро. Друзей встретили в том же зале с медными зеркалами, только теперь их было трое.

Имхотеп, витиевато поприветствовав царицу, изложил ей всё о находке и предупредил об опасностях, а также высказал свои предположения о том, что преступник во дворце и целитель боится, что у него есть неограниченный доступ к смертельному яду.

Хатшепсут молча выслушала пространную речь верного ей человека и только сильнее побледнела.

— Боги оставляют меня, — произнесла она слабым голосом.

Мужчины молчали, не зная куда девать глаза. Мааткара словно бы сбросила с себя весь свой царский блеск, представ перед ними человеком, женщиной. Повисло долгое молчание.

— Что же? Узнать, кто душегубец, не получится? — спросила она.

— Только ждать, великая Мааткара, — произнёс с почтением Имхотеп.

— Что делать с комнатами? — спросила женщина, смыкая руки за спину.

— Замуровать, моя царица, объяснив перепланировкой, но я боюсь, что отравитель будет тогда очень осторожен, — ответил Имхотеп, он увидел, как поджалась челюсть женщины.

— Пока ничего не будем делать, в этих комнатах висят траурные ленты, случайного человека это должно остановить, а убийца вряд ли рискнёт туда вернуться, — она взмахнула рукой, как бы давая понять, что аудиенция окончена, и уже было повернулась к ним спиной, чтобы пройти вверх по лестницам на балкон.

— Мааткара, — позвал Имхотеп и встал на колени.

Женщина повернулась и нетерпеливо подняла бровь.

— Говори.

— С нами была жрица, выполняя твоё задание, её ошибочно приняли за воровку, и сейчас она в тюрьме, освободи её, мудрая царица Хатшепсут, она не виновата в том, в чём её обвинили, — теперь на колени встали и жрецы.

— Та белокурая женщина? — переспросила она и наморщила лоб, вспоминая, — она не в тюрьме, она у Са-ра.

— У Аменхотепа?! — не выдержав, вскрикнул от удивления Имхотеп. — Но как же так... Он отпустит её?

Царица подняла на своего слугу гневный взгляд, и лекарь понял, что допустил ошибку, способную стоить ему если не жизни, то расположения при дворе уж точно.

— Аменхотеп благостен, и его внимание подобно вниманию бога Ра, девушка ни в чём не будет нуждаться, — от её голоса, в котором угадывался гнев, у Имхотепа свело горло.

— Она жрица Анубиса, — тихо возразил Камазу.

— Именно белая жрица узнала, чем были отравлены твои сановники, Мааткара, она

узнала, что воздух комнаты отравлен, — Амун был сегодня чрезвычайно разговорчив.

Царица вздохнула. Разговор начинал ей надоедать, мало того, что они не знают, кто убийца, так ещё хлопочут за какую-то девку.

— Я не буду перечить сыну в его желаниях, тем более повода-то нет, — проговорила она в сторону Имхотепа, смиренно склонившего голову, а затем, обернувшись к жрецу Инпу, утвердила, — служила мёртвым, послужит и живым.

Она обернулась к лестницам и уже было занесла над первой ступенью ногу, как передумала и вновь повернулась к мужчинам. Те преисполнились надежды, Камазу даже облегчённо вздохнул.

— А если жрица смогла разгадать способ убийства, значит, она сможет выжить и в гареме моего сына, а вы сосредоточьтесь на деле и найдите душегуба.

После этих слов царица, не попрощавшись, покинула залу с медными зеркалами. А друзья невесело переглянулись. Они, немного помявшись, двинулись в сторону выхода.

— Можем ли мы хоть что-то сделать? — произнёс Амун, и мужчины вздрогнули — обычно немногословный, он дважды за день заговорил, значит, все понимали степень опасности.

Имхотеп мрачно качнул головой. К ним подошёл тот же евнух, что сопровождал их в это помещение, и, поклонившись с почтением, произнёс мягким тонким голосом:

— Послание через меня великая царица передаёт, жрицу увидеть можно и нужные слова сказать, ибо времени в обрез будет.

Евнух поклонился и отвернулся от них, взмахом ладони приглашая идти за ним. В этот раз они уходили с аудиенции Хатшепсут другим путём, нырнув в более узкую дверь, чем в ту, через которую вошли в залу.

— Всё же решила помочь, дальше дело за нами, — целитель легко нырнул в проём.

Камазу втянул небольшой живот, мысленно кляня коридоры дворца, при этом крякнул от натуги. Имхотеп повернул к нему голову.

— Никак не могу привыкнуть к дверям и коридорам власти, — объяснил он, следуя за друзьями.

Амун, также без усилий одолевший переход, улыбнулся, но промолчал.

— Жил бы во дворце, был бы тонкий да звонкий, а то среди красавиц, да на вольных хлебах отъелся, вон как щёки-то лоснятся, — Имхотеп хохотнул.

— Да, если бы я тут жил, то будь на мне волосы, они бы стали седыми, — ворчливо ответил Камазу, — нет уж.

Мужчины улыбнулись и продолжили следовать за евнухом, выйдя, прошуршав открывающейся панелью, к широкому переходу, который заканчивался нишей, в которой они оказались в тени. Нырнув туда, они слышали десятки женских голосов и всплеск воды, запах благовоний окутал их ноздри, а зрение усладили стройные обнажённые женские тела.

— Я умер и попал в Иалу, — прошептал Амун, но глаза отвёл, так же как и Камазу.

— Глянь, этот аж трижды нас за сегодня «порадовал», да-а-а-а, женщины могут вдохновлять, — Имхотеп тронул евуха за плечо, — когда мы увидимся с Бахити? — он, в отличие от остальных, пробежался взглядом по головам женщин, попытался найти белокурую жрицу.

— Ждите, — пообещал слуга Хатшепсут.

Евнух сдержал слово, и вскоре они увидели, как из другой такой же тёмной ниши, как у них, пересекая комнату с остальными девушками, бледная и с тёмными кругами под

глазами, приблизилась Линда в прозрачном халате, что лишь номинально скрывал наготу.

Камазу хотел было выйти навстречу, но Имхотеп вовремя остановил его.

— Мы и так рискуем, — прошипел он на него.

Девушка осторожно проскользнула к ним, а слуга Мааткары встал около прохода, невозмутимо рассматривая свои ногти и бдительно кидая взгляды исподлобья, чтобы в случае опасности отвести беду.

— Бахити! — радостно воскликнул Камазу и приветственно хлопнул её по плечам.

Девушка вскрикнула от боли, вовремя прикрыв рот ладонью. Только сейчас жрец Инпу заметил. Лёгкая ткань не скрыла серо-белый бинт, обмотавший её плечо. Сквозь слои проступила алая кровь.

— Ч-что случилось? — спросил Амун, нарушая тишину свои голосом уже который раз за день.

— Неважно, — сдавленно произнесла Линда, она обернулась к девушкам и убедилась, что никто не обратил внимания на то, что она исчезла, по крайней мере, сейчас у них есть какое-то непродолжительное время на разговор.

Затем вновь обратила свой взор на мужчин.

— Времени в обрез, вчера меня схватил дворцовый охранник, — она обратилась к жрецу Инпу, — Камазу, мы думали, что нам повезло, но теперь я начинаю подозревать, что везение тут ни при чём, дворцовый охранник точно знал, что заходить в комнату убитого смертельно опасно, и у него есть приказ охранять эти покои от чужих глаз, а ещё у него явно нездоровый вид, воина зовут Бомани, я не знаю, кто он по званию...

— Он — начальник дворцовой охраны Хатшепсут, — пояснил Имхотеп.

— Служит Бомани, скорее, её сыну, — её скулы свело от еле сдерживаемого гнева, — обрати внимание на него, лекарь, начни расследование и, скорее всего, ты что-то найдёшь.

— Как же ты, Бахити? — спросил Камазу, чувствуя ответственность за девушку.

Остальные промолчали, все прекрасно понимали, где они и что выхода отсюда могло быть только два: либо в некрополь для бальзамирования, либо с отрезанным носом на улицы Мемфиса, что одно и то же, только смерть во втором случае была бы отложена.

— У вас не будет такого доступа к фараону, какой есть у меня, жрецы, используйте то, что узнали, а я постараюсь выведать что-нибудь, что прольёт хоть какую-то истину на то, кто же всё-таки убийца.

После этих слов она хотела было выйти, но Амун придержал её за руку. Учёная поняла его без слов.

— У вас не получится вызволить меня, — твёрдо проговорила Портер, похоже, она уже обдумала своё положение, — но в ваших силах сделать так, чтобы моя жертва не была напрасной, — а затем, не медля ни секунды, вышла из ниши и быстрым шагом удалилась, оставляя мужчин с решимостью действовать и растерянностью от беспомощности по отношению к ней одновременно.

Примечание:

*Мааткара (Маат-Ка-Ра) — тронное имя царицы египетской.

**Анат (др. егип.) — букв. «источник».

***Га-Кемет (др. егип.) — букв. «чёрная земля», так египтяне называли свою родину.

**** Са-Ра (др. егип.) — букв. «сын Ра».

Глава 11. Неизбежность и риск

Текст главы содержит неподробные описания кровавого ритуала некоего культа в Древнем Египте. Читайте с осторожностью!

Дуат. Рукотворный дождь на Млечном пути.

Ярко полыхала тонкая полоска света на горизонте, когда Ра, осветив день, уставший, дряхлый старик, уходил на покой, уступая небосвод Нут и Хонсу, чтобы завтра вновь юным красавцем повторить ритуал, нерушимый, как сам завет богов и людей: не вмешиваться в дела оставшихся на Земле. Огонь обжигал кожу, опалял лёгкие и заставлял отворачиваться, потому что глаза не выдерживали, слёзы лились, застилая обзор, а гул беспощадного, выжигающего всё и вся ока Ра заставлял перепонки лопаться. Боги умирали и воскресали в его присутствии: Ра безжалостно щадил своих потомков.

— Ты точно знаешь, что делаешь? — прокричал Гор, останавливая руку Инпу, держащую сосуд Сешат и уже хотевшую пролить жидкость. — Это опасно, и поможет ли? Какие будут последствия у вмешательства богов в дела людей, давших лишь только знак? Думаешь, она настолько умна, что поймёт, что он от тебя? А если и поймёт, то как догадается о твоих намерениях ждать её на ритуале? А если и догадается, то какой именно ритуал ей надо посетить? Не будет же она, как скарабей, скакать по всем храмам в нашей земной колыбели жизни...

— Пусть делает то, что должен, не видишь, что он влюблён? — оба вздрогнули и обернулись на серебряный женский голосок.

— Я не влюблён, — упрямо возразил Анубис, — она мне нужна... — и осёкся под её пристальным взглядом «всегда права», — она всем нам нужна...

Бастет хихикнула, наиграно прикрыв ротик рукой.

— Неугомонная! — воскликнул Гор, теперь уже обращаясь к ней. — Зачем пришла?

Она повела плечом, кожа на её груди и предплечьях вздулась, разрываясь, обнажая мякоть мышц и кости. Ненадолго. Новая тут же покрывала её.

— Говорят, кожу надо обновлять, — та улыбнулась и подошла к друзьям ближе, любуясь свежими ноготками.

— Не освежать же, а так шла бы к Сету, он бы содрал её с тебя... — возмутился златокудрый бог, — только попроси, это он завсегда, — потом взглянув на друга, откашлялся, — прости...

Инпу неоднозначно дёрнул головой.

— Он переживает за меня, потому что всё ещё любит, — торжествующе произнесла богиня-кошка и обольстительно улыбнулась, толкнув Гора острым локотком в бок.

А затем, повернувшись к Инпу, проговорила так, будто благословила:

— Делай то, для чего ты здесь, Хаос столкнул вас — этого достаточно, не жди его благоволений больше, я уверена, что твоя жрица тоже ищет встречи с тобой.

Анубис выставил руку вперёд, которая тут же сгорела в обжигающем огне, мигом восстановившись в прежнем виде, а затем цикл повторился вновь, пока он не отдёрнул пустую ладонь. Млечный путь охватил рукотворный дождь из мелких искр, что пролились на него белёсым каскадом. А с Земли было видно тысячи вспыхнувших звёзд, выстроившихся в

тот самый рисунок, что наблюдали совсем недавно в пустыне Инпу и Линда.

Ритуал. Явление Амон-Ра.

Звук систрума потрясал мироздание. Всё всегда должно быть в движении, всегда в напряжении. Нет ничего постоянного, всё изменяется. За периодами тишины идут времена грандиозного шума, за гладкими равнинами следуют крутые горы, а за великими героями — мелкие предатели.

Линда лежала возле бассейна на животе. Что-то странное разлилось в самом воздухе, после того как слуги гарема зажгли светильники в общей комнате для девушек. Всюду слышался весёлый, частый, временами не к месту, смех. Некоторые из них танцевали.

Как только учёная почувствовала сладковатый привкус, то оказалась возле воды и на полу, стараясь вдыхать одурманенный воздух в помещении через раз. Но всё-таки она успела сделать поток отравленной расслабляющими ароматами атмосферы в зале. Собственное тело казалось Портер лёгким пером, но петь или танцевать, как остальным, её не хотелось. Сознание затуманилось, но не настолько, чтобы она не могла контролировать себя в полной мере.

Линда знала, что их готовят к празднику поклонения богине Таурт. С утра они приняли ванны с душистыми травами, а их кожу умаслили благовониями, разодев затем в тонкие, но прочные платья из позолоченных веревок, увивших всё тело, туго стянувших грудь и бедра, давая возможность делать лишь короткие шаги. Ровно для того, чтобы прибыть на ритуал.

Она потрогала сквозь ткань на плече всё ещё кровоточившую рану. В памяти всплыл разговор с бароном фон Бинцем. Линда и представить себе тогда не могла, что и её напрямую коснётся предмет их беседы. Быть чьей-то принадлежностью, вещью, быть тем, кто более собой не распоряжается. Немыслимо? Но так ли уж это невысказано и даже в её время?

Затем всех собрали в одну длинную шеренгу. Девушка затаила дыхание и вздохнула только тогда, когда их вывели из помещения, боясь надыхаться воздухом с опьяняющими веществами. Они долго шли вниз по невысоким склонам и через какое-то время оказались на большой площадке с мягким настилом, засыпанным песком, с высокими круглыми колоннами, уходящими в темноту неба. Неба, в котором дымка развеялась, явив Линде яркие звёзды, весь Млечный путь и даже больше.

— Как тогда с Инпу... — прошептала девушка ошарашенно, оторопев.

— Инпу... Инпу... — рядом послышался шелестящий голос, воспользовавшись секундным замешательством Линды, её руку схватила другая: женская, грязная, — уходи, беги, спасайся, — она принадлежала молодой женщине с растрёпанными, частично седыми волосами и горящими неистовством глазами, — мы служим не тому...

Остальные девушки с расфокусированным взглядом, что шли позади неё, покорно остановились. Линда еле отцепила её сухую ладонь от себя. А евнухи подскочили к ним и уволокли безумную.

— Я тоже послужу богу, когда-нибудь послужу... — крикнула она напоследок, — я слышу его шаги, он здесь, призовите его.

Короткая заминка кончилась, и они вновь проследовали за слугами. Несопrotивляющихся, улыбающихся, потерявших волю девушек расставили в линию. Потом последовало несколько щелчков, и ярко вспыхнули факелы, наполнившие воздух гарью. А Линда увидела прямо перед собой камень. Жертвенный стол. По правую сторону от него на

возвышении сидело маленькое неразумное дитя, искренне улыбнувшееся ей.

— Что здесь происходит? — пробормотала растерянно Портер, холодея от дурного предчувствия.

Дар для Хатшепсут.

После разговора со своими подданными царица предусмотрительно отправилась осмотреть свои покои. Опасаясь кого-либо впутывать в тёмное дело и давать кому-либо лишний повод для доносов, она сделала это сама. Женщина облегчённо вздохнула, когда поняла, что её комнаты чисты.

Хатшепсут сидела на открытой террасе, примыкающей к своим покоям, и задумчиво всматривалась в далёкие огни на горизонте. Ночная прохлада опустилась на землю, остудив горячие головы, оставив в стороне только её сына. Вот только она знать не хотела, что творилось там, откуда виднелись огненные всполохи. Как она и предполагала, её сын не пойдёт против неё. Он хочет быть популярным среди вельмож, устраивая время от времени красочные зрелища.

Следовало бы осадить рвение её верных слуг, несомненно, умных, но подозрительных донельзя. Да, ей было жаль своих сановников, но их хрупкий мир с сыном, только недавно восстановленный, нельзя было рушить ни при каких обстоятельствах.

— Бомани, — позвала женщина, а заметив, что тот выглядит как живой мертвец, слегка отшатнулась, — позови жрецов и лекаря Имхотепа, а потом... потом тебе нужно показаться ему.

Здоровяк покачнулся и вымученно улыбнулся. Женщина и сама кашлянула. Рядом стоящая служанка тут же накрыла её плечи тёплым пледом.

— Не беспокойтесь, моя госпожа, обо мне, — глава королевской охраны поклонился и предусмотрительно отошёл к выходу из покоев своей царицы.

На террасу вынесли обеденный столик и расставили напитки: воду и вино. Её гости явились немедленно. Хатшепсут сделала знак рукой, и Бомани вышел. Камазу проводил того подозрительным взглядом.

— Такое чувство, что вы караулили под дверью, — вместо приветствия произнесла она, когда мужчины, встав на колени, отдали ей почести.

— Мы с вестью, о, великая Мааткара, — произнёс Имхотеп обеспокоенно, и тут же перешёл к сути, — еле дождались встречи с тобой, доверяешь ли ты Бомани? — он начал без обиняков.

Хатшепсут насторожилась и смотрела теперь на них так, как будто видела впервые.

— Д-да, — она вскинула подбородок, — вы хотите сказать, что Бомани...

— Он арестовал жрицу, не зашёл в комнату убитого сановника, у него все признаки отравления ртутью, из этого всего я делаю вывод, что Ваш слуга и есть отравитель, но вот самоличный или нет — большой вопрос, — подтвердил её догадки врач.

— О, Великая Светлая Мать Исида... — прошептала та.

В это время слуги внесли яства, которые могли бы поразить своей простотой современного обывателя. Имхотеп быстро пробежался взглядом по тарелкам и остановил его на посуде с мёдом.

— Будут ли ещё указания, моя царица? — Бомани поклонился, слегка покачнувшись.

— Меня беспокоит состояние твоего здоровья, здесь врач, — она указала кивком головы на Имхотепа, потянувшись к тонкому столовому ножу, — он осмотрит тебя...

— Зачем такие хлопоты, Мааткара? — спросил тот настороженно. — Обыкновенная простуда, скоро пройдёт...

— Если простуда, моя великая госпожа, может быть, твоему верному слуге отведают мёду? — предложил Имхотеп, безотрывно глядя на охранника.

Казалось, замерли сами небеса. Хатшепсут оторопела вначале, но поняла, к чему клонит её верный человек.

— Я не смею, — пробормотал тот и поклонился.

— Я тебе говорю, — повелительно произнесла Мааткара, — бери и ешь.

Бомани не спеша разогнулся и неожиданно ринулся к царице, выхватывая нож из её рук. Та, не успев среагировать, замерла. Амун встал между ними, преграждая путь и одновременно хватаясь за лезвие ножа, глубоко врезавшееся в мясо руки. Жрец Гора простонал от боли, но хватку не ослабил. Бомани стал налегать, отбросив свободной рукой от себя Имхотепа, приблизившись на вжавшуюся от ужаса в стену царицу.

Неожиданно раздался удар, и Бомани, развернувшись, с удивлённым и будто обиженным выражением лица, одновременно отпуская Амуна, увидел перед собой Камазу с тяжёлым железным сосудом в руках. Он для верности ещё раз приложил здоровяка по голове. Тот обмяк и рухнул, словно бревно, под ноги друзьям.

— Живо! — выкрикнул разгорячённый Камазу, и Имхотеп помог ему того связать.

Затем Имхотеп осмотрел трясущуюся от болевого шока, всю в крови ладонь Амуна. Камазу помог царице подняться, боясь тронуть её и всё время кланяясь.

— Постараюсь спасти пальцы, — пообещал целитель.

— Сейчас не это главное, — Амун взял из рук Камазу чистый платок и подвязал им руку, пытаясь остановить кровотечение.

Все воззрились на Хатшепсут. Она уже успокоилась, по крайней мере, внешне, хотя о перенесённом волнении доказательством служила её часто вздымающаяся грудь и чуть подрагивающие кончики пальцев.

— Предателем может быть мой сын? — спросила та мигом осипшим от предположения голосом.

Друзья молчали.

— Вызовите охрану и моих генералов, — приказала та Камазу, она до сих пор мелко дрожала, пытаясь справиться с только что пережитым, — пусть Са-Ра явится к матери.

Явление Амон-Ра.

— Здесь все верные, — послышался сильный, зычный голос Косея откуда-то сзади.

Учёная вздрогнула и покрутила головой. Она с удивлением заметила, что девушки были не единственными гостями на отданной на откуп ночи, луне и планам правителей площадке. Сзади стояло трое вооружённых воинов.

«Аристократы, может быть, крупные торговцы, политики, родня правящей династии, — Портер пробежалась глазами по нестройным рядам неизвестно откуда высыпающих людей, — их взгляды смотрят с любопытством, с превосходством, с брезгливостью, и всё-таки с вожделением, они считают нас игрушками, диковинками, недоллюдьми, но им интересно для чего, а кто-то и жаждет... зрелищ и удовольствий».

К жертвенному камню медленно и вальяжно, под приветственные крики из толпы, вышел жрец Амон-Ра.

Линда сглотнула ком, мигом образовавшийся в горле. Страх. Липкий и осознанный. Она

всё же надыхалась дурманом: обзор сузился до лица мужчины и его лысой головы.

Косей поднял обе руки, останавливая ликование, и улыбнулся, когда шум стих.

— Здесь верные, — выкрикнул он и опустил ладони — толпа взревела, вновь взмах рукой, и тишина заполнила площадь, — верные! Амон-Ра, величайший бог, вступивший на созданную им Землю как Неберджер*, неведомый бог-создатель, явивший нам правду о нём, совершенный, справедливый к своим рабам, жестокий к врагам, единственный, — он был прерван ропотом, глаза Косея сузились от злобы, но мужчина продолжил: — Разве может выйти что-нибудь из Хаоса? — жрец презрительно усмехнулся. — Разве может нечто беспорядочное и вечно меняющееся породить порядок? И зачем миру столько богов? Один верит в Ра, другой поклоняется Таурт, кто-то — всем им, вместе взятым, но так ли вы много получили, молясь им? А к примеру, верование в Инпу... Что даёт вам поклонение этому божку? Вы всё равно смертны. Хоть один из них вышел из-за тайной завесы? Хоть один из них явился перед вами?

Линда вздрогнула, начиная впадать в транс от слов жреца, и сделала пару глубоких вдохов, желая прочистить лёгкие, а с ними и сознание. Люди заорали. Косей мог надавить на нужные точки.

— Боги хотят поклонения, но не хотят видеть людей, старающихся для них. Что это? Боги такие стеснительные или высокомерные, что им претит даже сама мысль появиться перед нами? — жрец снова начал, как только рёв затих. — Нет, это означает одно, — Косей довольно оглядел «цвет нации», — их нет, — звуки стихли, — но есть Амон-Ра, и он явится верным своим.

Линде показалось, что воздух вокруг затвердел и затрещал, грозясь осыпаться крупными и мелкими осколками. Она могла представить, что двигало этими людьми, пресыщенными всем на свете богачами, пришедшими на очередное развлечение. Безусловно, кто-то верил, остальные же, и их было большинство, прибыли сюда в надежде выслужиться перед будущим фараоном или удовлетворить свои низменные потребности.

— Амон-Ра щедр и избрал своим сыном на Земле господина нашего, великого Аменхотепа, — Косей вытянул руку и указал назад.

Линда обернулась и замерла. По песку голыми ступнями величественно передвигался сын Хатшепсут. Люди в едином порыве кинулись на колени. Девушка почувствовала, как её ударили по внутренним сгибам ног, и она, охнув, вместе с остальными упала на холодный песок и прошипела от боли, когда мелкие песчинки врезались в старые раны.

«Определённо, я разорюсь на ортопедике... если выживу, — подумала девушка, вскинув голову — Аменхотеп стоял прямо перед ней в ослепительно-белой схенти и полупрозрачной накидке на голое тело. Вновь желудочный спазм, — и триггер на мужиков в белых... трусах, — с отвращением добавила».

Фараон приподнял её голову за подбородок и улыбнулся одними кончиками губ. Он плавно и неспешно переместился к Косею за жертвенный стол и встал по левую сторону от своего жреца.

— Жрица, — выкрикнул тот, — у нас есть говорящая с богами, — и указал на Линду.

Девушка озиралась, встречаясь всё с теми же взглядами. Люди разогнули спины и с жадной продолжения действия следили за происходящим. В голове забила тревожным пульсом кровь, распространяя боль волнами. Портер впервые в жизни не знала, что делать. Ей всегда казалось, что нет безвыходных ситуаций, но вот то, что происходило сейчас, невозможно было преодолеть только желанием её воли или действиями.

Косей указал рукой, и двое воинов, что стояли позади неё с девушками, повели крайних к камню. Они еле передвигали ногами. Хлопали глазами, непонимающе улыбаясь, но послушно следовали за мужчинами. Линда подвигала бёдрами и поняла, что самостоятельно подняться ей не удастся, обернувшись на миг назад, увидела, что и сбежать у неё тоже вряд ли получится. Если только туда, где развесили ткань, скрывающую нечто сакральное от нескромных глаз людей. Завеса. Ей нужно добраться туда. Во что бы то ни стало. Ведь так уже было и, может быть, получится ещё.

Портер перестала дышать, как только повернулась к жертвенному камню. Девочка, сидевшая на возвышении и радостно улыбавшаяся при этом, передала что-то Косею. В руках жреца в свете зажжённых факелов блеснул огромный нож, похожий на тесак. Ещё секунду она убеждала себя, что он необходим мужчине для декоративных действий. Но два молниеносных взмаха руки, и надежды Линды рухнули, как и тела тех, кто оказался так близко к ритуальному убийце. Кровь окропила всё пространство вокруг, окатив горячими брызгами Косея, Аменхотепа и камень. Толпа образованных и прогрессивных людей того времени по-звериному взвыла, разрывая на себе одежды.

Выхода не было. Девушка инстинктивно дёрнулась, когда бешеный, упивающийся собственной силой и влиянием взгляд жреца остановился на ней. Она крупно задрожала, почувствовав себя жертвой. Он рвано улыбнулся и указал на неё. Сильные руки воинов схватили её и начали толкать к камню отчаянно сопротивляющуюся Линду.

— Нет! — выкрикнула она. — Спасите!

Вместе с ней к жертвеннику вытащили ещё двоих.

— Нет! — всё также кричала Портер, ледяная волна неизбежности и ужаса всё сильнее охватывала её душу по мере приближения к ритуальным убийцам.

Остальные не кричали и не сопротивлялись, пребывая в своём мире, они не реагировали на происходящее, не переставая тупо таращиться перед собой и широко улыбаться. Косей злобно прищурил глаза и грубо обхватил её подбородок, притягивая к себе лицо. За ним стоял Аменхотеп, взирая на всё происходящее спокойно и словно бы отстранённо, словно бы всё, что происходит сейчас, так же нормально, как умыться и почистить зубы перед сном.

— Она — истинная жрица, — заключил он и отодвинул её подбородок от себя, намеренно сделав ей больно.

— Только тронь меня, — прошипела та сквозь зубы, страх исчез, уступая место инстинкту самосохранения, диктующему свои правила: напади первой, застигни врасплох, расправься с врагом, — Инпу не понравится всё, что здесь творится.

Косей с изумлением посмотрел на неё и, оглянувшись на фараона, расхохотался.

— Не знаешь, что говоришь, несчастная, что может твой бог, открывающий врата смерти, если тот, кому мы служим, может не только это? Амон-Ра имеет ключи жизни и только ему одному следует поклоняться! — он прохрипел, как будто сильно волнуясь.

Его руки поднялись, а Линда, дёрнувшись, так и осталась стоять на месте. Её окатила горячая волна. Она была с головы до пят в брызгах крови. Металлический запах ударил в нос, и девушка чуть не потеряла сознание. Одна ступня касалась мёртвой плоти, и вроде не привыкать, ведь трупы приходилось вскрывать, но то, что сейчас творилось здесь, было немислимо. Девушек зарезали, словно животных.

Портер успела попрощаться и со своей жизнью, как ощутила, что золотые путы, сковывающие её тело, пали. Она, было прикрывшая глаза, вновь открыла их. Широко — так, чтобы увидеть приблизившегося к ней Аменхотепа, подтолкнувшего её к жертвеннику, чуть

не уронив навзничь, чтобы её бёдра могли раскрыться перед мужчиной. Толпа охала, кричала имя Амон-Ра со всеми регалиями и молила посетить их сегодня, даровав благоденствие, власть, силу и богатство.

— Аменхотеп — сын Амон-Ра, источник его силы и власти на Земле, он будет жить вечно и верным его дарует эту жизнь, всё, что нужно Амон-Ра, — это ваши живые сердца, бьющиеся с Са-Ра в унисон, а недавно Амон-Ра даровал нам жрицу, восславим его милость! — выкрикнул Косей так, что звук от его голоса задрожал между колоннами.

Сановники, вельможи, прочие выкрикнули ему в ответ, скандируя имя бога, который требовал крови.

— Ты меня тоже убьёшь? — хрипло спросила она Аменхотепа.

Он вопросительно поднял бровь и расхохотался.

— Говори с Амон-Ра, Бахити, для этого ты здесь, говори или умри, — он склонил голову набок и приблизился настолько близко, что Линда с омерзением почувствовала его сильное возбуждение, — говори или умри, а потом мы соединимся в вечном танце жизни, открывая врата со всей страстью.

«Говори или умри», — отозвалось в мыслях.

Надо было как-то отреагировать, что-то срочно придумать, но в голове было совершенно пусто. Следовало ли бороться? Да, возможно. Получилось бы? Нет. Рискнуть? Ситуация патовая, как та, что случилась с её сыном. Линда закричала, да так сильно, что её слышали небеса. Небо прорезали молнии, и грянул гром, прозвучавший рокотом снежной лавины посреди людского гвалта. И шум прекратился, оставив после себя оглушающее послевкусие. Все испуганно переглядывались между собой. Аменхотеп в оторопи убрал от девушки руки, а Косей с непониманием оглядывался и втягивал воздух ноздрями, учуяв что-то, что понимал и знал только он один.

Стихия, судьба, Хаос или нечто потустороннее решило вмешаться. Земля сотряслась, и наконец и до Линды дошёл запах серы и тлена, а в воздухе стало собираться нечто красное. Оно словно бы ткало самого себя из всего, что попадалось ему на пути, превратившись за несколько секунд в огромную фигуру, склонившуюся над жертвенником. Полы плаща, окутавшие её, втянули в себя кровь, пролитую в изобилии. Портер послышалось удовлетворённое мычание, и она осела на колени, бросив быстрый взгляд вначале на замерших от изумления мужчин, а затем в сторону завесы.

— Я есть твой бог, Аменхотеп, ты звал меня, — громopodobный голос охватил затихшую округу.

Люди рухнули на колени и пытались укрыть голову руками. То же сделал и жрец, спрятав под собой и девчущку.

— Я весь твой, Амон-Ра, — хрипло выкрикнул Аменхотеп, его лицо покраснелось от страха, смущения и гордыни.

— Ты славно служишь мне, твои ритуалы и жертвы — лучшее, что дарило человечество, я долго ждал, когда же люди поймут, что я есть начало и конец, истинный создатель неба и земли, как и всех трёх миров.

Аменхотеп упал на колени и в экзальтическом исступлении зарыдал. А Линда поняла, что сейчас самое время хоть что-то предпринять. Её сковывал страх, что если она начнёт двигаться, то фигура заметит и ей. Самовольства эти фанатики явно не простят. Но, прежде чем воплотить свой план в действие, она обмакнула палец в кровь и приблизила его к поверхности камня. Ладонь дрогнула, и жрица задумалась.

— Я вознагражу тебя, Аменхотеп, — тем временем пророкотала фигура, — я подарю тебе бессмертие, ты будешь вечно прекрасен, вечно здоров, вечно юн, но...

Фараон вскинул голову и с замиранием сердца слушал Амон-Ра.

— Приведи мне говорящую с богами, — договорила фигура, прожурчав миллионами вод и прошелестев сотней пустынь.

— Она здесь, мой господин, владыка всех трёх миров! — в исступлении выкрикнул фараон и обернулся в сторону Линды.

Девушки там не оказалось. Аменхотеп закрутил головой и увидел, как она вбежала за завесу.

— Она там, там, где подношения для тебя! — вновь прокричал он. — Войди и возьми свою жрицу.

— Ты, верно, хочешь разгневать меня, — в голосе просыпалась ярость.

Косей дёрнул фараона за руку, и тот вновь склонился.

— Найди мне истинную говорящую с богами, не медли, как только ты исполнишь мой наказ, моя сила войдёт в тебя, — рокот, мощь движения всех течений в океанах, власть от неба до земли.

Фигура исчезла, как будто её здесь никогда не бывало. Аменхотеп и Косей поднялись на ноги, переглядываясь друг с другом.

— Достань мне эту девку, — прошипел Са-Ра.

Но не успели они и шага сделать, как на площадку ворвались воины Мааткары.

Аменхотеп от досады цокнул языком и на миг посмотрел на завесу.

— Именем царицы Та-Кемет, что правит со своим сыном, разумно и справедливо, великая Мааткара просит Са-Ра явиться перед её очи, ибо сильно скучает и плачет, беспокоясь, — глашатай поклонился.

— Ну, разумеется, — сквозь зубы проговорил он, криво ухмыльнувшись.

Аменхотеп вместе с Косеем и девочкой спокойно, как будто решив вернуться с прогулки, сошли с возвышения и, пройдя к краям площадки, сели в приготовленные для их перемещения носилки. Следившие за тем, как воины разгоняют людей и подбирают тела, Амун, Камазу и Имхотеп подошли к камню, подавляя в себе рвоту. Лекарь было собрался пройти к завесе, думая, что Линда могла скрываться там, но был остановлен возгласом жреца Гора.

— Врачеватель, здесь послание для тебя, и, думаю, благословенная хочет сказать то, что будет понятно только тебе одному, — произнёс он.

Целитель в сильном волнении и удивлении обошёл камень и увидел слова, начертанные кровью:

«Каково будет — не знать, умрёшь ли ты и принесёшь ли много бедствий потомкам, Имхотеп?»

Мужчины мрачно переглянулись между собой.

— Я принесу всем несчастья, — пробормотал Имхотеп, крепко задумавшись.

Камазу ринулся к завесе, дёргая за ткань. Она рухнула к его ногам бесполезной хламидой.

— Её здесь нет, — растерянно прошептал мужчина, оглядываясь на своих изумлённых друзей.

Опять двадцать пять. Рассерженная богиня.

Решившись написать послание, Линда отползла по-пластунски от вставших в ступор, обезумевших от запаха крови и видения фараона и жреца. Она старалась стать как можно меньше и сгруппировалась, решившись подняться, села на корточки и оглянулась назад. Ей не чудилось, как и другим. Все присутствующие видели огромную фигуру бога Амон-Ра. Его лицо было скрыто под капюшоном красного плаща. И бог говорил с людьми. Это не было галлюцинацией, его видела не только она.

Портер решила не медлить. Измазанная кровью, которая успела высохнуть на её обнажённом теле и волосах, с ошалелым взглядом и на негнущихся ногах, каждую секунду боявшаяся, что её окликнут или схватят, добежала до завесы и, тяжело вздохнув, вбежала за ткань, символически отделявшую ужас происходящего от неизвестности могущего произойти.

Её слух уловил, что звуки за тканью стихли, а сама девушка замерла от испуга, увидев перед собой огромную беременную бегемотиху, поедавшую фрукты на серебряном блюде, больше похожем на огромный жернов. Та оторвалась от трапезы и не менее удивлённо, чем учёная, взглянула на неё, а из огромной пасти вывалилось непережёванное яблоко.

— Таурт... — прошептала девушка.

Линда хотела было выбежать обратно, но возвращаться было некуда. Перед ней была та, которая гипотетически могла бы перенести её в Дуат. Могла бы, но вот захочет ли?

— Кто ты такая? — грозно проговорила вечно беременная богиня, встав из-за стола и огладив свой округлый живот. — Ты прервала мой обед...

— Моё имя тебе ничего не скажет, зато я знаю твоё, богиня Таурт, я бесконечно извиняюсь и могла бы перечислять все твои титулы, чтобы усладить твой слух, но мне некогда, а поэтому перейду сразу к делу, — Линда еле отдышалась и едва ли от страха соображала, что оскорбляет её, — но мне нужен Инпу.

Таурт, опешившая от такой наглости, открыла было рот для того, чтобы вновь его закрыть. Прошла томительная минута.

— Я могу раздавить тебя одной ногой, смертный скарабей, и ты окажешься аккурат в его руках, — богиня громко расхохоталась.

Линда опасно сделала шаг назад.

— Мне надо видеть его вот так, как я сейчас вижу тебя, — произнесла она, проследив за тем, чтобы голос не дрожал.

Таурт склонила голову набок и зло прищурила глаза.

— Смертный, вонючий человечиска, я чувствую твой смердящий запах будущего тлена даже отсюда, ты боишься так же сильно, как я хочу, чтобы ты исчезла сию минуту, но так как ты теперьходишь в моё подношение, я могу полакомиться тобой, — она облизнулась, явно предвкушая знатный обед.

А у Портер вдруг мигом отключилось чувство самосохранения, видимо, запас внутренних сил исчерпался настолько, что она заскрежетала зубами от гнева.

— Милая моя Таурт, там за завесой — настоящий мир, в котором творится Амаат знает что, и кое-кто из ваших не прочь забрать себе всю власть, не будет больше фруктов и человеческих жертвоприношений, если я не предупрежу Инпу, — прошипела Линда, — бог, что скрывается за красным плащом, пришёл как вор на служение тебе, Таурт, пока ты тут набиваешь свой живот, он заберёт вашу власть, я не знаю, какие на меня планы у Инпу, но, я уверена, ему не понравится, если ты съешь меня, — остальное злобной фурии знать было не нужно.

Богиня почесала пузо в замешательстве.

— Я не заключаю сделок с людьми, — проговорила та с презрением, — но я могу притащить тебя в качестве игрушки к моим деткам, вот они повеселятся, растягивая тебя за ноги или подвешивая вниз головой, — улыбка вышла зловещей.

Из огня да в полымя.

— Никто никого не тронет, — услышала Линда спокойный, тихий голос, который, она верила, мог звучать очень убедительно и грозно в любых спорах.

Девушка посмотрела в тёмный круг, образовавшийся немедленно, по краям которого рвалось пламя. Ещё чуть, и из него шагнул Анубис, не менее горящим взглядом осмотревший обстановку. Портер готова была заорать от счастья и облегчения и броситься в объятия бога, но вместо этого она, после того как Инпу подошёл к ней, словно бы оцепенела.

— Я хочу ударить тебя, и моё желание так сильно, что... лучше отойди... — девушка крепилась не зарыдать, её раздирали противоречивые чувства, но эмоции неудержимым потоком хлынули из неё вместе со слезами.

Великий Тёмный, не ожидавший такого приёма, но тем не менее не чувствовавший гнева или ненависти к Бахити из-за её неподдельных чувств, перевёл взгляд на застывшую от дерзости в речах смертной Таурт. Сзади кто-то весело присвистнул.

— Так вот она какая, твоя белоголовая! — из-за спины Инпу вышел белокурый мужчина и уставился на Линду так, словно она была потерянным восьмым чудом света. — Я бы взглянул на то, как ты дерёшься, — его взгляд стал туманным и горячим, потом, откашлявшись, бог представился, — я — Гор, только чур не бей меня, я могу сдать сдачи, а рука у меня тяжёлая.

— Угомонись, Сокол, — тут же появилась темноволосая девушка, вальяжно и соблазнительно вильнувшая бёдрами, она оглядела Инпу и вынесла вердикт: — Тебе не помешала бы оплеуха, учитывая то, что случилось с твоей говорящей с богами, брат, — она прищурила глаза и совершенно по-кошачьи улыбнулась.

— Она — моё подношение, — пришла в себя Таурт и массивным пальцем указала на Портер.

— Она — моя жрица, — глухо произнёс Инпу и завёл девушку за свою спину.

Линда часто задышала, а в глазах защипало. Надо было бы испугаться, испытать смертельный холод, ведь она находилась рядом с богом мрачных подземелий Дуата, но, как и тогда в пустыне, она испытала прямо противоположные эмоции, вернулось то ощущение его присутствия, которое она почувствовала при первой с ним встрече — ей спокойно настолько, насколько может быть в самом безопасном месте где бы то ни было.

Таурт не хотела так просто отдавать свою неожиданно свалившуюся ей на голову жертву, видимо, уже прикинув, где она могла бы использовать попаданку.

— Отдай её мне, Инпу, как и положено при жертве богам, ты ведь тут тоже незаконно, — она елеинно улыбнулась, но это вышло диким оскалом, богиня могла бы преобразиться в свой человеческий вид, но ей нравилось быть внушительной.

— Почему я здесь, это не твоего ума дела, Таурт, я пришёл за своим, она — моя жрица, — он начал аккуратно и медленно отступать от богини, Гор и Бастет проделали то же самое, имея намерение вернуться в Дуат тем же путём, что пришли.

— Я вызову тебя на суд Эннеады и расскажу, что ты творишь беззакония, обижая богов и возвеличивая людей, отбирая у первых то, что принадлежит только им, — Таурт как будто не замечала, что они отступают к выходу.

— Она не отступится, Инпу, Таурт вызовет тебя на суд, и все узнают о жрице, тем более она видела, как смертная дерзила богу! — прошептала Бастет, ей хотелось забрать Бахити с собой, но она предчувствовала, чем это может обернуться для Великого Тёмного, а Линда с ужасом перевела взгляд с неё на бога мёртвых, затаив дыхание, представляя, чем ей грозит принятие решения Анубисом не в её пользу.

Бог через плечо взглянул на побледневшую девушку.

— Я рискну, — хрипло проговорил он, затем, увидев, как едко улыбается Бастет, невербально намекавшая на чувства бога к смертной, — у нас сделка.

Таурт неожиданно ринулась к ним, круша всё, что попадало под руку или ноги. Анубис толкнул Линду к Гору, но всё равно не успел — бегемотиха, выставив руку, острым ногтем прорезала той ногу. Учёная простонала от боли, а тот, взяв за руки, с силой втянул в круг, опаливший её кожу, несильно, но ощутимо. За ними влетели Анубис и Бастет, едва успев. Дыра стянулась в точку, которая в свою очередь превратилась в ничто, и неуклюжая богиня не успела их схватить.

Линда оглянулась, привыкая к темноте. И только затем увидела, что они стоят на твёрдой поверхности, в вечерней мгле. Недалеко возвышался храм, чем-то отдалённо напоминавший ей храм Анубиса в Ассиуте. Девушка почувствовала, что на её локте сомкнулись бархатные пальчики.

— Боишься? — вкрадчиво спросила Бастет, с интересом глядя в лицо Портер.

Вопреки ощущаемому, Портер отрицательно мотнула головой. Инпу улыбнулся, как будто и не ждал другой реакции, поддержав её за талию, увидев, как кровь стекала по ноге, а сама она побледнела.

— Это Дуат твоего бога, жрица Анубиса, — проговорила она, и уголки её губ чуть приподнялись.

Анубис взял слабеющую Линду на руки, спеша внести в свой храм.

Тем временем на «Чёрной» земле. Мааткара и Са-Ра.

Аменхотеп, только что приведший себя в порядок, уверенно вступил на порог приёмной залы своей матери.

— Почему так долго? — вместо приветствия нетерпеливо спросила она.

Сын усмехнулся.

— Ты хотела видеть меня, Мааткара, значит, в любом случае дождалась бы, а после того, как нас посетил Амон-Ра... — он не успел закончить фразу.

Хатшепсут широкими шагами прошествовала к нему и прошипела в лицо, искривив пухлые губы в гневе.

— Ты, верно, спятил, Са-Ра, боги, сошедшие с неба, давно оставили землю, в нашей крови течёт их кровь, не более того, но мы оставлены ими, чтобы мудро управлять всем тем, что создано Хаосом, — она дрожала от негодования, насколько спокоен был её сын, вытворив то, о чём донесли её слуги.

Он молчал. Женщина сделала шаг назад, словно бы испугалась своего внезапного выпада, несвойственного ей исступления, гнева, который она готова была обрушить на голову Аменхотепа.

— Царица моя, к нам пришёл бог, Амон-Ра, единственный, кому не плевать на жизнь людей, он пришёл, взяв настоящую жертву — кровь, и говорил с нами, мы видели его так же, как сейчас я вижу тебя, — он пытался донести до матери весть о том чуде, что случилось с

ними сегодня, — наши молитвы были не зря.

— Ты слышишь себя? — спросила рациональная Хатшепсут. — Подданные видели своего господина в самом непотребном виде, будущая египетская царица болеет, как и твой сын, а твой долг управителя Та-Кемет — заботиться о благосостоянии твоего народа...

— Чем я и занят... — тот повысил голос. — Я ищу для Кемет вечной славы, и слава эта — в наших богах, люди молятся тем, кому плевать на них, но до нас снизошёл Амон-Ра, я хочу объединить страну под единым богом, не будет больше никого, кроме него, есть только великий Амон-Ра, ужасный, но справедливый...

— Ты находишься под влиянием Косея, сын... — попробовала возразить ему женщина, — опомнись, нашу землю охраняют разные боги, и люди молятся им...

— Те, кто видел его, разнесут весть о нём, и не будет ни одного неверующего на земле Та-Кемет в великого Амон-Ра, и мощь Са-Ра укрепитя, у нас будет одна власть и один религиозный центр, влияние жрецов других культов ослабнет...

Хатшепсут покачала головой.

— Ты ввергнешь страну в междоусобицу, люди готовы отдавать всё земное, чтобы быть в милости у богов после смерти, и они будут веровать в Ра, Осириса, Изиду, Гора, Хатхор и Инпу, оставь им право выбора, а ещё ты настроишь против себя всех жрецов, а многие из них обладают огромной властью, и их золото, вместо того чтобы осесть в наших сокровищницах, пойдёт на борьбу с тобой, они посадят на твоё место более лояльного правителя.

— Ну ты-то, конечно, знаешь, как надо, — глаза Аменхотепа при этом злобно блеснули.

Хатшепсут подняла подбородок и бровь.

— Ты сомневаешься в моей мудрости, сын?

— О, нет, великая Мааткара, вот уже как двадцать лет неспособная расстаться со своей властью, при взрослом-то потомке мужского пола...

— Остановись, Аменхотеп, ты переходишь грань... — предупреждая подняла руку царица, чувствуя, что разговор зашёл не в то русло.

— Ты перешла её, когда не смогла оставить трон, — между ними установилась звенящая тишина.

Хатшепсут поняла, что задыхается от несправедливости, ведь она хотела как лучше, видя незрелость её отпрыска.

— Ты дерзишь мне, сын, — ей не хотелось ссориться, она лишь хотела призвать к его совести.

— Ты говоришь это Са-Ра, матушка, — издевательским тоном проговорил он.

— Мы... — начала было она.

— Не мы, а я, — он улыбнулся.

— Так это всё ради того, чтобы занять престол, Са-Ра?! Одному... — Хатшепсут разочарованно хмыкнула, поняв, наконец-то, куда клонит Аменхотеп.

— Как должно было быть с самого начала, Мааткара, — мужчина неприятно осклабился, прекрасные черты его лица исказились, намекнув на будущую зрелость, несущую в себе дряхлость, а в последующем и тлен.

— Мне жаль, что я пошла у тебя на поводу, боясь ссориться и спорить с тобой, надо было придушить коварную змею в самом начале её пути... — она величественно подняла голову, — твой сын унаследует трон, а я буду его попечительницей... — женщина открыла было рот, чтобы позвать стражу.

— Уже поздно, великая Мааткара, — тихо и спокойно произнёс Са-Ра, но в сердцевине его фразы чувствовалась извращённая злая радость.

В этот момент у Хатшепсут как будто оборвалось что-то внутри. Она вопросительно посмотрела на сына. Тот стоял в расслабленной позе, опираясь на правую ногу и скрестив запястья у солнечного сплетения.

— Венец власти тяжёл, матушка, — он указал на золотое украшение, сиявшее на её голове, — не все могут унести его.

Вновь её недоумённый взгляд, брошенный в сторону сына. Женщина кашлянула, ощутив на губах вязкую слюну. Она растерянно приложила пальцы ко рту и с ужасом воззрилась на них. Ладонь, обогрётая кровью, задрожала.

— Твой подарок... — женщина оборвала фразу и сняла с себя корону.

Мааткара с ужасом увидела, как то, что раньше переливалось серебром, теперь же заблестело зловещими каплями воды Сета, умело инструктированными в ансамбль украшения.

Аменхотеп зло усмехнулся.

— Ты так меня ненавидишь? — спросила Хатшепсут, она стала медленно подходить к сыну, отступившему на пару шагов назад, с опаской глядевшего на украшение в руках матери.

Вопрос обвил пространство между ними, как тяжёлый погребальный саван тело покойного. Женщина остановилась, смертельно побледнев, чуть покачнувшись, но, уловив в глазах сына злорадный блеск, выпрямила спину.

— Сколько мне осталось? — спросила она, в голосе не было обречённости, ей хотелось знать, чтобы успеть написать письма, передать распоряжения и предотвратить раскол между людьми и их верой в богов.

Другого ожидал Аменхотеп. Он жаждал сломить эту сильную женщину. Их взгляды пересеклись, и в её он не заметил страха, царица справилась с минутной слабостью. Ему хотелось видеть её на коленях.

— Даже сейчас ты думаешь, что вечная, — сквозь зубы проговорил мужчина, не сдержав свой гневный порыв.

— Да, я буду вечной, когда войду в поля Иалу и соединюсь к праведникам для вечной службы моим богам. Так сколько осталось у меня? День или два? — она вновь закашлялась, и приступ был длиннее.

— Я буду вечен здесь, на Земле... Думаешь успеть расправиться со мной? — спросил будущий фараон, так же, как и мать, возобладав над своими чувствами.

Хатшепсут внезапно вспомнила, как сын маленьким бегал вокруг неё, а она хлопала в ладоши, прося его станцевать. Красивый, с правильной формой черепа, здоровый мальчик вырос в жестокого и скрытного правителя. У них были разногласия. Всегда. Долгое время они пребывали в размолвке, она не могла видеть внука, который так сильно отличался от отца, с детства познав болезни, и тяготилась этим. Но как же радовалась Мааткара, когда они помирились, но, как оказалось, и в этом был злой умысел Са-Ра. Теперь всё встало на свои места.

— Думаю успеть оставить династию в здравии, а страну целостной, — ответила она, бледная, с кровью на губах, — ты хочешь построить прекрасное будущее, а ступни, которыми ты войдёшь в него, будут в крови, в крови твоей матери, — женщина холодно и отстранённо улыбнулась, уловив испуг в янтарных глазах сына. — Что ж, надеюсь, ты

знаешь, что творишь.

Она отвернулась от него к стене с изображением богов Дуата и порывисто выдохнула. Аменхотепу хотелось взвыть от бессилия. Са-Ра знал, что ещё чуть-чуть и единолично сядет на престол, но почему же сейчас он чувствовал себя побеждённым? Он ощущал, что его долгожданный триумф отдаёт жалкостью, как будто не он взял престол, а ему подарили, нет, не так, кинули, как подачку для гиены.

Са-Ра крепко сжал кулаки и вышел, оставив мать дрожать от пропавшей радости и разочарования от самой большой потери в своей жизни — утраты любви того маленького мальчика, что отпечатался в её памяти, которого она и любила во взрослом сыне-фараоне.

Трон будет его, Амон-Ра — единственный бог, а Аменхотеп полон надежд на вечную жизнь, он верил, что Косей добудет ему и этот трофей, как только что перед ним освободился престол. Дверь за его фигурой затворилась, громко хлопнув, словно бы отсекая его прежнего от того, кто только что родился. Единоличный Са-Ра. Жестокий в своём великолепии и великолепный в жестокости.

Дуат. Инпу и Бахити.

Линда простонала, когда Инпу положил её на кровать в небольшом, тускло освещённом помещении. Рана ныла, хотя и не была глубокой. Бог мёртвых распрявился и засмотрелся на то, как девушка ненадолго откинула голову назад, справляясь с болезненным ощущением. Она открыла глаза и встретилась с его внимательным взглядом. Это продлилось несколько секунд, но обоим показалось, что дольше. Намного дольше. Он, знающий о людях всё. И она, только познающая тайны Дуата. Познает ли? Познаваемы ли они?

— Я умерла? — спросила девушка, хотелось спросить о сыне, но она понимала, что сейчас не время.

— Всего лишь в Дуате, — ответил он и поймал взаимную улыбку, но с его лица она сошла, как только он заметил на плече выжженное калёным железом клеймо.

Он прикоснулся к ещё не зажившей коже и произнёс:

— Это можно изгладить.

— Я не рабыня, — Линда чаще задыхалась, но ей хотелось спрятать позорную печать принадлежности, пусть даже и одной из величайших царских династий на свете, — но не хочу, чтобы метка исчезла.

— Почему? — ей удалось удивить бога мёртвых.

— Когда я выберусь отсюда, мой живой сын будет напоминать мне о том, что я не сошла с ума, а печать на плече — о том, как не стать рабом... снова, — она сосредоточенно сощурила глаза, — мне надо кое-что рассказать тебе, Инпу.

— Позже, пусть рана залечится, — он тронул её за бедро, и вместе с прохладой его пальцев она почувствовала, что боль отпустила, рана ныла, но не так, как ранее, — остальное довершат жрицы-врачевательницы.

Инпу кивнул и отошёл от ложа с Линдой, поспешив выйти из комнатки. У дверей стояли Гор и Бастет, вопросительно глядя на брата.

— Ну? — в нетерпении спросил Гор.

— Ты помог ей? — вторила ему Бастет.

— Я распорядюсь, чтобы её рану перевязали, — сказал тот бесстрастно.

— Инпу, — прошипела от негодования богиня-кошка, — иди к ней и помоги. Сам. Тебя же разрывает от противоречий.

Анубис глубоко вздохнул.

— У моего храма есть глаза и уши, то, что я внёс девушку сюда на руках, не осталось незамеченным...

— Разия... — догадалась Бастет, насмешливо произнеся имя наложницы и немного поморщившись.

— И она тоже, — подтвердил Инпу серьёзно, игнорируя шутливое женское настроение, — после того, как я разберусь со всем происходящим, я найду способ вернуть Линду обратно в её мир и время, а жизнь здесь пойдёт своим чередом... — подумав немного, он пояснил то, что двигало им по-настоящему: — Я стараюсь уберечь её.

— От своего гарема? — Кошка вопросительно выгнула бровь и саркастично усмехнулась.

Инпу с гневом посмотрел на неё. Гор согласно мотнул головой и придержал Бастет за локоть, удержав и последующие не озвученные слова в ней. Кошка несогласно дёрнула плечиком, но подчинилась, зная, что Анубис — самый дальновидный из них.

— Пусть твои жрицы побеспокоятся о ране девушки, а нам бы надо подумать о том, что делать со всем этим дальше, и неплохо было бы, если бы не на сухую, — предложил Гор.

Инпу улыбнулся и утвердительно качнул головой. Но не успели они отойти от входа в помещение, где находилась Линда, как туда проскочила бойкая полуодетая девица. Портер вздрогнула и приподняла голову, встретившись с удивлённым и восхищённым взглядом той, что несла в своих руках бинты и небольшой, пахнущий вязкими травами сосуд. Она присела рядом с Линдой на низкую кровать, поставив ёмкость на пол.

— А я думала, в мире Дуат всё делается по мановению руки Инпу, — произнесла учёная, когда девушка осторожно приподняла её ногу и положила себе на колени.

— Нет, — она весело захихикала, — тут и правду волшебный мир, мы не стареем, стараемся не вспоминать прежнюю жизнь, время здесь не течёт и ничего не меняется, это очень хорошо...

— Как будто окаменелости... — прошептала Линда, не сдержавшись.

Но девушка услышала её и сморщила лоб.

— Это неплохо, но вот незадача: оно действует и против, например, если не заниматься твоей раной, она никогда не заживёт, хотя Инпу мог бы помочь... — она прикусила губу, замолчав.

Линда бросил обеспокоенный взгляд на дверь, ей показалось, что их подслушивают.

— Он же бог, кто я такая, чтобы он снизошёл и лечил меня самолично? — она произнесла это нарочито громко.

Девушка тоже мельком взглянула на дверь и обмочила бинты в густом растворе.

— Он нёс тебя на руках, — тихо, как бы между прочим пояснила та.

— Как тебя зовут? — спросила Линда, отвлекая ту от бессмысленных измышлений.

— Нейн, — представилась девушка, улыбнувшись, и утопила материал в жидкости сильнее, стараясь, чтобы он лучше пропитался травянистым раствором, потом, сильно смущаясь, быстрым речитативом, не поднимая глаз, дополнила: — Я помню тебя, когда была ребёнком, ты появилась в храме моего бога, белокурая красавица со взглядом, который не опускала ни перед кем, беседующая с мужчинами на равных, — последнее было произнесено почти шёпотом. — Девочки говорили всякое, но я верила каждому твоему слову, тебя привёл сам Инпу, Бахити, белую волчицу, жрицу Инпу, истинную, говорящую с богами, — она вытащила материал и начала оборачивать его вокруг раненого бедра Портер.

— Ты ошибаешься, Нейн, это чистая случайность, — произнесла это, Линда вдруг поняла, что сама себе не верит.

— Может, я и ошибаюсь, но боги — нет, — девушка сделала последний оборот ткани вокруг ноги Линды и отёрла руки о полотенце, висящее на её талии. — Всё, госпожа, — девушка встала и, поклонившись, уже было хотела покинуть Линду, как та задержала её за руку.

— Я хочу очиститься от крови, и мне нужна одежда.

— Но тебе сейчас нужен покой... — возразила та.

— Я прошу тебя, — в голосе Бахити слышалась и просьба, и приказ одновременно, решимость, которой трудно сопротивляться.

Девушка, немного сомневаясь, правильно ли она поступит, согласно кивнула:

— Я принесу воды, помогу помыться и привести в порядок волосы.

— Спасибо, — с облегчением поблагодарила её Линда.

Та вышла за дверь, незаметно пройдя мимо залы, где в это время беседовали боги.

— Я хочу отпраздновать счастливое возвращение, — произнёс Гор, — вели своим жрицам накрыть самый роскошный стол и подать лучшее пиво, прикажи им танцевать, а музыкантам играть, пусть все они услаждают наши очи и слух, и пусть угроза, что висит над нами, рассеется так же, как дымка на небе, и явит нам решение.

Бастет рассмеялась.

— Если ты хочешь испить чашу вина, необязательно подводить под это все железные доводы на свете, — заметила она.

— Это нужно не только мне, — буркнул тот, — нужно всем нам...

— Нам и вправду нужно расслабиться, — неожиданно для всех произнёс Анубис.

— Ты только скажи, — Гор даже лицом просветлел и хотел было хлопнуть в ладони, как был остановлен им.

— Не надо больше никого, — возразил Анубис.

— Но если другие прознают... Тебя и так обходят стороной...

— Я не жажду ничьей компании, кроме самых близких, — он сжал ладонь подошедшей к нему Бастет и внимательно следившей за его выражением лица.

— Я всё устрою, — произнёс Гор.

Друзья улыбнулись.

— Что намерен делать... дальше? С белой жрицей? — осторожно спросила богиня-кошка.

— Я впервые в своей вечности не представляю, как разгадать ту головоломку, что мне подкинул Хаос, он связал прошлое и настоящее, Маат и Дуат, явив мне Линду. То, что происходит в настоящем смертной, связано с тем таинственным божеством, что стремится найти ключ от врат вечности, он знает, что я когда-то спрятал его в своей жрице, в бойкой девчужке, что набилась мне в жёны, — Гор сентиментально улыбнулся, услышав эти слова Инпу. — И, надеюсь, этот ключ навсегда исчез в мешанине времён, миров и существ, их населяющих: если Анх от врат смерти, к миру Амаат, найдёт так называемый Амон-Ра, никому несдобровать, никто не останется жив, то чудовище, что когда-то загнал туда Сет, то, что обитает там, сожрёт всё сущее.

— А как же мир Маат?

— Ты имеешь в виду людей... — он усмехнулся, — люди хотят быть как боги, они жаждут бессмертия, но знают ли они, что делать с вечностью, как совладать со своими

страстями? Здесь та, которой удалось заглянуть за завесу Анубиса и не так, как остальным до неё, она нашла скрытое послание, то, что пряталось сотнями людей за всё время существования бессмертного тела.

— Ты думаешь, они найдут бессмертие? — снисходительно.

— Я знаю, что их гений способен на многое, я почти уверен в этом, но сначала я должен убедить Эннеаду, что угроза в нашем мире реальна, у нас нет времени — враг внутри Дуата, а уже потом решить вопрос с бессмертным телом, а вот для этого у нас есть всё время мира, и поэтому оно не важно, важны действия верных в Маате людей — все письменные свидетельства и само тело должны исчезнуть раз и навсегда, а мы, в свою очередь, должны навсегда закрыть любые лазейки и червоточины в мир богов. Потому что именно мы — буфер между нашими созданиями и чудовищами, что рождает их разум и разум богов, — он в задумчивости потёр подбородок.

— Я и Гор будем рядом, мы поддержим тебя на совете Великих, нам предстоит битва доводов, — Бастет коротко улыбнулась, вновь становясь серьёзной. — Не забывай о себе, Инпу, о том, что хочешь именно ты, а не то, что питает твоё чувство долга, — она удалилась, проходя теми же коридорами, что и Разия.

Женщины встретились.

— Бастет великолепная, рада видеть тебя в нашей обители, — жрица склонилась перед богиней.

Та высокомерно подняла бровь.

— Обитель Инпу никогда не была гостеприимной, её двери открыты только самым близким и доверенным, — произнесла она в противовес словам девушки и хотела продолжить путь дальше.

Разия кожей почувствовала неприязнь богини-кошки, хотелось сдержаться, но...

— Он ото всех одинаково отдалился, — намекая на то, что Инпу и впрямь был редким гостем в храмах других богов, предпочитая проводить время в своём, с ней.

Девушка увидела, как напряглись узлы мышц на безупречной спине Бастет, а та круто повернулась к Разии, но лицо её ничего не выражало, в отличие от тела.

— Мне кажется, это очень скоро изменится, — спокойный тон богини заставил Разию натянуто улыбнуться, затем та опустила взгляд и, увидев платье в руках девушки, с усмешкой произнесла, — платье рабыни для госпожи? Ну-ну...

Смех Бастет ещё долго раздавался по закоулкам храма Инпу. Разия обеспокоенно взглянула на дверь, за которой была та, что принёс сегодня её бог в храм. Для неё чуждое, и ей показалось, что это может отравить сами стены. Ведь именно Разия была последней жрицей для Инпу, после неё никого не было и быть не должно. Слава Инпу померкла, и людские жертвы уже не имели значения. Дуат закрылся для людей. Древние боги перестали ходить по Земле. Но что же случилось, если теперь здесь белокурая женщина?

Решившись, девушка толкнула дверь — та распахнулась, и она увидела перед собой новую жрицу. Тень пробежала по лицу, но она усилием воли рассеялась, как только Линда взглянула на Разию.

— Одежда, — произнесла та сухим тоном и несколько грубовато сунула тряпки в руки растерянной пострадавшей от лап Таурт.

Учёная попыталась встать, стараясь не тревожить сильно бедро. Но молча стоящая перед ней девушка в полупрозрачной накидке на голое тело даже не попыталась помочь. Портер всё-таки поднялась и, отвернувшись от Разии, надела светло-голубой фартук,

который не скрывал ничего. Хотелось высказаться, и она повернулась к девушке, заметив её ускользящий ревнивый и злой взгляд, оценивший перемены в прищелице: её тело было чисто, а волосы, утяжелённые масляными благовониями, уложены в причёску с выбивающимися выющимися прядями.

На теле Линды красовался кусок расшитой золотом льняной ткани, который покрывал лишь бёдра, оставляя лёгкий намёк на светлый треугольник между ног.

«Определила мне статус рабыни, хозяйка, — с улыбкой подумала Линда, — я, похоже, взбаламутила их спокойное болотце».

Они молча смотрели друг на друга. И девушка повелительным жестом пригласила её следовать за собой. Коридоры храма Инпу были темны и мрачны, прохладны и навевали серьёзные думы, как и сам его хозяин.

Оказавшись в небольшой зале, куда привела её девушка, Линда огляделась. По периметру были расставлены мягкие стулья с низкими спинками, стены задрапированы причудливо переливающимися тканями. Яркими, что не вписывались в остальной ансамбль обиталища Великого Тёмного. Комната наполнилась неспешными разговорами и тихим девичьим смехом. Среди стайки любопытно смотрящих на неё девушек она увидела недавнюю знакомицу. Та ей приветливо улыбнулась, но затем потупила глазки. Линда взглянула на сопровождающую, грозно насупившую тёмные густые брови.

— Великие Боги устроить решили пир, Инпу повелел присутствовать и тебе, прищелица, — слова были вежливы, в отличие от тона.

Остальные замолчали и как будто вытянулись по струнке.

— Как пришла, так и уйду, — произнесла девушка примирительно, следя за тем, как меняется выражение лица здешней обитательницы, но та до конца ей вряд ли верила, — моё имя...

— Бахити, — прервала её девушка, — я знаю, и не только твоё имя, мне известно всё, что здесь происходит, я — Разия, это моё место, — добавила она, многозначительно кивнув головой, — а твоё место на суде Эннеады.

Линда сделала паузу, не ожидая столь сурового приёма, прежде чем заговорить:

— Моё место я смогу определить сама, а суд Эннеады это будет или что-то другое — решать не тебе, а ты заведешь... — учёная со снисходительной улыбкой продолжила, — гаремом?

— Пока ты здесь, ты будешь подчиняться, ты одна из нас, такая же рабыня, — начала Разия, сразу решив обозначить границы допустимого для новенькой, а словами решив уколоть Портер, — или ты намерена выбраться отсюда? — насмешливо. — Так знай, из Дуата ещё никто не возвращался.

Линда промолчала и впервые с момента появления здесь задумалась о реальности возвращения в свой мир. Надежда таяла, и у неё накопилось очень много вопросов. К Инпу. Девушка прошла мимо Разии, слегка прихрамывая, и уже была на пороге.

— Ты пойдёшь только тогда, когда я позволю, — Разия встала на её пути и со всей силы дала Портер пощёчину.

Хлёсткий звук отразился от всех поверхностей сразу, резко установив тишину. Люди в зале замерли. Линде хотелось схватиться за щёку, но она этого не сделала, сильнее сомкнув челюсть, обозначив и без того заострившиеся скулы. Она приблизилась к Разии. Та предусмотрительно отодвинулась, а в глазах мелькнуло нечто похожее на страх. Но уверенность в статусе любимицы бога мёртвых придавала силы.

— Не делай так больше никогда, — учёная сцепила зубы, удерживая себя от того, чтобы сдать сдачу, щека горела, — я могу ударить больнее.

Разия расхохоталась. Линда оглянулась на остальных — они опускали глаза, не желая или боясь встречаться взглядом с вновь прибывшей. Показательное действие и унижение уже произошло. Таким немудрёным способом любимица бога показала свою власть, тем самым поставив ту, что нёс на руках сам бог, в ряды тех, кто сейчас тщательно отводил глаза от сцены публичного унижения Портер.

— Ты теперь жрица храма Анубиса, а я поддерживаю здесь порядок, не будешь подчиняться ему или полагать, что ты отличаешься от других, твоя вечность здесь превратится в страдания, — предупреждающе прошипела Разия.

Девушки жили обособленной группой, наверняка сражающейся за внимание одного бога, как и всякое замкнутое сообщество, построенное на методах унижения одних и возвеличивания других. А Разия чувствовала себя здесь полноправной хозяйкой, что, несомненно, подчёркивалось самим Инпу. Он выделял её, предпочитая всем остальным. Её власть — это его.

— Мне нет никакого дела до игрish, что здесь происходят, ты не знаешь меня, не знаешь целей, что преследует твой господин, у меня же нет хозяина, — Линда сощурила глаза, заметив, как дёрнулась щека у Разии на последней фразе, произнесённой ею, слова учёной задела девушку.

«Я важна Инпу, но не так, как думаешь ты, я — жрица, но та, что разговаривает с богами», — подумав, Портер вдруг осознала, что это так и есть.

Разия хлопнула в ладони и хотела сказать что-то ещё, но отвлеклась, словно прислушиваясь к чему-то — возможно, так оно и было, потому что после она сделала знак рукой, и девушки, выстроившись в ряды, покинули это место вслед Разии. Линда ушла последней, замыкая цепочку служительниц Анубиса.

Примечание:

* Единое предвечное непознаваемое божество, имя означало "создавший сам себя"

Глава 12. Путь и преграда

Дыхание Вселенной.

Инпу быстрым взглядом пробежался по нестройному ряду жриц и выхватил из толпы лицо Линды. Она так не походила на здешних обитательниц. Во взоре — вера в свои силы, хотя и он, и она понимали, что ситуация и обстоятельства, при которых они встретились, патовые и её нахождение здесь противоречит здравому смыслу. Песок её земного времени ещё едва ли пересыпался и вполовину. Да и назвать ту, что не была преподнесена людьми как дар богам, своей жрицей Инпу не мог. То было бы нарушением завета между людьми и богами. Завет, который помнили боги, а их создания позабыли. Но ощущалось, что девушка настолько преисполнена решимости осуществить своё желание, что, казалось, была готова на всё. Нет, она действительно была готова на всё. Бахити нашла его. И дело не просто в догадливости. Интуитивно девушка чувствовала его, как и он её. Не призыв умирающего. Нет. Они были нужны друг другу. Возвращение умершего сына за спасение трёх миров. Хаос был по-рациональному холоден, причудливо умён, чудовищно безэмоционален. Немыслимые сделки. Переплетение судеб. Усмешка Сешат.

Анубис помрачнел.

— Успел поговорить с кем-нибудь из Девятки? — спросил его Гор и подмигнул одной из жриц, на что у той на щеках пунцово расцвёл стыдливый румянец.

Бог мёртвых мотнул из стороны в сторону головой.

— Ни к Нефтиде, ни к Сету я обращаться не хочу, — объяснился тот, называя богов исключительно по именам, без упоминания родства, — Осирис и слушать не будет, а Исиде нужны точно подобранные слова и аргументы, если бы не эта пирушка, брат...

— Мы всё успеем, — он обернулся к брату корпусом и чуть встряхнул за плечи, — а сейчас давай уже расслабимся, я от пекла Ра ещё не отошёл, а после подумаем, и слова нужные найдутся...

— У нас есть всё время Маата, но предатель здесь, а значит, мы не знаем, что произойдёт и когда, нужно быть во всеоружии, — возразил ему Инпу.

Гор лениво поднял ладонь и небрежно указал на Линду:

— Твоей жрице отдых точно не помешает.

Взгляд Великого Тёмного смягчился, сверкнув отражением света, словно от яркого сапфира.

— Глядя на смертную, у меня ожили те части тела, которых нет, — игриво проговорила Бастет, с платоническим интересом посмотрев на Линду и потом на своих друзей, стараясь развеять тягостные думы братьев. — Что? — притворно возмутилась богиня-кошка, чуть выгнувшись в крестце и распрямив спину. — Я не связана ни одними брачными узами, я гуляю сама по себе, сама себе Бастет, в отличие от вас.

Инпу многозначительно взглянул на соседку по пантеону. Она предпочла замолкнуть.

— Оставишь в Дуате? — напрямую спросил Гор брата, пропустив слова Кошки мимо ушей.

Анубис не отводил от Линды внимательного, задумчивого, тяжёлого взгляда. Разия на правах хозяйки повелительным жестом пальца указала ей место почти у самого входа в залу, откуда сквозило прохладным воздухом, что могло навредить девушке, которой и так

пришлось несладко после столкновения со своенравной Таурт. Бахити покорно села, хотя он и заметил блеснувший огонёк гнева в её глазах. Уголки его губ приподнялись в намёке на улыбку.

— Она не останется, — ему надоело оправдываться перед ними, да и перед самим собой, девушка и впрямь нравилась ему, то, как она отчаянно следовала по пути исполнения своего самого заветного и сокровенного, заставляло его трепетать от кончиков волос до самых пяток: обожать своего ребёнка настолько, чтобы пойти за ним в смертную бездну, заключив договор с хранителем весов для людских душ... Любили ли его когда-нибудь так?

— Ты будешь спрашивать? — негодуяще прошипела Бастет, согнув и разогнув пальчики с острыми ноготками.

— Её — да, — ещё раз подтвердил свои слова Инпу, — смертная пришла сюда по доброй воле, не как все те жрицы, что сейчас перед нами, и пришла сюда не из-за меня, и не для меня она: как только девушка поможет мне, а я ей, верну её в Маат.

— Ещё бы понимать, как это сделать... — проворчал Гор, не понимая природу чувств брата, — ты слишком долго был с людьми, Инпу, ты начинаешь верить в сказки.

— Сделаю всё невозможное, ведь она же сделала, появившись здесь, — твёрдо произнёс он и поднялся со своего места, двинувшись в сторону выхода — туда, где сидела Портер.

Бастет и Гор мрачно переглянулись друг с другом. Они переживали за него. Вынесет ли его гордость ещё одну насмешку Эннеады? Поверят ли ему те, кто должен? Семья, родные...

— Исцелятся ли раны Инпу? — загадочно спросила Бастет, проследив за направлением шагов Анубиса.

Бог мёртвых неспешно прошёл сквозь стайку танцующих и показывающих акробатические номера, самых красивых из всех, что когда-либо дарила ему Земля, в меру пьяных девушек. Запахи благовоний и шедека* окутывали его, нежные руки задевали, пытаясь обратить внимание на их обладательниц — не менее чувственных. Но его манил другой цветок, выросший в пыли и суете шумного огромного города, где нет места долгим раздумьям и крепким чувствам, по сравнению с которым столицы древних могущественных государств — всего лишь бледные тени его подобия. На вид у цветка шёлковые лепестки. На ощупь — жёсткие. Он знал, что глубже сладкий нектар — то, чего девушка не знает даже сама о себе. Немного суетливая мелодия, которую рождали инструменты в руках жриц, разбивалась о его медлительность, а звуки печальным благозвучием ударялись о его слух.

Инпу остановился возле Линды и повернул голову в сторону Разии.

— Так ты встречаешь мою гостью? — спросил тот мягко, но жрица слышала в голосе потаённые нотки рычащего зверя, отстаивающего своё.

Идея показать, кто здесь хозяйка, той, что прибыла как госпожа на руках бога в место, где Разия чувствовала себя полноправной властительницей, а поклонение ему было наивысшей целью жрицы, показалась теперь нелепой. В звуке его голоса ей послышалась ещё и безмерная усталость, а также разочарование. Разия не нашла что ответить и склонила голову в знак согласия с господином, но больше для того, чтобы избежать взоров других жриц, слишком долго находившихся под её безусловной и не всегда справедливой властью, до поры до времени смириться, припрятав свою гордыню. Её достоинство не выдержало бы, ведь сбежать сейчас равносильно самоубийству.

Линда с затаённым дыханием наблюдала за действием, что перед ней разворачивалось. Она протянула к нему руку, увлекаемая его ладонью, помогающей ей подняться на ноги. У неё не было хозяина. Её внутренняя уверенность в этом передалась и тому, кто вёл её к

месту, где расположились боги. Инпу знал, что она не равная, но достойная. Иногда намерения говорят о людях больше, чем слова. Оставалось лишь действовать. Ещё. В мире, в котором время не имеет никакого значения, только поступки обладали силой. Линда видела отношение Инпу к себе, но она не гордилась, она даже не думала так об этом, она не заслужила это ничем, кроме своего упорства. Просто они совпали. Смертельная усталость и вера в сказку. Созвучие бога и смертной. Даже инструменты, играя в унисон, не были столь пронзительны, как эти двое, бесшумно шагавшие по каменному полу, усеянному лепестками лотоса, рука об руку.

Гор предусмотрительно отодвинулся и покровительственно взглянул на Линду. Перед девушкой тут же поставили кубок и налили вина.

— Как тебе пир, что я организовала в честь тебя? — шутливо спросила Бастет и, заметив, как вытянулось от изумления лицо Линды, хохотнув, продолжила: — А ты думала, это он? — девушка указала на синеглазого бога. — Разве наш вечно мрачный Инпу на такое способен? Он только и мог бубнить о том, зачем ты здесь...

Линда решила отложить разговор с Инпу на потом. Не веселиться на празднике в свою честь было бы плохим тоном. Музыка сменилась на более плавную, располагая к неге. Она с опаской взглянула на бокал с вином, а потом на Анубиса. Тот улыбнулся. Он понял её без слов.

— Ты не найдёшь здесь свою смерть, — произнёс он одними губами.

Вино опалило горло терпкостью и лёгкой кислинкой граната. Выпила до последней капли. Гор хохотнул, когда заметил, как Линда в блаженстве прикрыла глаза. Она ощутила, что кровь, толкнувшись о частые удары сердца, побежала по артериям и венам, словно река Нил при разливе. Напиток слегка опьянил, расслабив. Богиня-кошка болтала о чём-то, развлекая их беседой, иногда посмеивалась над некоторыми неуклюжими девушками, пытающимися танцевать так же искусно, как умелицы. Воздетые кверху руки и качающиеся в такт ударным инструментам бёдра отдалённо напоминали танец восточных арабесок. Линда не могла не провести аналогию, с изумлением отметив, что её тело хотело отвечать музыке.

Девушки двигались всё энергичнее, инструменты звучали всё громче, атмосфера накалялась всё сильнее. В воздухе разливался жар. Присутствующие разомлели. Аромат благовоний и тел, обильно ими смоченных, дурманил голову. В кубках богов не переводилось вино. Гор и Бастет жадно пили его, закусывая экзотическими неземными фруктами. Кошка щёлкала пальцами и подпевала мелодии. А Линда задумалась о превратностях судьбы. Происходящее вновь казалось сном: тонким, таким же, как состояние за несколько минут до подъёма с солнцем, светящим в окна, негой и желанием ещё немного побыть в утренней полудрёме.

— Я хочу танцевать, — захмелевший раскрасневшийся Гор, тряхнув кудрями, хлопнул по коленям ладонями и вскочил на ноги, широко улыбувшись жрицам, танцующим возле стола и притворно смутившимся.

Бастет не спеша и чувственно поднялась вслед за ним, потянувшись, и впрямь напомнив Портер чёрную, ленивую, насытившуюся пантеру. Она фыркнула, заметив, как Гор присоединился к девушкам, теперь уже по-настоящему скромно потупившим свои очи в пол, поняв намерения бога.

— Не здесь! — выкрикнула она ревниво и щёлкнула тонкими изящными пальчиками.

В мгновение ока зала исчезла, явив четырёх огромную, похожую на смотровую,

площадку. Облако золотой пыли окутало пространство вокруг них, медленно пробуждающее чувственное желание во всех присутствующих. Звук мелодии и шум застолья стихли, и они оказались в оглушающей тишине. Оставалось только смотреть. Вот только смотреть надо было... в бездну. Девушка вскочила на ноги, ощутив движение сзади, и поняла, что одновременно и движется, и стоит на месте. Вернее, двигалась площадка. Ей казалось, что в любой момент она может упасть в тёмное разверзшееся перед ними чрево, поэтому боялась даже пошевелиться. А тем временем Бастет и Гор, будто чувствуя под собой пол, схлестнулись в лихом танце. И рядом с ними рождались другие пары, такие же отчаянно любящие, безумно подходящие друг другу, но не соединённые единой судьбой благодаря хитросплетениям и воле Сешат. В происходящем чувствовались страсть и тоска.

Линда, повернувшись назад, изумлённо вгляделась в проход, из которого веяло теплом и ароматами жизни. Всё же они не были совсем оторванными от той действительности, где учёная мгновение назад пила вино с богами. Она знала, что сейчас там так же весело, громко и жарко, но желание Бастет танцевать словно бы выключило звук той реальности. Возможно, так и было.

Затем Портер оглянулась на бездну, раскинувшуюся перед ней, и заметила казавшуюся ненадёжной балюстраду, состоящую из изящно переплетённых балясин, что доходила девушке до пояса и могла сдержать её от падения. Она, влекомая красотой и жаждой познания этого мира, как замороженная, подошла к ней и положила руки на перила. Бездна, лежавшая перед ними, дышала, Линда видела, как в ней зажигается всё больше звёзд. Девушка вновь ощутила себя во сне, грозясь сорваться в неверие. Ей казалось, что подсознание вновь играет нею. Да, вот с чем можно сравнить Дуат! С подсознательным человека.

Оглянувшись, Линда встретила взглядом с Инпу, которого не заметила в попытке узнать, играет ли с ней её воображение или всё, что она видит, правда. Он подпрыгнул на месте, чтобы доказать ей — они не падают, и по-мальчишески широко улыбнулся, когда увидел, что она побледнела, схватив его за предплечье.

— Ну же, Бахити, — прошептал он изумлённо, увидев, как она искренне испугалась за него, схватив её за ладонь, — не бойся.

— Откуда ты?.. — она осеклась, предоставив ему возможность объяснить.

— Тебя так нарекла земля Та-Кемет, я вижу, что твоя Ка приняла это имя, тебе всё кажется странным, всего лишь сном, тебе знакомы обычаи, ты много знаешь, а здесь твои знания приумножатся вдесятеро. Только это не дрёма. Я хочу, чтобы ты пила из Дуата как из свежего источника. Взяла максимум. Мы, боги, древние, как само мироздание, которое не начиналось и конца ему нет, иногда забываем, что сами были малыми, как дети, и учились ходить под неусыпным оком Хаоса.

— И, если бы не бессмертие, не было бы той тонкой грани между нами, — ответила девушка, отметив, как изменился взгляд Инпу.

— Если бы не бессмертие, — глухо повторил он.

Оба подумали об одном и том же: о том, что в мире Линды возможно появление целого поколения неумирающих. Девушка тяжело вздохнула. Их миры, привычные для обоих, могли вот-вот разрушиться. Это тяжёлым грузом висело над их головами, грозясь обрушиться в любой момент и накрыть их. Но было в мрачном молчании что-то светлое. Знакомое Анубису, пока неизвестное — смертной.

Линда прикрыла глаза, чтобы до конца уяснить для себя, что и вправду слышала то, как

дышала Вселенная, как вздымалась могучая грудь мироздания. А Инпу боялся спугнуть то своё настроение, что установилось с приходом девушки сюда. Он знал, что бездна, которой так пугливо любовалась Бахити, не пуста и не бесконечна, что там внизу таятся и ждут человеческих неверных душ сотни чудовищ, порождённых ненасытной Амаат во времена кровавой жатвы Сехмет на Земле, когда даже самому Ра с трудом удалось успокоить свою дочь, но они никогда не найдут выхода наружу. Даже если тайный бог станет явным, ему никогда не найти ключи от смерти. Анх затерян вместе с душой маленькой Инпут.

Бастет и Гор, окончательно превратившись в звёзды космической пучины, стали ярче и теперь, выстроившись в причудливый рисунок, танцевали перед богом и смертной в безмолвной мелодии бесконечности, изумляя яркой пульсацией и синхронностью.

Страсть стала практически осязаемой.

— Я... — она пыталась объяснить ему, что чувствовала сейчас, — я потерялась, так странно видеть, — она эмоционально кивнула на звёзды, — и уже не знаю, где настоящее, а где сон...

— Ты не спишь, — прошептал он, встав рядом настолько близко, чтобы Линда почувствовала, как что-то слишком древнее, спящее в ней до того крепко, готово вырваться, окутав тело сетью без конца бегущих мурашек: и ветра не было, и оправдаться перед собой нечем.

Девушка оглянулась на Инпу и извиняющимся тоном с волнительным придыханием промолвила:

— Я не знаю, что это...

Тоска, с силой ударившаяся о прилив сильного желания, заставила его положить дрожащую ладонь на основание шеи и приласкать так, что глаза Бахити прикрылись, а из недр души вырвался чувственный стон, пробудивший и в боге вожделе.

— Магия Бастет...

Он помнил, кто тому мог быть виной, и, убрав прохладные руки от пламенеющего тела Линды, слегка отстранился. Девушка открыла глаза и судорожно выдохнула через рот, стараясь унять дрожь в теле, заметив беспокойство Инпу. Спасительным от внезапно набежавших чувств стало воспоминание о цели её появления в Дуате.

— Я видела Амон-Ра своими глазами, — деловой тон Линды, как лохань с холодной водой, что пролилась обоим на головы, — и если ты опасаясь его, то ты на верном пути, он пришёл на запах крови, — девушка перевела дыхание, теперь уже с дрожью от омерзения вспоминая произошедшее с ней недавно. Ободряющий кивок бога, и она продолжила без лишних подробностей: — Он говорил так... как... как хозяин, как тот, кто владеет всем миром, он искал говорящую с богами... и запах, я никогда не забуду запах... — она замолчала, сумбурно изложив увиденное, начав вновь погружаться в недалёкое прошлое, а память подкидывала ужасающие картинки, — жрец называл его Неберджер...

— Неберджер?! — его брови поднялись от изумления, если бы она не знала, что перед ней бог смерти, то увидела бы перед собой растерянного мужчину. Инпу задумчиво выдавил из себя: — Он ушёл однажды, и никто никогда из нас больше не слышал о нём, он растворился в созданном им мире, Он — благ, Он — демиург и не стал бы просить кровавых жертв, ведь даже мы, боги, не хотим этого...

— Кто-то из могущественных, скрывающий свою личность, называет себя именем солнца? — предположила Бахити.

— Амон-Ра** — скрытое солнце, солнце при затмении, — резюмировал Инпу, — да,

предатель — бог из Дуата, но никто из Великой Девятки не слышит меня, никто не верит в угрозу, считая, что её не существует, поскольку он всего лишь выдумка жрецов, им нет дела до людей, от которых ушли когда-то, дав так много и получив неблагодарность взамен... — он улыбнулся в ответ на то, как загорелись глаза его жрицы от предвкушения услышать ещё одну правду. — Но это совсем другая история, именно поэтому боги не хотят вмешиваться в дела людей.

— Но они должны знать о последствиях... — возразила Линда, — они должны вмешаться.

Он не успел ей ответить, как в их уединение ворвались слуги. Инпу узнал регалии Осириса на их одеждах.

— Великий Тёмный, господин Дуата, хранитель весов, лекарств и ядов, Царь богов Осирис, держатель Анха жизни, ждёт тебя, чтобы ты предстал с ответом за обиду Таурт, судить смертную или объяснить вескую причину её нахождения здесь, — слуги склонились перед ним.

Магия пропала, как и песня Вселенной. Из-за их спин вышел Гор и окликнул подобострастных служителей. Бастет сложила руки крестообразно на груди, презрительно взирая на стушевавшихся глашатаев воли бога.

— У отца дел, что ли, мало? — высокомерно спросил Гор.

Те, обернувшись к нему, вновь поклонились.

— Нельзя отказаться или медлить, Таурт в великом гневе созвала Девятку.

Гор и Инпу переглянулись. Бастет тревожно окинула их вмиг погрустневшим взглядом.

— Не бойся говорить правду, Бахити, я буду рядом, обещаю, что сегодня мои весы не взвесят твоё сердце.

Он положил свою ладонь на её поясницу, и, несмотря на страх перед встречей с другими богами Древнего Египта и неизвестностью своей дальнейшей судьбы, жрица шагнула вслед слугам Осириса, Гору и Бастет в сопровождении Инпу.

Великая Девятка. Суд. Правда для Инпу.

— Склони голову, — прошептала Бастет Линде через плечо, — для богов твоё имя Бахити, ничему не удивляйся и знай, что молчанье — не всегда золото.

Бастет ободряюще улыбнулась Линде. Слуги сопровождали их по огромному, расписанному всеми яркими цветами радуги коридору и оставили возле дверей. По напрягшимся узлам мышц на спине Анубиса Линда поняла, что судилище будет не из лёгких.

— Отец суров, но справедлив, — прошептал, обернувшись к ней, Гор, — твоей вины в произошедшем нет, ты служила богам, ты отныне жрица Анубиса, хоть и не приносила клятв, ты служила ему, как все преданные до тебя, своей отвагой и мудростью.

— Ты как защитник, — Линда покачала головой, она боялась, но верила, что правду можно отстоять: где, если не на самом справедливом суде на свете?

— Я на стороне брата, а он на твоей стороне, к тому же всё сказанное тобою — истина, — Гор широко улыбнулся ей, обнажив белоснежные зубы.

Инпу взглянул вначале на Гору, затем на Линду. По выражению его лица не понять, какие чувства он испытывал в данный момент. Он был холоден, сосредоточен и колюче сердит.

Огромные двери перед ними туго распахнулись, заставляя их напрячься, и впустили странную четвёрку внутрь огромного зала, словно пасть огромного кита поглотила их, и так же закрылись после них, оставляя слуг за её пределами. Гор присвистнул.

— Отец решил разобраться без свидетелей, — тихо обронил тот.

Линда успела рассмотреть, что они стояли лицом к девяти огромным тронам, посреди которых возвышался один, предназначенный Царю богов. Гор, Бастет и Анубис встали так, что спинами полностью заслонили молодую женщину.

— Гор! — громогласно, предупреждая ринулось с купола, уходящего высоко в пространство, так что не было видно потолка, отразившееся от всех поверхностей и вернувшееся к ним.

Линде захотелось стать маленькой настолько, чтобы пролезть хоть в какую-нибудь выщербинку на полу и остаться незамеченной. Предательские мурашки поползли по коже от чувств страха и благоговения одновременно.

— Ну что опять? — блондин закатил глаза до белков, однако сказал это настолько тихо, что вряд ли его кто-то мог слышать.

На гигантских тронах стали, словно голограммы, проявляться боги древности. Линду охватил священный трепет. Красные мантии и лица, скрытые капюшонами. Они все выглядели как... как тот бог, что призывал людей поклоняться только ему. Сердце перестало стучать и провалилось куда-то в пятки.

— Как Амон-Ра, — наскоро прошептала Бахити на ухо Инпу, на миг склонившись к нему.

Тот лишь кивнул, лицо не выражало ничего, а Линда призывала всё своё самообладание на помощь, убеждая себя, что это последнее испытание её безумной судьбы, что скоро она вернётся в мир живых со своим сыном и станет самым счастливым человеком на земле. Это придало сил. Боги склонились перед ним, а Бахити пришлось встать на колени. В который раз.

Последним на троне, возвышавшемся над всеми остальными, появилась ещё одна фигура.

— Они все одинаковы, — прошептала она, пытаясь угадать гнусного предателя, — какой же из?

Тот откинул капюшон с лица, и девушка увидела матовую оливковую кожу, отливающую и впрямь зелёным. Тот, кто поддерживал Жизнь, был её полным олицетворением. Он грозно оглядел богов и выглядывающую из-за плеча Инпу Линду. Послышался хлопок двери, и в зал вошла беременная женщина с тёмно-фиолетовой кожей. Её глаза зло прищурились, когда она заметила Бахити.

— Таурт, — поприветствовали её Гор и Анубис.

Она хмыкнула и завистливо оглядела стройную Бастет, специально для того соблазнительно прогнувшуюся. Богиня встала в один ряд вместе с ними и наскоро поклонилась, всем своим видом выдавая недовольство стоять рядом с «преступниками».

— Приступим к сути дела, — вновь голос как звук падающего водопада. — Таурт против Анубиса, Гора и Бастет, в притязаниях на смертную, а также о нарушении завета о невмешательстве в дела людей.

Кто-то из богов присвистнул. Линда увидела лишь прожигающие её насквозь тёмные глаза мужчины в чёрном парике из мелких косичек с цветными вплетениями. Повисла тишина.

— Это возражения, Сет? — спросил Осирис строго.

В его взгляде Линда заметила промелькнувшую вспышку ярости.

— Не каждый день к нам в Дуат по своей воле проникают жрицы, да ещё такие

прекрасные, — пробовал тот отшутиться.

Никто не отреагировал на слова бога войны, кроме Инпу, сильнее сжавшего челюсть.

— Тебе слово, Таурт, — беспристрастно проговорил Осирис и слегка откинулся на спинку своего престола.

Вечно беременная богиня начала свой сбивчивый рассказ весьма издалека, поделившись подробностями её трапезы, и поторопилась приступить непосредственно к событиям за завесой лишь после того, как услышала невежливый вздох отвращения, исходивший от бога пустыни.

— Требую осудить смертную, сослав её в пасть чудовища, а их, — она указала на тройку богов-соучастников, — наказать и тщательно проверять все передвижения.

— А скарабея тебе в рот не засунуть?! — прошипела Бастет и тут же умолкла под грозным взглядом Осириса.

Мужчина, помолчав, обратился к другой стороне.

— Что можете сказать вы, Анубис, Гор и Бастет, в своё оправдание? — спросил он, на его лице проявились какие-то чувства, Линда поняла: богу неприятно, что его сын находится в компании тех, кого ему предстоит осудить.

Инпу молча помог подняться девушке с колен и вышел вместе с ней вперёд.

— Она пришла в Дуат, чтобы рассказать о боге, что выдаёт себя за всеединого, рассказать, что в её мире люди скоро станут как боги, — произнёс тот, и они заметили движение на троне слева от Осириса: дряхлый дед, что сидел там, слегка цокнул, правда, непонятно от чего — то ли от негодования, то ли от жгучего любопытства.

Царь богов хмыкнул. Линда не уловила, как он стал такого же роста, как и они, переместившись к Инпу и к ней настолько стремительно, что свет в жертвенниках, стоявших по всему периметру огромной залы, часто заколыхался, грозясь потухнуть.

— Ты опять за эти глупости, Инпу? — снисходительным тоном настолько, что можно было услышать, как скрипнули зубы бога мёртвых, при его приближении к ним Линда изумилась тому, насколько же прекрасны были черты его совершенного лица, и замерла от того, насколько сурово он смотрел на бога мёртвых.

— О, Хаос, — вздохнул Сет.

Остальные боги решили предусмотрительно промолчать. Осирис откинул русые волосы с плеч привычным движением.

— Отец, ты сам можешь увидеть, что угроза Дуату, а вместе с ним и другим мирам, в которую никто из вас не верит, не выдумка Инпу, эта девушка много претерпела, прежде чем попала сюда, она истинная служительница бога мёртвых, несмотря на то, что никогда не произносила клятв ему, она принадлежит Инпу, а не Таурт, — Гор заметил сомнение на лице отца, — ну же, что тебе стоит? Просто взгляни, а там решишь...

— Поддаёшься на провокации, брат? — в неуловимое глазом мгновение среди них оказался и Сет.

— На твои или наши? — спросил Гор, которому не надо было лезть в карман за словом. — Или сам провоцируешь? — вопросом на вопрос.

— А ты? — перепалка грозила сползти в сюр.

— Как дети, — раздалось старческое с трона рядом с престолом Осириса, и повелевающим тоном, — покажи нам её воспоминания.

— Ра, — мужчина с оливковой кожей вежливо поклонился старику, соглашаясь с повелением того, а Линда уже устала удивляться, ей оставалось лишь наблюдать за Великой

Девяткой с глубоким почтением.

Бог жизни притронулся к голове девушки пальцем. Линда ничего не почувствовала, но она точно знала, что они видят её глазами события последнего времени: от ритуала в явленном пустыней храме Инпу до огромной фигуры в красном на кровавой резне. Она ненадолго прикрыла глаза, пытаясь в деталях вспомнить всё, что ей удалось увидеть, заметить и даже обонять. Когда они увидели, то воцарилась тишина, словно само мироздание уснуло.

Осирис, Сет и Ра безмолвно переглянулись между собой.

— Почему люди получают бессмертие? — спросил Царь богов, вцепившись в Инпу взглядом.

Вновь тишина.

— Я был призван на ритуал-ловушку, одновременно прошедшему и в прошлом, и настоящем Маат, — его ладони сжались, вены вздулись на предплечьях от внутреннего напряжения, — я хотел уничтожить предателя, — он замолчал, перед тем как продолжить, — это моя ошибка.

— Ошибка? — ухватился за слово Осирис. — Ошибка?! Фатальное отступление от правил, которое может привести к непоправимым последствиям, ты называешь ошибкой?! Ты вмешался в дела людей, забыв о завете.

— В прошлом оставлено неумиряющее человеческое тело, которое было надёжно укрыто песками времени и верными людьми, потом я узнал, что его нашла... — его перебили.

— Нашла? — Осирис изумлённо поднял бровь.

— Нашла Бахити, — Бастет схватив Линду за руку выдвинула девушку вперёд.

— Ты скрыл это знание от нас, — Осирис окинул смертную изумлённым взглядом, но обратился к богу мёртвых, — ты решил, что его не найдут, оставив там? На что ты рассчитывал?!

На лице Анубиса заиграли желваки, он замкнулся, потому что знал, что ещё чуть-чуть и он вновь упадёт в оправдания, что произошло сразу же после встречи с богами, перед его решением спрятать Анх. Девятка не хочет его слушать и сейчас, ей бы хотелось просто осудить и забыть, забыть всё, что мешает их извечному блаженству.

— Инпу... мы не успели, — она обернулась к Гору, тот мотнул головой, соглашаясь, — все события происходили неотрывно для нас, хоть и в разное время в Маате, — подала голос Бастет, сильно волнуясь, — мы просто не успели...

Анубис, несмотря на горечь недоверия, понимал Царя богов: тот не знал, что ему делать, ситуация была непростой, разрушала сложившийся порядок между мирами и грозила нарушить завет богов не вмешиваться в дела людей. Осирис сомневался, но надо было всё равно действовать.

— Стоит поверить мальчишке, — Ра с хитрой улыбкой взглянул на Инпу, — накажи, чтобы нашли того бога, что выдаёт себя за Солнце, — старик взглянул на всех богов Девятки по очереди.

Инпу и Линда ликующе улыбнулись друг другу.

— Ой ли, — подал голос Сет, впиваясь в лицо Бахити взглядом, в котором металось торнадо, — интересно, что он тебе посулил за службу?

Анубис и Линда переглянулись.

— Вернуть душу! — догадавшись, тот аж подпрыгнул на месте.

— Ну-ка, ну-ка, — произнёс старик Ра, словно заправский сплетник, и корпусом подался вперёд, — любопытно, продолжай.

— А меня вообще кто-нибудь будет слушать?! — решила громко возмутиться Таурт, явно разочарованная таким поворотом дел, ведь все присутствующие на суде забыли про неё.

— Не время сейчас твою просьбу рассматривать, — Осирис, пытающийся оставаться нейтральным в стороне конфликта между ней, смертной и богом войны, неожиданно отмахнулся от неё, как от надоевшей мухи, и она исчезла, будто бы её здесь никогда и не было.

— Ты и вправду из мира живых за своим сыном пришла? — спросил он у Линды всё же заинтересованно.

— Да, Царь миров, — она поклонилась.

— Мы предпримем все меры, чтобы выявить преступника среди нас, — Осирис ответил кивком головы на почтительный поклон Инпу, — но с частью сделки с Бахити... — он задумчиво и многозначительно взглянул на бога мёртвых.

Тот незаметно качнул головой из стороны в сторону, прося повременить с правдой. Ногти Линды впились в её ладони от нетерпения, внутри всё вскипело от горечи. Ей предлагалось ещё ждать, когда ждать было уже невыносимо.

— Осирис, Царь богов, Хенти-Аменту, — девушка склонилась перед ним, рухнув на колени, — я раньше не знала, что есть мир богов, хотя сталкивалась с его отголосками постоянно, изучая древность, я утратила всякую веру в чудо, но у меня появился шанс и я послужила вам, исполнив часть сделки с Инпу, так реши же как можно скорее и отдай мне моё дитя, чтобы я могла вернуться с ним домой.

Мужчина гордо взирал на неё сверху вниз, но, когда он заговорил, его голос звучал не так надменно, как раньше:

— Нам нужно найти преступника, уладить дела в мире Маат, а затем мы подумаем над нашими обязательствами, — дальнейшие споры были бесполезны, Осирис принял решение.

Инпу кивнул. Линда была готова завывать от бессилия, вставая с колен, но делать было нечего, приходилось вновь ожидать.

— Какая идиллия! — услышали они насмешливый голос Сета. — Отец и сын такие разные и одновременно одинаковые.

— О чём это ты? — всполохился Осирис, обернувшись к Сету, затем взглянул на бога мёртвых.

— О, неужели ты не знаешь?! — Сет стоял на своём.

Рядом оказались две женщины, так же уменьшившись и покинув свои величественные троны, словно коршуны, прилетевшие на защиту своих детей. В одной из них Линда по сложенным за спиной крыльям узнала Исиду, а в другой предположила мать Инпу — Нефтиду, женщины были очень похожи друг на друга. Осирис оглянулся на троны, где сидели оставшиеся боги Эннеады, затем растерянно на Ра, взглядом попросив того об уединении, который тут же повёл ладонью. Их фигуры истаяли в воздухе вместе с Гором и Бастет, оставляя только тех, кто стоял в непосредственной близости к Царю богов.

— Объяснись, Сэт, — потребовал он.

Инпу заметил, как отчаянно Нефтида сжала руку сестры побелевшими костяшками пальцев.

— Сет, опомнись, зачем ты хочешь ворошить пески времени, неизвестно какие змеи там могут скрываться, — Исиды произнесла это спокойным, почти томным голосом.

Тот весело расхохотался, но глаза остались злыми и колючими.

— Самые главные змеи перед нами, — он указал на двух сестёр пальцами рук с тяжёлыми перстнями.

— Опомнись, бог войны, — в голосе Осириса почувствовалась угроза, — ты оскорбляешь мою жену! — негодуя. — Потрудись объясниться.

— Он, верно, перепил шедека, — попробовала оправдать мужа Нефтида, сделав шаг по направлению к ему.

Тот с презрением взглянул на неё и поднял руку, предупреждая не приближаться.

— Я благоразумен, да даже если бы вино опьянило, я бы протрезвел на следующий день, а вот тебе, Нефтида, — он обвиняюще указал на неё пальцем, который затем перевёл и в сторону жены Осириса, — да и тебе, Исида, никогда не отмыться от грязи той тайны, что связана с рождением Инпу.

Анубис вздрогнул, его напряжённый взгляд растерянно метался по лицам родителей и четы, что воспитала его.

— А что не так с рождением стража весов? — спросил Осирис, вопросительно глядя на жену.

Исида молчала, склонив перед мужем голову. Нефтида замерла, словно в ожидании приговора.

— Кроме того, что твоя жена была не в себе и покинула маленького Инпу, а ты в это время был на поле битвы с чудовищами...

Сет его грубо перебил:

— Кроме этого, видишь ли, Нефтида так хотела ребёнка...

— Прекрати, Сет, пока не поздно, — грозно предупредила его Исида.

— Нет, — остановил её Осирис повелительным жестом руки, — теперь уже я хочу знать, о чём толкует бог войны.

Сет гнусно осклабился.

— О том, брат, что с позволения сестры, воспользовавшись сходством с нею, магией и твоим опьянением, возлежала с тобой на брачном ложе, в итоге родился малец с твоими глазами, — произнесённое богом раздора оглушило присутствующих похуже грома.

Бахити прикрыла рукой рот, чтобы не вскрикнуть. Инпу замер так, будто превратился в каменное изваяние. Повисло такое густое молчание, что, казалось, уже ничто его не разрушит.

— Это правда? — спросил Осирис слишком спокойным голосом для только что услышанного.

— Да, — произнесла та тихо, склонив голову, почти физически ощущая то, как его это знание морально раздавило.

Осирис обвёл тяжёлым взглядом всех присутствующих, он пытался держаться отстранённо, но равнодушным взглядом прошёлся по только что явленному ему сыну, задержавшись на его лице. Он взмахнул рукой, и зала сотряслась, прекрасные черты лица исказились. Но Осириса остановила Исида, многозначительно скрестив перед ним поднятые в бессловесной молве руки. Стало спокойно, и в следующую секунду Линда заметила только всполохи их одежд. Оба исчезли, оставив после себя горькое послевкусие от раскрытой тайны.

— И ты в себе так долго это носил? — презрительно спросила Нефтида, бледная, но взявшая себя в руки.

— Сгинь, женщина, или я не ручаюсь за себя, — злобно прошипел Сет.

— Не смей так с ней говорить! — выкрикнул Инпу.

Мужчины подбежали друг к другу, столкнувшись грудью, презрительно и с гневом оглядывая соперника. Нефтида хотела было вмешаться, подбегая к ним.

— Мы должны разобраться сами, — Инпу не повысил тон голоса, но дал понять, что дальнейшее не для глаз его матери.

— Весь гнев Хаоса на твою голову! — прокляла та Сета и исчезла, как до этого царская чета.

— Ты узнал о себе всё, волчонок, — проговорил Сет, еле сдерживаясь, вложив всю свою ненависть в слова и к тому, кого был вынужден принимать как сына, — что ты скажешь на это, ты, спящий на могилах, сторожевой пёс ненужных никому костей?

Неожиданно Инпу сбавил напор и чуть отстранился от него, гордо вскинув вверх подбородок, посмотрев прямо в глаза «бывшему» отцу.

— Зато теперь не нужно притворяться, — произнёс он спокойно.

Сета будто бы дёрнули за руки, он внимательно присмотрелся к тому, кто мог бы быть ему сыном.

— Ты мне должен сказать спасибо, — Сет издевался, пытаясь вызвать в нём сильные эмоции.

— Спасибо за что?! За то, что с детства я знал твою тяжёлую руку, жестокость, которая не должна быть ведома маленькому ребёнку? За то, что раз за разом, обращаясь к тебе и любя тебя как родителя, получал в ответ только боль?! Боль!!! — Инпу изо всех сил пытался сохранить себе спокойствие, но голос дрожал от гнева, обиды, от обманутого доверия.

Сет ухмыльнулся.

— Зато теперь не нужно притворяться, — передразнил он Инпу.

— А вот за это спасибо, — тихо произнёс Анубис и поспешил к выходу.

— Я не договорил, — выкрикнул тот.

— А я не хочу слышать, — Анубис даже не взглянул на него и сделал жест рукой, словно отмахиваясь.

Это движение заставило Сета раствориться в воздухе.

Портер выбежала вслед богу мёртвых. Инпу остановился возле стены в коридоре, и его плечи разом поникли. Он ничего не хотел. Казалось, это было последним, что окончательно убило в нём все чувства разом. Его растерянные глаза скользнули по лицу девушки в последней попытке зацепиться за то, что не даст ему окончательно свалиться в яму отвращения к своему бессмертному существованию. И Линда, сама того от себя не ожидая, как и он, поднявшись на цыпочки, обняла замершего от удивления Инпу. Словно бы имела на это право. Её ладони скользнули по торсу вверх и, охватив плечи, сжали их.

Заклучив его в свои тёплые объятия, сочувствуя, прикрыла глаза и хрипло прошептала:

— Ты не один.

Несколько секунд или безвременная вечность сопротивления самому себе, и его руки обняли в ответ, даже сильнее, чем того требовал момент. Сейчас их не разлучило бы даже стихийное бедствие. Оба пропустили тот момент, когда их губы, найдя, утонули друг в друге. Боль и привычное одиночество, создававшие иллюзию того, что ты сможешь справиться со всем один, дали возможность прочувствовать до самых костей и обратную сторону этих двух состояний, окрашивающих жизнь в тёмные тона, — возможность увидеть в другом своё отражение.

Он с жадностью целовал её начавшие опухать губы, податливо полураскрытые ему навстречу, крупные ладони деликатно сжали умащенную маслом кожу плеч. Она отвечала ему не менее напористо. Перед закрытыми дверями судилища великой Девятки. Несмотря на горечь наконец-то высказанной правды, они победили. Бог и смертная. Их слышали. А вспыхнувшая внезапно страсть смотрелась издёвкой над их судьбами. Ведь отпущенный им срок быть вместе истекал, как бы смешно это ни звучало в мире, где времени нет, но другого у Инпу и Бахити не было. Но вот только оба чувствовали обратное, хотя и знали, что в следующую встречу они увидятся лишь на краткий миг: его руки будут укутывать её душу в белоснежный саван и отправлять в вечность.

Они оторвались друг от друга, едва дыша, хотя он всё ещё продолжал обнимать её. Линда, как маленькая девочка, поддавалась эмоциям, вспыхнувшим так не вовремя, а внутренний голос твердил: для того, что она чувствовала, более подходящего времени не будет. Тоже самое ощущал Инпу.

— У меня есть надежда, что совсем скоро я смогу обнять своего сына, — прошептала молодая женщина с большим облегчением и в то же время с затаённой печалью.

— В поля Иалу — одна дорога, и ведёт она через владения Нефтиды, а они — переход между ними: верхним миром и нижним миром, миром чудовищ, — Анубис отстранился от Портер, — вряд ли, пока не найдут предателя, нам будет разрешено двинуться дальше её границ.

Линда непонимающе посмотрела на него.

— Ты же бог мёртвых, Инпу, — напомнила ему она.

Тот кивнул.

— Да, я встречаю душу в Дуате и после суда провожаю до земель своей матери, пройти дальше без Анха смертельно опасно.

— Анх? Что за Анх? Это ключ? — спросила девушка, нарушая тишину. — Что может пойти не так?

— Всё, — уже знакомый ей голос прорезал своды коридора.

Из переплетений теней и света, словно призрак, появился высокий мужчина, уже без парика, с перехваченными красной крепкой тканью бёдрами, отдалённо напоминающей схенти, раскосо и густо подведённые глаза встретились со взглядом Бахити.

— Сет, — глухо ответил Инпу, гнев поутих, а ещё он почувствовал облегчение, где-то в глубине души бог ощущал, что Сет не мог быть его отцом, — по-моему, там, — он указал кивком головы на дверь, — на судилище, ты мне сказал всё, ещё один весомый повод не видется вовсе.

— Но я не договорил, — Сет вышел на свет, со злым прищуром оглядывая двоих, — и, да, если ты применишь свою покойничью магию на мне ещё раз, я не буду больше тебя предупреждать, ты отведаешь моей в ответ... в полную силу.

Инпу сжал кулаки, мысленно дав себе команду оставаться спокойным, он предвидел, что именно хотел произнести его уже не отец.

— Странно просить о разговоре и начинать его с угроз? — Анубис усмехнулся и, склонив голову на бок, спросил: — Или ты всё никак не можешь принять причину всей твоей желчи, проливаемой на меня изо дня в день от нерастраченного гнева, ведь и жена любила другого, и дитя не твоё? — его глаза насмешливо сверкнули тёмно-синим топазом, Сет был готов убить его и за меньшее. — Да и разве бесплодная пустыня может впустить в этот мир хоть что-то, кроме своих демонов, а, повелитель песочных барханов и ярости

земных царей?

Неожиданно Линда ощутила смрад, отдалённо похожий на тот, что она обоняла на ритуале Косея. Она втянула ноздрями воздух и... ничего. Девушка списала своё состояние на волнение и страх, ставшие её постоянными спутниками в последнее время.

«Не каждый день узнаёшь подробности из жизни египетских богов, тем более такие... грязные. Хотя кто из богов хоть как-то ограничивал себя? Почему Осирис должен быть исключением? У Анубиса вон гарем», — тоска и что-то горькое шевельнулось внутри гремучей змеей.

Воздух вокруг мужчин сделался реющим от плавающей ненависти, напряжённым. Этим двоим стоило расставить все точки над их отношениями. Вражду это не прекратило бы, но вот существование облегчило бы.

Наконец Сет примиряюще поднял руки, чем немало удивил бога и смертную.

— Рано или поздно ты бы узнал об этом, — он пожал плечами, как будто это было пустяковым делом, делом смертной семьи, к примеру, — что сейчас зря толочь воду в Ниле, а я к тебе с предложением.

Инпу напрягся и поднял бровь.

— К чему бы это тебе предлагать мне что-то? Особенно после того, как мы тут обменялись роем кусачих любезностей?

— А тебе не показалось странным, как всё быстро и удачно сложилось для тебя? — Сет увидел, что смог задеть нотки посеянного на судилище сомнения в Анубисе.

— Боги поверили мне, решили восстановить справедливость, найти самозванца, что сам себя назвал именем Великого Светлого Ра, навести порядок в мире людей, — утвердил тот перед богом войны и раздора, повторив ещё раз приговор Эннеады.

— Как странно, правда, бог-самозванец, способный посещать мир людей, как же так, кто же это может быть? У кого же есть такая сила? Может, у того, у кого есть ключ Жизни? — проговорил тот вкрадчиво.

— Ты на что это намекаешь? — не выдержал Инпу и шагнул к Сету.

Линда тронула руку Анубиса, привлекая к себе внимание.

— Ты видишь, что Сет провоцирует, — предупреждающе произнесла она, заметив, как напряглись узлы мышц на торсе бога.

Сет издевательски рассмеялся.

— О да, конечно, останови его, Бахити, ведь он никогда не был воином, скорее, созерцателем, изобретателем, ведь война не твоё, твоя голова всегда светла, ты всегда спокоен и рассудителен, должность ведь обязывает, не до смеха среди покойничков, а? — бога войны несло.

— Осирису ни к чему эти игры, — Инпу сомневался, но старался не подавать виду, ведь вероломство Сета не знало границ, — он и так Царь богов...

— Ой, а дряхлый Ра не мешает ли этому величию?

— При чём здесь дед? Мы все служим... — Инпу прервали.

— Служим, — тон Сета стал неожиданно холодным, — может быть, Осирису надоело служить? Царь богов служит... какая нелепость!

— А ты? — спросила вдруг Бахити, наконец-то осмелившись. — Ты тоже не желаешь служить?

— Я убил Апопа своими собственными руками и бросил его к ногам Ра, кто обвинит меня в предательстве? — он круто поднял бровь. — И смертную я не убью за дерзость, —

как бы говоря: «Вот видишь, я пришёл с миром».

— Готовы теперь слушать? — спросил он с милостивым оскалом.

— Нет, — почти выкрикнул Анубис.

— Может быть, всё же? — подала слабый голос Линда.

— Нет! Все его речи — обман, — Инпу передёрнуло от отвращения, она чувствовала шлейф от «аромата» вьючного животного.

— Смертная дело говорит, — хитро улыбнулся Сет Портер, — надо послушать меня...

— Нет, — так же твёрдо отказался Инпу во второй раз, прервав вкрадчивые речи «бывшего» отца.

Девушка не стала ему перечить, интуитивно чувствуя угрозу, исходящую от бога хаоса и разрушения. Инпу взял девушку за руку, и они все вместе двинулись вперёд, оставляя того позади.

— Хорошо, тогда вместо меня послушай Инпу о том, как он собрался возвращать тебе сына без Анха смерти, как он тебе вообще собрался что-то вернуть с полей Иалу? — Сет любовался тем, какой эффект оказали его слова на Бахити.

Линда, обернувшись вначале на Сета с вопросом в глазах, непонимающе посмотрела на Инпу, часто задышав от внезапно нахлынувшего плохого предчувствия. Сет отступил в тень и исчез, словно его здесь никогда и не было.

— Я могу тебе всё объяснить, — глухо и хрипло от волнения произнёс Анубис.

— А есть что? — Линда чувствовала, что её начинает трясти от негодования.

— Не здесь, — Инпу мимолётом задел её, и они в один миг перенеслись в его владения.

Вокруг царила прохлада и тишина, изредка нарушаемая потрескиванием пахучих трав в нагретых добела жертвенниках.

— Это правда, что ты не можешь вернуть мне сына? — она спросила одними побелевшими губами.

— Могу и верну, но только не так, как может предложить Сет, — Анубис сделал глубокий вздох, он ощутил, что её теплота ускользнула от него, она смотрела на него, как обвинитель на подсудимого — так же невыносимо холодно.

— А что мне может предложить Сет? И как можешь ты? И что за Анх смерти? — девушка старалась держать себя в руках, до последнего сохраняя веру в обещание Инпу. — И почему поля Иалу не могут вернуть моего сына?

— Анх смерти — это ключ, отпирающий врата царства мёртвых и царства, где обитают гнусные и страшные чудовища. Тот, кто прикрылся маской Амон-Ра, нашёл способ приходить в ваш мир с помощью ритуалов, лазеек, червоточин или, как ты говорила, на запах крови, но у него нет возможности открыть врата нижнего мира, этот мир опасен и неизвестен даже для ныне существующих богов. Если бы Амон-Ра владел и им, он был бы господином всей мировой пирамиды и мы бы не разговаривали сейчас с тобой.

— То есть твоё обещание, данное мне в моём мире, было кинуто тобой только лишь для того, чтобы представить Эннеаде ту, что смогла явиться свидетелем твоих слов об угрозе Дуату? Чтобы боги больше не сочли тебя фантазёром и твоя чёртова гордость не пострадала во второй раз? — её глаза наполнились слезами, тон стал ещё более резким и холодным. — Отлично же вы, боги, решаете свои проблемы, и что же будет теперь со мной? Ты вернёшь мне сына? Ты сможешь отправить нас обратно?

— Обещаю, — его грудь высоко вздымалась от волнения, он сделал шаг в её сторону.

Слёзы хлынули из глаз молодой женщины неудержимым потоком, она отодвинулась

подальше, не давая ему возможности прикоснуться к себе.

— А то как же? — она горько усмехнулась. — Ведь я читала мифы о том, как боги поступают с людьми, считая их мусором, всего лишь инструментами для выполнения своих великих целей.

— Люди были созданы для служения богам, но вы вольны поступать как вам вздумается, — эта фраза вылетела из него от отчаяния в попытке доказать ей, что в этом нет ничего зазорного, это его жизнь, и он привык к такому мироощущению, а её слух уловил лишь высокомерие.

— Ах, вот как! А вы всего лишь манипулируете границами нашей свободы воли! Отлично! — воскликнула Портер, утирая влагу с лица, и зло улыбнулась. — Ну так люди пойдут и порешают сейчас сами свои дела.

— Я никуда тебя не отпущу! — выкрикнул он и попытался остановить.

— Свобода воли, Великий Тёмный, — издевательски передразнив его и громко хлопнула по бокам ладонями.

Его рука так и повисла в воздухе.

— Великий Хаос! Эта женщина... — вскричал он в отчаянии, когда Бахити скрылась в дверном проёме, как бы призывая в свидетели саму стихию, из которой вышли боги, что он не может сладить с одним человеком, — помощи!

Сэба* неизвестности. Коленопреклонённый Инпу.

Портер бежала, не разбирая дороги, слёзы, не переставая, лились из глаз. Храм Инпу казался бесконечным. Наконец она, усталая, физически и морально вымотанная, присела у тёмной стены, уставившись на раскрашенный яркими красками барельеф с восхвалением бога мёртвых. Сон перестал казаться сном, явившись неприкрытой действительностью, принёсшей разочарование. Линда усмехнулась с горечью, с едкой печалью, со злостью на Инпу и, прежде всего, на себя. Как она могла даже мысль допустить о том, что бог нуждается в сочувственных объятиях? Он достиг своей цели. Но вот только как расценить то, что произошло там, за пределами судилища? К чему был тот поцелуй после того, как часть сделки со стороны Бахити стала считаться исполненной? Зачем это серьёзному Инпу? Игры богов? Девушка устало уставилась на рисунок, изображавший ритуал погребения с участием Анубиса.

— Страшно? — она подпрыгнула от неожиданности на месте, не ожидая услышать этот голос.

— Пришёл ещё раз, чтобы услышать «нет»? — съязвила Портер, так и не встав с пола. — Кланяться не буду, — зло буркнула она.

Сет вновь появился из тени и сел напротив, опёршись о барельеф спиной, сложив ноги перед собой крестообразно.

— Я никогда не получаю отказов, — он хмыкнул, похотливо очертив её тело взглядом, Линда едва удержалась от желания прикрыть обнажённую грудь и сложить из вытянутого пальца известную в её мире фигуру, — я думал, тебе будет интересно послушать, как можно вернуть твоего сына? — он взглянул на свои ногти, а затем бросил быстрый взгляд на лицо вмиг превратившейся в слух девушки.

— Я зареклась заключать сделки с богами, — она разочарованно вздохнула, — тебе здесь ловить нечего, ни минуты больше не хочу находиться тут, пусть лучше Амаг сожрёт меня сразу, сразу, без суда Эннеады, чтобы я ещё раз видела ваши лица... — но ей всё же стало любопытно.

Сет расхохотался, склонив голову набок, невольно любуясь красотой Бахити, ставшей в один миг необузданной.

— Вот теперь ты понимаешь меня! Но зачем же так радикально? — произнёс он, когда его искреннее веселье сошло на нет.

— А что взамен?

Сет с ликованием отметил, что она согласилась на диалог, а это уже полдела.

— Мне нужна душа, — произнёс бог пустыни после недолгого молчания.

— Моя?! — искренне удивилась Бахити.

Тот отрицательно мотнул головой и хмыкнул.

— И чья же? Душа? Хм, богу войны? Победителю чудовищ? — ей не верилось в его слова.

Сет поднял бровь и увидел, что та насмехается над ним.

— Я сентиментален, — ответил он отвлечённо.

— Почему бы тебе самому не спуститься за ней, снизойти, так сказать? — с сомнением.

— Ну знаешь ли, после того, как змей Апоп, к слову сказать, любимая зверушка Амаат, был умерщвлён мной, ход туда мне заказан, да и ключи потеряны... — произнёс он спокойно, не отводя взгляда.

Линда видела, что он не врёт. Объяснение было логичным, вот только...

— Как же я пойду туда, если нет Анха? — с недоверием, но предложение было кружащим голову, не спросить и не узнать означало бы обречь себя на вечные вопросы: а вдруг смогла бы?

— Есть двери, которые может открыть лишь душа, — Сет помедлил, — смелая или отчаявшаяся, ищущая душа, я вижу бездну твоей боли, я нужен тебе, а ты — мне, а необходимо всего-то открыть дверь и найти своего сына, а заодно и принадлежащую мне душу.

— Как я узнаю её? — спросила молодая женщина, мысленно согласившись, заметив, как тени вокруг бога войны стали сгущаться, красным всполохом ознаменовав заключение сделки, искорки осели на тело Портер, причинив лёгкую боль.

— Ты всё поймёшь, когда увидишь.

— Как я найду эту дверь? — спросила Линда, вскакивая, заметив, что тело бога стало прозрачным.

— У вас, людей, всё символично, Бахити, — загадочно произнёс Сет, прежде чем исчезнуть.

— Грёбаная божественная семейка, — в сердцах выкрикнула Линда, надеясь, что её услышат те, кому предназначалось вышесказанное, — и как же мне найти туда вход?!

Она заметалась по коридору, пока не заметила на барельефе, возле которого сидел Сет, рисунок двери.

— Это просто рисунок, — произнесла она свои мысли вслух, затем быстро зашептала, подходя ближе, — у древних египтян всё было символично, — повторила девушка за Сетом, погладив неровности выбоин рисунка, — они обустроивали гробницы и рисовали на стенах всё то, что могло бы пригодиться им во внеземной жизни, так, словно это было настоящим и они могли этим воспользоваться... физически, — и девушка, не веря ни себе, ни словам Сета, толкнула искусно нарисованную на барельефе дверь и... открыла её.

Линда едва заставила себя не отскочить от неё. Из-за двери веяло сухим воздухом пустыни. Девушка прикрыла на миг глаза, тяжело вздохнув, и шагнула во мглу, навстречу

неизвестности.

Почти одновременно с тем, как молодая женщина оставила Инпу, он, прикрыв глаза, пожелал оказаться в той зале, где боги поверили ему.

— Осирис! — выкрикнул он, взглянув на пустые ниши с престолами, описав поворотом гибкого сильного тела круг.

Даже тишина оказалась к нему глухой.

— Отдай сына смертной и отправь их, счастливых, домой, — отчаянно в полумрак залы, сиротливо освещавшейся несколькими жертвенниками; величие, её преисполнившее, ушло вместе с богами Великой Девятки.

Тишина словно насмеялась.

— Я здесь, отец, — прошептал он и медленно встал на одно колено, — этого достаточно, чтобы ты взял Анх Жизни в свои руки и исполнил мою просьбу? — Анубис ощутил себя одним из людей, усиленно молившихся, но так и не получивших ответы на свои просьбы, — она свободна, я не держу её.

— Его здесь нет, — услышал он глубокий чувственный голос с лёгкой хрипотцой.

Инпу вскочил с колен и вгляделся в полумрак. В зале появилась стройная женщина в чёрном платье, перехваченном на талии золотым широким поясом. Нефтида успела переодеться в привычный наряд, так напоминающий её места обитания.

— Он нужен, — ответил Инпу, попытавшись унять дрожь в теле, сдерживаясь от обиды на мать, — он был нужен всегда...

— Ты не должен был знать, как и Осирис, — женщина вздохнула, подходя к сыну вплотную, — давным-давно я и Исида договорились, что это тайна тяжёлым бременем будет лежать только на наших плечах.

— Ты выкинула меня как... куклу, — в нём кипел гнев.

— Я была молода и ослеплена любовью к Осирису, все были ослеплены его величием, — оправдалась Нефтида, тщетно пытаясь прикоснуться к его руке, — боялась гнева Сета, зная, как мы с ним пытались зачать дитя, но ничего не получалось. Как Сет вначале горел, а потом смирился со своим бесплодием, тогда Исида предложила мне... возлечь вместе с Осирисом, — Инпу изумлённо взглянул на мать, а та старательно отводила глаза, — я долго не соглашалась и не понимала, как потом смотреть в глаза Исиде, Сету и Осирису, вечно скрывая тайну, но желание иметь дитя пересилило всё, и однажды, обратившись своей сестрой, я провела ночь с её мужем, а потом появился ты, — из её глаз бесшумно закапали слёзы, когда она, протянув к нему руки, заметила, как он чуть отодвинулся от неё, не желая чувствовать её касания. — Я увидела то, как ты не похож на моего мужа, твои синие глаза — улика посильнее той, что если бы Сет застал нас с Осирисом в объятиях друг друга, — она ненадолго замочла, словно вспоминая то своё состояние, — я испугалась и отдала тебя лесу...

— Волки охраняли меня, а Хесат кормила, — побелевший Инпу старался контролировать свой голос, срывающийся в полущёпот, он одновременно хотел и не хотел этого разговора.

— Да, можешь упрекать меня, если тебе так легче, прежде чем Исида нашла тебя, после разговора со мной, я... — она бесшумно зарыдала, — я пыталась взять тебя на руки и поняла, что не могу, твои глаза смотрели на меня так серьёзно, и... я опасалась гнева мужа, опасалась, что он убьёт тебя, если узнает, что ты не его дитя, Исида полностью покрыла меня, она чувствовала свою вину, ведь это она предложила мне... — Нефтида взглянула на

свои ладони, и Анубис мрачно хмыкнул, эта привычка была перенята им от матери, — но я виновата, думала, что раз богиня, то не отвечу за последствия своих действий, и вместо того, чтобы ощутить счастье и воспитывать любимого сына, я отдала тебя Исиде, — она замолчала и по привычке потянулась к Инпу, наконец он позволил ей притронуться к себе, остро ощущая её потребность в этом. — А потом... я думаю, когда тебя первый раз показали Сету, он понял всё, но по какой-то причине затаился, он отдалился от меня, отослав навсегда от себя, ну а ты...

— А я выжил, — твёрдо произнёс Инпу будничным тоном, — а сейчас всё встало для меня на свои места, всё объяснилось, и ваша с отц... с Сетом отчуждённость, твоя холодность, жестокость Сета...

— Ты мой сын, несмотря на судьбу, — женщина выпрямилась и быстрым движением ладони отёрла слёзы с лица, — и я желаю тебе всего самого наилучшего, — мать хотела заключить его в объятия.

— Ты сможешь мне увидаться с Осирисом? — он проигнорировал её слова и вновь отступил, Нефтида больше не совершала попыток обнять его.

— Ты хочешь исполнить обязательство перед человеком?

— Да, — мрачно ответил тот.

— Смертная ушла из Дуата, — произнесла Нефтида и с удивлением заметила, как лицо сына отразило множественный спектр эмоций от изумления до боли, — ей удалось открыть дверь, и сейчас Бахити на моей территории, — густо подведённые чёрной краской глаза женщины опасно сверкнули, зная свою власть.

Анубис заметил перемену в настроении матери, сразу же и усмехнулся. Ничего другого и не следовало ожидать от второй половины бога войны и раздора.

— Ей не пройти дальше, она сгинет в моих песках, в темноте, там, где смертная долина даёт развилку, там, где каждая душа находит свой последний приют, — напомнила та о своих возможностях.

Инпу решил не торговаться с той, чьё чрево выносило его и дало жизнь.

Он решительно подошёл ближе и заглянул в чёрные глаза матери, произнося:

— Ты ведь знаешь, зачем эта женщина пришла сюда, в Дуат? Она пришла сюда за сыном, — слова, как удар хопеша, такой же точный и беспощадно смертельный. — Простая смертная, перед которой не устояли двери миров: такой любви я не видел никогда, а я живу почти вечность, она отвоевала своей стойкостью воскрешение сына, она достойна чуда.

Анубис победоносно улыбался.

— Ты равняешь меня со смертной? — спросила Нефтида злобно, возводя вокруг себя стены высокомерия, внезапно ощутив укол совести, ещё больше ранивший её.

— Я бы молил о такой матери, — Инпу сделал шаг по направлению к выходу, но Нефтида ухватила его за руку и привлекла к себе.

— Ты тоже хочешь купаться в лучах её любви? Ты хочешь её сердце, но не на весах строгого и справедливого последнего Судии, — левая половина губ вздёрнулась, обнажив клыки, из матери так и рвалась её вторая, звериная сущность, питаемая любовью и одновременно ненавистью к непокорному сыну, глаза метали грозные молнии.

— И об этом я бы тоже молил, — произнёс тот тише, без пафоса, словно сбрасывая одежды, словно озвучивая то, что боялся произнести вслух, и прежде всего для самого себя, сделав ещё несколько шагов по направлению к двери.

— Ты уже любишь её, — проговорила она медленно, поражённая своей догадкой.

— Я позабочусь о ней, — Анубис ощутил за спиной крылья, как у его названной матери.

— Чем я могу заслужить твою любовь? — вырвалось откуда-то из глубин, и она повернулась к сыну, увидев лишь его напряжённую спину.

Инпу медленно обернулся и покачал головой.

— Любовь? Ничем, потому что её не заслужить, но ты знаешь, что надо сделать, чтобы мы смогли хотя бы разговаривать, — ещё чуть-чуть, и Нефтида осталась одна в полутёмной зале, где царила мёртвая тишина — такая же, как в её почерневшем от боли сердце.

Примечание:

* гранатовое вино

** скрытый, незримый

*** дверь

Владения матери Нефтиды. Обратная сторона реальности.

Затхлый горячий воздух не давал лёгким полноценно дышать, а ноги погружались в сухую чёрную рассыпчатую субстанцию, обнажённую кожу стана и грудь покусывал лёгкий жар. Линда закашлялась и оглянулась. Проход исчез. Место двери занял густой тёмный туман, обнявший девушку, как только она появилась здесь. Она прикрыла ладонью рот и двинулась дальше, всё больше углубляясь в тёмные владения матери Инпу, освещённые призрачным слабым светом.

Она не знала, куда ей нужно идти дальше, не знала, что необходимо делать. Теперь принятое предложение Сета казалось не просто чужаковатым, оно стало действительно опасным. Но дожидаться у моря погоды и не попробовать ничего сделать, когда подвернулся шанс, было ещё глупее. Хотя довериться в этом вопросе тому, кому не доверял Инпу и кто, откровенно, настроен против него, было вообще за гранью разумного, но иным она не располагала. Бездействовать, пока Осирис примет решение и отправит Линду ни с чем в мир живых, было бы равносильно тому, как если бы человек дошёл до оазиса в пустыне, а потом резко сменил направление, всё дальше погружаясь в её сухие и смертоносные объятия.

Линда всё шагала и шагала вперёд, вглядываясь в зыбкий туман, молотя ногами чёрный песок. На мгновение в сознании образовалась пустота: мысли слились в одну про то, что есть только путь, цели нет. Она усмехнулась сухими губами и встряхнула головой, собираясь, вновь начала думать о цели пребывания здесь. Учёная знала, что дорогу осилит идущий, а также то, что вряд ли Сет заключил бы сделку с той, что не достала бы ему требуемое. Это придало сил. Посмертное пространство должно когда-нибудь закончиться и привести её в поля Иалу. Молодая женщина устала сомневаться, она, как исследователь, решила принимать существующую здесь и сейчас реальность такой, какой она её видела, а разобраться во всём потом, искренне надеясь, что это «потом» наступит.

Впереди виднелся клубящийся туман, и ей показалось, что вот-вот и она дойдёт до конца этой территории. Линда вновь взглянула себе под ноги и почувствовала ликование — чёрная непроницаемая дымка стала почти прозрачной, и она ступила на грунтовую дорогу. Туман остался позади, а впереди маячили разрушенные ворота. Она взглянула на звёздное небо немного озадаченно. Мифы вращали: на полях Иалу должно быть мягкое вечернее солнце, но, с другой стороны, что люди могли знать о том месте, откуда ещё никто не возвращался?

— До меня, — пробормотала она и решительно сжала губы, продолжив идти к цели.

— Мама... — раздался тонкий мальчишечий голосок.

Линда не дошла пару-тройку шагов до ворот. Она вздрогнула и оглянулась вокруг себя, затем запрокинула голову вверх.

Звук был слабым, словно из-под стекла, и непонятно откуда исходил.

— Генри, — неуверенно произнесла Портер.

— Мама... — раздалось совсем рядом.

— Генри! — выкрикнула молодая женщина с отчаянием и заметалась по дороге, несколько раз прокрутившись вокруг себя, пока перед ней не возник её сын в белом балахоне на одно плечо.

Он ничуть не изменился с той поры, когда она видела его в последний раз, и выглядел бледным, словно был одним из кадров в чёрно-белом кино. Линда медленно подошла к нему и упала на колени.

— Генри... — прошептала она и протянула к нему дрожащие руки, — это ты?

— Мама, — мальчик провёл по щекам женщины пальцем, повторяя движения влажных дорожек.

Линда крупно дрожала, перестав совсем себя контролировать, из груди рвался крик, но она боялась, что испугает сына. Вместо этого она очнулась от оцепенения и рывком прижала его к себе, громко всхлипнув. Тёплый, живой. А когда Генри обнял мать, то она, не сдержавшись, зарылась в его одежды и дала волю слезам.

— Генри, — прошептала молодая женщина сквозь слёзы, сжав щёки мальчика и оглядывая его так, словно хотела проглотить, унеся с собой, затем снова приникла к его маленькому тельцу, она уловила даже не забытый ею запах.

— Мама, — уже слабо.

Линда взглянула на сына. Он стал серым, хрупким, как старая бумага, казалось, что ещё немного и он исчезнет. Она отдернула от сына руки, не от страха за себя, а боясь, что он рассыплется в её объятиях и вновь потеряет его.

— Генри, что с тобой? — отчаяние в голосе Портер тщетно пыталась скрыть, но глаза Генри смотрели на неё как будто устало.

— Я очень сильно хотел увидеть тебя, мамочка, и увидел, — мальчик силился не плакать, он пугливо оглянулся вокруг, — нам нельзя говорить друг с другом, — потом порывисто, на секунду почти приникнув к ней своим исхудалым болезненным тельцем, зашептал, — мама, ты умерла?

— Нет, нет, — она горячо заверила его, всё так же боясь прикоснуться, подумав, что мальчик вот-вот сейчас исчезнет, — я тут, чтобы забрать тебя с собой, обратно... Пойдём? — она протянула руку Генри, предлагая следовать за ней.

Сын грустно посмотрел на протянутую ладонь, потом снова на мать и отрицательно качнул головой.

— Уходи отсюда, убегай, проси помощи у господина Запада, иначе... — его лицо исказилось в испуге, а тело совсем почернело и вытянулось, превратившись в громадную ящерицу.

Линда с немым криком опрокинулась на спину и пятками начала отталкиваться от песка, ещё больше увязнув в нём. На неё смотрело чудовище, чьё тело было покрыто чёрной поблёскивающей чешуёй. Девушка заглянула за его спину, заметив огромный хвост, нервно подёргивающийся из стороны в сторону. Они смотрели друг на друга, не двигаясь. Линда — боясь пошевелиться, вызвать агрессию, судорожно соображая, как ей поступить. И пресмыкающееся — с огромным любопытством наблюдающее за человеком. Ящерица повела носом, словно принюхивалась, и неожиданно Портер услышала:

— Что ты ищешь здесь, живая Душа?

Звук складывался в слоги, а затем и в слова, с натугой. Рот Линды словно одеревенел. Она только что обнимала не сына? В горле застрял ком, стало горько так, будто она всё время до этой встречи бежала за миражом.

— Отвечай, — более требовательно, — да только не смей врать, я чую ложь.

— Это был мой сын? — спросила она.

Ящерица склонила голову и вгляделась жёлтым глазом в лицо молодой женщины.

— Бездна отчаяния, и поэтому безумие в тебе плещется, думаешь, Дуат отдаст то, что стало его? — хохот рваный, сиплый.

Линда похолодела от тона голоса, от смеха, от жуткого вида потустороннего существа, от того, каким холодом от него веяло, а ещё от того, что она почувствовала, находясь рядом с ним. Разрушающую, всепоглощающую безнадежность, когда уже ничего нельзя исправить. Хотелось зарыдать, выкрикнув, словно выплюнуть тяжесть, миглом возникшую внутри. Тем временем пресмыкающееся приобрело очертание женского тела, став... ею, и застыло. От изумления Линда замерла. Она протянула руку к самой себе, и та вздёрнула её, поставив на ноги. Линда вырвала руку из лап преображённой ящерицы. Та же усмехнулась и, склонив голову набок, наблюдала за ней.

«Она нападёт или?.. — подумала учёная, а в мыслях сложился призыв, будто слова молитвы: — Анубис, помоги своей жрице».

«Линда» напротив злорадно рассмеялась.

— Ты преодолела время и пространство, ты поверила в то, чего нет, ты и вправду уверена в том, что всё, что сейчас происходит, не бред? А что, если я тебе скажу, что этого места не существует, как и тебя в нём, и что ты сейчас нигде и никто? Что ты на это ответишь? — лже-Портер внимательно, с хитровой всезнающей усмешкой вглядывалась в лицо настоящей.

Всё рациональное в её существе закричало о правдивости слов загадочного визави. На глазах появились слёзы.

— Ты думала, что в Дуате, а его ожившие боги помогают тебе или заключают сделки, а ещё чуть-чуть и ты возвратишься в свой мир вместе с сыном, который мёртв уже долгое время?! Или он жив в твоей реальности? Что из всего, что с тобой происходило и происходит, правда? — она смеялась сама над собой сквозь слёзы, ощутив, как надежда растаяла, а отчаяние заполнило всю душу. — Ты слышишь саму себя? Вижу, что ты начала прозревать, а значит... — преображённая в неё же саму ящерица притронулась к её лбу, и Линду объяло холодное белое пламя.

Девушка тут же услышала крики и открыла глаза. Она привстала на локтях и с удивлением осмотрелась. Учёная оказалась за занавесой на том самом ритуале, откуда началось её странствование по Дуату. Несмотря на то, что надо было бы выдохнуть с облегчением, Линда почувствовала на глазах слёзы горечи и потери. Второй раз. Отодвинув занавесу в круглую комнату, вбежал фон Бинц.

— Рико! — с радостью и одновременно страхом вскричала Линда.

— Быстрее! — проговорил тот и, дёрнув её за руку, поднял с каменного пола.

— Но там ведь... — девушка застыла на месте.

— Террористы? — мужчина помрачнел, но хватку не ослабил. — Позже я всё объясню, сейчас некогда...

Времени на раздумья не было, и девушка последовала за бароном. Крики стали громче. Общая толкотня и хаос. Пара вжалась в трясущиеся стены. Рико крутил головой по сторонам, оценивая ситуацию.

— Следуй за мной, — выкрикнул он и короткими перебежками стал продвигаться к лестнице, идущей к выходу.

Линда двинулась за ним, временами уклоняясь от полностью дезориентированных людей. Ей повезло, как и Бинцу. Оказавшись в той комнате, они практически не пострадали. Рванув к лестнице, девушка оглянулась и глазами искала остальных членов экспедиции,

но никого не узнала. Не было и чёрного волка.

Выбравшись наружу, они в короткой передышке переглянулись. Необходимо помочь всем остальным.

— Идём же! — прошипел барон, показывая девушке в сторону палаточного городка.

Через какое-то время они оказались в палатке Рико. Он, замешкавшись в проёме, с подозрением оглядевшись, возник возле Линды.

— Ты в порядке? — спросил он и мельком осмотрел девушку.

— Да, но что происходит? — ей нужны ответы на все вопросы, а их было тысячи.

Рико тяжело вздохнул и обессиленно опёрся бёдрами о стол.

— Раскопки в районе Ассиута, а также то, что нам удалось найти Кинополь, возбудили религиозные чувства фанатиков, последователей некой группы «Aldeb alabed», они вне закона в Египте, Интерпол признал их террористической организацией, но их приверженцы есть повсюду...

— А комитет? А тело? — спросила Линда, теряя нить реальности и последовательности.

— Комитет? Тело? — переспросил мужчина, озадаченно рассматривая девушку, сложил руки на груди.

— Те, кто выступил спонсором раскопок и на моё исследование неумирающего... — Линда осеклась, заметив, с каким недоумением смотрит на девушку барон.

— Ты здорово приложила головой, — он произнёс это как-то мрачно.

Портер провела по своему плечу и ощутила под трясущимися пальцами гладкую кожу, она судорожно склонила голову и не увидела клеймо принадлежности Аменхотепу. Она прикрыла глаза ненадолго. Неужели всё, что происходило с ней до этого, всего лишь сон, морок, игра её подсознания?

— Ну как же... комитет дал денег на подтверждение моей теории о том, что есть лекарство, способное излечить любые болезни, и даже даровать бессмертие, — горячо заговорила она, подошла к Рико и, схватив того за руки, продолжила.

Фон Бинц сжал её ладони, чуть встряхнув.

— Ты бредишь, Линда, — он осмотрел белокурую голову на предмет повреждений, — и тебе надо показаться врачу, как только мы уедем отсюда, ты должна быть в порядке, у меня на тебя большие планы, — он нашёл мобильный телефон и набрал номер, пока девушка, ошарашенная и совершенно ничего не понимающая, села на походный табурет.

Барон мерил свой шатёр огромными шагами и на время забыл о ней. Он говорил с кем-то по устройству и описывал ситуацию, попутно прося о помощи. Линда прикрыла глаза руками, пользуясь небольшой передышкой, и пыталась собрать в кучу мысли о быстрой смене декораций.

«Неужели всё? Всё неправда? Я снова в Маате, а Дуат — просто плод моего сознания в болезненном обмороке, и я снова ни с чем, тела не существовало, что я тогда расследовала?» — не нашлось ни одного ответа.

Раздалась знакомая трель телефона, и барон немного раздражённо, подхватив со своего стола телефон Линды, продолжая разговаривать, передал механизм Портер, пребывающей в дымке раздумий.

Она с лёгким удивлением воззрилась на мерцающий экран с именем бывшего мужа и, нажав на сенсор, устало и глухо ответила:

— Баррет, пожалуйста, только не в этой жизни.

В трубке подозрительно засопели и громко выкрикнули:

— Мама, мама, а ты привезла мне сувенир?

Портер встряхнуло, как землю после подрыва мины. Она вскочила и поняла, что не может ничего ответить, горло сжало судорожным нервным спазмом.

— Мама? — настороженно.

— Генри... — прошептала молодая женщина и вновь присела, — Генри, это ты?

— Ну конечно, мам, а кто ещё, ты смешная... Купила? — мальчик гнул свою линию.

— Генри...

В голове сразу возникла мешанина мыслей: она прошла какой-то неведомый ей квест, боги смилостивились и отпустили её вместе с сыном? Кто принял решение? Осирис? Но ведь она не выполнила сделку с Сетом... Да и без прощания с Анубисом отчего-то заныло сердце. Где-то на окраине сознания маячила мысль о том, что эта реальность казалась намного ярче, чем та, в Дуате. Неужели вернулась?

Последующие события воспринимались учёной почти механически, как и спасение участников экспедиции и встреча с Кэт. Всё происходящее слилось для неё в белый шум, реальным было только общение с Генри. Она заворожённо смотрела на экран ноутбука, где, что-то эмоционально мотая головой, вещал её сын — здоровый и живой. Молодая женщина ни на минуту не расставалась с ним, выслушивая все его маленькие, трогательные приключения, опомнившись только, когда самолёт приземлился в аэропорту Лутон.

Наскоро попрощавшись со всеми, Линда бегом проследовала по холлу аэропорта, глазами ища знакомые фигуры. За турникетами в ожидании стоял бывший муж и Генри. Мальчик отчаянно замахал поднятыми руками, и Портер решила не сдерживаться, громко зарыдав. Через сутолоку она ринулась к ним. Прохожие — такие же, как и она — шли ей навстречу, загораживая проход и преграждая путь, расходясь и вновь сходясь в бесконечном запутанном танго хаотичной толпы.

Она была уже близка к своим родным, как дорогу ей преградил Анубис. Мужчина древком хопеша прочертил линию за ним и схватил её за руку. Он смотрелся настолько дико среди привычных современному человеку вещей, что Линда остолбенела, решив, что это видения от пережитого совсем недавно происшествия. Смуглый голый торс блестел капельками пота, тёмный взгляд ярко-синих глаз исподлобья прожигал насквозь, а железная хватка сильных рук только усилилась.

— Что? — Линда не успела произнести вопрос и хотела оттолкнуть его.

— Внимай, Бахити, времени нет, ещё чуть-чуть и тебе не поможет даже Ра, — прохрипел тот, — то, что ты видишь, не существует, это сладкий пленительный яд ящерицы Великой пустоши Нефтиды...

— Но вот он — мой сын, — молодая женщина выглянула из-за его плеча и посмотрела на Генри, лицо того, равно как и лицо его отца, вытянулось от недоумения, но они тут же принялись вновь махать Портер, сопровождая это действие громкими криками.

— Твой сын в Дуате, — Анубис встряхнул девушку и заставил взглянуть на себя, — я не могу тебя заставить... жить, но и не могу оставить умирать, здесь ты не обретёшь желаемое.

Линда вновь сделала попытку вырваться из его стальных объятий, но он снова не дал.

— Свобода, мать его, воли, — прошипела девушка, если бы гнев мог убивать, то Анубиса бы уже тут давно не было.

— Свобода — да, но это не она, это твои иллюзии, ящерица питается ими, Бахити, — Инпу встряхнул её уже более ощутимо. — Всё то, что ты сейчас видишь, — всего лишь морок

чудовища Небетхет, которому ты разрешила заглянуть в себя, ты дала волю чувствам, оно нашло лазейку. Да, у тебя есть твоя свобода воли, только вот как ты воспользуешься ею: умрёшь, сожранная песками владений моей матери, или выживешь и продолжишь поиски? Ведь осталось всего ничего, до полей Иалу рукой подать.

Линда ощутила, как по щекам покатались горячие слёзы. Иллюзии заманчивы, они опасны своей лёгкостью, особенно для тех, кто хотел быть ими обманутым. Она вновь взглянула на Генри и Баррета, те подбежали ближе и теперь на все голоса звали её с собой, почему-то не заходя за ту линию, что очертил Бог Смерти.

Она на миг прикрыла глаза, судорожно вздохнув, а уже открыв их, безэмоционально произнесла:

— Мне нужно уладить свои дела, я не пойду с вами.

Генри и Баррет, не сговариваясь, вновь рванули к Линде, при этом злобно зашипев, их лица исказились, вытянулись и почернели. Реальность вокруг стала тёмной, лопнув, как старая киноплёнка от жара огня. Портер вновь ощутила сухой воздух владений Нефтиды. Половина её тела находилась в пасти гигантской ящерицы, той, что обманом хотела заманить в своё чрево учёную. Чудовище пыталось засосать Бахити в себя. Она подняла голову и упёрлась взглядом в глаза Анубиса, он мёртвой хваткой вцепился в её руки, так и не дав ящерице поглотить её.

— Инпу... — прошептала Линда растерянно, затем, собравшись, не отрываясь от лицезрения его лица, продолжила, — господин Запада, Великий Тёмный, спаси свою Жрицу... — она заметила, что лёгкая усмешка, как лёгкая рябь на воде, задела его чувственные губы.

Анубис почувствовал, как тело девушки поддалось, выскользнув из безобразного рта гигантского пресмыкающегося. Оно в бессильной ярости заверещало, но приблизиться к богу и его жрице не осмелилось.

— Моя... она принадлежит пескам Нефтиды... — орало оно и брызгало горячей слюной вокруг.

— Ты не имеешь власти над нами, — спокойно и твёрдо произнёс Инпу и, сомкнув запястья с легковесными золотыми браслетами на них, бесстрастно взирал на чудовище, вдруг закорчившееся и в мгновение ока разорвавшееся на два больших куска.

Линда отскочила от упавшей туши, но та успела всё же окатить её волной густой крови, досталось и Анубису.

— До полей рукой подать, там нас примут как дорогих гостей, — заверил её Инпу.

Девушка оглядела себя, с отвращением вздохнув, затем, махнув рукой в сторону ветхих ворот, скептически хмыкнув, мрачно произнесла:

— Это похоже больше на ад, чем рай.

Анубис резко повернул голову, и Линда заметила, как напряглись узлы его мышц на плечах и предплечьях, а костяшки пальцев, сжавших оружие, побелели. Он выглядел крайне удивлённым и растерянно двинулся в сторону огромных, обветшалых врат. Они прошли в пустое раскуроченное поле. Дышалось здесь намного легче, чем во владениях Небетхет. Но погибшие спелые колосья на хаотично разбросанных крупных комьях земли, как будто взрыхлённой гигантскими бородами, вселяли ужас. Тут совсем недавно что-то произошло, нечто страшное. Бог втянул ноздрями прелый воздух свежесывороченной земли и решительным шагом вернулся обратно к воротам.

— Что случилось? — обеспокоенно спросила девушка и с тревогой взглядела в

вытянувшееся, побелевшее лицо Инпу.

— Полей больше нет, — произнёс он, и, словно обезумев, рванул порыв жаркого ветра, разнеся его слова по округе эхом в замкнутом пространстве.

— Как нет? — Линда забежала вперёд него. — Что это значит?!

— Значит, что людские Ка теперь не здесь, — он мрачно взглянул на девушку, затем выкрикнул в тёмное клубящееся пространство, — мать тьмы, Небетхет!

На перепутье: поля Иалу или мир чудовищ?

Темнота соткала Нефтиду. Прозрачные ткани нескромно облепили её фигуру, а на голове у неё высилась корона в виде иероглифа с её именем. Она повисла в воздухе в нескольких сантиметрах от земли, почти касаясь её, но так и не ступив. Женщина вначале взглянула на Линду, и девушка уловила в её взгляде любопытство и жгучую ревность, затем на сына, чьё лицо искривилось гневом.

— Не ты ли призвана охранять границы миров? — спросил тот женщину. — Узри разрушения, где порядок?

Она перевела взгляд на разделённое пополам тело ящерицы.

— Жалко зверушку, — вздохнула она притворно и тут же поспешила ответить теряющему терпение сыну, — поля Иалу были в целости и сохранности до того, как ты собрал могущественных богов на суд Эннеады...

Инпу побагровел и с яростью, несвойственной ему, спросил:

— Ты намекаешь на мою вину в том, что место отдохновения праведных душ опустело и стало похожим на?.. — он вдруг осёкся и оглянулся в другую сторону, затем с неммым вопросом вновь воззрился на мать.

С той, как с лица вуаль, спала вся спесь. С тревогой она произнесла:

— Эннеада должна знать, — затем вновь обратила своё внимание на Линду, — вот что стоила Дуату одна ошибка...

Девушка судорожно вздохнула, почти физически ощутив испепеляющую неприязнь древней богини.

— Это моя жрица, — чётко произнёс Анубис, при этом ей показалось, что она услышала глухое недовольное рычание, — Бахити пришла сюда по доброй воле, чтобы предупредить богов Великой Девятки...

— Небескорыстно, — хмыкнула та, поджав губы, но во взгляде промелькнуло нечто похожее на уважение.

— Как и все решения богов — результаты сделок, а разрушение полей Иалу — это результат нашего неверия, беспечности и жадности, мы настолько привыкли к своей могущественности, что не заметили, как у нас под носом творятся беззакония, способные разрушить миры, покинув людей, решили, что мы — вечны... — парировал тот, — хватит препираться, нужно доложить Осирису.

— Предстанем же перед очами богов и расскажем об опасности, сын, — призвала к действию Нефтида.

Инпу, не посмотрев в сторону Линды, взял её за руку и потянул за собой, но встретил сопротивление. Она мотнула головой.

— Если полей Иалу нет, то где находятся Ка? — спросила учёная, её дыхание участилось, она же знала ответ, — Аमत?

Бог мёртвых кивнул и почувствовал, как тепло её ладони оставило его.

— Я иду туда, — глухо.

Хозяйка темных пространств издевательски захохотала.

— Она душевнобольная? — решила уточнить Великая Тёмная. — Ты не знаешь наверняка...

Линда взглянула в лицо Анубиса — тот, не повернувшись к матери, следующие слова всё же адресовал ей:

— Доложи остальным, Ра и Осирис уж точно решат, что делать.

— Что?! — как будто не поняв, решила уточнить богиня, она соизволила опуститься на песок.

— Ты слышала.

— Инпу, — Небетхет развернула его к себе, — никому не под силу справиться с монстрами неизведанных глубин, даже по пути в Амаг силы богов иссекают, а уж там отчаяние и безысходность царит, к тому же у тебя нет ключа.

— Сету удалось, — Анубис усмехнулся, но от последней фразы он болезненно поморщился.

— Хватит ли тебе? — скептически.

Мужчина на миг прикрыл глаза и саркастично ответил:

— Спасибо за веру в меня, матушка.

— Ты толкаешь его на смерть! Решила убить бога?! — с гневом и печалью выкрикнула Нефтида в последней попытке остановить чёрного волка.

Бахити не успела ответить.

— Боги должны смертной Душе, — произнёс он и крепче сжал ладонь девушки и, обращаясь к матери, — чем ты быстрее предупредишь Девятку, тем быстрее они придут на помощь.

Прекрасные черты лица исказились. Нефтида колебалась несколько секунд и исчезла, растворившись в воздухе так же бесследно, как и появилась.

— Это правда? — спросила Портер, когда Инпу двинулся в противоположную сторону от врат в несуществующие нынче поля Иалу.

Он остановился и, повернувшись к ней, ответил:

— Нам нельзя ждать, если людские души не на полях Иалу, вероятнее всего, они затеряны в пустыне по пути в Амаг, я чувю, что мы должны быть там, — только и ответил бог мёртвых.

Он дождался, пока Бахити поравняется с ним. Пара двинулась вперёд, всё сильнее погружаясь в пространство, окружившее их фигуры кроваво-оранжевым маревом.

Дуат. Сообщение для богов.

Нефтида как вихрь ворвалась в пустой зал присутствия Великой Эннеады. То, что она собиралась сделать, а именно призвать богов в неурочный час, отвлечь их от созерцания своего величия, было немыслимо.

— Боги, услышьте мой зов, — выкрикнула она, — соберитесь здесь и сейчас...

Ответом ей послужил шорох ткани, туда женщина и повернула голову.

— Что случилось? — спросил вкрадчивый голос из тени прохладного помещения.

Небетхет вздрогнула и быстрым взглядом пробежалась по резьбе высоких престолов,

молчаливым рядом смотрящих на неё. Один был занят.

— Отозвался лишь один ты... Вот бы не подумала, — с усмешкой проговорила женщина.

— Богам не до призыва опорочившей себя богини, — тень насмешливо склонила голову, оставаясь на границе недоступности проявления черт лица.

— Не тебе меня судить... у самого лик по самые уши в нечистотах, — парировала та, резко выпрямив спину и гордо подняв голову. — Я бы хотела доложить всей Девятке о разрушении полей Иалу.

— Разве богам есть дело до всего, что не касается их маленького бытия в Дуате? Ра, старик, совсем сдаёт, и никто не может понять, что этому миру нужно новое солнце, — вкрадчиво продолжил тот. — Дуат рушится, что ещё нужно богам, чтобы они задумались о смене власти?

Небетхет осуждающе взглянула на тёмный трон.

— Не твоего это ума дело, — хмыкнула она.

— Не ты ли помогала мне? А ведь тебе все доверяли, любили тебя, — бог говорил выверенно, точно, словно знал, что каждое его слово попадёт в цель.

И оно попало. Богиня побледнела и распахнула и без того огромные с чёрными зрачками глаза, густо подведённые чёрной краской.

— Я не перестану сожалеть о случившемся, до конца моей вечности щёки мои будут пылать от стыда, я не хотела обманывать тебя, — женщина сжала ткань платья, но вдруг, словно бы о чём-то догадавшись, вновь взгляделась в полутень на троне Осириса, на видимой части бедра блеснул Анх жизни.

— Что? — мужчина расхохотался. — Только сейчас поняла?

— Так это твоих рук дело! Всё, что сейчас происходит, это сделал ты! Анх жизни у тебя есть, тебе нужен ключ Анубиса, — она поражённо смотрела на того, кто громадной фигурой возвышался над ней. — Что ты хочешь? Воссесть на трон Ра? Разве тебе мало власти? — затем насмешливо: — Унесёшь ли?

Нефтида уже хотела было выкрикнуть призыв вновь, как тот, кто только что разговаривал с ней на значительном расстоянии, молниеносно приблизился к ней сзади так, что женщина охнула, не успев среагировать и пожелав отскочить, ощутила глухой удар по затылку, мигом отключившись.

По пути в Агат. Пустыня мира Дуат.

Линия горизонта утягивала за собой уставшее дряхлое красное солнце, не оставляя паре и малейшего шанса на спасение. Медлить было нельзя. Анубис выпрямился и напрягся, привычным покровительственным жестом завёл Линду за спину. Вцепившись в его предплечье холодными от утраченной неизвестности пальцами, учёная ощутила на его коже мурашки, словно бы несуществующая в человеческом облике шерсть вздыбилась на нём. Он чувствовал беду. Хлоп в другой его ладони зазвенел от предвкушения. Оружие в его руках обрело свой голос: стальные ноты, затаённая ярость, точность, с которой будет поражён враг, позволение приблизиться, чтобы войти в интимное пространство друг друга с одной лишь целью... убить. И песок вокруг них ожил, закружившись мелкими воронками возле их ног. Линда прижалась к спине мужчины, отпустив его руку, с интересом и опаской покрутила головой, разглядывая природное явление.

Бог развёл руки в стороны и поднял голову к небу, прямо к наметившейся на нём сквозь пелену сизого дыма луне. Воронки из песка, не переставая кружиться, отодвинулись в сторону, и теперь пара была как будто в эпицентре небольших по величине ураганов. Инпу сорвался с места и начал ходить по спирали, всё больше раскручивая её траекторию, на границе песочных вихрей, освобождая для себя и Бахити обширную территорию.

Девушка не могла отвести взгляд от бесшумного лёгкого танца Инпу, больше схожего с шаманскими практиками, с камланием, с увещанием стихий, чем с безусловным повелением божественного существа. Древко его оружия очертило круг по границам песчаной вьюги, и та мгновенно стихла, жалобно скрипнув зубами в бессильной злобе. Он выпрямил торс и взглянул в сторону тонкой полоски света, которая грозила исчезнуть в любую минуту. Анубис тяжело дышал.

— Что ты сделал? — с любопытством спросила учёная.

— И природу можно заморозить, даже такую капризную... Продержимся до утра, — ответил бог хрипло, чуть улыбнувшись, и отёр пот со лба.

И только сейчас Линда поняла, что не было той лёгкости, с которой мужчина чертил круг, он и впрямь говорил со стихией, успокаивая её, словно агрессивную змею, на которую нечаянно наступил незадачливый путник. Ещё несколько мгновений, и он буквально из ничего разжёл огонь, тускло осветивший их полянку. Солнце мира мёртвых окончательно село за горизонт.

— В этом круге нам ничего не грозит, но всё равно мы уязвимы, — короткий взгляд, брошенный на огонь и вновь на девушку, — если удастся пережить эту ночь, мы найдём Агат, а там... — он внимательно следил за тем, как преобразалось лицо Линды, приободряясь. — Но сначала нам нужна вода, — он помрачнел, заметив, как её сухие губы прошамкали бесшумное согласие, — как и в каждой пустыне, в этой тоже есть оазис, мы должны добраться до него.

Линда кивнула. Злость на него давно пропала. Обида на Инпу вначале дала неведомую ей силу, потом же она улетучилась вместе с решительностью, и на её место пришёл ужас. Сету удалось застать её в самый уязвимый момент и, заманив в свои сети, заключить с ним сделку. А если бы Анубис не пришёл? И должна ли Бахити поведать ему о сделке с богом войны?

— Что за источник? — девушка решила повременить с признанием.

Он вытолкнул воздух из себя через чуть приоткрытые губы, уперев руки в бока, медленно произнёс, кинув на девушку взгляд исподлобья:

— Нам не пересечь пустыню, отделяющую мир праведных и грешников, если мы не найдём его, когда мой... — он чуть смешался, дальше продолжил, уже не глядя на Линду, — Сет получил смертельные ранения, когда победил Апопа и загнал Агат обратно в свои владения, он излечился именно в нём, неизвестно, какие ещё в себе таит свойства эта вода, да и передышка в пути не помешает, — Инпу предвосхитил вопрос, застывший в её глазах, — тебе будет нужен отдых.

— Ночь ведь не будет длинной? — проговорила она, садясь на песок, ощущая обжигающую пустоту под собой, как будто этого места не существовало.

— Тебе решать, — пространно ответил тот и присел рядом, — а вообще лучше набраться сил.

— Я буду бодрствовать, — она уверенно отклонила предложение Инпу отдохнуть, — а ты поспи, я разбужу, если что.

Анубис изумлённо воззрился на девушку.

— Я не смыкал глаз... — задумчиво произнёс он, как будто что-то вспоминая, — с тех пор, как помню себя, — он улыбнулся одними кончиками губ, невольно улыбнулась и Линда.

— Привилегия богов? — спросила учёная, даже не сомневаясь в ответе.

— Боги спят, люди умирают ежесекундно, — ответил он серьёзно, потеряв подбородок о плечо, смахнул с переплетённых венами предплечья мошку.

Молодая женщина свела брови к переносице и с сомнением спросила:

— То есть пока ты здесь, люди не умирают?!

Он с недоумением посмотрел на Бахити, до которой только сейчас начал доходить смысл его недавней фразы.

— Или ты... то есть ты везде? — её лицо вытянулось от изумления, и выдохнула, когда он кивнул. — Теперь я точно не сомкну глаз, — упрямо повторила Линда, устало глядя в огонь.

Память вернула её к недавним событиям, произошедшим на суде. Мог ли быть Амон-Ра кем-то из самой Эннеады? Осирис, владевший Анхом жизни, а значит, имевший ключ от мира Маат, мог ли он нарушить завет? Но зачем ему власть Неберджера, если он и так Царь богов? А может, это жажда власти над Триединым миром? А что люди? Зачем ему поддержка людей? Нагих, смертных? И для чего приносить людям знание о бессмертии? Глобальные мысли роились в голове у Линды, так и не дав успокоиться. Она и не заметила, как внимательно рассматривал её Инпу.

— Ты думаешь сейчас о том, что может разрушить миры, а надо о том, чем может закончиться для нас эта ночь, — подсказал он ей с ласковой улыбкой, разговаривая, словно с дитятей.

Она пожала плечами.

— Это важно, — было произнесла Линда и внезапно поняла, что он имеет в виду.

Бахити прочертила взглядом небо, пытаясь найти знакомые созвездия в чужой воздушной выси, прежде чем начать разговор о действительно насущном. Для него.

— Хочешь поговорить о... том, что произошло на суде? — она аккуратно притронулась к его блестящей смуглой коже, боясь, словно ждала, что он оттолкнёт её.

Инпу судорожно вздохнул и бодро мотнул головой.

— Может быть, когда-нибудь, — что прозвучало как «никогда», слишком больно, будет больно всегда, ведь у богов одновременно всё время мира, а значит, и воспоминания, и чувства не притупляются и нет конца страданиям.

Линда замолкла, поддаваясь его молчаливому настроению. Их время вместе катастрофически быстро истаявало. Хаос прагматичен, думая о равновесии всего во всём, он плевать хотел на переживания тех, о ком печётся.

Мысли крутились вокруг судилища, своего опрометчивого поступка и спасительного соседства бога мёртвых Инпу. Она исподтишка рассматривала его прямой точёный профиль. Огонь явно его завораживал, успокаивая, отражаясь в его синих глазах почти потусторонними бликами. Он словно был не здесь. Возможно, вспоминал что-то из далёкого детства. Надетый им на судилище чёрный парик сейчас отсутствовал, обнажив короткостриженую голову, что Линда расценила как дань традициям Та-Кемет, где жара и насекомые были бичами человека.

— Зачем ты пошёл за мной? — спросила она наконец-то, о чём хотела с тех пор, как

распахнула глаза в пустыне Нефтиды и увидела того в тонком свете, излучаемом его телом. — Ты слышал мои молитвы? — последнее она произнесла сбивающимся от волнения шёпотом.

— Я трижды появлялся в твоём мире и в твоё время, трижды Хаос сталкивал меня с тобой, пока я окончательно не понял, что ты ответ на мои мольбы Ему. Я пошёл за тобой, как ты — за сыном, — ответил Инпу и посмотрел на Бахити пронизывающим взглядом, от которого у неё с плеч словно спало бремя непосильного груза.

Из глаз девушки хлынули слёзы, которые бесшумно скатывались по щекам на её испачканные ладони. Она пошла за Генри, потому что у него никого не было, равно как и у неё. Как не было никого и у Инпу. Никого по-настоящему близкого.

Анубис поддел её подбородок длинными узловатыми пальцами и приблизил своё лицо к её, внимательно рассматривая влагу на нём. Оба вспомнили поцелуй за дверями зала суда Великой Девятки, сомнения Инпу и обиду Бахити. Короткий миг их встречи омрачался всё сильнее и сокращался всё быстрее.

— Ты плачешь, потому что... не рада меня видеть? — внутри как будто взорвалась тысяча звёзд, накалив нервы в ожидании ответа, в ожидании горечи отвержения.

Вместо слов она придвинулась к нему, не глядя в глаза и, не встретив сопротивления, уткнулась лицом в плечо, почувствовав, что Анубис перевёл дыхание. Когда он обнял её, она вдохнула и вобрала в себя его запах. Древесный, табачный, с тонким амбре, закрытый, с прозрачным, едва уловимым шлейфом. Он был точно таким же, как его обладатель.

Перед закрытыми глазами возник образ длинноволосого Инпу с маской пустынного волка на лице, пляшущего вокруг благовонного кострища. Многочисленные боги вокруг склонили головы и оплакивали день, когда ушли из Та-Кемет. Слова были не нужны.

Инпу запел хриплым мелодичным голосом о том, что даже у всемогущих никогда не было власти над волей людей. Портер задремала, согреваемая его объятиями и убаюкивающим пением, под мерное потрескивание огня.

Уже потом, вспоминая и прокручивая в памяти последующие события, так и не смогла понять, что именно её разбудило. Но то, что вовремя, так это совершенно точно. Линда непонимающе огляделась вокруг себя, ощутив под своим телом, свернувшимся калачиком, холодный ночной песок потусторонней пустыни.

Сон Инпу. Воспоминание о грядущем?

Линда дремала, иногда выныривая из сна на короткий период времени, и каждый раз успокаивалась, когда видела сидящего с прямой спиной у костра мужчину. Но в очередной отрезок «сон-бодрствование» его тёмная жилистая фигура исчезла из поля её зрения, и молодая женщина, мигом проснувшись, вскочила на ноги. Оглядевшись в поисках Инпу, она заметила того балансирующим возле границы, самым же им и установленной. Мужчина странно покачивался, словно был живым маятником и следовал какому-то своему неизвестно кем установленному ритму.

Портер аккуратно подошла сзади и обогнула его, стараясь не наступать на границы поля, где они, по словам бога мёртвых, оставались в относительной безопасности. Глаза древнего бога были сомкнуты, на лбу билась сильнейшим напряжением жилка, пот проступил крупными каплями, помимо раскачивания в стороны, Инпу была дрожь. Он явно не мог себя контролировать, находясь не здесь.

Линда не знала, что ей сделать, и тихо, с отчаянием в голосе позвала его по имени. Бог замер, а за очерченным им кругом нечто взвыло. Девушка побледнела и ощутила на своём предплечье мёртвую хватку мужчины. Она взглянула в его лицо, Инпу смотрел на неё мутным, невидящим взглядом, будто он был не здесь, а следом за ним и Портер, задрожав, провалилась в бушующую песчаной бурей пустыню. Теперь пришла её очередь вцепиться в руку бога. Вокруг них бесновалась стихия, и не думающая завершаться, разыгрываясь всё интенсивнее. Песок так и норовил забиться им в глаза.

— Инпу, — закричала что есть силы и встряхнула того за предплечье.

— Нет места человеку здесь, — хрипло выкрикнул он, и девушка почувствовала, как её ног коснулась влага.

Она опустила голову и ужаснулась, их ноги по щиколотку погрузились в тёплую бурлящую красную субстанцию.

— Нет места ему и тут, — вновь проговорил Анубис, и пространство вокруг освятила огромная кровавая Луна.

— Это кровь, — с ужасом в голосе проговорила Линда, — где мы? — выкрикнула она и вновь предприняла попытку вывести мужчину из транса.

— Нет места человеку нигде, — также обречённо.

— Что ты такое говоришь? — кровь продолжала прибывать.

— Боги велели собрать жатву, — в голосе проскользнуло сожаление, вибрация его тела передалась и ей, хопеш в другой его руке жаждал крови ещё.

— Инпу, — Линда крикнула что есть силы, — крови уже по колено, что ещё нужно богам?

Она не думала, что бог услышит её, а тем более заговорит с ней. Девушка вздрогнула, когда услышала негромкое, хрипкое, вынужденное оханье и острый пронзительный взгляд внимательных глаз.

— Инпу! — выкрикнула Линда с отчаянием и закрыла уши руками, испугавшись, что звук мощно отразился от небесного свода, вернувшись к ней троекратно, вокруг неё кровь забурлила, раздавшись в стороны, откатываясь, вновь явив пески.

Девушка растерянно озиралась вокруг, не зная, где она, что делать и куда идти дальше. Она оглянулась по сторонам. Полная кровавая Луна, осветившая пространство, бросала причудливые тени на песок. Песчаные барханы ожили, зашевелившись, восстав исполинскими фигурами, двинулись к ним. Линда пыталась растормошить бога, но тот вновь не обращал на неё никакого внимания.

Фигуры, остановившись возле Анубиса, пророкотали, показав на разные части света, каждый в свою сторону:

— Господин Запада, ты выполнил волю богов, собрал хороший урожай, пора уходить.

На лице бога мёртвых отразилась внутренняя мука.

— Они повинны лишь в том, что умны и быстро учатся, — его голос был глух, в мгновение ока он стал таким же высоким, как те, что были господами Востока, Севера и Юга, Инпу склонил голову вниз и показал огромным пальцем на Линду, — а она?

— Она та, что была подле тебя, тебе решать, что делать с ней, — ответил тот, кто показывал на Юг.

— Я помню её и не помню одновременно, — растерянно произнёс Анубис, обдумывая дальнейшую судьбу девушки, затем, присев на корточки, склонил голову набок.

— Бахити, — прошептала она и увидела в его огромных глазах белое поле снега и

бегущих по нему в радостном порыве двух волков, отличающихся только по цвету шерсти.

Молодая женщина поняла, что тот весь был в своих снах, воспоминаниях, пророчествах. Время перемешалось, над ними были чужие звёзды, чужое небо, под ногами — чужая земля, но она верила в то, что они были друг другу не чужими, пусть и ненадолго.

— Проси — исполню, — наконец-то произнёс господин Запада.

Линда растерялась настолько, что все более-менее связные мысли выскочили из головы. Пожелать мир во всём мире? Вечные блага для всех ныне живущих? Нужно было что-то срочно сказать, попросить у грезящего наяву или во сне бога мёртвых, и Портер выкрикнула:

— Найди оазис среди пустыни по пути в Аамат, — совершенно ничего не ожидая.

Та, которую в Та-Кемет нарекли благословенной, почувствовала, что её ног коснулась шерсть. Пустынный чёрный волк, взметнув морду к луне, протяжно и тоскливо завыл. Он метнулся вперёд, затем, остановившись, оглянулся на девушку, вновь метнулся к ней, путаясь в ногах, гибким мощным туловищем толкая её вперёд, отбежав на приличное расстояние. Портер двинулась вслед ему. Ноги вязли в песке. Она то отставала, то вновь нагоняла волка. Пока не остановилась возле него, замершего в ожидании.

На песчаном бархане, освещённом кровавым светом Луны, возвышалось кривое низкорослое сухое деревце. Линда с благодарностью прикоснулась к жёсткой шерсти и ощутила боль такой силы, что пару тряхануло, как и реальность перед ними. Они очутились на прежнем месте, буквально в дюйме от черты. Не осталось и следов этого морока на их одежде или теле.

— Бахити, — прошептал мужчина и покачнулся, — что случилось?

Линда поддержала его, подставив плечо, она улыбалась. Анубис смотрел с неммым вопросом.

— Я знаю, где в пустыне вода, — сообщали та радостную весть.

Оазис среди пустыни в преддверии Аамат. Источник вдохновения.

Анубис и Линда остановились возле тенистого, на все звонкие трели и голоса воспевающего оду жизни, журчащего прохладной водой, раскинувшегося посреди знойной пустыни оазиса. Мужчина уже ступил на благодатную чёрную землю, а девушка обернулась, обозрев ещё раз мёртвое пространство, которое им удалось пройти, они преодолели немислимое.

— Бахити, — тихо позвал её Инпу, но тем не менее она вздрогнула, решительно последовав за ним вглубь чудесного кусочка пространства.

Высокие деревья шумели прохладным ветром, мигом вернув им силы. Птицы пели на все лады, приятно лаская слух. И после столь долгого времени напряжения, Линда с облегчением вздохнула. Они углублялись внутрь оазиса, который на проверку оказался намного больше, чем при первом взгляде на него. Вдоль тропы бежал небольшой ручей, а невдалеке раскатисто шумел водопад.

— Кебхут*, — нараспев произнёс он, любуясь течением прозрачной жидкости.

— Это тот источник? — спросила девушка, подумав о том, что у неё нет подходящей тары, но отчего-то это не особо тревожило, она поняла, что беззаботно улыбается.

— Нагостила уже? Нет, это не он, — усмехнулся Инпу, смутив Линду, вмиг ставшую серьёзной, — отдохнём, и вновь в путь.

Прежде чем ответить, молодая женщина задумалась, не осознав, что при этом

сосредоточенно смотрит в лицо бога, остановившегося и тоже взирающего на неё. Внезапно её посетила мысль, что спешка здесь ни к чему, что она так много узнала о Дуате, что так много чувствует и что могла бы дать ещё больше этому миру, что могла бы утонуть в глазах стройного бога, что стоял перед ней, что могла бы здесь...

— Жить... — неожиданно произнёс Анубис.

— Что? — Линда чуть смешалась.

— Здесь вполне можно было бы жить, — разъяснил тот свои слова, а девушка едва заметно вздохнула: вначале ей показалось, что Инпу смог прочесть её мысли, а это место, похоже, навевало одинаковые эмоции.

Живот девушки завыл от голода, как заправский волк в полнолуние, в самый неподходящий момент, и мужчина, усмехнувшись, проговорил:

— Боги не ведают, что хотят люди... Я скоро. Добуду тебе еду, — пообещал тот и исчез в густых зарослях.

Линда с благодарностью проводила его взглядом и тут же с опаской огляделась. Она взглянула на свою одежду, руки и ноги, перепачканные в крови. Женщина скоро добежала до водопада, который острыми водяными пиками врезался в небольшое озеро, воды которого были настолько прозрачны, что Линда осмелилась, набрав пригоршню, жадно сделать один глоток. Она оторвалась от естественного напитка, громко дыша, и взглянула на небо, такое же чистое, как воды внизу. Так странно ощущать себя счастливой после почти пройденного пути, ведущего её к цели. Почти счастливой. Ликование будет полным, как только она обнимет своего мальчика.

Прямо в лёгкой, не сковывающей движения одежде Портер медленно вошла в прохладную воду и так же не спеша, откинувшись на спину, поплыла вперёд, почти вплотную подобравшись к водопаду неопишуемой красоты. Капли разбрызгивались повсюду, образуя радужную пену и в озере, и в воздухе.

— Рай, — прошептала Линда, пару раз нырнув, а затем поплыла обратно, заметив Инпу, тщательно моющего руки в озере, невдалеке на плотном тёмно-зелёном листе виднелись две крупные рыбыны.

Линда не торопясь вышла из водоёма, с изумлением заметив, что мужчина не отвёл взгляд, наоборот прошёлся по её фигуре тяжело, по-плотски, и женщина знала, что сама дала ему право так смотреть на неё. Не хотела? Отнюдь. Он поднялся с корточек, когда она поравнялась с ним, и оттер с её лба грязь вперемешку с кровью. Портер почувствовала в этом ненавязчивом и простом жесте заботы нечто большее и сильнее задышала от волнения и желания, которое она вновь испытала при его близости, волнуящей её. Инпу прошёлся пальцем по щеке девушки и спустился к губам, проведя по ним, чуть приоткрывая. Он и сам был спокоен, грудь тяжело вздымалась, а Линда замерла. Его ладонь спустилась к шее, пальцы пробежались по ярёмной впадине вниз, к напрягшейся, мигом налившейся полной груди с мелкими горошинками острых, как стекло, сосков. Крепкие мужские ладони собственнически сжали полукружия.

— Я хочу лечь с тобой, — хрипло проговорил тот, внимательно заглядывая ей в глаза, а поймав там ответ, улыбнулся кончиками губ.

Трепещущими руками она коснулась его горячих предплечий, вверх по плечам, ощутив под подушечками пальцев движение мышц, и плотнее прижалась к нему. Она была точно уверена, что до этого колеблющийся не в себе, но в её желании бог теперь уже не сомневался, что их вождение обоудно.

— Ты должна видеть красоту, подобную тебе, — сипло протянул Инпу и взял её на руки.

Он нёс её, не спеша ступая по едва заметной тропе, которую сам и проложил в девственном лесу, где давным-давно не ступала нога бога, а смертным туда и вовсе была закрыта дорога. Их окружили, словно стеной, высокие деревья, сквозь листву которых, красиво преломляясь, падали лучи солнца, поляна с густой невысокой травой как будто подсвечена изнутри.

Он отпустил её только на середине. Ноги коснулись шёлкового ковра травы и синих, как небо и глаза Анубиса, цветов.

— Что ты не хочешь, чтобы я делал или говорил? — спросил Инпу, притянув её, податливую и мягкую, к себе.

Не задумываясь, Линда произнесла:

— Слов, что ты дарил другим.

Она первая потянулась к нему, осторожно коснувшись губами его чувственных губ. Инпу повторил её движение, носом тронув её, почуяв чарующий аромат её свежей после плавания кожи. Тысячи неразличимых человеческому обонянию оттенков и нюансов, сплетающихся в единый узор запаха, раз и навсегда запечатлевшийся в его памяти. Бахити пахла как лето перед грозой, как зима перед снежной бурей, как мгновение до беды, скорость перед преградой. Неплохое, другая нота, как разрешение давно тянущейся болезни, как остановка в конце дальнего пути, как встреча тех, кто скучал в разлуке.

Его губы с жадностью накрыли её. Ещё и ещё. Терзая нежность, раздвигая алое, врываясь в сочность, играя с языком, спускаясь вниз по стройной шее, трепеща оттого, что она подавалась и откликалась на каждое его движение и действие, чувствуя, как она крупно дрожала и бежала нежными руками по спине вниз, сжимая ягодицы.

Намокшая от воды одежда мешала, и они поспешили освободиться от неё, с жадностью скользя по друг другу взглядами, стараясь впитать как можно больше. Его выбор. Её выбор. Совпало. Он отпустит её, как только исполнит обещание, а она уйдёт, как только получит искомое. Было горько это осознавать, но дети разных миров, времени и воплощений не строили планов. Оба ловили миг, в котором стали самыми счастливыми во всех трёх измерениях. Нет недомолвок и условностей. Нет игры, кокетства и притворства. До предела обнажённые переживания. Они были свободны в своих чувствах друг к другу и просто находились рядом, ощущая другого точно так же, как и себя. Инпу отпустит свою жрицу, как бы горько ему ни было при этом, а она уйдёт, как бы больно потом ни стало. Жизнь каждого при этом продолжится, но вот только можно ли это назвать жизнью? Ни она, простая смертная, ни он не знали ответа на этот вопрос. Платье и схенти упали рядом.

Обнажённой кожей касались друг друга, целуясь до головокружения, до лёгких вскриков, упав в мягкую траву. Она ощутила волну хлынувших мурашек под подушечками пальцев и улыбнулась, чувствуя, как в бёдра уткнулась напряжённая плоть Инпу. В его крепких объятиях девушка выгнулась, сплетя возле шеи руки, притягивая мужчину к себе всё ближе. Тихие стоны, срывавшиеся с полуоткрытых губ, ласкали каждый оголённый нерв. И поцелуи обрушивались лавиной на разгорячённую их единением, подсвеченную рассеянным светом солнца, льющим сквозь плотную листву деревьев, мягкую тёплую кожу смертной. Захлёбываясь от нетерпения, словно только они могли дать друг другу кислород, необходимый, чтобы дышать.

Обоим показалось, что они грезят. Они одновременно сжали друг друга в объятиях

сильнее, а поняв, о чём подумали, почти синхронно улыбнулись в поцелуй. Боялись потерять. Может быть, и здесь был обман, морок, сон?

Линда выгнулась от поцелуя в ложбинку между грудей, от охваченных губами розовых ареол, вся трепещущая от наслаждения, от нетерпения, от того, что сгорала сейчас, как никогда до этого. Инпу утробно заурчал, когда заметил, что она приподнялась на пятках, призывно поведя распахнутыми для него бёдрами. Чуть усмехнувшись, мутным взглядом мужчина обвёл жаждущее его тело, молясь про себя Хаосу, чтобы они оба потеряли память и остались здесь навсегда. Он бы охотился и приносил к её стройным, длинным ногам с тонкими изящными щиколотками рыбу или животных, а она бы... она бы растила его детей. Эта мысль потрянула бога мёртвых сильнее, чем известие о том, кто является его настоящим отцом.

Он остановился и присмотрелся к ней, исходившейся сейчас в истоме, со взглядом, просящим большего — его всего. Но ей неизвестно, что он может дать ей не только сиюминутную близость, он отдаст её самого себя, ничего не требуя взамен, без сделок, без клятв. Но и ему было невдомёк понять, что Бахити его. В белокурой голове теснилась мысль бьющая, как горячий источник в сознание, наотмашь, которую хотелось проорать: «Твоя!» Там, в прежней жизни, такой страсти не было места, его заполнили вежливое общение, внутренние установки, общественные нормы, ты там занят лишь собой, там не было возможности окунуться с головой в любовь. Да и знала ли она когда-нибудь, что такое любовь?

Безумие порыва, вновь смятые онемевшие от взаимного напора губы, руки, жадно и хаотично движущиеся по телам. Их взгляды встретились, для того чтобы затеряться в лабиринтах мыслей.

Моя возлюбленная?

Не меня ли он искал среди песчаной бури, сам потерянный, на барельефе в доме Бинцев?

Плавный упругий рывок в мягкое влажное тело до упора, вскриком — ответ. Хотелось выкрикнуть «моя», но имел ли право, даже если признала, что его жрица? Хотелось прошептать «твоя», но могла ли, зная, что покинет его, как только свершится сделка?

Движения тел в унисон друг другу, сначала более робкие, затем с увеличивающимся напором. Нежные узкие ладони заскользили по взмокшей спине, впитывая в себя дрожь его наслаждения, задав ритм, ласково сжав узлы мышц, ногти несильно впились в кожу, руки обняли. Нежное стройное тело, дрогнув, выгнулось навстречу теперь уже более частым, более смелым движениям его ягодич. Их взгляды растворились друг в друге, помутнев от страсти, вскрики раздавались чаще и громче. Их никто не услышит здесь: ни Маат, ни Дуат. Пусть хоть сам Хаос разверзнет перед ними бездну.

Линда приподнялась и, захватив его лицо в кокон нежных пальцев, вжалась лбом в его лоб, не отрывая взгляда, захватывая его в свою неволю. И без того пленённый, но готовый раз за разом сдаваться.

Если скажу, будет знать, покинет ли тогда Дуат?

Если скажу, что готова быть его, отпустит ли?

Перекат, и Бахити, очутившись на поджарых смуглых бёдрах, двинулась в удобном для себя ритме, теперь уже его изводя то медлительностью, то поспешностью. Бархатистая мягкая кожа мгновенно покрылась испариной и теперь блестела, почти ослепляя, солнце выбелило и без того светлые волосы женщины, глаза она прикрыла, только по выражению лица можно было понять, что она испытывает сильное наслаждение, не хватало лишь

воздуха, чтобы крикнуть. Движение по груди, сама сжала соски, распахнув глаза и поймав его руки, потянувшиеся к её стройному стану, поймала пальцами запястья, направив их вниз к чувствительной точке, набрав скорость, сводящую его с ума, вынуждая его двигаться в заданном ею темпе.

Бахити склонилась к Инпу и поцеловала, сильно, переплетя языки в бешеной первобытной пляске Хаоса при создании мира. Теперь пришла его очередь простонать от чувственного удовольствия, от того, как остро он ощущал её, как сильно желал, до близости не осознавая насколько.

Новый фонтан стонов и ударов соединяющихся на немыслимом пределе тел оглушили окрестности. Обняв, он сдавил руками талию до побелевшей под его пальцами кожи, вбиваясь в узость тела настолько глубоко, насколько это было возможно, видя, что она уже на пределе, предвосхищая её сладкую истому, мечтая раствориться в её оргазме своим, достичь пика одновременно.

Линда вскрикнула ему в шею, потерявшись на короткий миг в обоюдном остром наслаждении, до ярких цветных кругов внутреннего зрения сильно сомкнутых глаз, а судорога прокатившегося по телу экстаза увлекла следом и Инпу, выплеснувшегося горячим семенем в податливое нутро. Бахити рухнула рядом, мигом ощутив прохладу этого места, пытаясь успокоить дыхание, где-то в голове гулко отдавалось движение крови, оставившей мощный заряд эндорфинов.

Анубис притянул к себе женщину и поцеловал в приоткрытые губы, она уткнулась в его плечо и наслаждалась тем, как он ласково очерчивал каждый изгиб её тела.

— Я видела тебя, когда кружила в автомобиле по дороге, и в кустах у дома, и возле фонарного столба, — прошептала она в его кожу, дополнительно разогнав мурашки по его телу.

Инпу поцеловал её в макушку и про себя усмехнулся: Хаос приберёт для него randevu с Бахити на будущее — одну из трёх, ту, которая пока не состоялась, для него. Под грудиной заныло — сильно, сжал её так, что вскрикнула, но всё же не оттолкнула, плотнее уткнувшись в него. Что бы он ответил ей? Что следующая её встреча с ним состоится тогда, когда Анубис будет исполнять свою роль на Справедливом Суде, не помня лиц и имён? И каждому воздастся по заслугам, и он даже не будет знать, какой приговор вынесет в будущем своей Бахити...

— Я нашёл источник, нужный нам, когда охотился на рыб, — ответил тот.

Линда помрачнела, так же как и он. Но ведь она хотела его найти и двинуться дальше, почему же сейчас ей хочется растянуть время пребывания здесь настолько долго, насколько это вообще возможно, испытав при этом чувство вины, что ей как можно скорее следовало бы найти сына? За этими мыслями заворчал голодный желудок. Она подняла на него смущённый взгляд и улыбнулась, следом рассмеялся и невесомо поцеловал её.

— Я тебя так и не накормил, — немного виновато произнёс Инпу и взглянул на Бахити, не торопящуюся подниматься, и снова в глазах вспыхнул алчный плотский интерес.

— Потом, но ужин должен быть умопомрачителен, — женщина, потянувшись к нему, вновь увлекла того в поцелуй и в кокон разомкнутых бёдер, чтобы сгореть и возродиться в его объятиях.

Намного позже они, отдохнувшие, сходили к источнику, набрав воды в небольшую фляжку, хранимую Анубисом у своего пояса. Их одежда сохла, насколько это было возможно, в затухающем свете вечернего солнца. Она, обнажённая и не чувствовавшая ни

усталости, ни стыда, сидела возле костра, который бог развёл каким-то только ему одному известным способом, и наблюдала за тем, как тот, лихо выпотрошив горькие внутренности, вложив туда ароматные травы, смазал тушки глиной и положил в затухающие, но всё ещё жаркие угли костра.

— Ловко ты, — произнесла Линда, восхищённо.

Он улыбнулся и остановил на ней свой взгляд.

— Вы, люди, странные существа, сами не понимаете, что можете научить и дать не меньше, чем боги, самим себе и тому, кто рядом.

— Вы, боги, странные существа, раните порой сами себя.

Анубис погасил улыбку, а Линда готова была съесть свой язык.

— Инпу, я... я не хотела, — оговорила девушка.

— Нет, всё верно, — он вздохнул, — я хочу говорить с тобой о моём рождении...

— Если тяжело...

— Я хочу, Бахити, — Анубис произнёс это безапелляционным тоном.

Повисла пауза, в которой трещал костёр, а вокруг разливался умопомрачительный запах почти готовой рыбы.

— Мать вернулась затем, вернулась, когда я был ещё младенцем, но я не помню её тёплых объятий, как и доброго подбадривания моего отца, — глаза заслезились, и он поднял голову к небу, а Линда подумала, что он никому так не открывался, и кожу накрыло бесчисленными мурашками, — но я видел, как любят Гора, как ласкает его Исида, как им дорожит Осирис, — Инпу взглянул на Линду, — я тогда хотел этого всего для себя, я завидовал брату...

— Возможно, сейчас Осирис захочет восполнить эту пропасть между вами, — прошептала девушка, прикасаясь к его плечу, заметив, что тому хочется ласки.

Анубис мрачно хмыкнул.

— Я — живое напоминание греха Осириса, пусть и случайного, я — живое воплощение стыда Нефтиды, я — горячая ненависть Сета к брату и жене, я — выброшенный матерью ребёнок, и, если бы не милость всепрощающей Исиды, кто знает, говорил бы я сейчас с тобой тут, — его до этого суровый взгляд вдруг стал мягким, Линда подбадривающе улыбнулась.

— Ты тот, кто ты есть сейчас, неважно, что было до, ты не стал жестоким, как твой названный отец, и тебе нечего стыдиться за других, твоя миссия... — она подбирала слова.

— Ты больше не воюешь со смертью? — спросил он насмешливо, но во взгляде читалась мольба.

Линда медленно качнула головой из стороны в сторону.

— Нет, ведь она отдаст то, что забрала, — и лукаво улыбнулась, не заметив, как по лицу того промчалась лёгкая тень, затем бегло, как бы невзначай спросила, когда Инпу встал, чтобы снять рыбу с огня, раскладывая её по плотным, огромным, тёмно-зелёным листьям, напомнившим тарелки: — А ты и вправду потеряешь силу бога при приближении к Аамат? — она вспомнила, как он, не напрягаясь, только лишь сомкнув запястья, убил монстра.

Инпу ответил не сразу, придвинув к ней её лист со снадью, затем поднял мигом потемневший взгляд на девушку.

— Небэтхет беспокоится зря, пусть тебя это знание не тревожит, я неплохо управляюсь с оружием, — ответил он пространно.

Пара поела почти в тишине, каждый — отягощённый своими мыслями и тем, что

скрыли друг от друга, не осмелившись произнести, понимая, что разочаруют. Линда с жадностью, хватая ароматные кусочки, поглощала пищу, приготовленную божественными руками, чем безмерно насмешила Инпу. Потом, искупавшись, они ещё долго говорили о разных мелочах, что так отдаляли и роднили их миры, пока Инпу, обласканный и успокоенный, лежавший головой на её коленях, не заснул как младенец.

Девушка взглянула на его умиротворённое лицо, а затем на флягу с чудодейственной водой. Она аккуратно поднялась, не потревожив его сон, одевшись и взяв ёмкость, покинула оазис, где была самой счастливой во всех трёх мирах.

Примечание:

* чистая прохладная вода.

Дорога в Алат. Ожидаемая находка и неожиданная встреча.

От неё и до самого горизонта, обозначенного ало-голубой лентой предрассветного потустороннего неба, тянулась осязаемая тьма, очень похожая на повисшие в воздухе чёрные шарики инея. Становилось ощутимо холодно, несмотря на то, что песок под ногами всё так же был горяч.

Линда постепенно начинала сникать, и уныние всё больше захватывало её ум и сковывало душу. Сказывалась близость царства Алат — загадочной богини, праматери всех монстров, юдоли ужаса и неизвестности. Вот уже в который раз девушка оказывалась в безвыходной ситуации: она не знала, где можно найти рассеянные по Дуату души, мечущиеся в пространстве между разрушенными полями Иалу и воротами в бездну чудовищ. Учёная только сейчас поняла, что даже не задумывалась о том, что Генри изначально мог попасть в пасть Алат, а не на поля Иалу, но где-то внутри материнским чутьём билась мысль, что она сможет найти его, хотя атмосфера давила и изживала из неё радость.

Подул горячий воздух, развеявший чёрную мзгу, но стало только хуже. Иней растаял на коже и теперь стекал по телу грязными дорожками, а песок прилипал к ним. Линда сглупила, уйдя в неизвестность одна, но звать на помощь Инпу не осмелилась. Она не хотела проверять слова Небетхет на деле.

— Сама сейчас сгинешь, — пробормотала Бахити и отвернулась от потока горячего воздуха, сплёвывая песок, так и норовивший набиться в рот.

Надеяться приходилось только на себя. Несмотря на отчаяние, эта мысль неожиданно придала сил. Назад нельзя, только вперёд. А ещё осознание того, что никто из живых смертных не доходил не только до границы мира Алат, но и просто не пересекал Дуат, ободряло: значит, и у этого мира есть свои исключения из правил, как и везде, значит, если она выжила, то доберётся и до конечной цели. Только как найти сына?

Линда прикрыла глаза и несколько секунд постояла, слушая затихающие завывания ветра и его последние порывы, отдающие в спину, неласковый шорох барханов, и громко затагнула колыбельную, что когда-то пела своему сыну:

*Сон песочек не тревожь,
Лучше силы приумножь,
Заходи и сам поспи,
Только сына не буди.*

Она зарыдала, зная, что сдаваться нельзя, повторяя раз за разом слова песни, срываясь то на беспомощный крик, то переходя на смиренный шёпот. В горле щипало от натуги. Портер всем своим рациональным нутром понимала, что это совершенно бесполезное действие, но она уже столько перевидала за короткое время, что родилось ощущение: здесь не имеют значения какие-то физические вещи, время, которое в её мире утекало, как вода, здесь ничего не стоило, ценились только действия, и поэтому как только в голове начинала стучать мысль о том, что эта её погибель, так Линда, наречённая для Дуата Бахити, тут же ухватывалась за весь случившийся с ней в посмертном мире опыт, бодрясь, с каждым разом, правда, всё слабее.

Уставшая, обессиленная девушка упала на колени и прикрыла глаза. Слезы катились по щекам, а она их растирала ладонями с налипшими на них песчинками и всё твердила себе, что надо бы встать, что ещё чуть-чуть и её просто засыплет лавиной вновь разбушевавшейся стихии, которую совсем недавно усмирлял Инпу.

Сон песочек не тревожь...

Слабое. Как будто впереди. Линда оторвала ладони от лица и вслушалась. Тишина. Затем вновь слабый всплеск звука. Но ничего осмысленного. Ей показалось. Усталый разум играл с ней плохие шутки. Не будет ничего. Будет только смерть. Она сгинет в песках пустыни Амаг. Девушка обессиленно уронила голову на грудь.

Лучше силы преумножь...

Портер встрепенулась и, распрямившись, встала, оглядываясь по сторонам. Даже если и есть тот, кто поёт песню, то не монстр ли?

Заходи и сам поспи...

Вслушалась. Нет. Это не иллюзия. Она на самом деле слышит. И даже различает тонкий голосок. Мальчишечий. Совсем как у...

— Генри, — прошептала она и двинулась в сторону звука, который только нарастал.

Только Генри не буди...

Совсем близко. Вот-вот.

— Генри! — выкрикнула в нетерпении Линда, заорав слова колыбельной.

Через песчинки, мелькающие в воздухе, стал проступать слабый отблеск тонкого силуэта.

— Генри, — молодая женщина рванула ему навстречу, вторя слова колыбельной за голосом сына.

Со взаимным приближением, фразы стали более различимы, абрис оформился, и Бахити явился её сын. Он безрадостно взирал на мать, и даже когда та, подбежав ближе, упала перед ним на колени, даже когда обняла его, не ощутив запаха. Мальчик не отталкивал, не сопротивлялся, но и не проявлял никаких признаков радости от встречи с ней. Он просто не узнал её.

Линда отняла его от себя и, сглотнув горький ком, мигом образовавшийся в надсаженном горле, прошептала:

— Генри...

Мальчик поглядел на неё, и в равнодушных глазах блеснул луч интереса и удивления. Молодая женщина запела колыбельную: тихо и хрипло, заметив, что мальчик немного оживился и безмолвно шевелил губами.

— Генри, — вновь прошептала Бахити, обрадованная хоть какой-то реакцией мальчика.

— Только Генри не буди... — всё шептал и шептал мальчик, затем, посмотрев на мать, спросил: — Ты посланница Осириса? Пришла служить мне? Ты отведёшь меня обратно в мой дом?

Линда почувствовала, что под её ногами разверзлась огромная пропасть, в которую она вот-вот упадёт.

— Генри, я твоя мама, — проговорила та и сильнее вцепилась в руки мальчишки, — я пришла, чтобы забрать тебя...

— Я не знаю тебя, — произнёс спокойным, безучастным голосом Генри.

— А как же колыбельная? — ухватилась она за песню, как утопающий за спасительную соломинку.

— Колыбельная? — протянул мальчик всё так же ровно.

— Ты пел её... Только Генри не буди, — напомнила.

— Да, — тот словно бы встрепенулся, взгляд старался зацепиться, ища что-то знакомое, но ненадолго, затем снова задал вопрос, — а ты отведёшь меня домой?

Она не успела сказать, что заберёт его с собой на Землю, в Маат, хотя прекрасно понимала, что он говорит о полях Иалу, как заметила, что в воздухе сформировалась ещё одна фигура. Портер мигом вскочила на ноги и завела несопротивляющегося сына за спину. Молодая женщина встала в оборонительную позу, а когда песок соткал из небытия женское тело, то Линда выпрямилась и изумлённо вскрикнула, спросив:

— Ты?

Возникшая перед Портер женщина так же внимательно присмотрелась к ней. Красивые, правильные черты лица, смуглая кожа, притягательная, немного располневшая фигура, только взгляд хоть и спокойный, но как будто потухший. Бахити думала, что и она не вспомнит. Но та тепло улыбнулась. Генри, вынырнув из-за спины матери, подбежал к женщине и уткнулся ей в бок, обняв.

— Я, — произнесла женщина с лёгкой улыбкой, затем пояснила, обведя взглядом пространство вокруг них, — мёртвые не помнят жизнь, что вели в Маате, Осирис милостью своею стирает им память, они не ведают печалей, у них нет тоски по утраченному, они не помнят близких.

— Как милостиво, — пробормотала Линда немного ревностно, — почему же ты всё помнишь? Ты же узнала меня?

— Да, — она печально вздохнула, затем улыбнулась, — для меня это проклятие и наказание — помнить свою жизнь, — женщина погладила Генри по голове. — Мы сразу подружились с ним, — мальчик улыбнулся, — я помогла ему освоиться в месте успокоения всех душ.

— Как ты узнала? — поражённо спросила Бахити, но благодарно улыбнулась.

— Он твой сын, я почувствовала это, знала, что должна оказать ему поддержку, — женщина сказала это так обыденно, словно это была её работа, что она выполняла очень хорошо, — я хотела отблагодарить тебя за то, что выжила там, а моя Инпут родилась здоровым дитя.

— Ты была счастлива?

Мать Инпут улыбнулась.

— Да, Камазу — хороший муж и отец, — пояснила она, — я была очень счастлива, жаль, что мало, — лёгкая тень промелькнула по её прекрасному лицу.

Линда улыбнулась, вспомнив, как было важно для жреца обрести семью и передать наследнице своё дело.

— Он вспомнит? — едва слышно спросила Портер, возвращаясь к своей теме, надеясь услышать положительный ответ.

Женщина промолчала. По её взгляду Линда поняла неотвратимую для себя правду.

— Тогда почему ты помнишь? — не отступала от своего Портер.

— Лучше тебе этого не знать, — проговорила та твёрдо.

— Значит, мой сын не вспомнит, и даже если боги вернут его обратно в Маат? — упрямо решив уточнить вновь.

Собеседница изумлённо посмотрела на Линду и отрицательно помотала головой.

— Я не хочу расстраивать тебя, но, если душа прошла суд Эннеады, она вряд ли

вернётся обратно.

— Даже если мне пообещал сам Инпу? — молодая женщина не хотела верить в то, что говорила мать Инпут.

Женщина сморщила лоб, как будто пыталась что-то вспомнить — что-то, что неуловимо ускользало от неё. Она пережила нечто ужасное, прежде чем попала в храм к Камазу, и, возможно, чувство самосохранения услужливо спрятаło под песками времени это воспоминание, слишком болезненное, чтобы продолжать дальше жить с ним.

А ещё именно ведь эту душу искал бог войны. Но вот душу ли?

— Ты не душа, ты такая же, как я, ты живая, поэтому ты помнишь, — догадалась учёная. Линда почувствовала, что на её ладонях лёгкими красными электрическими разрядами закололо. То были последствия сделки с Сетом.

Мать Инпут с изумлением и ужасом посмотрела вначале на руки Портер, затем в лицо и выкрикнула с горьким сожалением:

— Поняла ли ты что наделала, несчастная?

Бахити словно бы остолбенела, женщина истаяла в воздухе, и лёгкими, маленькими вихрями возле её ног закружился воздух, впитавшись в них. Девушку передёрнуло. Генри захныкал, а Линда очнулась и, подбежав к нему, успокоила.

— Теперь я тебя буду защищать, — пообещала она сыну, — всё будет хорошо, — прижала к себе.

Мальчик успокоился, а Линде физически стало больно, ведь если бы здесь была не она, а другой человек, Генри бы доверился ему точно так же, как ей сейчас. А что, если он не вспомнит, что, если он всегда будет смотреть на неё, как сейчас, равнодушно, а если привыкнет, то будет ли улыбаться ей, как это делал её сын? А если вспомнит её, значит, и свою болезнь, и боль, и смерть... Понимание этого окончательно разбило ей сердце.

Не успела она ступить и шагу, как рядом возник Анубис. Он смотрел так убийственно холодно, словно пытался заморозить кровь в её венах.

— Я не хотела, чтобы ты пострадал, — открыла она ему правду о своём поступке.

Взгляд смягчился, и он тут же сгрёб её в свои объятия.

— Ничего не случилось, — зашептала она, а где-то на периферии сознания мелькнула мысль, что всё вышло очень легко, так не бывает, но, почувствовав у виска горячее мужское дыхание, успокоилась, а его губы, скользнув по щеке, оставили лёгкий поцелуй.

— Тут плохо, — произнёс Генри, как будто разбудив их одновременно.

Они отстранились друг от друга, а Линда заметила, как на лице Анубиса осела лёгкая тень.

— Я помогу тебе, и ты вновь будешь счастлив на полях Иалу, — бог сделал знак ладонью, и мальчик исчез.

Портер, заволновавшись, решила спросить, хотя где-то глубоко внутри себя уже знала горькую истину.

— Ответь мне, душу вернуть обратно в Маат неподвластно даже Осирису? — голос предательски дрожал, а когда он попытался взять за руку, отёрнула так, словно бы перед ней стояла ящерица пустыни Небетхет.

Инпу смотрел мрачно, исподлобья.

— Это не под силу никому, великие жрецы прошлого могли оживлять мертвецов, но ненадолго, и это были бездушные трупы, — признался тот, — Имхотеп, хоть и был живым на вид, не имел Ка, однажды ушедший из жизни человек вечно пребывает в блаженстве, а

грешник пожирается свирепой Амаат.

Из глаз Линды брызнули горячие слёзы. Первым порывом Инпу было подойти к ней, чтобы оттереть их, сказать, что он был вынужден так поступить, объяснить, что сейчас всё изменилось для него, что Бахити нужна ему, но не так, как тогда в пустыне в Маат.

— Ты врал мне всё время, — прошептала она и сделала предупреждающий знак рукой, чтобы он не смел приближаться.

— Я заставил твою волю подчиниться моей, ты была нужна мне для того, чтобы боги опомнились и нашли того, кто угрожает существованию...

— Богов?! — зло воскликнула Линда. — Ты мне врал, когда мы... мы... Это тоже нужно было для того, чтобы подчинить свою волю твоей?! — насмешливо, колко, зло.

— Нет, — просто ответил мужчина, ощутив, что помимо своего желания замыкается перед девушкой, что справедливо требовала от него объяснений.

— Или это просто издёвка, такая насмешка над той, что поверила тебе? — внутри всё оборвалось. — Я тебе больше не нужна? Отправишь меня в Маат? Или что ещё сделаешь? Что ещё нужно богам от простой смертной? Хочешь мою душу, сердце? Подожди немного, люди долго не живут, ты положишь его на весы правосудия и так же бесстрастно отправишь меня на поля Иалу, ну или в пасть Амаат...

Он порывисто дёрнулся к ней, попытавшись взять за руки, обнять, прижать к себе, но девушка была негибаема, увернувшись из его объятий.

— Выслушай, — Инпу остановился, — заключая сделку с тобой, я тогда не знал тебя насколько... — он осёкся.

Бахити сощурила глаза, предчувствуя, что он хотел ей сказать. Она саркастично расхохоталась, хотя внутри в самом сердце орудовал хопеш, кромсавший человеческий мотор на куски. То же ощутил и Инпу, сомкнув челюсть до скрипа.

— Это тоже манипуляция? — девушка махнула рукой, затем выпрямилась, становясь твёрдой, как камень. — Можешь не стараться, ведь я уже в твоей воле, веди меня на суд Осириса, господин Запада, пусть отправит живую в мир Маат, твоя жрица, Анубис, послужила тебе.

Линда прошла вперёд, дерзко толкнув Инпу в плечо, уже зная его привычку замыкаться в себе, когда обстоятельства давят. Он не хотел оправдываться, а она не хотела слушать его объяснения, ведь всё было предельно ясно. Учёная всё равно бы не поверила в то, что хотел сказать бог мёртвых. Не сейчас.

Пустыни потустороннего мира выпустили их почти без приключений на верхние этажи Дуата, где в своём ослепительном великолепии пребывали боги, которым никогда не понять нужды людей, которые всегда использовали слабости более хрупких по сравнению с ними созданий Хаоса.

Дуат. Смерть бессмертного и обнажённая правда.

Как только они вихрем ворвались в присутственный зал Эннеады, краем глаза Линда заметила, каким отстранённым и собранным казался Инпу. Он словно бы принюхивался к запаху в помещении, и ему не нравилось: бог поморщился, ненадолго исказив прекрасные черты лица. Внутри же Портер всё кипело. Почему она не может казаться такой же цельной сейчас, а не кровоточить обманутыми чувствами?

«Нашла время думать о любви, — она корила себя последними словами, — ему наплевать на людей, он думает другими категориями, ощущая смерть каждую секунду, он стёр границы между жалостью и своим предназначением, а я всего лишь человек, да и

пришла сюда только за тем, чтобы взять своё, своё... — казалось, что кровь вскипела от горечи, что сейчас она испытала. — Бежала за миражами, исполняя волю богов, вскоре стану не нужна, избавятся, я — винтик, выполнивший свою работу, — где-то глубоко кольнуло осознанием, что и она не была честна с Анубисом».

— Инпу... — позвала она его, сосредоточенного, поднявшего вверх руки и сложившего запястья, так что золотые браслеты на них мимолётно соприкоснулись.

Мужчина развернулся и с вопросом посмотрел на неё.

— Мне есть что тебе сказать, — начала было она, но осеклась.

В дальнем углу, почти под самыми высившимися огромными тронами, темнота ожила и всколыхнулась зеленоватым одеянием. Послышался мужской вскрик. Они поспешили туда, и увиденная картина заставила Инпу сгорбиться над телом...

— Небетхет... — прошептала Линда и прикрыла рот рукой.

Инпу провёл руками по лицу матери, и они дрогнули.

Он растерянно взглянул на девушку и еле вымолвил:

— Боги не умирают, — очевидное и страшное.

Затем их взгляды устремились к тому, кто поддерживал голову Нефтиды.

— Осирис, что это? — в голосе Анубиса, бога мёртвых, стояли слёзы, непонимание и скорбь, он забыл о правильном обращении к Царю богов.

Тот обеспокоенно взглянул в их лица и аккуратно опустил голову богини на пол. Распрямившись в полный рост, он величественно поднял подбородок, стараясь скрыть эмоции, что позволил себе недавно.

— Я пребываю в таком же неведении, что и ты, — его тон не выдавал растерянности, он говорил спокойно, будто боги умирали точно так же часто, как и люди.

Линда физически почувствовала насыщенную тёмными оттенками ярость обычно флегматичного Анубиса.

Он дрожал, когда произносил следующее:

— Ты не верил мне, когда я сказал, что в Дуате появился тот, кто хочет получить власть над всеми тремя мирами, я привёл тебе живое доказательство, ты обещал найти предателя, но перед нами погибшая богиня...

— Я больше не владею ключами от Маата, — эта информация стала сродни грому среди ясного неба.

Линда, ставшая вольной или невольной, тут уж как посмотреть, свидетельницей этого разговора, готова была провалиться сквозь землю.

— То есть ты хочешь сказать, что Анх жизни утерян? — нарочито медленно повторил Инпу, пытаясь держать себя в руках даже в такой ситуации.

— Я использовал Ключи, чтобы заглянуть в то время, когда тот, кто творил беззакония, появлялся там, но он словно бы подчистил свои следы, я не мог узнать, кто он, также я не знаю, когда он пользовался ими, я больше не владею Анхом, — пояснил Осирис.

— Как такое вообще возможно?! — вскричал Инпу.

— А как возможно то, что ты, доверившись Хаосу и человеку, спрятал ключи от бездны? — встречный вопрос. — Всё имеет последствия... — Осирис глубоко вздохнул и пронзительно посмотрел на сына.

Одинаковость между ними не была очевидна, но что-то неуловимо всё же присутствовало. А вот разнило их многое. Отец, не имевший возможности воспитать сына, и сын, не знавший отеческой любви.

— Я попытался спасти положение, ведь если Анх смерти будет в руках у предателя, а мы точно знаем, что он в Дуате и он бог, — Инпу еле сдержался, чтобы не взглянуть на бледное лицо матери, обрамлённое каскадом чёрных волос, болезненно поморщившись, — то можно представить себе, то можно представить себе, что произойдёт.

Обнажённой кожей плеч Бахити ощутила сквозняк и резко повернула голову к предполагаемому источнику. Почти в середине залы стоял воплотившийся из воздуха и теней Сет. Увидев, что его внимательно рассматривает смертная, он заговорщицки подмигнул.

— Инпу, — ещё раз позвала Портер, сожалея о том, что молчала, и желая сейчас рассказать богу о сделке.

Тот было повернулся к девушке, но бог войны привлёк всеобщее внимание.

— Я услышал зов Анубиса, — произнёс он высокомерно, — ну и зачем вы оторвали меня от дел? — он начал подходить ближе и остановился как вкопанный, заметив распластавшуюся на полу богиню. — Что это? — он казался встревоженным, и голос отразил его состояние.

Ещё секунда, и он стремительно кинулся к женщине и встал на колени, хватая ту за руку, пытаясь растормошить.

— Что это? — поднял он почерневшее лицо к богам.

— Она мертва, — глухо ответил Анубис.

— Как такое возможно? — теперь он вопрошал Осириса.

— Если убийца — бог, возможно всё, — подал голос Царь богов, он уже не был так безмятежен, как ранее, видя состояние Сета.

— Как такое возможно?! — Сет принялся ощупывать тело жены, тормошить её, пока из-под её спины не извлёк Анх жизни, залитый кровью богини.

Мужчина вскочил и, вертя его в руках, посмотрел на присутствующих.

— Я прибыл сюда и нашёл, — начал спокойно Осирис, но в голосе ощущалось предвестие растерянности, как будто Царь богов пытался вернуть пропавшую на миг былую уверенность, — Небетхет, лежащую на полу, и сразу понял, что мертва, — закончил он и протянул ладонь к брату, намереваясь забрать ключ из его рук.

Но тот медлил, а Линда заметила нечто inferнально-злое, мелькнувшее красным предвкушение во взгляде.

— Она была убита, — Сет встал с колен и произнёс эту фразу так, будто начал зачитывать обвинение, — и ты был рядом с ней в этот момент, — он прищурил глаза, подозрительно оглядев его.

Осирис требовательно тряхнул рукой, и бог войны наконец-то передал артефакт.

— Я обнаружил её... — взор Царя богов вдруг вспыхнул огнём недовольства, щёки мигмом покраснели от еле сдерживаемого гнева, затем он прямо высказался, — ты подозреваешь меня в смерти богини, а может, вообще в вероломстве?!

Сет, с подозрением окинув его взглядом, продолжил свою обвинительную речь:

— Ты был здесь один, обладая таким могуществом, какого нет ни у кого из нас, вполне возможно, что именно ты мог убить Нефтиду.

— И зачем мне это делать? — Осирису удалось взять себя в руки.

Сет немного сконфузился при виде вновь обретённой уверенности в себе брата, но продолжил.

— Какая-то страшная тайна, связанная с предателем, к примеру, — гнул свою линию

бог войны.

— Не гневи меня, Господин Юга! — проревел, как тысяча водопадов, Осирис.

Линда обмерла, чувствуя, как в помещении поднимается ветер. Инпу попеременно смотрел то на одного, то на другого, не вмешиваясь, стараясь понять, что происходит и что делать дальше.

— Анх жизни у тебя, предатель ходил в Маат, когда ему заблагорассудится.

— Мотив? — Осирису вновь удалось взять себя в руки перед расслабленным и уверенным в своих словах братом.

— Власть, больше власти, — Сет наметил улыбку, но его глаза остались такими же холодными.

Анубис встряхнул головой и крепко сжал глаза, чтобы нечаянные слёзы не были им пролиты, ему надоело слушать препирательство двух могущественных существ, и он выкрикнул:

— Здесь лежит моя мать, — заглушив их спор, — имейте хоть немного совести и вынесите свои препирательства за пределы этой залы, — он умолк, заметив, как и мужчины замолчали. — Она сочиняла погребальные песни — плач, — Инпу оглянулся на Линду, — для каждого свою, и я не ведаю, кто может это ещё.

Портер подошла ближе и вложила свою ладонь в его, поймав на себе удивлённый взгляд Сета.

— Твои жрицы, Инпу, — кивнул он «сыну».

Тот, чуть поразмыслив, кивнул в ответ, сделав неопределённый жест рукой, не отпуская при этом ладонь Линды.

В залу вошли три девушки в печальных белых балахонах. Впереди гордо шествовала Разия с красиво изогнутым кинжалом на бедре, на оружии Линда задержала свой взгляд, понимая, что он ей смутно что-то напоминает. Они изо всех сил старались не выдавать своего удивления. Разия же сделала было шаг в сторону склонившего голову в скорби бога, которому служила, но передумала, увидев, как тот держит за руку Линду. На секунду её лицо выразило недоумение, печаль, растерянность, ревность и злобу. Но, когда Анубис взглянул на свою жрицу, той уже удалось совладать с нахлынувшими эмоциями, и она выразила ему сочувствие, кивнув головой.

— Престол как ладонь всемогущего Ра, — тихо произнёс Инпу.

Девушки переложили тело Небетхет на длинный стол и на почтительном расстоянии ожидали дальнейших указаний богов.

— Мне необходимо доложить Солнцу, — произнёс Осирис задумчиво и исчез, стираясь из пространства.

— Да уж, конечно, вся грязная работа опять достанется мне, — проворчал недовольно Сет, даже не заметив разъярённого взгляда Инпу.

— Смерть Небетхет ты называешь грязной работой?! — еле сдерживая гнев, прорычал Анубис.

— Хочешь наконец-таки разобраться? — вопросом на вопрос, подойдя ближе к паре.

Линда не знала, имела ли она право каким-то образом диктовать Инпу, что ему надо делать, но она придержала рванувшуюся ладонь, не сильно, но так, чтобы он остался с ней. Анубис оглянулся на девушку, но ничем не выразил своего недовольства.

— Смертная имеет такую власть! — расхохотался Сет, подначивая бога мёртвых.

Инпу промолчал, так и не отняв руки. Линда не знала, как бы далеко зашли насмешки

господина Юга, как в зале появился Осирис с Ра. Завидев тело, они подошли к лежащей неподвижно богине. Девушки упали на колени и стояли, не шелохнувшись. Ра был взволнован.

— О, Неберджер! — воскликнул старик, и они многозначительно переглянулись с Осирисом.

Он обернулся ко всем присутствующим. Дряхлое вечернее солнце всех трёх миров каждый день возрождалось и проходило свой путь от младенца до старика, бережно оберегаемое Осирисом на пути взросления. В этом мире его день клонился к закату.

— У вас такие лица, так возродите же её, Всемогущие Ра и Осирис! — Сет как будто глумился, каждый находящийся в этой зале вздрогнул от его слов.

— Это невозможно, она вернулась в первозданный океан, в Хаос, это только в его силах, — пресёк его Осирис.

— Сын мой ничего не утаил и мне нужно знать, что мы будем делать? — Ра с открытыми ладонями обратился к присутствующим.

Бог войны приподнял брови от удивления.

— С нами будут советоваться? — спросил он чуть насмешливо.

— Не то время, чтобы показывать зубы, Сет, — осёк его старик как зарвавшегося мальчишку, не зло, но по-отечески строго.

— Никто не должен знать, что такое вообще возможно, — предложил Осирис.

Ра кивнул, согласившись.

— А тот, кто совершил это, предатель, Амон-Ра, — произнёс за всех Анубис.

— Жалею, что тогда не поверил твоему чутью, Инпу, — Ра искренне скорбел, затем, обернувшись к Нефтиде, задумчиво произнёс, — она бы могла рассказать кто убийца, но Анх жизни, хвала Хаосу, у Осириса, и осталось навести порядок вначале в Маате, одновременно вычислить убийцу и предателя в Дуате, и я думаю, вычислим мы его быстро, Анх смерти утерян так, что даже я не чувствую его, и поэтому...

Линда, ожидавшая сама не зная что, держащая в своей ладони ладонь Инпу — единственный на этот миг ориентир, вдруг почувствовала, как щиколотки что-то щекочет. Она рассеянно взглянула себе под ноги и увидела, как нечто красное, словно капельки крови, повисло на них. Это заметил Инпу, он долгим непонимающим взглядом посмотрел на молодую женщину, но она не успела предупредить его.

— Не так быстро, старик, — возразил ему молчавший до этого Сет.

— Что ты хочешь сказать? — недовольно спросил Осирис. — У тебя есть лучший план?

— О, да, — произнёс тот и раскинул руки, открываясь, затем склонив голову набок, вперился немигающим взглядом в лицо Линды.

Она побледнела, почувствовав, как повисшие в воздухе капли обрели более весомый вид и стали собираться возле Сета. Заметили это и все присутствующие. Оформилась фигура, воплощаясь в женщину, что была в пустыне Аамат.

— Инпут! — вскричал Анубис, переводя взгляд то на Линду, то обратно на неё.

— Инпут? — непонимающе спросила Бахити, — это мать Инпут.

— Инпут, — повторил Анубис и посмотрел с укором, — ты заключила сделку с Сетом?

Линда отрывисто кивнула.

— Я пыталась сказать... Она вышла ко мне в пустыне, когда я искала сына, — объяснилась она сбивчиво.

— Так пыталась, что промолчала, — он не удержался, чтобы не съязвить, отвернулся и

выдернул ладонь из её, кинувшись к Сету.

Осирис и Ра непонимающе смотрели на происходящее, на миг растерявшись. Этим воспользовался бог пустыни.

— Она вместилище Анха смерти, — выкрикнул Анубис по пути.

Сет ответил быстро, схватив безвольную Инпут в свои руки, и прижал её к себе, сделав живым щитом.

— Остановитесь, все, — предупредил он хрипло, Инпут в его руках повисла, словно шарнирная кукла, только по щекам стекали слёзы.

Анубис поднял руки и мотнул головой, тормозя Осириса и Ра от применения силы. Бог войны слегка качнул головой, и через пол в помещение ворвались два тёмных вихря. Перед ними предстали два демона пустыни, служители Сета. Их вид был страшен, они, подобные самым мерзким насекомым на свете, клацали клешнями, и с их жутких огромных мохнатых хоботков стекала густая слюна. Они встали позади богов, готовые действовать.

— Всё правильно, сын, — последнее было сказано с явной издёвкой, Сет повёл головой и довольно улыбнулся, — один неверный шаг, и все чудовища Амата появятся здесь.

— Ты в неё спрятал ключи? — переспросил Осирис, он обращался к Инпу, одновременно ища возможность обезвредить брата, — как такое вообще возможно? Почему она тут? Как её нашёл Сет?

— Ты задаёшь вопросы не тому, — слова Царя богов возымели действие, бог войны был взбешён.

Инпу удержался от укоряющих слов, и всемогущие это почувствовали.

Сет улыбнулся, обнажив клыки, и в нос Линды ударил запах, перепутать который она бы не смогла ни с чем. И всё, что происходило до этой сцены, сложилось в единую картину.

— Он — Амон-Ра, — выкрикнула Бахити.

— Вероломный предатель! — Осирис поднял руку, на которой мгновенно появился шар, подобный круглой молнии, искрящийся электронными разрядами.

— Я бы не стал использовать свою силу, Осирис, — предупредил Сет повторно, его ладонь скользнула к животу женщины из пустыни.

Присутствующие в зале замерли и напряглись, готовые в любой момент к схватке или смерти. Жрицы присели на пол, кроме Разии, которая напряжённо вглядывалась в лица богов, схватившись за кинжал. Ра тяжело вздохнул и взмахнул рукой.

— Я так понимаю, твой гнев направлен на меня? — печально спросил старик. — А ведь у тебя почти абсолютная власть над людскими душами и земными царями, пустошами и пустынями, ты — герой, убивший Апопа, спасший мир от власти чудовищ, тебе поклоняются, тебя любят...

Сет криво осклабился.

— Не смешно ли тебе произносить такие речи, дряхлый? — грубо начал бог. — Пустыня — не ссылка ли за то, что оказался сильнее всех богов, страх за то, что могу лишить всех вас могущества, а игра с душами — ни жалкое ли подобие власти, ведь люди могут быть упрямее ослов? Мне надоело их склонять к жестокости, и я предложил им вечную жизнь, никто не отказался, люди легко становились слугами, исполняющими мою волю на земле, — он расхохотался, — но твоя власть... то ли твоя власть, Ра? Открывать и закрывать миг и вечность, светить во всех трёх мирах, даже Осирис поклоняется тебе, ибо что такое Жизнь без света и тепла? Да и к брату ты всегда больше благоволил, чем ко мне...

— Ты даже рассчитал время, когда я особо уязвим, — печально констатировал факт Ра,

он опустил глаза.

Ноздри Сета раздулись от гнева.

— Почему ты не злишься на меня, где твоя ненависть?! — вскричал тот, теряя остатки терпения.

— Ты всегда был слишком горяч, — Ра улыбнулся, и Линда вдруг поняла, что Солнце не перестало любить свою высохшую до песка землю, ведь те, кого мы любим больше всех, всегда подвергаются самому пристальному нашему вниманию, мы равнодушны к каждому их слову и действию, — я оберегал от настоящей власти, что могла вскружить тебе голову, мы ответственны за то, что происходит в этой Вселенной, — затем, резко вскинув голову, присмотрелся к сыну. — Мы всё время были слишком беспечны, не знали горя, ведь боги вечны, но не бессмертны, забыли об этом, но сейчас я оплакиваю не только смерть Небетхет, но и мою недалёковидность, я слишком мало любил тебя... Но я прощаю тебя заранее...

— Ополоумел, что ли?! — гневно вскричал Сет. — Мне не нужны твои призывающие к совести речи и твоё прощение, внимай мне: ещё секунда и тебя не станет, а все остальные боги мне подчинятся, одно в твоей речи меня тронуло — твоё осознание того, что вы все были беспечны, о, как же вы привыкли к своему статусу, не хотевшие никого слушать, вы до такой степени уверились в собственном могуществе, что даже Анх жизни, что Осирис всегда держал при себе, не составило труда выкрасть, воспользоваться слабостью Небетхет иметь дитя не составило трудности, я смог в нужное мне время попасть в Маат и при помощи служителей среди людей зародить ростки будущей катастрофы, призванной уничтожить этот мир. Лишь один равнодушный Инпу что-то заподозрил, но вы все так легко согласились с тем, что Бог Смерти бредит, и его легко было выставить дураком, однако Анубис опередил меня, спрятав Анх от бездны, тем самым ненадолго спутав карты, но это лишь заняло время в Маате. Я долго искал ключи, но однажды ко мне в пустыню попала девушка, вы бы видели, ничего живого в ней не было, кроме заставляющей упрямо двигаться вперёд ненависти, — его взор обратился к Инпу, — к тебе, племянник, пообещавший за неподъёмное бремя для человека сделать её своею богиней, Инпут, — Анубис и Линда переглянулись, вина и прощение обоюдное. — Девочка, которая служила бы тебе, понесла Анх смерти, впрочем, я тогда не знал это и посчитал, что она будет моей игрушкой, ненавидя тебя, я переносил эту ненависть на неё, — женщина в его руках дрогнула и, уставившись на Анубиса, безмолвно заплакала, — и, если ты заглянешь в её душу, ты найдёшь там лишь лоскуты, ведь я терзал не только её тело...

— Она не может быть Инпут, я принимала у неё роды, она родила девочку Инпут, дочь жреца Камазу, — Линда не смогла больше сдерживаться, любопытство притупило страх, исследовательской душой она хотела знать ответы на все возникшие перед ней вопросы.

Сет поймал её взгляд и расхохотался.

— Прелестная смертная, ты ещё и умеешь задавать нужные вопросы, будет жаль, если умрёшь, но я с удовольствием убью тебя самолично, перед тем как Инпу навсегда закроет свои глаза, — бог пустыни ещё громче рассмеялся, когда увидел, что он притянул девушку к себе и, обращаясь уже к той, что находилась в его смертельных объятиях, произнёс: — Смотри, как боги переменчивы, смотри, как легко раздают обещания...

Линда думала, что мать Инпут вспыхнет к ней ненавистью, но она смотрела мягко, почти кротко, не переставая лить слёзы.

— Ведь тебя Инпу тоже обманул, подсунув отчаявшейся любящей душе лживое обещание вернуть в живой мир умершее, и ты всё равно держишь его за руку, как там тебя?

Бахити? — довершил бог пустыни речь.

— Мы квиты, — дерзко ответила Портер, ловя на себе изумлённый взгляд Анубиса, — мы ничего не должны друг другу.

Сет рассмеялся.

— Ловко ты придумала: душа какого-то мальчишки и судьба всех миров... — начал было он.

— Моё слово стоит дороже, — хрипло поддержал он Портер.

— Какая идиллия! — поиздевался Сет, тряхнув слабеющую в его руках Инпут. — Но мы отвлеклись, маленькая жрица отреклась от тебя, Инпу, от клятв тебе, приняв имя, которое ей даровал я, она — моя Азенет...

— Азенет, — автоматически повторила за ним женщина.

— Но однажды она сбежала, я не мог найти её среди живых и мёртвых, Анх надёжно скрывал её от меня, о, если бы я заранее понял замысел Хаоса, тогда мне бы не пришлось разрушать поля Иалу, но и тут меня постигла неудача, души разбрелись по пустыне, приближаясь к вратам в Аамат, путь туда мне заказан, ведь капризная богиня так мне и не простила смерти её зверушки, но я знал, чем можно взять Бахити, прелестница сделала всю грязную работу за меня... — Сет обвёл всех присутствующих пронзительным взглядом.

— Женщина из пустыни, — изумлённо прошептала Линда, — так Инпут, её мать, Азенет, это всё... всё...

— Это моя дочь, которую я сделаю своею женою, когда миры нарекут меня Амон-Ра, моею Амонет, я буду питаться её ненавистью, а она — ужасом передо мной, — торжествующе произнёс бог пустыни, только усмехнувшись на вздох презрения, вырвавшийся из уст Осириса, шар в руках которого всё ещё светился, правда, уже ослабленным светом, — как иногда смешно шутит Хаос...

— Но Хаос привёл меня к Бахити... — возразил ему Инпу.

— Хаос любит играть, любит смешать всё и смотреть, что же выйдет из получившегося, и сейчас его благоволение на моей стороне, — Сет провёл по животу женщины рукой, и... ничего не произошло.

Он озадаченно сделал это ещё раз, потом ещё, пока не услышал тихий смех Азенет-Инпут-дочери Сета. Осирис занёс было руку над ними, но Ра подал знак подождать.

— О, папочка, бóльшего счастья я никогда не испытывала в своей жизни, ты ведь тоже бог, а значит, болен теми же болезнями, что все остальные, такой же самоуверенный и жалкий, всемогущий, — столько презрения она вложила в эти слова, что, казалось, всё вокруг пропиталось её ненавистью и болью, — ты ищешь Анх смерти, считая, что всё предусмотрел, но одного ты не усвоил: никогда не пренебрегай тем, кто меньше и слабее тебя, ибо мы берём не силой, а хитростью, Хаос не играет, а восстанавливает справедливость, пусть и через все миры и время...

— Глупая! — вскричал он в отчаянии, увидев, что Осирис легко расправился с его демонами, оставив лишь кучку пепла на каменном полу. — Мы могли бы править вместе, я люблю тебя...

— Любишь меня?! Убивший во мне всякую мечту, — женщина развернулась в его ослабевших руках и произнесла прямо в лицо, — до последнего вдоха буду ненавидеть тебя, я была глупа, когда клялась в верности тебе, сейчас же отрекаюсь от тебя, отрекаюсь от служения богам, отныне я служу только себе.

— Где тогда Анх? — вскричал тот в величайшем гневе.

Азенет-Инпут рассмеялась и указала головой на Линду. Практически все, кто был в зале, облегчённо вздохнули.

— Я оставила его в тебе, когда ты несла меня в Дуат, — женщина ласково взглянула на Бахити, — прости меня, но твоё бремя не навсегда, Инпу вернёт утраченное, и Хаос восстановит равновесие.

— Не так быстро, — раздалось над ухом Линды, и она почувствовала, как к её горлу приставила нож Разия.

За разборками богов никто не заметил, что жрица Анубиса медленно, но верно прокладывала путь к Портер. Опомнились только тогда, когда Линда почувствовала холодный металл на шее, не по-женски сильные руки смяли шею в жёсткие тиски. Она лишь с мольбой уставилась на Инпу.

— Что ты ждёшь? — пренебрежительно спросил его Осирис.

Инпу медлил. В руках Царя богов электрический шар вновь вырос, и он не замедлил метнуть его в Сета. Бог пустыни, предугадав действия брата, бросился наперерез к служительнице бога мёртвых, надавив своими ладонями на её дрогнувшие руки, порезав шею Бахити ещё сильнее. Осирис, было рванувший к ним, не успел среагировать, и Сет, безумно улыбнувшись, сделав пасс свободной рукой, смог обездвижить его. Ра плюхнулся на колени и остался недвижим — предзакатное Солнце умирало, становясь слабее каждую минуту. Анубиса бог пустынных мест не тронул, встретившись с тем твёрдым взглядом.

— Разия, опомнись! — попробовал увещевать бог смерти свою наложницу.

Бахити простонала, почувствовав резкую боль и горячую струйку крови, стекавшую в ложбинку груди. Она вдруг вспомнила.

— Ты та девочка, что подала нож жрецу Косею, тем самым вызвав на ритуал Амон-Ра, ты жрица Амон-Ра! — вскричала она, постаравшись при этом не дёргаться, острый нож вновь порвал её нежную кожу.

— Жаль тогда тебя дядя не убил, гадину, змею, притаившуюся во мраке пустыни, — прошипела та злобно, ощущая сзади поддержку бога войны, в крови бурлил азарт и отвага, даже безрассудство, — а твои глаза, — обратилась она к Инпу, — всегда смотрели на меня как на любимую игрушку, как на вещь, что принадлежит тебе...

— Я разве оскорблял тебя когда-то? Или ты была ущемлена? — спросил тот спокойно, только подрагивающие кончики пальцев говорили о сильном волнении, он лихорадочно соображал, что же делать дальше.

— Я всего лишь служила тебе, но увидев то, как ты смотришь на неё, ты никогда не любил меня, — голос сел, девушка откашлялась, — я поняла, что никогда не буду для тебя... ею, как и ты, Азенет, — она обратилась к Инпут, осевшую на колени и взиравшую на происходящее с горечью, её план не удался, Анх смерти всё равно оказался в руках ненавистного отца.

— Я — бог, — никто не заставит его оправдываться.

— Да, но на неё ты смотришь как смертный мужчина, — выкрикнула она, услышав всхлип Портер, улыбнулась.

— Бахити милостью Осириса уйдёт из Дуата, вернётся в Маат, и в следующий раз мы встретимся лишь на справедливом суде, а ты останешься со мной, — заверил тот, стараясь не смотреть в глаза Бахити, пытаясь выглядеть равнодушным, используя дар убеждения для того, чтобы спасти девушку.

Хватка жрицы ослабла, женщина задумалась, а Линда вздохнула свободнее.

— Не слушай его, Разия, — кинжал вновь приложился к коже, заставляя учёную замереть и отстраниться, — не слушай никого, внимай лишь мне, место верховной богини свободно, будь же моей Амонет, позволь мне завершить дело.

Всё случилось почти мгновенно, но Бахити и Инпу показалось, что прошла нескончаемая мучительная вечность. Разия с усмешкой победительницы передала нож в руки открывшего для всех свою настоящую личину Амон-Ра, жадно схватившего его одной рукой. Нестерпимый жар окутал тело Портер, и она закричала что было сил.

Молодая женщина почувствовала, как что-то отнимается от неё. Вскрылась бездна, а вместе с этим послышался гвалт и рёв тысячи голодных чудовищ, зала наполнилась ими. Во главе явилась сама Амаат — голодная и в великом гневе, мечтающая пожрать всё на свете. Линда и Анубис не отнимали друг от друга взгляды. Неожиданно в её появилась горячая решимость.

— Смерть это милость, я поняла, Инпу, по-другому нельзя, — выкрикнула девушка и дёрнулась навстречу ножу, порезавшему её горло.

Линда начала медленно падать, захлёбываясь кровью. Перед её глазами проносились яростная борьба богов Дуата: с одной стороны, за власть, с другой — за справедливость. Сет на секунду замешкался, не ожидая от Бахити подобного, и это дало преимущество Богу Смерти. Он рванул к дяде и резким движением выбил у того нож из рук, выхватывая и Анх смерти. Но бог войны не растерялся и нанёс удар такой силы, что почти свалил Анубиса с ног. Мужчины схватились в дикой пляске танца. Врукопашную. А вокруг царил Хаос. Осирис тщетно пытался разорвать невидимые цепи, лишённый возможности говорить и действовать.

А на полу, корчась и кривляясь от предсмертных и родовых мук одновременно, умирало вечернее Солнце. Умирало, чтобы возродиться с новой силой. Рвануло тысячами ядерных бомб, сметая всё на своём пути. Обожжённые монстры исчезли, прячась в тени, уползая вновь в свою бездну, когда Инпу, схватив Анх, свёл запястья вместе, закрывая дверь в нижний мир. Сет и Разия затравленно озирались. Осирис вновь обрёл свою силу и простёр над ними руки, но обозлённая и сдавшаяся по принуждению Амаат схватила бога войны и предавшую Анубиса жрицу, утягивая их за собой. А на месте Ра появился младенец, истошно прокричав. Бог жизни взял его с кроткой улыбкой на руки.

Линда чувствовала, что её прожгло до костей в ярком и горячем последнем свете умершего солнца, не должно было быть больно, её не должно было быть. Последнее, что она увидела, — распростёртые к ней руки Инпу, тщетно пытающегося поймать её ладони и одними губами произнёсшего то, что никогда и никому не говорил.

Больше книг на сайте - Knigoed.net